

В. М. Ванюшев

**ВЯЗЬ ИДЕЙ,
ВРЕМЁН, СОБЫТИЙ**

избранные труды

Российская академия наук
Уральское отделение
Удмуртский институт истории, языка и литературы

В. М. Ванюшев

ВЯЗЬ ИДЕЙ, ВРЕМЁН, СОБЫТИЙ

избранные труды

Ижевск
2016

УДК 821.511.131

ББК 83.3(2Рос.Удм)

В17

Рецензенты:

Серова М. В., доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы и теории литературы Удмуртского государственного университета

Шибанов В. Л., кандидат филологических наук, доцент кафедры удмуртской литературы и литератур народов России Удмуртского государственного университета, член Союза писателей РФ

Шкляев А. Г., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Удмуртского государственного университета, член Союза писателей и Союза журналистов РФ

Ванюшев В. М.

В17 **Вязь идей, времён, событий:** избранные труды / Ванюшев В. М.; УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск: АНО «Ижевский институт компьютерных исследований», 2016. 460 с. Рус., удм., англ. яз.

ISBN

Книга представляет собой монографическое собрание избранных трудов доктора филологических наук, литературоведа, критика, публициста, поэта. Работы, увидевшие свет в разные годы, в разных изданиях и собранные воедино, создают определенную цельность логики научно-поисковых устремлений автора, его общественной активности, поэтического осмысления жизненных процессов.

Рассчитана на научных работников, студентов, преподавателей школ и всех интересующихся вопросами национальной и интернациональной культуры.

ISBN ...

УДК 821.511.131

ББК 83.3(2Рос.Удм)

© Удмуртский институт истории,

языка и литературы УрО РАН, 2016

© Ванюшев В. М., 2016

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
1. Начало начал	6
1.1. Истоки развития удмуртской литературы	6
1.2. «Духовная церемония производившаяся <...>»	43
2. Основы межлитературной общности Урало-Поволжья	48
2.1. В широком контексте литератур	48
2.2. Новые перспективы исследований	57
2.3. Шандор Петефи и поэты революционного обновления жизни народов Поволжья и Приуралья	62
3. Г. Е. Верещагин как представитель позднего литературогенеза	84
3.1. «Главная должность», или просветительская направленность жизни и деятельности Г. Е. Верещагина (1851–1930)	84
3.2. “The main commitment”, or an educational focus of the life and activities of G. E. Vereschagin (1851–1930)	95
3.3. «Золотая рыбка» Г. Е. Верещагина	108
3.4. О «Встрече великого князя в Завьялове»	126
3.5. Поэтическая диалогия Г. Е. Верещагина на русском языке как выдающееся явление удмуртской литературы	132
3.6. «Здравствуй, наш дорогой Иванушка Григорьевич!»	137
3.7. Страсть доказать недоказуемое, или написал ли Г. Е. Верещагин «Чагыр, чагыр дыдыке...»?	152
4. Мултанское дело в освещении литературы и литературоведения	162
4.1. Г. Е. Верещагин и мултанский процесс	162
4.2. Короленко и Удмуртия	169
4.3. Образ В. Г. Короленко в романе М. П. Петрова «Старый Мултан»: документальная основа и художественный вымысел	178
4.4. И. Н. Смирнов и Мултанское дело	186
4.5. Национальный герой удмуртского народа	197
5. Национальное и интернациональное в жизни и литературе	200
5.1. Динамика соотношения национального и интернационального (общечеловеческого) в процессе развития удмуртской литературы	200

5.2. Две стороны одной медали. Национальное развитие и межнациональное сотрудничество народов Удмуртии	222
5.3. Кошмары «Дела СОФИН» или неудовлетворенные имперские замашки?	227
5.4. Быреммес возьмаса уломы-а?	231
6. Опаленные временем	234
6.1. Виновен, потому что талантлив	234
6.2. Пробуждающая сила поэзии: Кузубай Герд и Ашальчи Оки = <i>Кылбурлэн сайкатись кужымеэ: Кузубай Герд но Ашальчи Оки</i>	239
7. Рука об руку со временем	247
7.1. Не расставаясь с рассказом	247
7.2. Своеобразие таланта – многообразие поисков: К 50-летию со дня рождения Флора Васильева	261
7.3. Образ войны и образ автора в поэзии Михаила Петрова, Николая Байтерякова и Флора Васильева	279
7.4. Незамеченный подвиг исследователя: вклад Алексея Ермолаева в освоение творческого наследия Флора Васильева	299
7.5. Писатель улэ асьмемын ёош	304
7.6. Lyric plot or the form content of the crown of Guy Sabytov's sonnets	311
7.7. Точка роста	318
7.8. Кыл но кылбурет	334
7.9. Улыны кулэ!	353
8. Зарубежные исследователи об удмуртской литературе	358
8.1. Патриарх финно-угорского литературоведения. Петеру Домокошу – 70 лет	358
8.2. Пахарь назад не оглядывается...	364
9. Кылбуран – Поэзия	373
9.1. Инмаре – Кылчинэ...	373
9.2. Как будто Книга бытия (На Иднакаре). <i>Пер. Анатолия Демьянова</i>	374
9.3. Мамино письмо. <i>Пер. Анатолия Демьянова</i>	397
9.4. Война дыр нылпиос	437
9.5. Эшелы	438
10. Заключение	440
10.1. О путях развития удмуртской литературы, или свободные размышления на злобу дня	440
11. Именной указатель	449

ОТ АВТОРА

Избранные труды, собранные к 80-летию со дня рождения автора данных строк по инициативе руководства УИИЯЛ УрО РАН, где я работаю с 1973 г., включают в себя, на мой взгляд, наиболее значимые литературоведческие, публицистические статьи, а также две поэмы в переводе с удмуртского на русский язык и три стихотворения на удмуртском языке. Некоторые статьи, сложившиеся на удмуртском языке и не имеющие русскоязычных аналогов, нахожу необходимым включить также в оригинале. Две статьи и аннотации некоторых работ даны на английском языке.

Вошедшие в том работы написаны в разные годы и опубликованы в разных изданиях. В них, естественно, отобразилось «движущееся» мировосприятие автора в течение почти половины века. Вносить в них какие-либо содержательные поправки сейчас считаю неправомерным. В работах по-своему отобразилась и история литературоведения, критики, и динамика национально-культурологических проблем, волновавших общественное сознание Удмуртии.

Под заголовком каждой работы даны сведения о том, когда и где она была опубликована ранее. В конце тома помещен указатель имен, упоминаемых в книге.

Приятного и полезного общения, уважаемые читатели!

Василий Ванюшев.

1. НАЧАЛО НАЧАЛ

1.1. ИСТОКИ РАЗВИТИЯ УДМУРТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в. / Гл. ред.:
В. В. Блажес, Е. К. Созина. – М.: Языки славянской культуры, 2012. –
С. 390–402. – Соавт.: Т. Г. Владыкина)

1. История народа, устное словесное творчество

Информация об удмуртах на страницах русских письменных памятников появляется лишь в XII–XIII вв., здесь они представлены или как отдельный народ вяда, или, вместе с коми-пермяками и коми-зырянами, под общим собирательным этнонимом пермь [Гришкина, Владыкин 1982: 10–12]. В арабских источниках IX–XII вв. удмурты известны как ары [Кельмаков 1970:191; Гришкина, Владыкин 1982: 5–10; Гришкина 2004: 19–20]. Самоназвание *удмурт* зафиксировал немецкий ученый Д. Г. Мессершмидт, в 1726 г. побывавший на территории проживания северных удмуртов [Напольских 2001]. Эндонимом состоит из двух основ индоиранского происхождения, означающих «душа, жизнь, живой» и «человек, муж, мужчина» [см. об этом: Владыкин 1969: 214–220; Владыкин, Христоробова 1997:14; Напольских 1977; Атаманов 1988: 8–16; Белых, Напольских 1994: 285]. Полагают, что русское *отин / вотин, отяк / вотяк* произошло из марийского *одо*.

Упоминания удмуртов в письменных источниках позволяют ученым выделять два центра расселения древних удмуртов – бассейн реки Вятки (так называемые «северные удмурты») и Арскую землю («южные удмурты»). История присоединения северных удмуртов связана с русской колонизацией, начавшейся в XII в. покорением выходцами из новгородских земель «чуди-отяков» и захватом удмуртского городища Чудь-Болвановского, расположенного на правом берегу Вятки, в месте впадения в нее р. Чепцы. Центром Вятской земли стал город

Хлынов, основанный, по преданиям удмуртов, в устье р. Хлыновицы, на месте древнего удмуртского поселения, где находилось святилище (*Быдӟым куа* – Великая куала) удмуртов племени ватка. Окончательное присоединение Вятской земли к Московскому государству произошло в 1489 году, когда войсками Ивана III после осады Хлыновской крепости были разбиты долгое время сепаратистски настроенные вятчане и в орбиту влияния усиливающегося централизованного государства попали вместе с пришлым русским населением и северные удмурты [Гришкина 2004: 22–31]. Присоединение южных удмуртов, находившихся первоначально под влиянием Волжской Булгарии, Золотой Орды, а затем Казанского ханства, произошло значительно позднее, после падения Казани в 1552 году и многочисленных восстаний народов Поволжья в 1552–1557 годы [Гришкина 2004: 32–53]. Процесс присоединения, завершившийся к 1558 году, был долгий, трудный для этноса, с потерей значительной части территории обитания, лучшей части генофонда народа, с огромными человеческими жертвами. Русский писатель, историк Н. М. Карамзин в своем знаменитом труде «История государства Российского» о тех временах писал: *«Несколько раз земля Арская присягла и снова изменяла <...> Россияне пять лет не опускали меча: жгли и резали <...> Наконец усилия бунтовщиков ослабели, вожди их погибли все без исключения, крепости были разрушены <...> Вотяки, черемисы, самые отдаленные башикры приносили дань, требуя милосердия. Весною в 1557 году Иоанн в сию несчастную землю, наполненную пеплом и могилами, послал стряпчего, Семена Ярцева, с объявлением, что ужасы ратные миновали и что народы ее могут благоденствовать в тишине как верные подданные белого царя. Он милостиво принял в Москве их старейшин и дал им жалованные грамоты»* [Карамзин 1993: 527].

Вхождение удмуртов в состав Российского государства явилось исторически необходимым шагом для дальнейшего развития хозяйственной жизни и культуры народа: *«...Включение Вятской земли, Казанского ханства и народов Поволжья в состав Русского государства предопределило превалирующую роль русской государственности и феодальных отношений в судьбе удмуртов. <...> Вхождение в состав Русского государства в целом стимулировало процесс сближения удмуртов, так что к XVII в. сложилась единая народность с некоторыми диалектными различиями в языке и локальными особенностями в культуре»* [История Удмуртии 2007: 286].

Одной из ярких и репрезентативных сфер духовной культуры народа, на протяжении многих веков не имевшего письменности, было устное народное поэтическое творчество. В фольклорном способе восприятия и отражения действительности сливались в единое целое магическая, познавательная, эстетическая и коммуникативно-бытовая функции.

Область фольклора, воспринимаемая как в широком (*калык ёнер* – народное умение-навыки, *калык тодон-валан* – народное знание, *калык визь* – народная мудрость), так и в более узком смысле (*калык кылос* – народная поэзия, *калык кылбурет* – устно-поэтическое творчество), в народном сознании долгое время не разделялась на жанровые условности, воспринималась в первородной органической целостности с материальной культурой, в генетическом единстве с религиозными, правовыми, этическими комплексами. Народные термины-определители вобрали в себя понятия обрядового действия (*сям, нерге, йылол; кисьтон, кюаськон; сюан; мадиськон*), символически образного, магически творящего слова (*мадькыл, выжыкыл, тункыл, кылбур*), музыкально-хореографического поведения (*крёзь, гур; шудон-серекъян; тэтчан, эктон*) [Владыкина 1998: 41–61].

Синкретическая нерасчленённость древних форм фольклора, место и роль его в жизни народа наиболее ярко выражены и выявляются в этимологии однокоренных терминов *мадь / мадькыл / мадиськон* в значении сказывать, рассказывать, славить, петь, загадывать, передавать тайное. Корень этого общеупотребительного для всех жанров термина обнаруживает параллели почти во всех финно-угорских языках и имеет в основе понятия учить, советовать, передавать опыт, познавать мир.

Взгляд на художественное, поэтическое слово как одно из магических средств освоения мира и влияния на него принимало формы обрядового и реже необрядового функционирования различных жанров.

Заговорно-заклинательные жанры (*тункыл*) формировались под влиянием магического отношения к слову, музыке и действию (от *тунаны* «заклинать, предсказывать, гадать, ворожить»), были способом и средством общения древнего человека с окружающей природой, возможностью установить контакт с помощью словесного искусства в целях умиротворения сил природы, отвращения нежелательного воздействия. Все они были соотнесены с видами магии. Промыслово-хозяйственная функция ярче всего представлена в благопожеланиях (*дэлет сизён кыл*)

и молитвах-испрашиваниях (*куруськон*, от *куруны* «просить, умолять»), предохранительно-заверительная – в клятвах (*оскытон кыл*), лечебно-предохранительная – в заклинаниях-заговорах (*пелляськон / пеллян кыл* – нащёптываемое слово, от *пелляны* «дуть, нашептывать»). Заговоры были известны также под названием *эмкыл* / лечашее слово, *кыжкыл* / заговаривающее [от напасти] слово. Помимо обобщающих терминов, существовали названия заговоров с указанием конкретных болезней: *виркыл* / заговор от крови, *булык кыл* / заговор от лихорадки и т.д., как бы заключая в себе информацию о том, как «зовут» болезнь. Предполагалось, что болезнь может быть наслана с помощью действия / жеста, слова как действия, то есть энергетикой слова или физиологической энергетикой любого человека, прорывающейся во взгляде (*секыт син* «тяжелый глаз») или исходя из общего состояния организма (*секыт ки* «тяжелая рука», *секыт пыд* «тяжелая нога», *секыт вирсэр* «тяжелые сосуды»). Особо опасались колдунов (*ведйнь, вегин, ересь*), специализирующихся на «порче». Существовали заговоры от сглаза (*син усем кыл*) и заговоры от слова (*кыл усемез пеллян*). Знание имени болезни предполагало возможность конкретного воздействия, одно это могло служить знаком благополучного исхода. Одна из разновидностей конструкций удмуртских заговоров содержит открытую формулу «обнаружения имени» болезни: « – *Нимыд кызыь?* / – *Булыкен / Кезеген / Кыйсинэн пеллясько...*» («Как тебя зовут? / – Лихорадкой / Ознобом / «Змеиным глазом»-нарывом заговариваю-нашептываю...»). Вообще о человеке, владеющем спориной (особым талантом, умением) в какой-то сфере (огородничество, скотоводство, пчеловодство и т.д.) говорили как о «лёгком на руку» (*капчи ки*), «лёгком на ногу» (*капчи пыд*). Но эти же способности предполагали и владение магией слова. О таких людях удмурты говорили: *кылзэ тодэ* «слово [нужное] знает» [Владыкина 2008: 83–88].

В цикл заговорно-заклинательных жанров вписывается и функционирование обетов, обетных формул (*сйзькон / сйзиськон кыл*) – обещаний принести жертву в определенные сроки с целью избавления от болезни, несчастья или в благодарность за исполнение желаний. Согласно традиционному мировоззрению, данное слово всегда должно быть исполнено, в противном случае кара богов неизбежна. Любая болезнь воспринималась как наказание за неисполнение каких-либо предписаний, потому обращались к ворожцу (*туно* [Верещагин 1996:

100, 187]), чтобы он определил причину болезни и назначил соответствующую жертву. Часто причиной нездоровья прорицатель объявлял не какую-то конкретную болезнь, а *кыж* / *кыж-мыж* [Борисов 1932: 155] или *мыж* [Верещагин 1995: 214, 230], которые воспринимались как своеобразные формы наказания со стороны судьбы, тяжелое наследие предков, нечто, похожее на кару. *Кыж* чаще проявлялся на индивидуальном уровне (*кыжесь тинал* – так говорили о ребенке, который часто болел, попадал в сложные ситуации, с ним всегда что-то случилось), *мыж* постигал как отдельного члена коллектива, так и семью, и деревенскую общину в целом. Причиной напасти всегда объявлялось неисполнение правил / обетов по отношению к божествам.

Одним из средств воздействия на окружающий мир была и песенная культура [Нуриева 1998: 565]. Северные удмурты различали два вида музыкального творчества: *крезь* и *мадь*. *Крезь* – напев, мелодия, мотив, песня без слов. Термин употреблялся только для обозначения обрядовых песен. Так же называли и древний музыкальный гуслеобразный инструмент [Vaisanen 1928: 303–330; Карпов 1989: 12–22; Кунгуров 1994]. *Мадь* – песня со словами, чаще сюжетная (от *мадьыны* – сказывать, заклинать, рассказывая петь).

Специфика манеры древнего обрядового пения сохранилась в южноудмуртском термине *гур* – напев, мелодия, мотив, соотносящемся с понятиями плакать, голосить, окликать, заклинать. Определенный напев являлся своеобразным знаком, символом ритуального празднества – календарного или семейного. Многие строфы какого-либо тематического цикла переходили из одного обряда в другой, соответственно меняя лишь музыкальное оформление. Наблюдалась полижанровость текстов и полифункциональность напевов [Нуриева 1995; 1999; 2004].

В северных районах Удмуртии было обычным пение на припевные слова, не имеющие вербального содержания. Тексты компоновались обычно из междометий «э, ялэ, я, яй, дон» или отдельных словосочетаний типа «ох, шуисько но, ялам-а» («ох, говорю, да, всегда ли»), «э, гинэ меда но» («э, только ли да...») [Ходырева 1996; Нуриева 2001: 102–110]. В обрядовых мелодиях южных удмуртов складывались циклы двухстрочных строф, композиционная особенность которых – ритмико-синтаксический, ассоциативный и психологический параллелизм [Бойкова, Владыкина 1992; Чуракова 1999]. Отсутствие

устойчивых текстов, свободная вариация строк или целых строф, отбор специфических выразительных средств (вопросно-ответная форма, вариационный параллелизм, тавтология, тирадность), определяющих повествовательность стиля обрядовых песен, объясняется традицией свободной импровизации, свойственной поэзии всех финно-угорских народов.

Повествовательный строй обрядовых песен явился органическим продолжением традиции необрядовых импровизаций, например, промысловых: ритмизованных напевом рассказов о действиях охотника при поимке зверя. К этому типу относятся и бортничьи песни [Чуракова 2002]. Но необрядовые песни часто не имели устойчивых текстов, исполнялись без слов или на припевные слова, перемежаемые отдельными словами, предложениями по принципу «пою то, что вижу» (сходство с саамскими и карельскими песнями-йойгами, коми бытовыми импровизациями, угорскими нуранкы). К обрядовой песенной традиции восходит генезис лирической традиции в целом. Драматические ситуации в жизни отдельного члена коллектива (смерть близкого человека, отъезд девушки из родного дома, проводы в солдаты) сформировали особый жанр проводных и причётных песен (*келян гур*), способствовали переходу лиро-эпики в лирику [Пчеловодова 2006]. Наблюдаются разные уровни создания таких текстов: от напевов на припевные слова до сюжетных. Они легко выделяются из обряда и воспринимаются в новом качестве – лирических песен / *кузь гур, огшоры кырзан*. На лирическую традицию в удмуртской песне свое влияние оказали русский фольклор и профессиональная поэзия.

Особую группу составляют хороводные, игровые и плясовые песни [Хороводно-игровые песни 2000]. Выделяясь из обрядов, они также обретают самостоятельность.

Необрядовый раздел фольклора удмуртов представлен произведениями, которые, в зависимости от отношения к рассказываемому, можно отнести к несказочной или сказочной прозе. В первую группу входят различные виды преданий (*выжыкыл* / слово рода, *мадён* / сказки, рассказы; *пересьёслэн веранзы* / рассказы, сказания предков) [Владыкина 1998: 169–239; Приказчикова 2009], былички и побывальщины (*осконъёсты юнматись мадён, ишан*). Бытование рассказов было направлено на сохранение и укрепление веры в существование духов – хозяев природы, домашних построек. В дальнейшем они ста-

ли основой для возникновения мифологических сказок, доля которых в удмуртском фольклоре довольно велика по сравнению с остальными прозаическими жанрами.

Сказания первой группы почти не содержали сказочного вымысла: всему, о чем рассказывалось, верили. Исторические предания, рассказывающие о прошлом народа, воспринимающего себя уже как этническое – племенное или родовое – единство, создавались вокруг нескольких основных тем и организовались в циклы: о древнейших насельниках края; о героях-богатырях; о заселении и освоении края; о разбойниках, беглых; о кладах. Топонимический мотив присутствует практически во всех видах, при передаче исторического предания из поколения в поколение часто только он остаётся как отголосок прежнего текста, поскольку информация о мифологических деталях размывается.

Основными персонажами цикла преданий о древнейших насельниках края являются великаны-алангасары (южные удмурты), великаны-зэрпалы (северные удмурты). Они противопоставлены человеку по времени обитания на земле и неумению создавать культурные ценности. В их портретной характеристике внимание акцентировано на росте и силе: ходят по лесу, как по крапиве; сражаются вырванными с корнем деревьями; человека, долбящего борть для пчел, принимают за дятла; разглядывают его на ладони, сажая в карман или кладут за пазуху. Не имеют одежды, орудий труда, не умеют пользоваться огнем. Греясь у костра, защищаются от его жара глиной, обмазывая свои ступни. Обнаружив на земле существо, умеющее трудиться (выращивать хлеб, разводить пчел), вынуждены уйти из прежних мест обитания. Уходят на север, превращаются в огромные каменные глыбы или погибают в ямах, похоронив себя заживо.

Доказательством давнего присутствия великанов в конкретной местности часто служат названия возвышенностей – гор и холмов (*Алайпыдтыши* – пята Алая, *Алангасар гурезь* – гора Алангасара, *Зэрпал лёг* – холм / возвышенность (букв.: шишка) Зэрпала, возможно, сокращенное от *лёгет* «след»). Неровная поверхность, согласно преданиям, – отвалившаяся от ступни или вытряхнутая из лаптей великанов земля.

Алангасар в архаической традиции – гиперболизированный образ прошлого, воспоминание о мифическом, «дочеловеческом» времени.

«Богатырская» сущность алангасаров позволяет соотнести этот персонаж в народном сознании с древним аборигенным населением, некогда обитавшим в этих краях. Недаром следы пребывания древнейших обитателей края соотносятся или с поселениями богатырей – городищами (*кар-гурезь*) – и становятся местами паломничества и поминовения предков рода (*кар-четкер*), получая имя его основателя, или воспринимаются как чуждые, «нечистые», и приписываются другим, чаще всего «воинственным народам».

Алангасар стал отправной точкой для создания двух типов образов в удмуртском фольклоре – богатырей и мифических существ. Богатыри стали преемниками их физической силы, мифические существа – «ума». Первые стали персонажами преданий героико-богатырского цикла, вторые – мифологических сказок. В поединке с человеком они вынуждены отступить перед его ловкостью и хитростью. Эта сторона в характере образа данного персонажа стала причиной того, что в разговорном языке термин используется в качестве фразеологизма со значением «недотепа, лентяй, дурак».

Повествования о великанах часто представляют собой синкретичный текст, имеющий признаки предания, побывальщины и мифологической сказки одновременно.

Персонажами героико-богатырского цикла исторических преданий являются богатыри (*батыр, бакатыр*) – родоначальники, предки многих удмуртских родов (Донды, Идна, Ожмег, Кужмо Бигра, Бурсин Чуньыпи, Мардан и др.). Их жизнь, согласно преданиям, не отличалась от жизни обычных людей. Они также занимались охотой, рыболовством, земледелием, за исключением моментов нападения на их территории враждебных соседей (*тушмон*) с целью захвата земель. В этом случае батыры предводительствовали в сражениях, за что соплеменники в мирное время платили им дань или отработывали на полях. Батыры – преемники физической силы великанов, живших на земле до человека. Они высоки ростом, сильны: вытягивают рукой пригорки до величины горы, если не находят подходящей возвышенности, чтобы основать там свои городища (*кар*); демонстрируют силу метанием камней из пращей и целых бревен с городища на городище, стрельбой из лука за сорок и более верст. Их физическая мощь дополняется сверхъестественными способностями – предсказыванием будущего и оборотничеством (*туно*). Исторически эта мифологическая

версия описания образа батыра эволюционирует в сказочную: батыры начинают отличаться от обычных людей только тем, что имеют чудесные предметы (золотые или серебряные лыжи, быстроходных коней, заговоренный кинжал, меч-самосек и т.д.). Согласно преданиям, батыры владели несметными богатствами, которые лежат на местах их прежнего обитания заговоренными кладами. По прошествии предсказанного времени они показываются человеку в разном облике (белого коня, коровы, всадника, гроба, зайца и т.д.), но взять их никому не суждено, так как никто не знает произнесенных заклятий. А если заклятие и известно, условия его выполнения таковы, что выполнить их невозможно.

В преданиях встречается версия взаимного неприятия батыров, которая выражается в демонстрации силы, военных столкновениях или мирных спорах-состязаниях. Причиной противоречий, как правило, выступает борьба за сохранение или завоевание обжитых территорий. Претендентами на земли их родов выступают соседние народы (марийцы – *пор*, татары – *бигер*, русские – *жуч*).

Погибшие батыры становились родовыми покровителями, в их честь на местах бывших поселений или старых кладбищах устраивали поминовения. На местах прежних городищ совершали паломничество во время календарных празднеств.

История развития прозаических жанров закономерно привела к появлению другой группы устной прозы, которая представлена всеми видами сказок: о животных, волшебными и новеллистическими [Сто сказок удмуртского народа 1960; Яшин 1965]. Все они воспринимались как небылицы (*нёртман кыл* / «прячущееся», «ряженое» слово), рассказывались для забавы, развлечения.

С превалированием назидательной функции формировались приметы [Владыкина 1998: 280–305], поверья – предписания и табу [Владыкина 1998: 240–279], пословицы и поговорки, народные афоризмы [Пословицы, афоризмы, поговорки 1987]. Познавательной игрой стали, утратив свою былую магическую функцию, и загадки [Загадки 1982].

Образный строй, совокупность символов и стилистических средств проявлялись в каждом из жанров по-разному. Отбор их зависел от функциональной предназначенности жанра и предмета изображения. Раскрывая в отдельности какую-либо сторону жизни, система фольклорных жанров представляла целостную картину быта, нравов, обы-

чаев и социальных институтов удмуртского общества, являлась способом межпоколенной трансляции знаний о мире.

Фольклорные тексты для удмуртской дописьменной культуры имели значение свода вербализованных клише, канонов, матриц, регламентирующих поведение социума во всех сферах, и особенно в ритуале. Потребности в жизнеобеспечении человеческого коллектива, зависящего, с точки зрения архаического сознания, не только и не столько от материального начала, сколько от психического самочувствия, вновь и вновь актуализировали ритуал как символическое поведение, составными компонентами которого были акциональная, хронотопная, хроматическая, кинетическая, звуковая и, конечно же, вербальная константы. Магическое восприятие слова в ритуале вместе с его эстетическими, дидактическими, информационно-коммуникативными смыслами разграничивали жанровые признаки фольклорных текстов адекватно их архаической природе, сохраняя глубинные связи с породившим его мифологическим сознанием [Владыкина 2001:192–193].

Процесс сложения системы фольклорных жанров был одним из проявлений этапа внутреннего саморазвития, который подготовил базу для восприятия письменной культуры. После того, как удмурты, в ряду других народов России, были втянуты в орбиту политических, экономических, социальных и культурных преобразований в общегосударственном масштабе, это позволило им заложить качественно иной, кодированный, графически фиксированный вектор развития духовной культуры. XVIII век становится в этом смысле точкой отсчета в становлении удмуртской письменности: социально-экономическое и культурное развитие эпохи стали необходимой почвой для первого шага в развитии научных воззрений на удмуртском языке [Майер 1975: 24–34; Алатырев 1976: 15–36].

2. Становление образования, новый шаг в генезисе литературы

В удмуртском языке уже существовали понятия письма и счёта. Письмо соотносилось с представлениями о линии / черте / насечке (*гож*), начертании / написании (*гожтыны* – написать, букв. проводить линию, чертить). В быту широко использовались приемы пиктогра-

фического письма: тамги, бортные знамена-пусы. Омономичную пару составляли понятия чтения и счёта (*лыдзыны*). Синонимом слова, выражающего процесс чтения, стал также глагол «чирдыны» – говорить нараспев, речитативом, букв.: петь (о птицах). Им обозначали вначале чтение молитв по книгам, а позже – и любое чтение вслух. Смысл слова соотносился с непонятной для удмуртов церковной службой на старославянском языке, который трудно воспринимался, прежде всего, из-за незнания русского языка. Потому, очевидно, чтение священных книг ассоциировалось с щебетом птиц, «поющих-говорящих» на тайном языке. Сыграла, по-видимому, свою роль и мифологическая подоплека: удмурты считали, что язык, способность говорить весной «приносят» маленьким детям перелетные птицы.

Образ книги как аккумулятора системы знания, особым образом организованного и оформленного языка, не был неожиданным для традиционной культуры удмуртов. Представление о книге было вписано в общую картину мира задолго до появления первых памятников письменности на основе кириллицы. Зафиксировано несколько вариантов преданий об имевшейся некогда священной книге, в которой были записаны порядок мироздания, главные постулаты веры и правила отправления языческого культа. Книга лежала на большом камне в дремучем лесу. Только посвященные имели доступ к ней. Время от времени жрецы как основные хранители веры и тайного знания собирали здесь людей с целью передачи его следующим поколениям. Надеясь на книгу, люди перестали здесь собираться так часто, как это было установлено изначально. Бог, рассердившись на людей, сжег книгу (метафорой огня в предании выступает съевшая книгу белая или красная корова), оставив возможность передавать знания только устным путём. Согласно другому варианту, книга упала из рук читающего ее удмурта в огонь, поскольку он, вынужденный читать ее всю ночь, заснул от переутомления. Третий вариант предания свидетельствует о том, что книга была брошена в огонь жрецом с умыслом, поскольку люди, надеясь на письменно зафиксированные обычаи, перестали приходить на это святое место и возобновлять сакральные знания. Образ утраченной книги остался в памяти народа как символ утраченной веры и некоего тайного знания о закономерностях космического порядка. В память о ней, начертанной знаками (*нус* = знак, узор), как гласит предание, удмуртам достались лишь родовые знаки-тамги, и каждый род мог использовать лишь один из них.

По мере распространения основ христианского вероучения представления о «священной» книге эволюционировали в сторону «старой», которая представлялась уже сводом колдовских знаний, а священное писание, напротив, как единственная и главная книга, оберегающая от всех недугов и напастей. Эволюция образа книги закономерна с точки зрения смены парадигмы восприятия этнической культуры, изменившей вектор своего развития: «прорубая бреши в информационной самодостаточности акустической культуры» и «конкурируя с язычеством», христианство стало не только проводником письменности, но и катализатором процесса становления письменной культуры [Красильников 2008: 58–59].

XVIII век – это знаменательный этап отдельных фактов фиксации удмуртских слов на латинице или на основе русского алфавита в описаниях быта и нравов удмуртов в дневниках и отчетах путешественников – членов первых академических экспедиций [Владыкин, Христолюбова 1984; Загребин 2006], таких как Ф. Й. Страленберг [Напольских 2002: 33–34; Загребин 2006: 52–88], Г. Ф. Миллер [Миллер 1756: 33–64, 119–145; Миллер 1791; Загребин 2006: 89–126], И. Г. Георги [1776–1778; Загребин 2006: 126–158], Н. П. Рычков [Рычков 1770]. Он сочетался с целенаправленной словарной работой (Д. Г. Мессершмидт [Напольских 2001], П. С. Паллас [Гришкина 2004: 212–213], Захарий Кротов [Кротов 1995]), подготовившей базу для научного осмысления закономерностей языковых процессов. Неслучайно только за последнюю четверть XVIII века было создано три грамматики удмуртского языка, из которых увидел свет лишь труд В. Пуцек-Григоровича [Сочинения, принадлежащие к грамматике вотского языка 1775].

Появление грамматики удмуртского языка было закономерным явлением наряду с грамматиками чувашского (1769) и марийского (1775) языков, созданными под руководством и при активном участии ректора Казанской духовной семинарии, митрополита Казанского и Свияжского Вениамина (Василия Григорьевича) Пуцек-Григоровича (1706–1785) [Атаманов 2004]. Воспитанник Киевской духовной академии, европейски образованный ученый-просветитель, миссионер, свое кредо по отношению к языкам «инородцев» он выразил следующим образом: *«Когда многие для разных причин желают знать языки не только ближних, но и отдаленных, не только нынешних, но и прежде бывших народов, то кольми паче надлежит нам стараться*

довольно узнать языки тех народов, которые между нами обитают и составляют часть общества нашего. Не одно нас любопытство, но и польза к тому поощрять должна, которая очевидна всякому, кто с ними общается» [Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка 1769: 3]. Созвучны его мыслям размышления священника М. Могилина по поводу удмуртского языка, высказанные в обращении к читателю в не опубликованной в свое время грамматике: «Причина сего малаго предприятия не иная какая, как только, чтобы известного в свете отякаго народа неизвестный язык ученому свету был известен; чтоб любопытству позднейших потомков древность осталась соблюденною, чтоб увидел свет, какими пространное Российское Государство наполнено народами, чтоб любопытные трудолюбцы ведали, сколь много еще их разуму и любопытству предлежит предметов. Но какая польза происходит от издания не только просвещенных, но и варварских языков, то, я думаю, что всякому известно. Чрез то умножаются науки, история и древность все скрывающая не исчезает, политические правительств дела с лутчим производятся успехом, а между тем невежество и варварство исчезает <...>. <...> не сумневаюсь, чтоб от разумных людей не был благосклонно принят в некотором порядке представляемый язык такого народа, которой внутри общества нашего и государства обитает и издревле Российской Державе верноподданный, по христианству благословенный, по простоте своей и трудолюбию благополучный и здравый, от хищничества, от лукавства, от гордости, от честолюбия отдаленный, достойный всякой любви и призрения» [Могилин 1998: 124–125]¹.

Создавая первые научные описания языков народов Поволжья и Урала на основе русского алфавита, их авторы ясно осознавали миссионерскую цель своего предприятия. Распространение христианского вероучения и воспитание верноподданнических чувств было невозможно без просвещения «обитающих в Российской Державе» народов.

Известно, что еще М. В. Ломоносов (1711–1765) обратил внимание на необходимость изучения огромнейших пространств Российского государства и народов, населяющих его, которые должны были,

---

¹ Впоследствии выяснилась ошибка: рукопись принадлежит М. Мышкину (см.: Пермистика: сб. статей. Ижевск, 2015. С. 342–344). – В. В.

по его мнению, приумножать могущество страны. Он особо указал и на финно-угорские народы: *«Ливония, Эстляндия, Ингрия, Финния, Карелия, Лаппония, Пермия, Черемиса, Мордва, Вотяки, Зыряне говорят языками, немало сходными между собою, которые хотя и во многом разнятся, однако довольно показывают происхождение свое от одного начала. Сверх сего сильная земля Венгерская хотя от здешних Чудских областей отделена великими Славенскими государствами, то есть Россиею и Польшею, однако не должно сомневаться о единоплеменстве ея жителей с Чудью, рассудив одно только сходство их языка с чудскими диалектами. Что подкрепляется еще их выходом из сторон, где и поныне Чудские поколения обитают, их остатки. Представив Чудской народ в нынешнем его рассеянном состоянии, и по большей части у других держав в подданстве, помыслить можно, что в соединении бывал некогда силен на свете»* [Древняя Российская история <...> 1766: 32].

Ряд заслуживающих внимания наблюдений об удмуртах записал в своем дневнике русский философ и писатель, автор остро публицистического произведения «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищев, проезжая через удмуртские деревни на пути в сибирскую ссылку в 1790 году. Он, в частности, отмечал не только тихий и робкий характер крестьян, выработанный, по-видимому, социальным и национальным гнетом, но и ростки нового в их быту, поведении, в преодолении национальной замкнутости, вызванной стремлением к самосохранению: удмуртские ямщики, как и русские, в дороге поют; многие мужчины женаты на русских женщинах; избы у иных семей уже сделаны не по-черному, а белые... В одном населенном пункте, в Зятцах, он встретил писаря-удмурта, «ученого по-русски» [Радищев 1952: 254–255].

Постоянные контакты удмуртов с русским населением, вовлечение удмуртов в сферу влияния Всероссийского рынка создали возможность для изучения русского языка и овладения грамотой. Грамотные удмурты впервые упоминаются в документах XVII века. Как правило, это были люди, занимавшие положение в низших и средних звеньях системы управления. В качестве примера можно назвать толмача-переводчика при малмыжском воеводстве И. С. Вотякова (1665–1673), дьяка при вятском воеводе (1692–1696), а затем дьяка московского Конюшенного приказа (1699) С. Г. Сандырева [Гришкина 2004: 215], депутата

от новокрещенских удмуртов в Ектерининскую законодательную комиссию Б. И. Иванова, впоследствии служившего в должности толмача в Казанской и Вятской губернских канцеляриях.

Отсутствие школ для обучения детей «кинородцев» как-то восполнялось стремлением грамотных русских крестьян, писцов, монахов передавать им свои знания.

Стремление удмуртов овладеть русским языком вызывалось насущной необходимостью адаптации к создавшимся общественным условиям: «В удмуртских общинах в роли знатоков русского языка и делопроизводства длительное время подвизались каринские татары, использовавшие свое положение для своего обогащения и закабаления удмуртов. Надо полагать, что обстановка ожесточенной борьбы с этим монопольным положением каринских богатеев, наряду с экономической необходимостью налаживания разнообразных контактов с русским населением, в том числе и торговых, сыграла заметную роль в успехах удмуртов в овладении языком и грамотой» [Гришкина 2004: 215]. Историк приводит довольно показательный пример: во время сысков Сандырева-Челищева (1699–1704) крестьяне многих селений севера Удмуртии отказались от услуг толмачей, сославшись на то, что они сами знают русский язык и могут говорить по-русски [Гришкина 2004: 215].

Грамотные удмурты проявили себя и в период Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева (1773–1775 гг.). В повстанческих отрядах, действовавших на территории Удмуртии под предводительством татарских крестьян Абзелила Сулейманова и Мясогута Гумерова, писцами были удмурты Дмитрий и Семен Ивановы [Ванюшев, Поздеев, Уваров 1987: 17]. Некоторые удмуртские крестьяне (напр. Козьма Иванов по прозвищу Чупаш из деревни Анлет-Монья) возглавляли самостоятельные отряды повстанцев [Гришкина 2004: 137, 139, 216].

Становлению образования среди удмуртов способствовала активная работа Церкви и правительственных органов по христианизации «язычествующих» народов, начавшаяся во втором десятилетии XVIII века. Систематическая деятельность по организации школ для обучения христианизируемых народов Поволжья и Приуралья, как отмечают историки, началась после Указа от 1735 года об открытии в Казани, Цивильске, Новококшайске и Елабуге миссионерских новокрещенских школ. Среди представителей прогрессивной русской общественности XVIII века, ратовавших за обучение народов Поволжья и Приуралья

с использованием их родных языков, историки Удмуртии с благодарностью называют и В. Н. Татищева (1686–1750), известного государственного деятеля, ученого, содействовавшего активному заводскому строительству, улучшению путей сообщения и развитию просвещения на Урале, основателя первых горных школ, куда принимались и дети нерусских народов [Гришкина 2004: 215].

В просвещении народов Урало-Поволжья огромную роль сыграли специально созданные для этого учебные заведения, особенно казанские. Еще в 1719–1720 годы митрополит Тихон обучал 20 «черемисских» детей («черемисами» тогда называли и марийцев, и чувашей) [Дмитриев. Бичурин и Чувашия: 6]. Официальное открытие Казанской новокрещенской школы состоялось в 1722 году. В нем обучалось 15 человек. В 1723 году открылась Казанская духовная семинария. Новокрещенская школа была приписана к ней как особый класс. В 1732 году обучающиеся в семинарии новокрещены были уже произведены в священные чины. Ими пополнялись ряды священнослужителей.

В 1745 году в Свияжске была отстроена и открыта новая новокрещенская школа. В этом году в ней обучалось 52 ученика, в том числе 35 чувашей, 12 татар, 3 марийца, 1 мордвин и 1 удмурт. Свияжская новокрещенская школа существовала до 1764 года. Тогда она была переведена в Казань [Дмитриев. Бичурин и Чувашия: 6].

Преподавание в учебных заведениях велось на церковнославянском языке. Учебниками служили церковные книги, дополняемые азбукой и букварем. Задача обучения сводилась к заучиванию текстов, чтобы проговаривать их «речевито и твердо». Нерусские дети с трудом осваивали уроки. Учились 9–11 лет. *«Из 19 учащихся удмуртов, судьбу которых можно проследить по документам, окончили полный курс и были определены в церковники всего 5 человек, 3 человека бежали, 9 <...> умерли в процессе обучения <...> Судьбы выпускников новокрещенских школ сложились по-разному. К их числу относился Семен Иванов, один из руководителей большого пугачевского отряда <...>. Другой выпускник Борис Иванов стал депутатом от новокрещенских удмуртов Казанской губернии в Уложенной комиссии 1767 г. Он дважды выступал на ее заседаниях, защищая интересы своих сородичей и высказываясь за особые суды для нерусских народов. Заботила его и свобода крестьянской торговли. Впоследствии Б. Иванов служил толмачом в Казанской губернской канцелярии»* [Дмитриев. Бичурин и Чувашия: 6].

3. Венямин Пуцек-Григорович, Екатерина Вторая и первые публикации поэтических произведений на удмуртском языке

Интересные сведения о Казанской новокрещенской школе оставили участники академической экспедиции И. Г. Гмелин и Г. Ф. Миллер. В 1733 году по пути в Сибирь они останавливались в Казани на два месяца. Высокие гости посетили духовную семинарию, которая располагалась в Зилантовом монастыре, и встретились там с прибывшим из Киева молодым архимандритом Василием Пуцек-Григоровичем. Застали его с чувашскими, марийскими, мордовскими, калмыцкими и татарскими мальчиками, которые стоя слушали наставления архимандрита по философии. Спустя 18 лет, И. Г. Гмелин опубликовал свои казанские записи. В них он, представляя себя в третьем лице, писал, что *«виденные им мальчики обучались русской речи и основаниям христианской веры вместе с философией. Выбраны они опытными людьми при посещении инородческих деревень для того, чтобы из них сделать в будущем проповедников христианства среди своих сородичей»*. Заслуживает особого внимания методика развития у обучающихся чувства приверженности к родному языку, отмечаемая академиком: *«Так как их готовили в миссионеры, то им не позволяли быть вместе с мальчиками из русских, и, кроме часов, когда они обучались вместе, им было велено говорить на собственных языках»*. Свидетельства академика показывают, что приверженность к родным языкам не мешала детям изучать русскую грамоту. *«Для нашего удовольствия, – продолжал он, – архимандрит велел одному из инородцев прочесть стихи по-русски, и он сделал это с особенной охотой, без обычной робости и с киевскими ораторскими жестами»* [Дмитриев. Бичурин и Чувашия: 6].

Василий Григорьевич Пуцек-Григорович прибыл в Казань в 1732 году. Родился он «в 1706 году в г. Лохвицы Полтавской губернии в семье чиновника Лубенского полка Григория Григоровича, украинца по национальности, и польки шляхетского (дворянского) происхождения, православного вероисповедования, имеющей фамилию Пуцек» [Атаманов 2004: 17]. После домашнего воспитания глубоко верующие родители отправили его в Киевскую духовную академию, которая готовила учителей для духовных школ. Преподаватели ее «стремились

подготовить европейски образованных деятелей просвещения, способных решать сложные социально-политические задачи в условиях складывания национального самосознания и новых межнациональных отношений» [Гришкина 2004: 214]. Наряду с чисто религиозными дисциплинами в академии основательно изучали риторику, историю, философию, старославянский, греческий, латинский языки. После окончания академии двадцатилетний Василий Пуцек-Григорович как лучший ученик, «заявивший себя ревностью в научном деле», сразу был направлен в Казань для преподавательской работы в славяно-латинской школе, в будущей духовной семинарии [Атаманов 2004: 18].

На попечении молодого архимандрита оказались дети-«инородцы». Всю неистраченную энергию он направил на воспитание новой поросли национальных культур нерусских народов края – татар, башкир, чувашей, удмуртов, марийцев, мордвы, калмыков.

Подвижничество в деле просвещения народов региона не могло не привести к зарождению и развитию «светского» направления культуры. Первые памятники письменности закономерно стали основой зарождения литературы региона в целом и удмуртской литературы в частности [Ванюшев 2002: 10–17].

Великой заслугой Василия (Веньямина – после принятия монашеского сана в 1740 году) Григорьевича Пуцек-Григоровича, преподавателя Казанской духовной семинарии, впоследствии (с 1744 года) ректора этого учебного заведения, архиепископа Казанского (с 1762 года), митрополита Казанского и Свияжского (с 1775 года), занимавшего ряд других руководящих должностей в православном мире, является то, что он свою активную миссионерскую работу соединил с просвещением и наукой [Ванюшев 2010: 37]. Вслед за грамматикой чувашского языка с его же представления Петербургской академией наук были изданы «Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка» (1775) и «Сочинения, принадлежащие к грамматике вотского языка» (1775). «Труд по созданию грамматики удмуртского языка был завершен к 1770 г. В журнале академической комиссии за этот год содержится распоряжение о напечатании в 300 экземплярах грамматик удмуртского и марийского языка», – пишут историки [Гришкина 2004: 214]. Однако драматические события восстания под руководством Пугачёва и следствие, в которое по клеветническому навету был вовлечен преосвященный Вениамин, задержали издание.

Случай с обвинением В. Г. Пуцек-Григоровича в поддержке отряда Пугачёва, а затем полным оправданием его для нас примечателен тем, что в связи с этим состоялась переписка Екатерины Второй с Казанским митрополитом. В ответ на ободряющие слова императрицы (*«позабудьте прискорбие и печаль, кои вас уязвляли <...> а я с отменным доброжелательством есмь. Екатерина»*) [цит. по: Атаманов 2004: 22]) просветитель народов Волго-Камья отправил благодарственное послание. Показательна стилистика его, характерная для времени, в которое появились первые памятники удмуртской литературы, связанные также с В. Г. Пуцек-Григоровичем. *«Всемилолюбивейшая Государыня! – начинается оно. – Милость и суд безпримерные вашего императорского величества, кои на мне соизволили удивить пред целым светом, воскресили меня от гроба, возвратили жизнь, которую от молодых ногтей посвятил я на службу по Бозе в непоколебимой верности вашему монаршему престолу и отечественной пользе, сколько от меня зависит, а продолжалась она пятьдесят три года, но которую клевета, наглость и злоба против совести и человечества исторгнуть покушались»* [Атаманов 2004: 22]. Особенно показательна концовка письма, помогающая нам осмыслить и содержание, и форму появившихся вскоре в печати первых стихотворений на удмуртском языке. *«Крепкая десница Господа сил да отвращает во вся дни живота от превожделенного здравия вашего недуги, от неусыпных трудов утомление, от возрастающей и процветающей славы зависть и злобу; да будет дом, держава и престол ваш яко дние неба. С таковым моим усердствованнием и всеподданническою верностию, пока дух во мне пребудет, есмь. Вашего императорского величества всеподданнейший раб и богомолец смиренный Вениамин, митрополит Казанский»* [Речь приветственная на пришествие в Казань... 1769: 4–5].

Через некоторое время случилась и личная встреча императрицы и митрополита Казанского. Екатерина Вторая побывала во многих местах Российской империи. Путешествия ее являлись способом легитимации монархической власти, «в конструировании» которой особое место принадлежало русской православной церкви [Ибнеева 2004]. Одно из первых путешествий ее было в 1767 году по Волге. Во время торжественной встречи императрицы в Казани в числе других с приветственной речью выступил и архиепископ Казанский и Свияжский

преосвященный Вениамин [Речь приветственная на пришествие в Казань <...> 1769: 4–5]. Ее риторика находилась в характерном русле сакрализации – одного из видов церковной проповеди, в которой ораторы использовали клишированные мотивы, образы, игру слов, прибегая к сакральным текстам «святоотеческой и агиографической литературы», к Священному Писанию Библии [Ибнеева 2004: 151–152]. Императрицу сравнивали с Солнцем, называли Невестой Иисуса, Воскресшим Христом, уподобляли Богочеловеку. По этой традиции нельзя было ставить восхваляемого человека только наравне с самим Богом. «Этот тип словесного творчества выглядит как манипуляция авторитетной топикой в интересах текущей ситуации, зачастую определяемой политической актуальностью» [Ибнеева 2004: 152]. Историки не исключают при этом и элементы конъюнктуры: «...принимая коронованную особу, духовные лица надеялись (и не зря, как видно из этой же статьи Г. В. Ибнеевой. – *В. В.*) и на повышение статуса, и на вознаграждение, и на улучшение материального состояния епархий, и т. д.» [Ибнеева 2004: 150]. Касаясь сравнений, характерных тропов в речи Вениамина, автор статьи отмечает, что он уподобляет помазанницу Божью «превечному помазаннику Христу», что ее сакральный образ возвышается тем, что более («паче») других своих предшественников, земных царей, она богом помазанная и на престоле царства российского, православного посаженная, другими словами, сам Бог посадил ее на российский престол.

Казань была не исключением. С подобными, и даже с более высокочтимыми словами встречали императрицу в разных городах руководимой ею Российской империи – в Киеве, Мстиславле, Твери, Пскове, Костроме...

Исследователь, помимо сакрализации, выделяет еще несколько уровней легитимации монархической власти в лице Екатерины Второй. Так, на уровне преемственности деяния ее ставили рядом с великими событиями в российской истории, связанными с именами императоров Петра Первого, Елизаветы Петровны, князей Владимира, Ярослава Мудрого... Подчеркивая православную идентичность, сравнивали ее с образцами благолепия – «Ольгой Христолюбивой», «Феодосием Благочестивым». В ходу были концепты «матери Отечества» и связанный с ним – «общего блага». Важным достоинством Екатерины как матери Отечества является, по представлению оратор-

ров, ее забота о просвещении народа – в том числе (а может быть, особенно, как подчеркивалось в речах, произнесенных в Казани) нерусских народов Поволжья. Упомянув о том, что в Казани императрицу приветствовали не только духовные лица, но и учащиеся новокрещенских школ, Г. В. Ибнеева пишет: *«Особенно поразительными по своим поэтическим свойствам явились слова черемиса: «Ты нас нашла как пропавшего человека. Ты нас научила как своего сына. Ты нас не оставила нам самим. Мы учимся. За это даст Бог здоровья тебе, говорим»* [Ибнеева 2004: 159].

Многие приветственные речи духовных лиц были оформлены в весьма популярном в те времена жанре оды восторженного типа. По своей тональности к ним приближаются и четырехстрочные стихотворные тексты, прочитанные учениками-«инородцами» на своих родных языках – на татарском, марийском, чувашском, мордовском и др., в том числе и на удмуртском, и опубликованные в Санкт-Петербурге в 1769 году в книге *«Духовная церемония, производившаяся во время всевождеденнейшего присутствия Ея Императорского величества государыни премудрейшия Монархини и попечительнейшия матери Екатерины Вторыя в Казани»*. Раздел, в котором они увидели свет, в стиле барокко, используя восхваляющие, с одной стороны, и уничижающие, с другой, топики, назван еще более возвышающим императрицу слогом: *«Брак души благочестивыя, небесному жениху Христу Сыну Божию уневестившияся, кратким рифмом сложенный, благочестивия рачительнице, церкви от язык собранной покровительнице, благочестивейшей великой государыне Екатерине Алексеевне, императрице и самодержице Всероссийской, от всеподданнейших рабов Казанских новокрещенских школ и разных народов собранных учеников, в знак достодолжного благодарения поднесенный»*.

Известный продолжатель начатой В. Г. Пуцек-Григоровичем работы по просвещению народов Поволжья и Приуралья, ученый-востоковед, профессор Казанской духовной академии и Казанского университета Н. И. Ильминский в конце XIX века включил эти стихотворения в свою работу *«Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия»*. Удмуртский текст в переводе на русский язык Н. Иванова, талантливого ученика Н. И. Ильминского, опубликованный в этой работе, выглядит следующим образом:

*Всё, что ты дала нам, заблудшим,
Сделало то, что мы поклонились великому Богу;
За это тебе благодарность, мать наша, говорим,
Долго жить тебе, дай Бог, просим.*

[Ильминский 1884: 342–343].

Г. В. Ибнеева справедливо соотносит стихотворные строки, произнесенные учащимися, с легитимацией монархической власти в речах духовных лиц. «*В этих приветствиях превозносится роль императрицы в обращении их – «заблудших» – в истинную веру <...>. Характерно, что в их выступлениях вера спрягается с просвещением, – пишет она и приводит строки из стихотворения другого учащегося: «Мать ты наша милостивая, ты повелела нас в школе учить, чтобы мы были умные, чтобы мы знали, в чем состоит вера. Мы и узнали по твоей милости. За это Господь и сохранит тебя» [Ибнеева 2008: 159]. В самом деле, здесь, как и в стихотворении на удмуртском языке, обнаруживается и известный мотив «матери Отечества» – «всеобщего блага», и использование конкретных деяний Екатерины Великой, наблюдавшиеся в речах духовных лиц. В 1764 году в ответ на решение Сената и Синода о закрытии новокрещенских школ императрица собственноручно распорядилась: «Школ не отрешать», т. е. категорично запретила закрывать такие школы. Эти слова, как справедливо заключает исследователь, стали основной мыслью речей всех «новокрещенских инородцев».*

В силу отсутствия в те времена правил удмуртского письма, наличия диалектных различий в фонетике, в значениях отдельных слов, а также возможных типографских ошибок было нелегко прочитать стихотворение адекватно его содержанию. Такую попытку провела лингвист Т. И. Тепляшина [Тепляшина 1965: 225–226]. Она воспроизвела стихотворение в том виде, в каком оно было напечатано в книге «Духовная церемония...», а затем в транскрипции – свое прочтение его и, наконец, подстрочный перевод своей расшифровки на русский язык. Транскрибированный ею текст в переводе нами на кириллицу выглядит следующим образом:

*Маез сётй[д], вичак ишизна (?) тон милы
Лэсьтйд, ма(лы) йыбырт[т]ом бадзым ми инмарлы.*

*Солы теныд тау, муми мнам, верасько,
Уно улны тэныд инмар сёт[,] курисько.*

С точки зрения канона силлабо-тонического стихосложения всё здесь выдержано. Стихотворение написано шестистопным ямбом, рифмовка парная. В структурном строе предложений чувствуется заметное влияние русского языка, особенно в сложноподчиненных конструкциях. Несомненно сказалось отсутствие сложившихся традиций удмуртской письменности. Не поддавалась полной расшифровке первая строка. Не случайно Т. И. Тепляшина также поставила свой знак вопроса – и в оригинале, и в своем подстрочном переводе:

*Что дано (нам), целиком безвозмездно (?) ты для нас
Создала, за что поклонимся великому мы богу,
Поэтому тебе спасибо, матушка моя, говорю,
Много жить тебе бог дай [,] прошу.*

Содержание стихотворения, как мы видим, адекватно переводу, выполненному Н. Ивановым. Тот же мотив «матери Отчизны», те же благодарные поклоны великому Богу и благопожелания императрице. Иначе выглядит лишь стиховое оформление.

До сих пор считалось, что, по-видимому, был какой-то единый оригинал на русском языке, с которого и переводили учащиеся-«инородцы» [Ванюшев, Поздеев, Уваров 1987: 21]. Некоторые предполагали даже, что автором русского оригинала, по всей вероятности, был В. Г. Пуцек-Григорович [Краснова, Шкляев 2002: 69]. Однако приведенные нами выше три текста стихотворных приветствий показывают: тема и тональность в них одинаковая, но образное выполнение различно. Скорее всего, было дано задание (возможно, тем же Пуцек-Григоровичем или каким-либо другим преподавателем) написать стихотворение на одну тему, а словесное творчество принадлежит самим учащимся [Ванюшев 2010].

К этой мысли приводит и сопоставление разноязычных стихотворных сочинений учащихся, опубликованных в другой книге – «Сочинения в прозе и стихах на случай открытия Казанского наместничества...», к созданию и выпуску которой также прямое отношение имел В. Г. Пуцек-Григорович [Сочинения в прозе и стихах 1782].

В этой связи в письме к князю А. А. Вяземскому митрополит сообщил, что открытие Казанского наместничества «за помощью Божиею и счастием Ея Императорского Величества благополучно к общему благосостоянию совершилось» [Сборник материалов по истории Казанского края 1908: 33]. Заканчивается оно представлением ректора Казанской Духовной семинарии (так называет себя здесь В. Г. Пуцек-Григорович) Его Сиятельству сочинений учащихся своего учебного заведения и других лиц, участников торжеств: «...имею честь поднести один экземпляр, прося всепокорно сии посильные знаки усердия моего удостоить милостивым принятием» [Сборник материалов по истории Казанского края 1908: 33].

Открытие наместничества (или установление местного самоуправления) в 1781 году было поистине великим событием не только для города, но и всего Казанского края, или Казанской страны, как говорилось в речах некоторых выступавших на торжественной церемонии. Не случайно оно вызвало всеобщее ликование. «*И так довольную имеешь, о Казань! причину, изъявлять приличное толь вожделенному случаю торжественные внутренняго твоего веселия знаки*, – говорилось в одной из речей в стиле всё той же барочной петиции, что и в приветствиях Екатерины Второй в ее поездках. – *Перестань отсель завидовать счастливому жребию сверстных тебе градов, предваривших воспрять на себя благотворныя лучи от востока Монарших попечительных судеб. Се ныне озаряет и тебя с причетными тебе грады, и веси толь желанный свет премудрых Ея уставов, в которых содержится откровение, руководствующее каждого особыми, но удобнейшими правилами к блаженной жизни*» [Сборник материалов по истории Казанского края 1908: 125–126]. Высказывалось представление о наступлении в Казанском крае утопического нравственного благоденствия, прямо-таки сказочного всеобщего блага: «*Здесь **благородство** (выделено при цит. – В. В.) найдет свое право и пристойную опеку; **гражданин** побуждение к должности и благонравию; **воин** ободрение к ревностнейшим подвигам; **художник** спокойство и поощрение к преспеянию; **купец** справедливые выгоды; **земледелец** безопасность и охоту к вящему трудолюбию*». Родители и чада получают полное взаимопонимание. И даже «*гонимые обрящут убежище, утесняемые покровительство, несчастные помощь, сироты попечение, бедные снабдение, старые, немощные*

и увечные призрание: словом, здесь всякому чину, полу, возрасту и состоянию безнужное и надежное предписано удовольствие» [Сборник материалов по истории Казанского края 1908: 126].

В семи речах на русском, латинском, греческом, татарском языках, в трех кантах, в оде, в стихотворениях на русском, латинском, немецком, татарском, чувашском, мордовском, марийском, удмуртском языках участники публичного собрания благодарили Августейшую Монархиню, посаженную на Российский престол самим Богом, по велению Всевышнего заботящуюся о духовном здоровье и просвещении народов, своим мудрым и благочестивым решением установившую Казанское наместничество. В речах на своем уровне, в привычном для себя стиле и формах, участники собрания нередко обращаясь к цитатам из Библии, поднимали проблемы поистине всероссийской значимости, касающиеся и религиозной веры, и просвещения, и права, и морали. В этом хоре голосов звучали и удмуртские слова. Приведем их в том виде, в каком они напечатаны в «Сборнике материалов по истории Казанского края в XVIII в.» – с некоторыми поправками по сравнению с первой публикацией, основанными на рукописных оригиналах.

*Укъ шеттыськы таче зець потонь шумесь:
Тасяно виль дауришумь потысесь
Кутъдырья уань даженыхъ воз(ь)матыськомъ
Инмар ужесь мялям Эисей анайлысь ужьяськом,
Возьматыслысь милемлы шонеръ Терезь,
Алемъ воцякъ адамлысь кшандыресъ
Кудысь понна митаче шумъ адзиса
Въ есяс(ь)комъ инмарлы
Сомедъ та солысь али потысь ужесь юнматтыса
Ми понна сое воз(ь)матос зецлы.*

Буквы в скобках, по всей вероятности, проставлены редакцией «Сборника», исходя из логики предложений и на основе уже сложившихся к тому времени каких-то правил удмуртского письма. И эти поправки согласуются с современным удмуртским правописанием. Кроме того, в ссылках и сносках указаны, какие слова первой публикации исправлены, основываясь на рукописях. Они касаются слов «шумесь»

(было «шумеш»), «даурьшумъ» (было «дауръ шумъ»), «Кутьдырьями» (было «милъ»), «даженыхъ» (было «даженъсь»), «Инмаръ» (было «Ипмаръ»), «Ужьяськом» (было «усьяськом»), «Тережь» (было «терессъ»), «кшандыресъ» (было «и шандыресъ»), «адзиса» (было «амсуса»), «инмарлы» (было «инръ»), «воз(ь)матось» (было «взятось»). Большинство поправок помогает адекватному пониманию смысла текста (Инмаръ, инмарлы, адзиса, возматось, и шандыресъ), хотя и они, как увидим дальше, нуждаются в уточнении, другие – совсем не достигают такой цели.

Т. И. Тепляшина так расшифровывает этот текст:

*Уг шедьтїськы таче зеч шумез,
Та сяна виль даур шумпотїсез,
Куддырья ми уань гажанэз возьматїськом,
Инмарез ужез милям эксэй анайлїсь ушьяськом.
Возьматїсьлїсь милемлы шонер тїроез
Алэм вочак адямилїсь ишандырез.
Кудїз понна ми таче шум адзїса,
Вїсьяськом (тыриыса) инмарлы,
Со мед та солїсь али потїсь ужез юнматїса,
Ми понна сое возьматоз зечлы.*

[Тепляшина 1965: 227]

Так выглядит ее собственный подстрочный перевод данного варианта стихотворения:

*Едва ли можно найти (букв. не нахожу) такое важное торжество
(букв. добро изливающее настроение)
Чем это новое ликование,
Во время которого всё уважение мы выражаем.
Божеские дела нашей государыни восхваляем,
Осуществляющей (букв. указывающей нам)
нами справедливое руководство,
Уберегшей (букв. предупредившей) всех людей от несчастья,
За которое мы, испытывая такую радость,
Молимся усердно богу,
Чтобы он, теперь от нее государыни исходящее дело укрепив,
Ради нас это дело направил на добро.*

[Тепляшина 1965: 228]

Признавая приоритет Т. И. Тепляшиной в расшифровке первых стихотворений на удмуртском языке, мы считаем возможным предложить несколько иное прочтение отдельных мест этого текста, основанное на изменении знаков препинания, падежных форм некоторых лексем и добавления в скобках наших разъясняющих слов. В сегодняшнем удмуртском правописании текст, напечатанный в «Сборнике документов по истории Казанского края в XVIII в.», можно представить следующим образом:

*Уг шедьтйськы таће зеч потон шумез (шумпотонэз),
Тае сяна, вьль даур шумпоттйсьез,
Ку дырря ми вань гажаммес возьматйськом,
Инмар ужэзэ милям Эксэй Анайлэсь ушьяськом,
Возьматйсьлэсь милем шонер Төроез (Кивалтонэз).
(Со) алэм вочак адымилэсь (вань калыклэсь) ишан дырез
(кӧшкемыт вакытэз),
Кудйз понна ми таће шум адзыса (шумпотыса)
Вӧсяськом Инмарлы,
Со мед, солэсь та али потйсь ужэзэ юнматыса,
Ми понна сое (улонамы) возьматоз зечен.*

Предлагаем и свой подстрочный перевод этих строк:

*Не нахожу такой доброй радости,
Кроме этой, новой радости века,
Когда мы выражаем всё свое уважение,
Божественные дела нашей Государыни прославляем,
Показывающей нам праведное Правление,
Оно предотвратило от всех людей кошмарные времена
[ишандырез],
За что, испытывая такую радость,
Молимся Богу,
Пусть Он, укрепив Ее нынешние дела,
Ради нас явит их добром.*

Такое содержание стихотворения вполне соответствует и прозаическому переложению его на русский язык, опубликованному в обоих изданиях («Сочинения в прозе и стихах...» и «Сборник материалов по истории Казанского края...»): «С настоящим нашим торжеством

*едва может другая каковая либо радость сравниться. Ибо Всемило-
стивейшая наша Монархиня к восстановлению общаго блага, к пре-
ращению же всякаго зла утверждает премудрые законы. Из сего по-
черпая необычайную радость просим небесных стран Владыку, дабы
сих Монархини нашей спасительных узаконений исполнение соответ-
ствовало Ея божественным начинаниям»* [Сборник материалов по
истории Казанского края 1908: 154].

Это стихотворение уже более значительно по содержанию и более сложное по форме, нежели опубликованное в книге «Духовная церемония...». Да и написано оно, как и другие, вошедшие в книгу 1782 года, учащимися не новокрещенских школ, а духовной семинарии. Сопоставив стихотворный вариант и прозаическое переложение, можно предположить, что первоначально текст был прозаическим. Он более сложен в смысловом отношении. Отсюда проистекает следующий вывод. Скорее всего, Пуцек-Григоровичем или другими педагогами на русском языке были написаны прозаические тексты, предложенные учащимся-«инородцам», чтобы те изложили их в стихах на своих родных языках. Возможно, таким же образом возникли и стихотворения, опубликованные в 1767 году в книге «Духовная церемония...». Пишет же о них Г. В. Ибнеева: *«В вышеприведенных речах новокрещенской школы чувствуется благодарность (пусть даже написанная руководством школы) Екатерине за ее труды на поприще просвещения нерусских народов Поволжья»* [Ибнеева 2004:159]. И учащиеся неплохо справились с заданием. В переводах этого и других стихотворений семинаристов на русский язык эмоциональная экспрессия окрашивает общественно значимые проблемы. И в Казани, и в других городах Екатерину Великую прославляли за действительно праведные дела – как Императрицу, своею властью укрепляющую единство всех земель и народов огромной империи, за ее верность православию и просветительские устремления, в том числе и в отношении «инородцев» – нерусских народов России. Территориально-географическое и социальное пространство Казани и края при этом, естественно, оказалось в фокусе всех речей, включая и стихотворные. Во многих обобщающих образах отобразились и вполне конкретные, понятные для слушателей деяния правителя. В стихотворении на удмуртском языке, например, в упоминании о предотвращении кошмарных времен («ишандыр») можно уловить ссылку на недавнее усмирение крестьянского бунта

под предводительством Е. И. Пугачева. В качестве главного мотива звучала, конечно, мысль о всеобщей радости по поводу открытия Казанского наместничества, но в каждом стихотворении она выражалась по-своему. Для сравнения приведем русские прозаические варианты стихотворных строк на мордовском и чувашском языках. Первое из них: *«Не можно нам в сие благополучное время не чувствовать радости. Ибо Великая Государыня наша храня нас яко детей, старается о существенном нашем благоденствия. Чего для предприняла и в Казани основать дом правосудия, как и в прочих градах. Сим теперь поздравляя Вас, желаем здравствовать нашей Государыне безвредно»* [Сборник материалов по истории Казанского края 1908: 155]. Второе: *«Неудобоверному Еврейскому народу через Моисея дан был закон от Бога при горе Синайской с грозным и ужасным действием: ныне же мановением того же существа Премудрая наша Монархиня спасительные свои законы вводит и учреждает кротко и снисходительно, что всех Ея возбуждая к радости и вечной благодарности движет наш дух и уста приветствовать Вас достопочтенное собрание! сим благополучным происшествием с таковым усердствовать: да воздаст сторично Великодаровитый Бог Виновнице нашего щастия временная и вечная блага»* [Сборник материалов по истории Казанского края 1908: 155–156]. Эти примеры еще раз убеждают в том, что мысль о якобы существовавшем едином русском оригинале, который все переводили на свои родные языки, ошибочна [см.: Истоки развития удмуртской литературы 2012: 401]. Таким образом, на сто с лишним лет назад отодвигается и время появления в печати первых оригинальных поэтических произведений на удмуртском языке. Как известно, отсчет публикации первого оригинального художественного произведения на удмуртском языке велся с 1898 года, когда было напечатано стихотворение Г. Е. Верещагина «Чагыр, чагыр дыдыке...» («Сизый, сизый голубочек...») [Ванюшев, Поздеев, Уваров 1987].

Анализируя лексику удмуртского стихотворного текста 1782 года, Т. И. Тепляшина приходит к выводу, что в нем используются не только общеупотребительные слова родного языка, но и немало таких, которые имеют признаки южноудмуртского диалекта – и в словарном составе, и в морфологии, и фонетике отдельных слов. Это неудивительно. Учиться в Казань приезжали, по-видимому, больше детей южных удмуртов, нежели срединных и северных.

Стихотворение написано с использованием сложносочиненных и сложноподчиненных конструкций, причастных, деепричастных и уточняющих словесных оборотов, что способствует созданию определенного эмоционального напряжения. Для обозначения «беспорядков», смутного времени, связанного с Пугачевым, найден выплывающий из глубин мифологического сознания удмуртов словообраз-метафора «ишандыр», означающий «время призраков» – промежуток между днем и ночью.

Длина строк стихотворения колеблется от 9 до 15 слогов. Исключением является лишь восьмая, как бы незаконченная строка. Тем не менее, все строки объединены тремя смысловыми ударениями в каждой, что придает тексту тоническое звучание. В стремлении уйти от монотонного однообразия автор десятистрочного стихотворения сочетает шесть первых парных рифм с перекрестной рифмовкой последних четырех строк. По-видимому, подражая одам классицистов XVIII века, он использует необычную для удмуртских грамматических конструкций инверсию («потон шумез» вместо «шумпотонэз»), в угоду ритму сокращает сложное слово («шум[потонэз] адзыса» – «видя радость»). Но эти частности не умаляют ценности стихотворения для своего времени.

* * *

Литературные памятники XVIII века стали истоком «светского» направления в развитии духовной культуры удмуртов, которая до этого проявляла себя лишь в устно-поэтических формах. Они показали, что с помощью русского алфавита, основываясь на опыте и тонического, и силлабического стихосложения русской литературы, есть возможность создавать письменную поэзию на удмуртском языке. Их роль в духовной культуре России XVIII века этим не исчерпывается: *«Авторитет императорской власти как архетип традиционного сознания в немалой степени поддерживался этими речами, словами, одами, кантами»* [Ибнеева 2004: 160], другими словами, **и эти стихотворения стали частью всероссийской духовной культуры своего времени.**

По своему идейно-эмоциональному содержанию стихотворения находились в русле традиций русской словесности, заложенных еще выдающимися представителями российского Просвещения Ф. Прокоповичем и М. В. Ломоносовым. В Казани было особенно сильно вли-

яние просветительской деятельности Киевской духовной академии. В Казанской духовной семинарии пользовались некоторыми учебниками, созданными Ф. Прокоповичем. М. В. Ломоносов пропагандировал идеи мирного процветания под руководством мудрых монархов, заботящихся о «блаженстве» подданных, о процветании экономики и культуры страны. Историки многонациональной культуры России не случайно подчеркивают, что именно выпускники Киевской академии, выдающиеся деятели российского Просвещения, разделявшие идеи просвещенного абсолютизма: В. Г. Пуцек-Григорович, Д. С. Семенов-Руднев (Дамаскин), ученик и последователь первого из них Е. Рожанский – разработали научные основы письменности на основе русской графики, национального речевого общения, «что открыло народам Поволжья и Урала доступ к сокровищам мировой культуры» [Юсуфов 1985: 113].

История возникновения и становления удмуртской литературы обнаруживает типологически общие черты со сходными процессами в словесной культуре народов «с поздним литературогенезом» [Юсуфов], особенно в регионе Урало-Поволжья [Domokos 1975; Domokos 1985; Ванюшев 1991; Ванюшев 1995; Дооктябрьские истоки межлитературной общности Урало-Поволжья 1991]. Истоки письменной словесной культуры удмуртов, коми, марийцев, чувашей были определены логикой развития российского Просвещения с его научно-познавательной и идейно-нравственной направленностью, впитавшего в себя высокую духовную культуру Древней Руси и идейный потенциал новой русской культуры [Юсуфов]. В связи с этим «меняется масштаб понимания и оценка проблемы истоков литературы поволжско-уральских народов, рассматриваемых в тесном единстве с культурой мирового средневековья и в рамках европейской культуры Нового времени» [Юсуфов 1985: 116; см. также Юсуфов 2005].

Общекультурный контекст конца XVIII века в России стал, таким образом, основополагающей базой для развития национальных литератур, в том числе и удмуртской. Весьма символичен факт многогранного творчества Г. Е. Верещагина (1851–1930), вошедшего в историю национальной культуры как первый удмуртский ученый и писатель. Несомненно, что формирование его как личности было связано с идеями российского Просвещения, вобравшего в орбиту своего влияния многочисленные народы России и нашедшего благотворное развитие во второй половине XIX века, особенно в связи деятельностью Им-

ператорского Русского географического общества с центром в Санкт-Петербурге [Ванюшев 1995]. В эту эпоху колыбель фольклора стала тесной для реализации творческих потенций народа. На щедрой фольклорной ниве стало зарождаться собственно литературное творчество удмуртских авторов. В дальнейшем оно связано с именами Михаила Можгина, Ивана Яковлева, Михаила Ильина, Ивана Михеева, Кедр Митрея, Ашальчи Оки, Кузубая Герда других авторов. Однако именно с многогранного творчества Г. Е. Верещагина начинается формирование удмуртской литературы как системы.

Литература

Алатырев В. И. Первая научная грамматика 1775 года и развитие удмуртского языкознания // 200 лет удмуртской письменности. – Ижевск, 1976. – С. 15–36.

Атаманов М. Г. Великий просветитель удмуртского и других народов Волго-Камья // Миссионерское обозрение. 2004. – № 11. – С. 13–25.

Атаманов М. Г. Удмуртская ономастика. – Ижевск, 1988.

Белых С. К., Напольских В. В. Этноним удмурт: исчерпаны ли альтернативы? // *Linguistica Uralica*/ 1994. № 4. – С. 278–288.

Бойкова Е. Б., Владыкина Т. Г. Песни южных удмуртов: Мат. и иссл. – Ижевск, 1992. – Вып. 1. – (Удмуртский фольклор).

Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам: Толковый удмуртско-русский словарь. – Ижевск, 1932.

Ванюшев В. М., Поздеев П. К., Уваров А. Н. Истоки удмуртской советской литературы // История удмуртской советской литературы: В 2 т / Рук. авторск. кол. В. М. Ванюшев; ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР, НИИ при СМ УАССР. – Устинов: Удмуртия, 1987. – Т. 1. – С. 6–55.

Ванюшев В. М. Творческое наследие Г. Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья. – Ижевск, 1995.

Ванюшев В. М. Историко-культурная и культурно-историческая основа формирования национальных литератур Урало-Поволжья // Первой удмуртской грамматике 225 лет: сб. ст. – Ижевск, 2002. – С. 10–17.

Ванюшев В. М. Пуцек-Григорович, Екатерина Вторая и первые стихотворные публикации на удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2010. – Вып. 1. – С. 32–39.

Верещагин Г. Е. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1: Вотяки Сосновского края / отв. за вып. Никитина Г. А.; послесловие: Ванюшев В. М., Никитина Г. А.; предметно-тематический указатель: Ванюшев В. М.; примечания: Ванюшев В. М., Владыкина Т. Г., Гришкина М. В., Долганова Л. Н., Иванова М. Г., Никити-

на Г. А., Шушакова Г. Н. – Ижевск, 1995. – С. 214; комм. – С. 230. – (Памятники культуры).

Верецагин Г. Е. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2: Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии / отв. за выпуск Христолюбова Л. С.; предисловие ко второму тому, примечания, указатели: Христолюбова Л. С.; комментарии: Владыкина Т. Г., Христолюбова Л. С. – Ижевск, 1996. – (Памятники культуры).

Владыкин В. Е. Удмурты // Вопросы истории. 1969. № 11. – С. 214–220.

Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – Ижевск, 1994.

Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. История этнографии удмуртов: Краткий историографический очерк с библиографией. – Ижевск, 1984.

Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. Удмурты: Историко-этнографический очерк. – Ижевск, 2008. – (Bibliotheca Fenno-Ugrica).

Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики: монография. – Ижевск, 1998.

Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор // Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск, 2000. – С. 46–49.

Владыкина Т. Г. «Дух народа» сквозь призму фольклора // Финно-угорская фольклористика на пороге нового тысячелетия: материалы конференции (Международная летняя школа. Глазов, 17–30 августа 2000 г.) / отв. ред. Т. Г. Владыкина. Ижевск, 2001. – С. 189–196.

Владыкина Т. Г. Знающий (туно) в удмуртской традиционной культуре // Мифология удмуртов. – Ижевск, 2003. – С. 97–102.

Владыкина Т. Г. Мифология визуального и акустического в коммуникативном поведении удмуртов // Вестник УдГУ: История и филология. Вып. 1. 2008. – С. 83–88.

Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 1–3. – СПб., 1776–1778.

Гришкина М. В. Арская земля // Удмуртская республика: Энциклопедия. Изд. 2-е, перераб. и доп. – Ижевск, 2008. – С. 185–186.

Гришкина М. В. Культура и быт населения Удмуртии в XVI – первой половине XIX века // История Удмуртии: конец XV – начало XX века / под ред. К. И. Куликова; введ. М. В. Гришкиной, Н. П. Лигенко. – Ижевск, 2004.

Гришкина М. В. Присоединение Удмуртии к Российскому государству // История Удмуртии: конец XV – начало XX века / под ред. К. И. Куликова; введ. М. В. Гришкиной, Н. П. Лигенко. – Ижевск, 2004.

Гришкина М. В., Владыкин В. Е. Письменные источники по истории удмуртов IX–XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов / сб. ст. – Ижевск, 1982. – С. 3–42.

Дмитриев В. Д. Бичурин и Чувашия / Академик НАНИ ЧР Дмитриев В. Д. // http://www.krotov.info/libor/min/02_b/bich/urin2.htm

Долганова Л. Н., Морозов И. А. Игры и развлечения удмуртов. – Ижевск, 2002.

Дооктябрьские истоки межлитературной общности Урало-Поволжья: сб. ст. / сост. и отв. ред. Ванюшев В. М. – Ижевск, 1991.

Древняя Российская история отъ начал российской народа до кончины Великаго Князя Ярослава Перваго или до 1054 года, сочиненная Михайломъ Ломоносовымъ. – В Санктпетербургъ При Императорской Академіи Наукъ 1766.

Духовная церемония, производившаяся во время всевожденнейшего присутствия ее императорского величества великія государыни Екатерины II в Казань. – Изд. АН, 1769.

Загадки / сост. и автор предисл. Т. Г. Перевозчикова. – Ижевск, 1982.

Загребин А. Е. Г. Ф. Миллер – историк на пути к этнографическим источникам // Загребин А. Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.) / Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. – Ижевск, 2006. – С. 89–126.

Загребин А. Е. И. Г. Георги и первая сводная монография по этнографии народов России // Загребин А. Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.) / Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. – Ижевск, 2006. – С. 127–158.

Загребин А. Е. Ф. И. Страленберг (-Табберт) – путник в «странах полуночных» // Загребин А. Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.) / Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. – Ижевск, 2006. – С. 52–88.

Загребин А. Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.): монография / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2006.

Ибнеева Г. В. Речи духовных лиц на приезд Екатерины II // Православный собеседник: альманах Казанской духовной семинарии. – Казань, 2004. [Вып.] 3 (8).

Ильминский Н. И. Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. – Казань, 1884.

Истоки развития удмуртской литературы // История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в. / глав. ред. В. В. Блажес, Е. К. Созина. – М., 2012.

История Удмуртии: с древнейших времен до XV в. / под ред. М. Г. Ивановой; предисловие М. Г. Ивановой; введение Р. Д. Голдиной, О. М. Мельниковой; Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. – Ижевск, 2007.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5–8. – Калуга, 1993. – С. 527.

Карпов А. М. Древние музыкальные инструменты (к этнографическому изучению) // Истоки искусства Удмуртии. – Ижевск, 1989. – С. 12–22.

Кельмаков В. К. Зарождение и развитие удмуртского языкознания // Первой удмуртской грамматике 225 лет: сб. ст. / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2002. – С. 17–53.

Кельмаков В. К. Первая грамматика удмуртского языка как феномен европейской духовной культуры XVIII века // Вордскем кыл. – 2001. – № 5. – С. 52–58.

Кельмаков В. К. Происхождение и первые упоминания этнонима ар // Этнонимы. – М., 1970.

Красильников А. Г. Философия культуры: способ коммуникации как культурообразующий фактор (на материале удмуртской культуры). – Ижевск, 2008. – (Онтология художественной культуры).

Красильников А. Г. Этапы аккомодации удмуртской культуры к письму // Первой удмуртской грамматике 225 лет: сб. ст. / Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. – Ижевск, 2002. – С. 175–180.

Краснова Т. А., Шкляев А. Г. Критическая мысль и истоки формирования удмуртского письменного и литературного языка в XVIII веке. В. Г. Пуцек-Григорович // Первой удмуртской грамматике 225 лет: сб. ст. / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2002. – С. 73–85.

Кротов З. Удмуртско-русский словарь: около 5 000 слов / Предисловие Т. И. Тепляшиной. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. – 308 с. – (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие; Памятники удмуртской филологии I).

Куликов К. И. Вениамин Пуцек-Григорович – первый просветитель удмуртов // Первой удмуртской грамматике 225 лет: сб. ст. / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2002. – С. 54–73.

Кунгуров С. Н. Удмуртские традиционные музыкальные инструменты. – Ижевск, 1994.

Майер В. Е. Исторические и культурные предпосылки написания первой грамматики удмуртского языка // Вопросы удмуртского языкознания: сб. ст. / УдНИИ при СМ УАССР. – Ижевск, 1975. – С. 24–34.

Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков с показанием их жительства, политического учреждения, телесных и душевных дарований, какое платье носят, от чего и чем питаются, о их торгах и промыслах, каким языком говорят, о художествах и науках, о естественном и вымышленном их языческом законе, також о всех употребительных у них обрядах, нравах и обычаях: с приложением многочисленных слов на семи разных языках, как то на казанско-татарском,

черемисском, чувашском, вотяцком, мордовском, пермском, зырянском, и приобщенным переводом господней молитвы «Отче наш» на черемисском и чувашском языках. СПб., 1791.

Миллер Г. Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии, а имянно черемисов, чувашей и вотяков // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих, при Императорской академии наук. СПб., 1756. (июль). – С. 33–64; (август). – С. 119–145.

Могиллин М. Краткой отяцкия грамматики опыт = Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв. ред. Л. Е. Кириллова; Слово к читателю – Л. Е. Кирилловой; Предисл. – К. И. Куликова; Прил. – Т. И. Тепляшиной. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 203 с. – (Памятники культуры. Лингвистическое наследие).

Напольских В. В. Введение в историческую уралоистику. – Ижевск, 1997.

Напольских В. В. К вопросу о диалектной базе удмуртского словника Ф. И. фон Штраленберга // *Linguistica Uralica*. – 2002. – Vol. 1. – S. 33–34.

Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Дневниковые записи, декабрь 1726. – Ижевск, 2001.

Нуриева И. М. Песни завятских удмуртов. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. – Вып. 1. – (Удмуртский фольклор).

Нуриева И. М. Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999.

Нуриева И. М. Песни завятских удмуртов. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – Вып. 2. – (Удмуртский фольклор).

Нуриева И. М. Сольные импровизации северных удмуртов: к проблеме жанра // Финно-угорская фольклористика на пороге нового тысячелетия: Мат конф. (Междунар. летняя школа. Глазов, 17–30 августа 2000 г.). – Ижевск, 2001. – С. 102–110.

Нуриева И. М. Удмуртский музыкальный фольклор // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998.

Останина Т. И. Пьяноборская культура (III в. до н. э. – II в. н.э.) // История Удмуртии: С древнейших времен до XV в. / Под ред. М. Г. Ивановой; предисловие М. Г. Ивановой; введение Р. Д. Голдиной, О. М. Мельниковой; Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. – Ижевск, 2007. – С. 166–182.

Приказчикова Ю. В. Устная историческая проза Вятского края: материалы и исследования / Сост., коммент. и указат. Ю. В. Приказчиковой; УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2009.

Пчеловодова И. В. Удмуртские лирические песни: истоки и формирование традиции / Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. н. – Ижевск, 2006.

Радищев А. Н. Полн. собр. соч. / А. Н. Радищев. – М.-Л.: АН СССР, 1952. – Т. 3.

Речь приветственная на пришествие в Казань государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы Всероссийская, говоренная <...> преосвященным Вениамином, архиепископом Казанским и Свияжским мая 26 дня 1767 года // Духовная церемония, производившаяся... во время всевожденнейшего присутствия Ея Императорского величества государыни премудрейшая Монархини и попечительнейшая матери Екатерины Вторыя в Казане. – СПб., 1769. – С. 4–5.

Рычков Н. П. Журнал или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. – СПб., 1770.

Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII в., изданный под руководством профессора Д. А. Корсакова. – Казань, 1908.

Сочинения в прозе и стихах на случай открытия Казанского наместничества в публичном собрании на разных языках говоренныя в тамошней семинарии декабря 26 дня 1781 года. – М., 1782.

Сочинения, принадлежащие к грамматикъ чувашскаго языка. Въ Санктпетербургъ при Императорской Академіи наукъ 1769 года.

Сочинения, принадлежащая къ грамматикъ вотскаго языка. Въ Санктпетербургъ при Императорской Академіи наукъ 1775 года.

Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века / АН СССР. Ин-т языкозн.; отв. ред. В. И. Лыткин. М., 1965. Вып. 1.

Ходырева М. Г. Песни северных удмуртов: Мат. и иссл. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. – Вып. 1. – (Удмуртский фольклор).

Хороводно-игровые и плясовые песни / Сост. Л. Н. Долганова; авт. предисл. Л. Н. Долганова, С. В. Стародубцева. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. – (Удмуртский фольклор)

Черных Е. М. Население Удмуртии в раннем железном веке (VIII в. до н. э. – II в. н. э.) // История Удмуртии: С древнейших времен до XV в. / Под ред. М. Г. Ивановой; предисловие М. Г. Ивановой; введение Р. Д. Голдиной, О. М. Мельниковой; Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. – Ижевск, 2007. С. 123–165.

Чуракова Р. А. Бортничьи песни в удмуртской фольклорной традиции // Этномузыковедение Поволжья и Урала: Сб. науч. тр. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. – С. 124–174.

Чуракова Р. А. Песни южных удмуртов: Мат и иссл. – Ижевск, 1999. – Вып. 2. – (Удмуртский фольклор).

Юсуфов Р. Ф. Общность литературного развития народов СССР в дооктябрьский период. – М.: Наука, 1985.

Юсуфов Р. Ф. История литературы в культурофилософском освещении. М.: Наука, 2005.

Domokos P. Az udmurt irodalom története. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1975.

Domokos P. A kisebb uráli népek irodalmának kialakulása. – Budapest, 1985.

Väisänen A. O. Das Zupfinstrument gusli den Wolgavölkern // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, LVIII. – Helsinki, 1928. – S. 303–330.

1.2. «ДУХОВНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ ПРОИЗВОДИВШАЯСЯ <...>»

Эта книга, увидевшая свет в Санкт-Петербурге два с половиной века тому назад, давно на слуху у специалистов словесной культуры удмуртов, во всяком случае со времён активной научной деятельности Т. И. Тепляшиной (1924–2014) и особенно – после издания первого тома «Истории удмуртской советской литературы» (Ижевск, 1987). Однако воочию увидеть её до сих пор удавалось немногим. Скопировав с оригинала из фондов редких книг Государственной научной библиотеки Российской Федерации (Москва), предлагаем вниманию читателей несколько наиболее важных для нас страниц этого памятника культуры. Среди них: титульный лист издания; начало приветственной речи В. Г. Пуцек-Григоровича в честь прибытия в 1767 году Екатерины Второй в Казань; часть подборки стихов, прочитанных учениками новокрещенской школы на своих родных (удмуртском, марийском, мордовском, чувашском, татарском) языках, в которых дети благодарят Императрицу за заступничество, создание условий им обучаться на материнских языках, «найти себя» в общероссийском содружестве наций, желают Ей всяческой Божьей помощи (см. с. 44–47 наст. изд.).

Всего четыре строки удмуртского стихотворного текста оказалось в этой публикации. Но они были первые. Значимость их во стократ возрастает от того, что они являются неделимой частью контекста речей и текстов, звучавших на разных языках, в том числе и таких древнеписьменных, как греческий и латинский, обрисовывающих состояние державы времён Российского Просветительства.

Считаем эту публикацию особенно необходимым для студентов и аспирантов – тех, кто постигает азы научного познания наших корней.

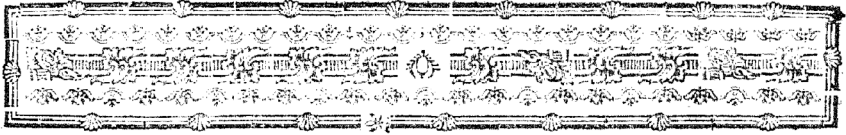
ДУХОВНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ
ПРОИЗВОДИВШАЯСЯ
ВО ВРЕМЯ ВСЕВОЖДЕЛѢННѢЙШАГО ПРИСУДСТВІЯ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ВЕЛИКІЯ ГОСУДАРЫНИ
ПРЕМУДРѢЙШІЯ МОНАРХИНИ
И
ПОПЕЧИТЕЛЬНѢЙШІЯ МАТЕРИ
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ
ВЪ КАЗАНѢ,

СЪ ПРИЛОЖЕННЫМЪ ПРИ ТОМЪ СЛОВѢМЪ
О НЕСРАВНЕННОМЪ ВЕЛИКОДУШІИ
АВГУСТѢЙШІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ
САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ

ПОЛУЧИВШІЯ БЛАГОПОЛУЧНОЕ ОТЪ ПРИВІВАНІЯ ОСПЫ
ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

при Императорской Академіи Наукъ 1769 года.

РЪЧЬ ПРИВѢТСТВИТЕЛЬНАЯ

На пришествіе въ Казань Всепресвѣплѣйшя ,
Благочестивѣйшя , Великія Государыни Импе-
раплицы **ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСѢВНЫ** ,
Самодержицы Всероссійскія , говоренная предъ
ворошами первопреспольныя соборныя Благо-
вѣщенскія церкви Синодальнымъ Членомъ , Пре-
освященнымъ Веніаминомъ , Архіепископомъ Ка-
занскимъ и Свіажскимъ , Мая 26 дня ,
1767 года.

Кто мнѣ дася сребренныя трубы оныя , яже сочинивъ
великій во пророцѣхъ Моисей Боговидецъ , возгремѣлъ
въ полкахъ Іудейскихъ , и созвавъ предъ святая свя-
тыхъ многочисленный сонмъ сыновъ Израилевыхъ ,
воспѣлъ благодарственная славословія Богу ? Кто мнѣ , гла-
голю , дася трубы оны , да вознесу въ крѣпости гласъ мой ,
и сотворю услышанъ во градѣхъ и селѣхъ , на поляхъ и въ
дубравахъ , на горахъ и въ удолияхъ , по спогнамъ и въ до-
мѣхъ ; и созвавъ пмочисленный предѣловъ сихъ народы , со-
спавлю приличное нынѣшней радости нашей правднеспіво ,
и воспію посредѣ церкви милоспіи и величія Божія , изліянныя
свыше избобильно на насъ въ вождѣлѣннѣмъ пришествіи Твоемъ ,
Всепресвѣплѣйшая Самодержица наша ?

Гдѣ възыщу сладковенящія богоопца Давида гусли ,
да спавъ на недремлемой спражи , възду бряца на нихъ въ
спрѣшеніе свѣшносному Ангелу , и подражая примѣру по
сердцу Господню избраннаго Царя сего предъ сѣннымъ ковче-
гомъ

С Т И Х И.

Въ высочайшее ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА въ Казанѣ присудствіе въ
загородномъ Архіерейскомъ домѣ называемомъ
Іерусалимъ , отъ имѣющихся изъ разныхъ на-
родовъ въ Новокрещенской школѣ учениковъ
говоренные ; гдѣ прежде всего спавъ порядо-
чнымъ образомъ по обоимъ споронамъ всѣ ор-
ды встрѣшая всевождедѣннѣйшую свою гостью,
единогласно пѣли приличную къ тому времени
слѣдующую пѣснь : днесъ благодать святаго
Духа насъ собра , и пропчая.

Естьлибъ природа была согласная съ нами !

Кто съ пыящею усненъ , мыжъ сердецъ со шмами
Удвоилибъ радость здѣсь , нашу намъ отмѣнну ;

Что множилась день отъ дне , въ сердецъ сокровенну ,
Благодарнобъ наше днесъ щасье возвышали

Всѣ орды послѣднія ! А кому предстали ?

Предъ шую , котора намъ милоснь умножала ,

Ордамъ школъ не отрѣшати , сама предписала.

О щастливия орды ! видѣвши шакую ,

Кая движешъ въ рѣчь языкъ чрезъ себя самую ?

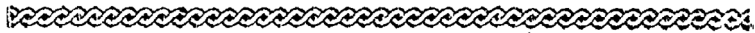
Но наши не способные на рѣчи языки ;

Однѣкъ вы Черемиса , Чуваша , Вошяки ,

Мы

Мы Ташара своимъ же шеперь разговоромъ ,
 Сколько можно , скажемъ все всемъ нашимъ соборомъ :
 Ибо сладко и пріятно рѣчь дѣшскую нагу ,
 Машерній слухъ и горящій духъ пріемлемъ какъ благу.

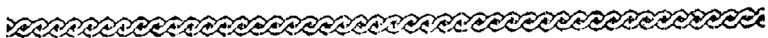
П О Ч Е Р Е М И С К И И.

Тынь мямнѣмъ моуѣ куцѣ ялше Эдемкѣне
 Тынь мямнѣмъ шумпушѣуѣ куцѣ шынинь Эргедкѣне
 Тынь мямнѣмъ шиуѣ кодѣ шкемѣ спаланъ пуменѣна ,
 Тыделѣялинь пуже юмо шулкѣмъ шпаянѣпъ келесѣна.

П О Ч У В А Ш С К И И.

Пелместапаръ абирь шя минь барасъ парня ,
 Сана чиберъ пашша пора-мырынъ Ання !
 Юрашныжынъ пиря пелместа маръ халчень
 То-ра хужу сюдѣ пелзанъ и дахъ чечень
 Намалыхъ ся-ванженъ , ни-минь стохъ чонъ анчахъ
 Парня вырня полдаръ вулда аппинъ санахъ.

П О В О Т С К И И.

Ма эѣ съоты выцѣкѣ ишизнапонъ милы
 Лѣсписъ ма ибыршамъ бадчимъ ми инмарлы
 Солы шеныдъ шау муми пнамъ верасько
 Уно уляы шеныдъ инмаръ съотъ курысько.

2. ОСНОВЫ МЕЖЛИТЕРАТУРНОЙ ОБЩНОСТИ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

2.1. В ШИРОКОМ КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУР

*(Доктябрьские истоки межлитературной общности
Урало-Поволжья: сб. статей / сост. и отв. ред. В. М. Ванюшев –
Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. – С. 3–14)*

Ученых всё более занимает мысль о необходимости научного воссоздания всей системы единой многонациональной советской литературы во всем ее жанровом, стилевом, идейно-тематическом, национальном многообразии, определения места каждой национальной литературы, каждого выдающегося художника слова на многоцветной карте нашей страны и даже всего мира как во временном, так и в пространственном разрезе. Для решения этой задачи крайне необходимо доскональное изучение каждой национальной литературы, каждого ведущего художника слова, определившего тенденцию развития литературы своего времени. Однако в такой же степени этого еще и недостаточно. Для изучения вопроса нужны ученые, мыслящие масштабно, умеющие как проникать вглубь художественной структуры произведений, так и видеть за отдельными явлениями национальной литературы выражение определенных тенденций, направлений всеобщей культуры.

Интерес к единству всемирной литературы проявил еще великий немецкий поэт Гёте. В разговоре с Эккерманом от 31 января 1827 года он подчеркивал: *«Национальная литература сейчас мало что значит, на очереди эпоха всемирной литературы, и каждый должен содействовать скорейшему ее наступлению»* [1]. Гёте вовсе не отвергал значение национальных литератур вообще – он говорил о необходимости преодоления национальной ограниченности каждой из них, сознательного усиления их взаимосвязей и подхода к каждой из них с точки зре-

ния всемирной литературы. Кстати сказать, понятие «всемирная литература» впервые было введено именно Гёте во время этого разговора.

Процесс усиления единства мировой литературы чуть позднее, в 1848 году, отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте коммунистической партии». *«Плоды духовной деятельности отдельных наций, – писали они, – становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более невозможными, и из многих национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература»* [2].

Единство в многообразии мирового процесса на широком историческом и географическом плацдарме прослеживается в задуманной в девяти томах «Истории всемирной литературы» ИМЛИ АН СССР.

Как отмечается во вступительной части второго тома, «История всемирной литературы» – это труд, в котором анализируются закономерности исторического движения литературного мира с древнейших времен. Необходимость подобного исследования, обобщающего широчайший по охвату материал, продиктована и достижениями современной науки, и расширением географических и хронологических границ изучаемых литератур, и общественными запросами наших дней [3].

В качестве основной цели издания редколлегия ставит задачу выявить исторические закономерности мирового литературного развития. Для метода исследования, отмечается во вступительной части к тому, принципиально важное значение имеет стремление к возможно более широкому охвату литератур мира на протяжении всей истории литературы. Материалы первого тома убедительно показали, отмечается во вступительной части, что культурные и литературные связи между народами, странами и континентами существовали с древних времен. Это еще раз подтверждает правильность понятия «всемирная литература» и его применимость ко всей литературной истории человечества.

Этот труд предполагает внимательное отношение к цельности диалектического развития каждой конкретной национальной литературы. Однако это не свод историй отдельных литератур. Взгляд на конкретную литературу предполагает рассмотрение ее как части всей системы, требует не изолированного подхода, а учета общего контекста эволюции мировой художественной культуры. Сопоставительная характеристика отдельных национальных литератур имеет синхронный и диахронный аспекты, так как общественное развитие человечества шло неравномерно.

Сравнительный анализ истории национальных литератур в этом коллективном труде, в создание которого включились и ученые Урало-Поволжского региона, проводится в нескольких аспектах. Среди них важное место занимает изучение эстетических традиций и общих для данной исторической эпохи форм (методов, стилей, направлений, жанров и т.д.), а также сравнительно-типологическое исследование общей характеристики литератур, объединяемых на основе территориальных и культурно-исторических комплексов и регионов.

Таким образом, метод сравнительно-типологического изучения литератур, нашедший в последние годы все большее признание в исследованиях единства и многообразия советской многонациональной литературы, явился одним из основных и в таком глобальном труде, как «История всемирной литературы». Это не случайно. Лишь группировка литератур по типологическому сходству и изучение их в связи с общественно-историческими условиями жизни может дать верную картину и единства, и многообразия литературного процесса страны и мира. Изучение вопроса на уровне творческой индивидуальности отдельных, пусть даже наиболее выдающихся, писателей или в рамках отдельных национальных литератур в данном случае оказывается необходимым, но не достаточным условием.

Сравнительно-историческое изучение литератур относится к числу специальных методов исследования. Современное советское литературоведение стремится к изучению любого литературного явления в системе социальных условий, его породивших, обусловивших его развитие и функционирование. «Специальные методы и есть конкретные способы уяснения данной специфики», – подчеркивает Л. И. Емельянов. Между тем ученый предостерегает от возможных ошибок: специальные методы должны быть применены последовательно и правильно, в объективных границах, соответствующих природе самого изучаемого явления. Перспективы, которые сулил при своем возникновении сравнительный метод, продолжает свою мысль ученый, казались почти безграничными: богатейший материал, озаренный идеей сходства, открывал величайший простор для самых смелых обобщений и гипотез в трудах Ф. И. Буслаева, О. Ф. Миллера, А. Н. Веселовского. Однако абсолютизация метода обусловила и методологические ошибки: нивелировалось, например, различие между типологическими и генетическими связями литератур [4].

Нельзя не учитывать всего этого при сравнительном изучении литератур региона. Следует четко представить себе, что такой методический подход к объекту исследования ни в коей мере не может заменить ни изучения творческой индивидуальности отдельных писателей, их поэтики, ни выяснения истории отдельных жанров национальной литературы, ни вообще всей ее истории. Сравнительное и типологическое исследование каждой из литератур и всего региона – это шаг на пути к более широкому обобщению, на пути выяснения их места и роли в истории советской многонациональной и всемирной литературы.

Сравнительное изучение литератур в рамках культурно-исторического комплекса Урало-Поволжья, включающего как этнически родственные, так и не родственные народы, требует одновременного учета и генетических, и контактных, и типологических связей. Вопрос усложняется тем, что во многих литературных явлениях типы связей выступают не только в чистом виде, но и многообразно накладываются друг на друга. Нельзя не учитывать здесь и одинакового или неодинакового влияния на разные национальные литературы в определенные периоды их развития со стороны российской, всей советской и даже мировой культурной общности.

Задача чрезвычайно сложная. Однако высокая цель – выяснить место каждой из национальных литератур в системе культурной общности страны и мира – дает немалый стимул для того, чтобы приступить к ее решению.

Эта работа преследует не только чисто научную цель. Осмысление национальных литератур в системе широкой культурной общности должно воздействовать на сознание писателей, на их ориентированность, на решение (хотя и в рамках национального материала и национальных традиций) актуальных жизненных и художественных задач, волнующих сегодня человечество.

Работа по сравнительному изучению литератур региона уже начата как в нашей стране, так и за рубежом. В отношении удмуртской литературы автору данной статьи об этом уже приходилось писать в монографии «Расцвет и сближение» [5]. Да и сама монография написана в русле этого метода. После ее издания появился ряд работ, продолжающих эту линию исследования [6].

Явления удмуртской литературы в качестве сопоставимого материала всё чаще стали фигурировать в трудах ученых автономных республик Урало-Поволжья [7]. Чаще других обращаются к ним литературоведы Коми АССР [8].

Вопросы сравнительно-типологического изучения искусства слова удмуртов в системе фольклора и литературы финно-угорских народов нашей страны и мира не раз поднимались венгерским академиком Б. Кёпеци [9], французским профессором Ж.-Л. Моро [10] и другими учеными на Международных конгрессах финно-угроведов.

Из зарубежных исследователей типологическому изучению удмуртской литературы много сил и внимания отдает ученый из Венгрии Петер Домокош. Еще будучи студентом, в 1960-е годы Домокош опубликовал свою первую научную работу – статью «Современная удмуртская литература». С тех пор его научные поиски были связаны с национальной литературой удмуртов.

Годы работы в Ленинграде молодой венгерский ученый целенаправленно и плодотворно использовал для изучения не только удмуртских изданий, но и архивных материалов. Работу над темой продолжал, вернувшись в Венгрию. Публиковал статью за статьей в периодике, сборниках. В результате родилась солидная монографическая работа «История удмуртской литературы», которую он в качестве кандидатской диссертации защитил в 1972 году и издал отдельной книгой в Будапеште в 1975 году [11].

Уже в этой работе П. Домокош предпринял усилия для сопоставления удмуртской литературы с другими, в том числе с молодыми литературами стран Азии и Африки, как бы сделав заявку на свою следующую книгу «Формирование литератур малых уральских народов», которая вышла в Будапеште в 1985 году [12]. Она представляет собой сравнительно-типологическое изучение удмуртской и других литератур финно-угорских и самодийских народов, проживающих в Советском Союзе.

В основе отбора исследуемых литератур в работе П. Домокоша находится генетическое родство уральских (финно-угорских и самодийских) народов, их культуры. Автор выделяет семь типологических групп, при этом сознательно отказываясь от подробного рассмотрения в этой книге таких литератур, как венгерская (первая группа), финская и эстонская (вторая группа), имея в виду, что они наиболее изучены. Свое пристальное внимание ученый уделяет третьей (мордовская, марийская, удмуртская, коми, коми-пермяцкая), четвертой (мансийская, хантыйская, ненецкая, селькупская), пятой (карельская), шестой (саамская) и седьмой (ижорская, вепсская, водская и ливская) группам литератур, считая, что каждая из них заслуживает такого же внимательного изучения, как венгерская, финская и эстонская.

Автор работы справедливо указывает, что предмет его исследования относится, с одной стороны, к такой комплексной науке, как ураловедение в целом, с другой – ко всеобщему литературоведению. Он не ограничивает себя чисто литературным материалом, связывает его с языкознанием, фольклористикой, открывая при этом богатые возможности выявления национального своеобразия литератур, их тесных связей с историей, культурой народов в широком смысле слова.

В ураловедении П. Домокош закладывает довольно стройную систему новой дисциплины – уральского литературоведения. Он называет ряд своих работ, которые помогли ему прийти к этому обобщающему труду. Среди них богато иллюстрированный переводом на венгерский язык обзор уральских литератур (1972). В 1975 году вышла близкая к тому обзору, но более обширная по объему (примерно 1000 страниц) антология «Медвежья песня», в подзаголовке которой значится: «Зеркальце литературы восточных уральских народов». В 1982 году увидел свет сборник избранных произведений поэзии уральских народов «Сила песни» на французском языке, составленный совместно с финно-угроведом и поэтом из Парижа Ж.-Л. Моро. Вместе с венгерским лингвистом Петером Хайду написан и издан в 1978 году учебник для высших учебных заведений «Наши уральские родственники», где обрисована история развития всех, за исключением венгерской, финно-угорских литератур. В своей книге «Пособие по уральской литературе», выпущенной в 1982 году на немецком языке, в ряду всех уральских литератур он рассматривает и венгерскую. Несколько статей общего сравнительного характера составили его книгу «О литературе восточных финно-угорских народов», выпущенную в 1983 году на финском языке.

Во все эти издания щедро включен и материал удмуртской, марийской, молдавской и коми литератур.

Подчеркивая сравнительно-типологический метод исследования в своей книге, ученый пишет о том, что включить литературы уральских народов в систему всемирной литературы возможно **лишь при условии, если их рассматривать в сравнении не только между собой, но и с соседними восточно-европейскими, скандинавскими, прибалтийскими, а также с советской русской и сибирской литературами, «сформировавшимися в одинаковых или схожих исторических и культурных условиях»**, так как ясно, что «*наряду с субъективными особенностями (традиции, язык, сознание, творческие индивидуальности)*,

они определены и своей географическо-экономической и политической “зоной”. Так, например, – продолжает он, – может быть объяснена и истолкована чувашским и татарским окружением марийская культура, в свою очередь ненецкую помогает понять палеолого-сибирский ареал. Кроме того, в отношении их всех нельзя не принимать во внимание связь с русской культурой, имеющую глубокие корни» [13].

Создав целую систему изучения литературы уральских народов, П. Домокош внес весомый вклад в мировое литературоведение, открыв для него новую область исследования – проблемы развития уральских литератур. С другой стороны, изучение истории каждой из национальных литератур в таком широком контексте является новым словом о них, в том числе и об удмуртской, и о других литературах региона.

Все пятнадцать литератур уральских народов, которым венгерский ученый уделяет основное внимание, входят в состав советской многонациональной литературы. Работы Н. Басселя, Н. Черапкина, К. Васина, Е. Владимирова, Ф. Ермакова, М. Пахомовой, В. Пахоруковой, В. Демина, А. Пошатаевой, автора этих строк и других исследователей хоть и касаются типологии советских уральских литератур и в совокупности составляют общую картину их развития во взаимных связях, в творческих контактах с русской и другими национальными литературами, ни в одной из них еще не охвачена вся система литератур уральских народов, живущих в СССР. Значит, и в этом плане работа П. Домокоша является новым шагом в литературоведении.

Повествуя о ходе работы над изучением литератур уральских народов, П. Домокош пишет: *«В соответствии с моими планами и представлениями я намеревался в одной большой работе осветить сначала литературу какого-либо одного малого уральского народа... И это осуществил я в моей кандидатской диссертации по удмуртской литературе»*. Книгу «История удмуртской литературы» *«можно считать одной из моделей возможных методов разработки при исследовании литератур малых народов и национальностей»*, по сути дела неизвестной судьбы и культуры для мировой науки [14].

Так П. Домокош предложил один из путей введения материалов удмуртской литературы в активный оборот мировой цивилизации.

Довольно пристальное внимание уделяет П. Домокош и дооктябрьскому периоду истории удмуртской литературы. Тем не менее эта часть словесной культуры удмуртов всё еще остается наименее изученной.

Наблюдения и выводы А. Н. Уварова, П. К. Поздеева, Ф. К. Ермакова, автора этих строк и других удмуртских литературоведов, касающиеся отдельных сторон дореволюционного периода родной литературы, впервые выстроены в определенный концептуальный ряд лишь во вступительной главе к первому тому «Истории удмуртской советской литературы» [15].

В дореволюционной истории удмуртской литературы еще много непроясненных моментов. В освещении их как с культурно-исторических, так и с эстетических точек зрения очень кстати окажется опыт исследования других национальных литератур региона. В этом заключается еще один аспект целесообразности сравнительного изучения литератур.

На пути сопоставительного исследования дооктябрьского периода литератур Урало-Поволжского региона сделана серьезная заявка Р. Ф. Юсуповым в его книге «Общность литературного развития народов СССР в дооктябрьский период», в которой есть отдельная глава «О некоторых особенностях литературного развития народов Поволжья и Приуралья» [16]. О литературах данного региона немало говорится и в других главах. Да и вся монография является серьезным теоретическим подспорьем при разработке проблем становления и развития межлитературной общности региона. Настоящий сборник статей, где представлены как теоретические изыскания в области исследований межлитературных общностей, так и конкретный историко-культурный и литературный материал региона, является попыткой продолжить научный поиск коллективными усилиями.

Литература

1. *Эккерман И. П.* Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. – М., 1981. – С. 219. Цит. по: *Аветисян В. А.* Гёте и его концепция мировой литературы: (В свете литературного процесса XX века) // *Вопр. лит.* – 1984. – № 10. – С. 114.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – 2-е изд. – Т. 4. – С. 428.
3. *История всемирной литературы: В 9 т. / Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького.* – М.: Наука, 1984. – Т. 2.
4. *Емельянов Л. И.* О границах применения специальных методов изучения литературы // *Методологические вопросы науки о литературе: Сб. научных трудов / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом).* – Л.: Наука, 1984. – С. 43.
5. *Ванюшев В. М.* Расцвет и сближение: О типологии соотношения национального и интернационального в удмуртской и других младописьменных литературах. – Ижевск: Удмуртия, 1980. – С. 27–45.

6. См., напр.: *Ермаков Ф. К.* Творческие связи удмуртской литературы. – Ижевск: Удмуртия, 1981; *Зуева А. С.* Поэтика удмуртского романа. – Ижевск: Удмуртия, 1984; *Ванюшев В. М.* Общее и особенное в характере героя литератур народов Поволжья // Концепция личности в литературе развитого социализма: Сб. статей. – М.; Ереван, 1982. – С. 132–140; *Шкляев А. Г.* Влияние романтизма А. М. Горького и финских поэтов на удмуртскую поэзию в период ее перехода к реализму // Вопросы литературы народов СССР. – Киев; Одесса, 1982. – Вып. 8. – С. 139–146; *Ванюшев В. М., Зуева А. С.* Общее и особенное в удмуртском романе // Советский многонациональный роман. – М.: Наука, 1985. – С. 347–358; Проблемы творческих связей удмуртского фольклора и литературы: Сб. статей. – Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1986.

7. См., напр.: *Алешкин А. В.* Эпос дружбы: (Типология жанра поэмы в литературах народов Поволжья). – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1985.

8. См., напр.: *Беляев Г. В.* От вечно живого корня. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. (Коми проза исследуется в сравнительно-типологическом сопоставлении с коми-пермяцкой, марийской, мордовской, удмуртской и чувашской литературами, которые автор относит, вместе с коми, к поволжско-приуральской региональной общности); *Демин В. Н.* Коми поэма. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1978. (Коми поэма рассматривается в сопоставлении с поэмами финно-угров Поволжья и Приуралья); *Латышева В. А.* Драматургия и жизнь. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. (Рассматриваются пути развития современной драматургии коми, марийцев, удмуртов и мордвы); Межнациональные связи коми фольклора и литературы: сб. статей / ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. – Сыктывкар, 1979. – Вып. 21; Национальное и интернациональное в коми литературе и фольклоре: сб. статей / ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. – Сыктывкар, 1982. – Вып. 26; Идеино-эстетическое взаимодействие коми фольклора и литературы с культурой народов СССР: сб. статей / ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. – Сыктывкар, 1985. – Вып. 35.

9. *Kopeczi B.* La science littéraire dans les études finno-ougriennes: (Les perspectives d'une littérature comparée-ougrienne // Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum. Budapest, 1975. – P. 1. – Budapest: Akadémiai Kiadó. – P. 211–230.

10. *Moreau G.-Z.* Le rôle du folklore dans les littératures des peuples finno-ougriens. – Ibid. – G. 231–242.

11. *Domokos P.* Az udmurt iredalom története. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1975.

12. *Domokos P.* A kisebb uráli népek irodalmának kialakulása. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1985.

13. Там же. – С. 343.

14. Там же.

15. Ванюшев В. М., Поздеев П., Уваров А. Н. Истоки удмуртской советской литературы // История удмуртской советской литературы: В 2 т. – Устинов: Удмуртия, 1987. – Т. 1. – С. 6–55.

16. Юсуфов Р. Ф. Общность литературного развития народов СССР в дооктябрьский период. – М.: Наука, 1985. – С. 110–127.

2.2. НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

(Дооктябрьские истоки межлитературной общности Урало-Поволжья: сб. статей / сост. и отв. ред. Ванюшев В. М. – Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. – С. 251–257)

Главными категориями межлитературности, по мнению словацкого ученого Д. Дюришина [См.: *Дюришин Д. Особые формы межлитературных общностей // Slavica Slovaca. – 1980. – № 4. – С. 313–330*], о теоретических поисках которого шла речь в этой книге, являются такие понятия: общие традиции литератур этого круга; их состязательность; чередование доминант их развития; репрезентативность; многофункциональность; ускоренность развития.

Думается, нельзя не согласиться с Н. М. Басселем, проанализировавшим теорию межлитературности словацкого ученого и утверждающим о том, что каждая из названных категорий многослойна и многоаспектна. Касаясь общих традиций рассматриваемых литератур, Н. М. Бассель [См.: *Бассель Н. М. Некоторые проблемы теории межлитературных общностей // Дооктябрьские истоки межлитературной общности Урало-Поволжья. – Ижевск, 1991. – С. 3–14*] выделяет среди них ряд самостоятельных пластов: **общие традиции устного народного творчества; общие центры культуры и образования; общие моменты формирования письменности и книгопечатания; общие собственно литературные традиции.**

По каждому из этих параметров, действительно, можно выявить немало сходного и общего в литературах Урало-Поволжского региона.

Авторы первого тома «Истории коми литературы» (Сыктывкар, 1970), где анализируется устное творчество народа, не ставили специальных задач выявления общих, сходных черт фольклора коми

и других народов. Однако представленный ими материал – убедительное свидетельство общих корней образного мировосприятия не только коми, коми-пермяков, удмуртов, марийцев, мордвы, эстонцев, финнов, входящих в финно-угорскую семью, но и чувашей. Думается, что чувашский фольклор красноречиво свидетельствует о том, что в культуре этого народа сочетаются и тюркские, и финно-угорские истоки.

Фольклор – органическая часть обрядности, этнографических традиций народа. Наблюдения автора этих строк в монографии «Расцвет и сближение» (Ижевск, 1980) показывают аналогичность ряда обрядовых действий чувашей и удмуртов, восходящих, по-видимому, к общим (или сходным) языческим временам и явившихся сюжетообразующими центрами произведений, написанных уже в советское время. Такие широко известные поэмы, как «Леший» М. Федорова, «Нарспи» К. Иванова, написанные в дореволюционные годы, с использованием фольклора и этнографических реалий чувашей и в образном мировосприятии содержащие немало общего, скажем, с удмуртским и татарским фольклором, также свидетельствуют об общих корнях региона.

Сходные моменты в истории письменности и книгопечатания народов региона, как правило, созданы наличием **общих центров** культуры и образования. Первые памятники письменности удмуртов, марийцев и чувашей (в последнем случае оговоримся: в истории новейшего времени, потому что историками чувашей обнаружена древняя письменность их предков, относящаяся к болгарским временам), появившиеся во второй половине XVIII в., непосредственно связаны с именем выдающегося русского ученого-просветителя **В. Г. Пуцек-Григоровича**, в 1732 г. основавшего Казанскую духовную семинарию. Под его руководством созданы и по его представлению Петербургской Академии наук изданы первые научные грамматики чувашского (1769), удмуртского (1775) и марийского (1775) языков, сыгравшие поворотную роль не только в возникновении письменности, но и в зарождении литературы на родном языке, формировании книжно-письменного языка, теоретического языкознания.

В развитии книжной культуры народов Поволжья в XIX в. имеется такой мощный общий корень, как педагогическая и издательская деятельность известного ученого-востоковеда, профессора Казанского университета и Казанской духовной академии **Н. И. Ильминского**, создавшего стройную систему не просто миссионерской работы среди «инородцев» России, но, что самое ценное, школьного обучения детей

нерусских народов, подготовки учительских кадров для таких школ. Он выработал рациональную систему перевода русских религиозных текстов на языки народов Поволжья и организовал их практическое применение в школах. Огромная работа, проведенная Переводческой комиссией в рамках системы Ильминского, во многом способствовала становлению оригинальной национальной литературы народов региона. В стенах Казанской «русско-инородческой» учительской семинарии, открытой Ильминским в 1872 г. и работавшей по его системе вплоть до 10-х годов XX в., огромную школу освоения интернациональной культуры, любви и уважения к своим народам, к языку, ко всему духовному наследию, накопленному многовековым народным опытом, прошли многие будущие основоположники и классики национальных литератур Поволжья. Почти одновременно, в начале XX в., в семинарии учились будущие писатели-удмурты Дмитрий Корепанов (Кедра Митрей), Максим Прокопьев, мариец Сергей Григорьев (С. Чавайн), мордвин Захар Дорофеев... Все они испытали на себе всплеск национального возрождения народов Поволжья, ярко проявившийся в Казани в годы Первой Российской революции.

Деятельностью **преподавателей семинарии**, таких, как татарин Р. Даулей, удмурты И. Михеев и И. Яковлев, мариец П. Глезденев, и активных учащихся, тянувшихся к литературному творчеству, в те годы были созданы периодические издания – календари на удмуртском и марийском, газета «Хыпар» на чувашском языке, в которых, наряду с переводным материалом, стали появляться в печати первые оригинальные художественные произведения на языках региона.

Отдельные блоки, заслуживающие основательного изучения и освещения как части особой межлитературной общности Поволжья и Приуралья, составляют **педагогические системы** чуваша И. Я. Яковлева, основателя Симбирской чувашской школы, и удмурта И. С. Михеева, преподавателя Казанской учительской семинарии, создававшего учебники для преподавания в нерусских школах, которые ценились и находили применение не только в России, но и за ее пределами. Системы И. Я. Яковлева и И. С. Михеева основывались, в свою очередь, на системе Н. И. Ильминского. **Педагогическая и литературная деятельность Н. И. Ильминского, И. Я. Яковлева и И. С. Михеева**, а также их многочисленных соратников и учеников – одна из фундаментальнейших основ межлитературной общности народов Поволжья и Приуралья дооктябрьского периода.

Положительное влияние системы Ильминского, несомненно, сказалось на обучении в учительских семинариях в Карлыгане и Кукарке, где в 10-е гг. XX в. получили подготовку будущие удмуртские писатели Ашалычи Оки и Кузубай Герд.

Система Ильминского во многом основывалась на гуманистических и просветительных педагогических идеях В. Пуцек-Григоровича, а если брать еще глубже, то и М. В. Ломоносова. Думается, отголоски тех идей находили применение у преподавателей Вологодской духовной семинарии, воспитавших такую яркую фигуру межлитературной общности Урало-Поволжья 60-х годов XIX в., как Иван Куратов.

Словом, **Казань со своей гуманистической школой педагогики**, отводившей родному языку учащихся главенствующую роль в образовании, сыграла неocenимую роль в становлении национальных литератур и межлитературной общности Урало-Поволжья, которая требует специального и углубленного исследования.

Следует сказать и о такой категории, выдвинутой Д. Дюришиным, как **состязательность**. В поворотные моменты истории соседние и близкородственные литературы примерно одинакового уровня особенно заметно начинают свое движение вперед, опираясь на достижения друг друга. Возникает дух соревновательности, способствующий более ускоренному развитию. Такого рода состязательность ярко видна в первые годы Советской власти, а что касается исследуемого периода, – то в годы буржуазной революции в России 1905–1917 гг., когда национальная интеллигенция, добившись некоторых демократических послаблений, начала активную работу по пробуждению национального самосознания соплеменников. Это то самое время, когда в Казани стали выходить календари на удмуртском и марийском языке, в которых, кстати сказать, не только направленность, но и некоторые публикуемые материалы были общие, когда удмуртские просветители И. С. Михеев и И. В. Яковлев, с одной стороны, и великий просветитель чувашского народа И. Я. Яковлев, с другой – действительно, как бы соревнуясь, создавали однотипные книги для чтения, часто включая в переводах на свои языки одни и те же произведения; когда С. Чавайн и С. Ипатов, следуя примеру И. Михеева, сами создали книгу для чтения для марийских детей (1910), когда С. Чавайн, взяв исторические рассказы из «Четвертой книги для чтения» И. Михеева, перевел их на родной язык и выпустил отдельной книгой под заглавием «Рассказы из русской истории на марийском языке» (1908).

В истории межлитературной общности региона находит довольно четкое проявление и такая категория, выделяемая Д. Дюришиным, как **чередование доминант** литератур, тесно связанная с **категорией репрезентативности**: по мере развития общества и вызревания идейно-эстетических потребностей, наиболее полно удовлетворяя требованиям времени, то одна литература в лице своих выдающихся представителей оказывается впереди других, то другая. В 60-е гг. XIX в. И. Куратов со своим многоаспектным реалистическим художественным исследованием состояния коми общества, несомненно, вывел родную национальную литературу на самые передовые рубежи в регионе.

Однако значительные достижения коми литературы в лице И. Куратова не нашли своего непрерывного собственного продолжения. Они были прерваны с прекращением его творчества. Чтобы не сказать, что в начале XX в., как и многие другие национальные литературы региона, коми литература начинала как бы заново, без учета художественного и философского опыта И. Куратова, приходится вспоминать лишь творчество другого выдающегося коми писателя дореволюционного периода – Каллистрата Жакова, создавшего свои неординарные произведения в начале XX в. с опорой на широкий контекст цивилизации, в том числе и на духовное наследие своего народа, не исключая определенным образом и деятельности И. Куратова.

Таким образом, в истории межлитературной общности региона до октябрьского времени коми культура трижды оказывалась в авангардной роли. Первый раз – в связи с деятельностью Стефана Пермского, второй – И. Куратова и третий – К. Жакова.

В прозе, в частности в этнографических очерках, в середине XIX в. заметных успехов добилась чувашская литература, представленная творчеством С. М. Михайлова. С конца XIX в. в этом жанре, пожалуй, на самое видное место выдвинулся выдающийся сын удмуртского народа Г. Е. Верещагин. Две его книги, составляющие как бы единую повесть о родном народе, – «Вотяки Сосновского края» и «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии» – были тотчас замечены и высоко оценены в научном мире не только России, но и за ее пределами.

В 90-е годы XIX в. публикациями историко-этнографических очерков и отдельных частей своего будущего знаменитого произведения «Мордовская свадьба» стал известен мордовский просветитель М. Е. Евсевьев.

С 70-х годов XIX в. вплоть до Первой Российской революции чувашская литература, благодаря энергичной творческой деятельности И. Я. Яковлева, занимала ведущее положение в регионе в своих просветительных устремлениях. В годы Первой Российской революции более приоритетное положение в этом направлении заняла деятельность удмуртского писателя-просветителя И. С. Михеева.

В первое десятилетие XX в. чувашская литература значительно выдвинулась вперед, по сравнению с другими членами общности, панорамно-эпическим реалистическим осмыслением народной жизни и образного мировосприятия народа в поэме Константина Иванова «Нарспи».

Если выстроить в один ряд наиболее этапные моменты в истории межлитературной общности Урало-Поволжья дооктябрьского времени, то в качестве наиболее ярких представителей ее встанут, пожалуй, такие деятели, как коми Иван Куратов (1839–1875), удмурт Григорий Верещагин (1851–1930), мордвин Макар Евсеев (1864–1931), чуваш Иван Яковлев (1848–1930), татарин Габдулла Тукай (1886–1916), мариец Сергей Чавайн (1888–1937). Каждый из них вобрал в свое творчество переломные тенденции в развитии межлитературной общности, реализовавшиеся, конечно, усилиями многих людей, среди которых немало и других творческих личностей. В их числе невозможно не назвать имя Мифтахетдина Акмуллы (1831–1895), внесшего неизгладимый вклад в развитие национальной литературы не только башкир и татар, но и ряда других тюркоязычных народов.

2.3. ШАНДОР ПЕТЕФИ И ПОЭТЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ОБНОВЛЕНИЯ ЖИЗНИ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

(Препринт: Ижевск: Изд-во УдНИИ, 1990. – 26 с.)

В мировой науке и в такой ее отрасли, как финно-угроведение (уралистика), всё явственнее заявляет о себе финно-угорское (шире: уралистское) литературоведение. Оно включает в себя исследования разных авторов и разных направлений. Объединяет их одно существенное качество: сравнительно-типологический подход к явлениям литера-

туры. Из многих учёных, работающих в этой отрасли науки, хочется выделить профессора Будапештского университета Петера Домокоша, выпустившего, помимо множества других трудов, две солидные монографии. Учёный сопоставляет литературы уральских народов не только между собой, но и с типологически общими явлениями словесного творчества других народов.

Примыкая к данному типу исследований, мой доклад преследует гораздо менее масштабные цели. Творчество венгерского поэта Шандора Петефи (1823–1849?), заслуживающего сопоставления с ярчайшими художниками слова национальных литератур мира, рассматривается здесь в сравнительно-типологическом контексте литератур народов Поволжья и Приуралья, входящих в финно-угорскую семью: коми – в лице Ивана Куратова (1839–1875), марийской – Сергея Чавайна (1888–1937), удмуртской – Кузубая Герда (1898–1937) и мордовской – Захара Дорофеева (1890–1952), а также чувашской литературы в лице Константина Иванова (1890–1915), входящей в семью тюркских литератур, однако по своему развитию во многом типологически сходной, как признают учёные, с названными финно-угорскими литературами. Такое расширение рамок сопоставления способствует более углубленному выявлению общего и особенного в творчестве классиков национальных литератур, ставших этапными вехами в идейно-эстетическом развитии своих народов.

* * *

Сходные моменты в творчестве этих поэтов (протест против национального и социального угнетения народов власть имущими; недовольство общественной пассивностью и терпением народа; призыв к активным действиям, к революции; предсказание близкой свободы; воспевание революционной борьбы и её завоеваний; призывы к вооруженной защите революции, к активному строительству обновленной жизни) рождены сходной общественно-политической ситуацией, сложившейся к концу первой половины XIX в. в Венгрии и во второй половине XIX – начале XX вв. в национальных провинциях России: предреволюционным кризисом в обществе; усилением революционной активности масс; самой революцией и её победой.

Ш. Петефи в 1846 г. в стихотворении «Мои песни», выражая своё недовольство общественной пассивностью масс, писал:

*Что ж вы рабство терпите такое?
Цепи сбрось, народ, своей рукою!
Не спадут они по божьей воле!
Ржа сгрызет их – это ждёте, что ли?
Песнь моя, что в этот миг родится,
В молнию готова превратиться!*

(Перевёл Л. Мартынов).

Такие мотивы встречаем у каждого из названных выше поэтов. Побуждая свой народ к общественной активности, К. Герд, например, сокрушался:

*Нет! Уж лучше скорей умереть мне в пути
И не видеть, как спите вы в избах!..
Я устал уже сонных удмуртов трясти,
Тормоша вас, я весь уже высох.
Я надеялся – встанут. Я ждал того дня...
И кричал, и будил, что ни утро,
Но никто, ни один не услышал меня –
Будто мертвые спали удмурты!*

(«Уж лучше умереть!» Перевёл А. Смольников).

Ироническими интонациями наполнены строки стихотворения молодого И. Куратова «Vorwärts», написанного в 1857 г. по поводу общественной пассивности коми. Ссылаясь на одноименное стихотворение немецкого поэта-романтика Людвиг Уланда, в котором говорится, что все народы устремлены вперёд, И. Куратов пишет, что автор стихотворения забыл о коми, которые не имеют такой устремленности. Если никто не гонит, надо ли взбираться вверх по лестнице цивилизации? – иронично завершает И. Куратов.

Драматический пафос стихотворения «Уж лучше умереть» К. Герда и горькую иронию стихотворения «Vorwärts» И. Куратова вмещает в себя развёрнутое обращение Ш. Петефи «К нации» 1848 г.:

*Я печален оттого, что тучи
Гибелью грозят моей отчизне.
Я разгневан тем, что мы заснули
И не слышим и не видим жизни, –*

признаётся поэт. Затем он иронически продолжает:

*Нация проснулась, посмотрела,
Отчего кругом шумят народы,
Повернулась на бок и заснула
И забыла, что уходят годы.*

Поэт не может терпеть такой пассивности масс. Он полон благородного гнева и призывов:

*Родина, наказанная богом,
Пробудись для доблести и чести!
Создана ты славной и великой,
А плетешься на последнем месте.*

(Перевёл В. Левик).

Социальную несправедливость, неравенство людей разных сословий и общественную пассивность масс поэты тесно связывают с национальным угнетением, с попиранием национального достоинства народов.

*Ой, полно уж, ой, по горло
Горя-бед тебе, удмурт.
Разливаясь шире Камы,
Стоны горькие текут, –*

обращался К. Герд к своему народу, полный сочувствия.

*О народ мой, не с того ли
Мы подняться не могли,
Что давили нас, теснили
И сгибали до земли?*

(«Ой, полно...» Перевёл А. Смольников).

В творчестве И. Куратова, К. Иванова, З. Дорофеева также постоянно присутствует ощущение национальной угнетенности своих народов, хотя они не посвящают специальных произведений этому вопросу. Шандор Петефи и здесь предельно четок и последователен. Во многих стихотворениях он с горькой болью говорит о том, что национальная слава и достоинство венгров ушли в историю, а теперь его народ – исчезающая нация. В стихотворении «Венгерская нация», рисуя богатства края, он продолжает:

*Но народ средь нив богатых
Ходит сиротой в заплатах,
Терпит голод, униженье
И идёт к уничтоженью.*

(Перевёл Б. Пастернак).

Лишь в разгар революционных боев 1848 г., воспрянув духом, Шандор Петефи воскликнул: «*Венгерец вновь венгерцем стал?*» В одноименном стихотворении этот радостный возглас звучит рефреном, как заклинание:

*Венгерец вновь венгерцем стал!
Он сам собою стал отныне, –
Не будет больше он слугой
При иноземном господине.*

Как заклинание звучит и призыв быть решительным под знаменами, зовущими «в битву устремиться». В заключительной строфе поэт пишет:

*Венгерец вновь венгерцем стал
И вечно будет сам собою,
Иль в славный час, ужасный час
Умрем мы все на поле боя!*

(Перевёл Л. Мартынов).

Полемическая наступательность, крайний демократизм, идеи антимонархического террора и даже уравнилельного коммунизма в творчестве Ш. Петефи, выразителя чаяний неимущих масс предпролетариата, фактически возглавившего начало национально-освободительной и социальной революции 1848–1849 гг. в Венгрии, были вызваны нерешительностью и соглашательством партий и их лидеров, выражавших интересы как крупных землевладельцев, так и обуржуазившихся дворян.

«На виселицу королей!» – так называется одно из стихотворений венгерского поэта, написанное в разгар революционных боев 1848 г.

*Когда же, наконец, о глупая земля,
Возненавидишь ты и свергнешь короля?..–*

писал он.

*О, неужели я в народ мой не волью
Неисчерпаемую ненависть мою?
Клокочет, как прибор, она в груди моей.
На виселицу королей!*

(Перевёл В. Левик).

Слова, вынесенные в заголовок стихотворения, рефреном звучат в конце каждой строфы, выражая ярость беспощадного революционного террора в позиции лирического героя поэзии Ш. Петефи.

Творчество венгерского поэта отражает и предреволюционный кризис в обществе («То не в море – в небе месяц плыл...», «Лукавый пьяница», «Дворянин», «К солнцу», «Против королей», «Судьи, судьи...» и др.), и революцию, и её победу («Италия», «К сословному собранию», «Магнатам», «Национальная песня», «15 марта 1848», «К свободе», «Король и палач», «Революция», «Лук мой славный», «Боевая песня» и мн.др.), и в определенной мере её поражение («Стыд поражений, бегств позор...», «В новогодний день 1849 года», «Тиха Европа», «Гремела канонада», «Ужаснейшие времена» и др.).

В дооктябрьском творчестве каждого из поэтов Поволжья и Приуралья в силу сложившихся исторических условий наиболее полно отразились лишь отдельные этапы цикла. В поэзии И. Куратова хоть и звучит оптимистическая мысль о заре, которая придет и осветит жизнь коми, но она довольно абстрактна и является слабым утешением для пребывающих в темноте. «Тьма» – так называется стихотворение, по моему мнению, наиболее концентрированно выражающее восприятие поэтом современного ему социального положения своего народа:

*Тьма владычит искони.
Ночь нависла над землёю.
Что людей искать? Они
Слились с этой черной мглою.*

(Перевёл Д. Голубков).

Для творчества К. Иванова характерно острое чувство протеста против жестокости сонного царства патриархальных устоев, которые не просто калечат жизнь добрых людей, но и губят их, с классической отточенностью выраженное в бессмертной поэме «Нарспи».

С. Чавайн сосредоточил своё поэтическое внимание на исторических корнях народа, внушая мысль о том, что в них таится огромная сила, которую необходимо использовать для социального и национального освобождения («Богатыри», «Чоткар-богатырь», «Мои предки», «Могучий дуб»).

Предсказание близкого рассвета и свободы характерно для предреволюционной поэзии К. Герда. В стихотворении «Перед рассветом» он писал:

*Если стемнеет всюду, как ночью осенней, друг,
Если все звезды в небе примутся гаснуть, друг,
Если серебряный месяц прячется в тучи, друг,
Если туман застелет землю родную, друг, –*

Не беспокойся, друг мой:

Это перед рассветом стало немного темней!

(Перевёл А. Смольников).

В русскоязычной поэзии З. Дорофеева, одного из основоположников мордовской литературы, звучат призывные ноты. В его предреволюционных стихотворениях господствует дух обнажения социального неравенства людей, осуждения несправедливости и унижения человеческого достоинства, слышатся призывы к расправе над теми, кто угнетает народы.

*Пора разбить престолы, троны
Убийц-тиранов и царей,
Создать всеобщие законы
Для всех униженных людей, –*

писал он в стихотворении «Пора». Эти и другие подобные строки З. Дорофеева перекликаются с пафосом беспощадного революционного террора поэзии Ш. Петефи.

Призывы к вооруженной защите революции и активному строительству обновленной жизни, частично прозвучавшие в поэзии Ш. Петефи («Венгерский народ», «К национальному собранию», «В бою», «Я говорю, что победит мадьяр...», «Эрдейская армия», «Явилась смерть...» и др.) нашли широкое распространение в творчестве поэтов Поволжья и Приуралья в послеоктябрьские годы, рассмотрение которых сейчас не входит в наши задачи.

Особенностью поэзии Ш. Петефи является то, что его лирический герой, став последовательным, твёрдым и даже беспощадным революционером, не потерял душевной теплоты и человеколюбия. В годы революции это качество особенно ярко проявилось в любовных стихотворениях Ш. Петефи, посвященных Юлии Сендреи, на которой он женился в 1847 г. Этот брак, кажется, перевернул жизнь Ш. Петефи, организовал её, собрал в единое русло всю гуманистическую страсть его поэзии. Лирический герой поэта порою боится, что он умрёт от счастья любви («Пятое августа»).

*Не может это быть,
Что можно так любить,
Что можно воплотить
Всё, всё в лице одном:
Быть мужем, быть отцом,
Любовником и сыном –
И всё во мне едином.
И ты – в одном лице:
Сестра моя, жена
И дочь любимая, –*

писал поэт в стихотворении «Люблю...».

Лирический герой Ш. Петефи, увозя молодую жену в родные степи, в селение Эрдей, обещал ей:

*Будем жить от света в отдаленье.
И не шум его, а отраженье, –
Только эхо шума мирового, –
Вроде гула дальнего морского,
Будем слышать.*

(«За горами синими...» Перевёл Н. Чуковский).

На самом деле они с женой оказались в самом центре «мирового шума».

*Осенний ветер шелестит в деревьях,
Так тихо-тихо шепчется с листвой.
Не слышно слов, но грустные деревья
В ответ ему качают головой.*

*Я на диване растянусь удобно.
День гаснет. Скоро вечер. Тишина.
Склонив на грудь усталую голову,
Спокойно, тихо спит моя жена,—*

пишет Ш. Петефи в стихотворении «Осенний ветер шелестит...», рисуя, казалось бы, безмятежное спокойствие обещанной семейной жизни. Однако «эхо шума мирового» решительно рассекает эту безмятежность. Уже во второй строфе читаем:

*Рукой счастливой слышу колыханье
Её груди. В моей руке другой
История сражений за свободу —
Молитвенник и катехизис мой.
В душе моей гигантскою кометой
Горят его живые письма.
Склонив на грудь усталую голову,
Спокойно, тихо спит моя жена.*

В воображении поэта возникают видения прошлого:

*Народ, покорный бешенству тирана,
В сраженьи гонят золото и кнут.
А вольность? За одну её улыбку
Герои в бой бестрепетно идут
И принимают, как цветы от милой,
И смерть, и раны, что дарит она.
Склонив на грудь усталую голову,
Спокойно, тихо спит моя жена.*

Сочетание картины спокойного сна любимой женщины на груди мужа и страстных порывов сердца его, вызванных видениями сражений за свободу, образуя контраст, придают стихотворению особую силу. История становится трамплином для нетерпеливых размышлений:

*Так много славных, о святая вольность,
Пошли на смерть для дела твоего!
И пусть победы нет, — победа будет!
Последний бой сулит нам торжество.*

*Ты отомстишь за раненых и мертвых,
И будет месть прекрасна и страшна!
Склонив на грудь усталую голову,
Спокойно, тихо спит моя жена.*

Не эхо прошлых лет, а думы о будущем уже клокочут в сердце поэта:

*Передо мной кровавой панорамой
Встают виденья будущих времен:
В своей крови враги свободы тонут,
От тирании мир освобождён.*

Поэт признается:

*Стук сердца моего подобен грому,
И молниями грудь рассечена.*

И снова рефрен:

*Склонив на грудь усталую голову,
Спокойно, тихо спит моя жена.*

(Перевёл В. Левик).

Всей структурой стихотворения создается цепь ощущений: кровавые сражения прошлого и будущих времен против тирании для того и нужны, чтобы человек в нужный ему момент мог спокойно, тихо спать, склонив свою голову на грудь любимого человека.

Сочетание революционных страстей в груди поэта и картин теплых и даже нежных взаимоотношений близких по духу людей в этом стихотворении является как бы символом самой сути поэзии Ш. Петефи. К числу таких символических развернутых образов я бы отнес и другие стихотворения, например, «Знамя», «Жена и клинок», в которых жена поэта предстает ещё в одном качестве – как верный товарищ в революционных сражениях.

В первом из них поэт просит жену сшить боевое знамя для революционной борьбы:

*Любящими шей руками!
Пусть победа в это знамя*

Влюбится и будет с нами...

Шей, жена, скорее знамя!

(Перевёл Л. Мартынов).

Как известно, Юлия, жена Шандора Петефи, сшила такое знамя, и в первые дни революционных выступлений 1848 г. под ним собралась пештская радикальная молодежь.

Во втором из этих стихотворений, рисуя, как клинок революционера с ревностью смотрит со стены на любовные ласки мужа и жены, поэт пишет:

Не ревнуй, не бойся,

А, дружа со мною,

Подружись, товарищ,

И с моей женою!

Ты её высокой

Прелестью душевной

Будешь очарован,

О палаш мой гневный!

И как главный аргумент в пользу любимой в конце стихотворения звучат слова:

А с врагом сразиться

Родина прикажет, –

Кто тогда на пояс

Мне тебя привяжет?

Не жена ли скажет,

Расставаясь с нами:

«Будьте боевыми

Верными друзьями!»

(Перевёл Л. Мартынов).

В дореволюционной лирике поэтов Поволжья и Приуралья подобного сочетания любви и общественной борьбы мы не встречаем. Причиной тому, по-видимому, является не только отсутствие революционной активности масс (как это было в Венгрии в середине прошлого века), но и художественное сознание народов (в том числе и поэтов), которое ещё не так, как у Ш. Петефи, проявилось в выражении индивидуальных чувств личности, не полностью освободилось от фольклорных, коллективных форм сознания. Правда, у И. Куратова есть несколько по-

священной любимой девушке Сандре – Александре Ивановне Поповой («Девушка», «Сандра, дорогая...» и др.), но они ещё не связаны с социальными мотивами, являющимися сердцевиной творчества коми поэта.

По-своему проявляется сочетание общего и особенного в творчестве сопоставляемых поэтов и в поэтике их произведений, например, в использовании и развитии ими фольклорных традиций.

В раннем творчестве Ш. Петефи есть произведения, написанные почти полностью по фольклорным канонам. Например, в стихотворении «Песня» он использует двучленный параллелизм, с помощью которого одно явление жизни сопоставляется с другим. Вот первая часть такого кода, являющаяся заявкой на основной замысел произведения:

*Не спит дитя, кричит, кричит дитя
В ночную тьму,
И нянька, чтоб ребенок задремал,
Поёт ему.*

Затем следует вторая часть – завершение замысла:

*Кричит во мне, по-детски плачет боль,
Меня гнетёт.
Я песню ей слагаю и пою. –
Пускай уснёт.*

(Перевёл Н. Чуковский).

По фольклорным канонам сложено и стихотворение «На Дунае», однако в нём уже присутствует не только уравнивание двух явлений жизни в каких-то своих значениях, но и противопоставление, другими словами, явления жизни рассматриваются уже диалектичнее, в более сложных связях между собой.

*Река! Как часто вод широких гладь
Судам, ветрам случалось рассекать, –*

начинается стихотворение с привычного зачина. Во втором двустишии появляется то явление, которое исследуется с помощью первой части параллелизма: судами и ветрами река оказывается ранена так же глубоко, как сердце любящего человека страстью. Но замысел стихотворения на этот

2. Основы межлитературной общности Урало-Поволжья

раз таким параллелизмом не завершается: между раненой рекой и раненым сердцем есть не только сходство, но и различие. Это видно из третьего элемента структурной поэтики произведения – противопоставления:

*Однако судно или вихрь пройдёт, –
И вновь, как встарь, гладка поверхность вод,
А если сердце треснет пополам,
Уж не поможет никакой бальзам.*

(Перевёл Н. Чуковский).

В более поздних произведениях Ш. Петефи приёмы параллелизма и противопоставления используются очень часто, но в усложненном виде. Поэт любит сталкивать крайности, антагонистические явления жизни. Это видно и из названий многих его стихотворений: «Жизнь и смерть», «Лира и палаш», «Любовь и свобода», «Дворец и хижина», «Встарь и нынче», «Небо и земля», «В коляске и пешком», «Король и палач», «Жена и клинок»... Уже в них выражена своеобразная диалектика – взаимоотношения двух разных частей целого, жизни. Как правило, эти части противостоят друг другу, но не всегда. Конкретное содержание взаимоотношений раскрывается в текстах стихотворений. Вот как противопоставил поэт в 1844 г. понятия лиры и оружия – борьбы за свободу:

*Моя устала лира,
Ей хочется молчать.
Давно уж этим струнам
Наскучило звучать.
А там в углу палаш мой
В обиде на меня:
Ужель в ножны уложен
До судного он дня?*

(«Лира и палаш». Перевёл Л. Мартынов).

Эти понятия противопоставлены ещё и в стихотворении 1848 г.:

*Я вместо лиры саблю в руки взял,
Я был поэтом – нынче я солдат...*

(«Прощанье». Перевёл Л. Мартынов).

Однако в 1849 г. свою лиру поэт уже приравняет к оружию борьбы за свободу. Имея в виду времена, когда «звук разбитых навсегда цепей» зазвучит «молитвой родины моей», он писал:

*Нет, должен я дожить до дня того, –
Мой меч и лира бились за него!*

(«Я говорю, что победит мадьяр...» Перевёл Н. Тихонов).

На это были веские основания: лира поэта и впрямь стала действенным, острым оружием революции.

Можно сказать, что подобные диады – один из любимых поэтических приёмов Ш. Петефи. Порою удаётся проследить, как складываются в его творчестве довольно устойчивые парные образы, их сопоставления или противопоставления. Вот, например, пара: цепь угнетения – и оружие борьбы за свободу. В 1847 г. поэт художественно выразил мысль о том, что цепи угнетения надо пустить на пользу народу. Говоря, что железная дорога очень нужна обществу, поэт спрашивает, почему её начали строить поздно:

*Всё металла не хватало?
Рушьте цепи! Их – немало!
Вот и будет вам металл!*

(«На железной дороге». Перевёл Л. Мартынов).

В дни революции 1848 г. для Ш. Петефи не было ничего важнее оружия борьбы за свободу. И образ цепей угнетения получает соответственное развитие:

*То народ, всех бурь свирепей,
Сокрушает рабства цепи,
И куски проклятой стали
Для него оружием стали.*

(«Король и палач». Перевёл И. Миримский).

Или:

*Мой народ свободен – наступили сроки! –
Он пойдет отныне по своей дороге.*

*Ржавые оковы, цепи вековые
Сам перековал он в сабли боевые.*
(«Венгерский народ». Перевёл М. Исаковский).

По той же логике создана и диада: сабля – ветвь оливы:

*Время, время делать выбор!
Что тебе милей и краше –
Ветвь оливы или сабля,
Что возьмём мы в руки наши!
Саблю, а не ветвь оливы
Ты бери, рука народа.
Мир? Пусть он приходит позже,
А сперва придет свобода.*
(«Близок, близок час великий...» Перевёл Л. Мартынов).

Образ свободы также получает развитие в поэзии Ш. Петефи. На первых порах он является выражением лишь личной свободы человека, в том числе и от оков любви («Надоевшее рабство»). Впоследствии этот образ всё более наполняется социальным содержанием, тесно связывается с образом революции, имеющей целью освобождение народа от политического, экономического и национально-культурного угнетения.

Ещё в 1846 г. в стихотворении «Любовь и свобода» Ш. Петефи ставит эти понятия в один ряд:

*Любовь и свобода –
Вот всё, что мне надо!*

Однако, оказалось, это лишь первая часть усложненного параллелизма и противопоставления. Усложняется и диада «любовь – свобода»: между ними появляется «смерть». Так возникает триада «любовь-смерть-свобода»:

*Любовь ценою смерти я
Добыть готов.*

Любовь выше, дороже самой жизни. Но и это не всё. Цепь противопоставлений продолжается:

*За вольность я пожертвую
Тобой, любовь!*

(Перевёл Л. Мартынов).

Таким образом, цепь «любовь – жизнь – смерть – свобода» замыкается. И выявляется, что первоначальная параллель «любовь–свобода» получает новое осмысление. Такая цепь усиливает противопоставление. Ведь известно, что жизнь – самое дорогое у человека. А тут оказывается, что любовь выше жизни, а свобода выше и любви.

Понятно, что это ещё романтическое восприятие поэтом свободы. Впоследствии этот образ приобретает всё более реалистические черты.

В более усложнённом виде предстает триада «любовь – смерть–революция» в стихотворении «В конце сентября», где третий компонент (революция) лишь подразумевается как общий фон:

*Увяли цветы, умирает живое.
Ко мне на колени, жена моя, сядь.
Ты, льнущая ныне ко мне головою,
Не бросишься ль завтра на гроб мой рыдать?
И, если я раньше умру, ты расправишь
На мне похоронных покровов шитье?
И, сдавшись любви молодой, не оставишь
Для нового имени имя мое?*

Да и смерть противостоит здесь любви не в прямых словесных выражениях, а только ситуационно. Иными словами, отношения между всеми частями триады осложнены. Смерть здесь выступает как трагедия, как явление нежелательное, но роковое, что-то грозно нависающее. При этом во всех своих качествах – осознаваемое. Таким образом, и здесь как общий набат звучит более осложненно, трагедийно (не так мажорно, как в стихотворении «Любовь и свобода...») всё та же мысль: лирический герой Ш. Петефи готов пожертвовать торжеством своей любви и собственной жизнью ради национальной и социальной свободы, ради революции:

*Ах, если ты бросишь ходить в покрывале,
Повесь мне, как флаг, на могилу свой креп.
Я встану из гроба за вдовьей вуалью
И ночью тайком унесу её в склеп.*

*Я слезы свои утирать буду ею,
Я рану сердечную ею стяну,
Короткую память твою пожалею,
Но лихом и тут тебя не помяну.*
(Перевёл Б. Пастернак).

Диады типа «богатство-бедность» (часто встречающиеся у Ш. Петефи), «свет-тьма» широко используются поэтами Поволжья и Приуралья. Образ солнца в их творчестве, как правило, выступает в качестве символа преодоления оков тьмы, невежества и угнетения, символом обновленной счастливой жизни.

*Тесно люду. День погас.
Но взойдет на небе солнце.
Мир раздвинется. Для вас!
И отрадно вам вздохнется! –*

писал И. Куратов в стихотворении «Тьма» (перевёл Д. Голубков).

*Что так ярко светишь, солнце золотое?
Или ты не знаешь горе мировое? –*

вопросил З. Дорофеев в стихотворении «К солнцу». И далее продолжал:

*Кровь большой рекою льётся от насилья...
Сердце грустно бьётся, бьётся от бессилья —
Скоро ли прибудет день недалёкий,
Мир, когда воспрянет к истине высокой?
«Скоро, скоро... близок!» - солнце отвечало
И еще нещадней, ярче запылало.*

И. Куратову и З. Дорофееву как бы вторил К. Герд в канун Октябрьской революции:

*Золотое солнце взойдёт —
Счастье всем принесёт.
Бедный вздохнет народ—
Горе своё уймёт.*
(«Золотое солнце взойдёт...» Перевёл А. Смольников).

Во всех этих стихотворениях образ солнца метафоричен, он выступает в качестве провозвестника обновленной жизни. Однако в иных произведениях употребляется и метафорическое изображение самого солнца, представленного именно в том же привычном метафорическом качестве. Получается как бы двойная метафоризация, как, например, в стихотворении С. Чавайна «Зачем я рожден»:

*Мир ещё окутан тьмою,
Но неведом сердцу страх.
Ночь не властна надо мною:
Свет горит в моих глазах.*

*Мрак ночной я разгоняю,
Для меня преграды нет,
Я горю не угасая,
Я несу народу свет...*

(Перевёл А. Казаков).

Лирический герой явно представлен метафорично, в образе солнца. В то же время и образ солнца метафоричен, он наделён человеческими устремлениями и действиями.

Такая благоговейная трактовка образа солнца поэтами Поволжья и Приуралья уходит своими корнями в ещё совсем недалёкое время языческого миропонимания своих народов, в котором культ солнца занимал значительное место. В поэзии Ш. Петефи образ солнца свободен от культа. Он урбанистически переосмыслен. Есть у венгерского поэта стихотворение, которое так и называется – «К солнцу». Однако тональность его совсем другая. Лирический герой его имеет претензии к небесному светилу.

*Каждый божий день плетётся
Надо мной по небу вы,
Почему ж в моей камерке
Вы ни разу не были?*

Неуважение героя к солнцу, так как оно само не уважило его, доходит почти до непристойностей:

*В ней темно, как будто... Тьфу ты –
Чуть не ляпнул лишнего!*

*Заглянули б на минутку
И обратно вышли бы.*

Напоминая о том, что он, обращающийся к солнцу, – поэт, поэтому беден, лирический герой также без уважения указывает на «прошлое» солнца, взывая к пониманию творческого человека:

*Знаете! Когда-то сами
Вы на лире тренькали,
В дни, пока был Зевс не сброшен
С неба в зад коленкою!*

(Перевёл Л. Мартынов).

В стихотворении «Семейная жизнь солнца» светило представлено пьяницей. Оно выпивает, «как сапожник», прячась от своей злой жены за тучи.

*Вы видите: ложится мрак ночной,
И стелется тумана покрывало,
И солнце с красной рожеею хмельной
За горизонт мертвецки пьяным пало!*

(Перевёл Л. Мартынов).

Такая сознательно приниженная трактовка образа солнца поэтом не случайна. Она ложится в общее русло мировоззренческой направленности поэзии Ш. Петефи, который не только протестовал против сложившихся авторитетов в предреволюционном кризисном обществе Венгрии, но и активно опровергал их. Впоследствии этот путь привёл его в первые ряды самых радикальных революционеров. И это не преминуло сказаться в его образной системе. Недаром в одном из его стихотворений заходящее красное солнце ассоциируется с отрубленной кровавой головой казнённого короля.

Поэзия Ш. Петефи имела непосредственное воздействие на революционную активизацию народных масс. Его произведения не только публиковались в периодических изданиях, но и ходили в списках в близкой ему революционной среде, многие из них исполнялись как гимны, как боевые песни.

Творчество поэтов Поволжья и Приуралья в силу ограниченности распространения не имело такого активного воздействия в дооктябрьское время. Оно приобрело могучую общественную силу в годы Со-

ветской власти, став частью официальной идеологии и частью сознания народных масс. Правда, К. Герд и С. Чавайн уже в советское время пережили и пору официального запрета. Однако их поэзия, как и революционное творчество Ш. Петефи, закономерно преодолело препоны запретов и непризнаний.

Анализ творчества поэтов свидетельствует о реальной действенной силе литературы в обновлении жизни.

Резюме

Творчество великого венгерского поэта Ш. Петефи (1823–1849?), заслуживающего сопоставления с ярчайшими художниками слова национальных литератур мира, рассматривается в сравнительно-типологическом контексте литератур народов Поволжья и Приуралья: коми (И. Куратов, 1839–1875), марийской (С. Чавайн, 1888–1937), удмуртской (К. Герд, 1898–1937), мордовской (З. Дорофеев, 1890–1952), входящими в финно-угорскую семью, и чувашской литературы (К. Иванов, 1890–1915), входящей в семью тюркских литератур, однако по своему развитию типологически сходной с названными финно-угорскими литературами. Такое расширение рамок сопоставления (литературы с давними письменными традициями – и молодые; финно-угорские – и тюркоязычная) способствует углублению в выявлении общего и особенного в творчестве классиков национальных литератур, ставших этапными вехами в идейно-эстетическом развитии своих народов.

Сходные моменты в творчестве этих поэтов (протест против национального и социального угнетения народов; недовольство общественной пассивностью и терпением масс; призыв к активным действиям, к революции; предсказание близкой свободы; воспевание революционной борьбы и её завоеваний; призывы к вооруженной защите революции, к активному строительству обновлённой жизни) рождены сходной общественно-политической ситуацией, сложившейся к концу первой половины XIX в. в Венгрии и во второй половине XIX – начале XX в. в национальных провинциях России.

Полемическая наступательность, крайний демократизм, идеи антимонархического беспощадного революционного террора, уравнительного коммунизма в творчестве Петефи, выразителя чаяний неимущих

масс предпролетариата и фактически возглавившего начало революции 1848–1849 гг. в Венгрии, были вызваны нерешительностью ведущих партий и их лидеров, выразивших интересы как крупных землевладельцев, так и обуржуазившихся дворян.

Поэзия Петефи в силу сложившихся условий отражает и предреволюционный кризис в обществе, и революцию, её победу, и в определенной мере её поражение, тогда как в дооктябрьском творчестве каждого из поэтов Поволжья и Приуралья наиболее полно отразились лишь отдельные этапы цикла: извечная тьма, нависшая над народом (Куратов); стихийный протест против сонного царства патриархальных устоев (Иванов); надежды на пробуждение народа (Чавайн); предсказание близкого рассвета и свободы (Герд); призывы к вооруженному свержению монарха и завоеванию политической свободы (Дорофеев). Призывы к вооруженной защите революции и активному строительству обновленной жизни, частично прозвучавшие в поэзии Петефи, нашли широкое распространение в творчестве поэтов Поволжья и Приуралья в послеоктябрьские годы.

Революционное творчество исследуемых поэтов глубоко народно и по содержанию, и по форме. Приемы двучленного параллелизма и противопоставления, характерные для фольклора, находят усложненное применение в поэзии Петефи. Они проявляются, например, в таких диадах (сопоставлениях и противопоставлениях), как богатство и бедность, дворец и хижина, цепь угнетения и меч свободы, смерть и любовь, палач и революционная страсть, решительность, ярко характеризующая особенности мироощущения поэта. Интимные, автобиографические моменты в поэзии Петефи усиливают её гуманистическую направленность и освещают по-новому идеи беспощадного террора. Диады типа богатство-бедность, свет-тьма широко используются и поэтами Поволжья и Приуралья. Образ солнца в их творчестве, как правило, выступает в качестве символа преодоления оков тьмы и угнетения, символом обновленной счастливой жизни. Корни символа уходят в языческое миропонимание народов. В поэзии Петефи образ солнца свободен от культа. Он уже урбанистически переосмыслен.

Поэзия Петефи имела непосредственное воздействие на революционную активизацию народных масс своего времени. Творчество поэтов Поволжья и Приуралья в силу ограниченности распространения не имело такого активного воздействия в дооктябрьское время. Оно приобрело могучую общественную силу в годы Советской власти, став частью официальной идеологии и частью сознания народных масс.

Правда, Герд и Чавайн уже в советское время пережили и пору официального запрета. Однако их поэзия, как и революционное творчество Петефи, закономерно преодолело препоны запретов и непризнаний.

Анализ творчества поэтов свидетельствует о реальной действенной силе литературы в обновлении жизни.

Summary

The creative work of the great Hungarian poet Sh. Petefi (1823–1849?) who deserves to be compared with the outstanding figures of the world national literatures is considered from the point of typological comparison with literatures of the peoples of the Volga and the Urals regions: Komi (I. Kuratov, 1839–1875), Mari (C. Chavain, 1888–1937), Udmurt (K. Gerd, 1898–1937), Mordvinian (Z. Dorofeev, 1890–1952) and Chuvash (K. Ivanov, 1890–1915). The common features in their creative work came into being by similar social and political situations which had formed by the end of the first part of the XIX century in Hungary and in the second part of the XIX and the beginning of the XX century in the national provinces of Russia.

Petefi's poetry in the existing conditions reflected both the prerevolutionary crisis in society and the revolution itself, its victory and to a certain degree its defeat, while each of the poets of the Volga and Urals regions most fully reflected only some stages of the cycle.

The revolutionary creative work of the examined poets has a deep national character both in contents and form.

Petefi's poetry had direct influence upon the revolutionary activation of the masses of people of his time. The creative work of the poets of the Volga and the Urals regions owing to the limited dissemination hadn't such an active influence in the prerevolutionary time. It acquired a mighty social force in the years of Soviet power, becoming part of the official ideology and the consciousness of the masses of people. True, Gerd and Chavain as late as in Soviet time experienced a period of official ban. However their poetry like Petefi's revolutionary creative work logically came over the obstacles and non-recognition.

The of the analyse creative work poets testifies to the real affective force of literature in renovation of life.

Литература

Шандор Петефи. Избранное. Перевод с венгерского / Предисловие А. Гидаша; составитель и редактор стихотворных переводов А. Краснова. – М.: Гос. изд. худ. литературы, 1955. 607 с.

3. Г. Е. ВЕРЕЩАГИН КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПОЗДНЕГО ЛИТЕРАТУРОГЕНЕЗА

3.1. «ГЛАВНАЯ ДОЛЖНОСТЬ», ИЛИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. Е. ВЕРЕЩАГИНА (1851–1930)

*(Выдающиеся просветители Евразии: научно-популярное издание /
Сост. Р. Р. Баязитова. – Уфа: изд-во БГПУ, 2016. – С. 27–40)*

Немало копий сломано в спорах о жизни и деятельности просветителей народов России. Не хватило на их светлые головы и благородные стремления всякого рода сопротивлений, гонений от современников – даже и ныне находятся охотники наводить тень на плетень, попытаться прославлять себя выявлением пятен на Солнце. Полемизируя главным образом с автором данных строк, выпустившим монографию «Творческое наследие Г. Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья» и раскрывавшим эту выдающуюся личность в истории удмуртской культуры как одаренного учителя, просветителя, первого удмуртского ученого и писателя, доктор исторических наук Е. Ф. Шумилов в недавно выпущенном коллективном сборнике статей об этой личности утверждает: «Документы же доказывают, что именно в служении Богу (не науке, не народу и культуре? – В. В.) был высший смысл жизни и нравственный стержень деятельности этого литератора и просветителя».

На склоне своих лет Г. Е. Верещагин писал о себе: «Пятьдесят лет своей жизни я отдал науке». Этнографы В. Е. Владыкин и А. Е. Загребин справедливо писали: «Из верещагинских текстов берет свое начало удмуртская этнография, фольклористика, этнопсихология, литература, по сути дела, само профессиональное отношение к культуре своего народа». При этом добавляли: «И если Ломоносова называют

русским университетом, Пушкин, как известно, – это «наше всё», то Григория Егоровича Верещагина мы можем по праву назвать целым научно-исследовательским институтом удмуртского народа, и в этом его национальная и в то же время – интернациональная миссия».

В 1989 г. в Удмуртии торжественно отмечали 100-летие национальной литературы, приурочив это событие к юбилею публикации стихотворения в жанре колыбельной песни «Чагыр, чагыр дыдыке...» – «Сизый, сизый голубочек...» на удмуртском языке и в авторском переводе на русский язык в этнографической монографии Г. Е. Верещагина «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии», увидевшей свет в «Записках Императорского Русского географического общества в Санкт-Петербурге в 1889 г. Хотя оно краеведом-этнографом было включено в его труд под видом народной песни, литературоведы и фольклористы, внимательно рассмотрев тематику, образную структуру, стиль произведения, типологию подобных публикаций в истории художественной словесности у ряда других нерусских народов России, пришли к убедительному выводу, что оно принадлежит перу самого Верещагина. Было признано, что «Чагыр, чагыр дыдыке...», в отличие от переводных письменных, а также опубликованных фольклорных текстов, является первым авторским печатным произведением в удмуртской литературе. Но уже в XXI в. исследователям удалось убедиться, что первыми оригинальными художественными текстами на удмуртском языке явились два стихотворения одического характера – «Мае сётїд вичак ышемъёслы тон, милемлы...» («Что дала ты нам, совершенно пропавшим...») и «Уг шедътїськы та́че жеч потон шумез [шумпотонэз]...» (Не нахожу такой хорошей радости...»), опубликованных в коллективных сборниках (СПб., 1769; М., 1789) и прославлявших Екатерину Вторую – как императрицу («мать российских народов»), за ее поддержку православия, просветительские усилия, в том числе направленные на поддержку «инородческих» учебных заведений. До недавнего времени считалось, что они являются переводами с какого-то русского оригинала. Границы первых публикаций оригинальных художественных текстов на удмуртском языке отодвинулись, таким образом, на целый век назад. Тем не менее и сегодня нет оснований умалять историческое значение событий 1989 г., той роли Г. Е. Верещагина, которая стала решительным поворотным явлением в развитии письменной культуры народа

и которая всё еще была громадным айсбергом, обнаруживающим себя лишь крайней частью своей верхушки. Несомненно, поворотным моментом в истории удмуртской литературы стал, в частности, и факт публикации стихотворения «Чагыр, чагыр дыдыке...». Если названные выше произведения XVIII в. основывались на традициях Российского просветительства, а вслед за этим наступил целый век постепенного освоения письменной речи на удмуртском языке, в основном в переводах с русского языка, к тому же большей частью религиозной направленности, то в конце XIX в. удмуртская письменная литература, в лице того же Г. Е. Верещагина, нацеленная на светскую тематику, главным образом питалась уже за счет корней, уходящих в глубины собственных народных традиций.

Григорий Егорович Верещагин, первый удмуртский ученый и писатель (этнограф, фольклорист, поэт, прозаик, драматург, педагог, православный священник и миссионер) родился, как он сообщает в собственноручно написанной автобиографии, 30 сентября 1851 г. по старому стилю в селе Полом Глазовского уезда Вятской губернии (при этом в скобках заметим, что дата рождения указана им не совсем верно, обнаруженная недавно сотрудниками Госархива Удмуртии метрическая запись свидетельствует, что он и его брат-близнец Михаил родились 22 сентября 1851 г.).

В жизни и деятельности Г. Е. Верещагина возможно выделить пять основных периодов. Первые два из них – это годы детства и учебы в Сарапульском реальном училище, наименее изученная часть биографии ученого и писателя по настоящее время. Правда, по церковным метрическим книгам довольно четко выявлена родословная ветвь Верещагиных, начиная с первой половины XVIII в., с того времени, как Косма Осипов Верещагин (1727–1787), крестьянин села Полом Глазовского уезда Вятской губернии, и Акилина Максимовна Космина (1733–1811), дочь крестьянина села Полом, сочетались в браке в 1758 г. С тех пор прошло три поколения до того времени, когда в семье Егора (Георгия) Ивановича (1818–?) и Евдокии Ивановны (1814–1889) Верещагиных в числе девяти детей родились близнецы Михаил и Григорий. По свидетельству краеведов, семья Верещагиных водила близкие отношения со служителями церкви в Полеме, которые, как и везде бывало, являлись самыми образованными людьми в округе. По всей видимости, от них многое получил для себя любознательный мальчик Гриша.

Он мог брать и книги из библиотеки, которая имелась при церкви. Дав начальное образование, наставники посоветовали ему идти дальше учиться не в близлежащий город Глазов, а на другой конец нынешней Удмуртии, в известный купеческий город на Каме, поступать учиться в Сарапульское реальное училище, открывшееся в 1873 г., поскольку считали, что именно там их подопечный получит то, что ему понадобится в жизни. Как оказалось, они не ошиблись.

Сарапульское реальное училище было первым подобным учебным заведением во всей России и явилось для Г. Е. Верещагина незаменимой основой будущей плодотворной деятельности, дало те надежные корни, которые питали его будущее творчество. Получив звание учителя начальных классов, Григорий Егорович приехал, как он называет, Сосновский край – на территорию нынешнего Шарканского района Удмуртии. Учил детей и взрослых (организовав воскресные чтения) в селах Сосновка, Шаркан, в деревне Ляльшур. В последней из них до сих пор стоит дом, в котором 12 октября 1887 г. По ходатайству местной поземельной общины была открыта земская школа, первым учителем в которой и стал Г. Е. Верещагин. Примечательно, что будущий действительный член Венгерской академии наук, двадцатипятилетний Бернат Мункачи, посетивший в целях изучения словесной культуры удмуртов места их проживания, с удивлением и восторгом писал о встрече с Г. Е. Верещагиным в 1885 г. в селе Шаркан Сарапульского уезда: «Он – прекрасный человек, удмурт из Полома, закончил лишь простую школу, затем в Шаркане стал писарем, сейчас помощник учителя. Однако такие отличные научные статьи пишет, что Петербургское научное общество наградило его серебряной медалью. Помимо этого – художник и поэт. За его стихи предлагали 2000 рублей, и он их не продал» (по данным самого Г. Е. Верещагина, это была весьма большая сумма. «Содержание семьи, состоящей примерно из 10 человек, считая детей с 7 лет, стоит в год около 200 руб.», – писал он в 1886 г.). Разделяя восторги венгерского ученого, всё же задаешься вопросом: такая ли уж простая школа была у Верещагина?

Первую крупную работу, этнографическую монографию «Вотяки Сосновского края» Г. Е. Верещагин создал в 1883 г. и выслал в Санкт-Петербург, в знаменитое в то время Императорское Русское географическое общество. Рукопись была принята более чем благосклонно. В том же году автору присудили серебряную медаль общества, а сама

работа в виде отдельного самостоятельного выпуска «Записок» обнародована в 1884 и с некоторыми дополнениями – в 1886 г.

В жизни тридцатитрехлетнего провинциального сельского учителя-удмурта это событие имело поистине судьбоносное значение. Окрыленный успехом, он берется за подобную работу о другой локальной группе удмуртов. Так была создана вторая этнографическая монография – «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии», выпущенная в Санкт-Петербурге в 1889 г., в которую и было включено знаменитое стихотворение «Чагыр, чагыр дыдыке...» и за которую автор получил вторую серебряную медаль, а в 1888 г. был избран членом-сотрудником данного научного общества.

Так произошел бурный взлет научной известности Г. Е. Верещагина. О его диалогии «Вотяки...» заговорили, на нее ссылались не только российские, но и зарубежные исследователи. Впоследствии он написал и опубликовал в Москве, Казани, Вятке, Сарапуле, Ижевске и других местах немало других монографий, статей, содержащих детальное описание быта, занятий, традиций, обрядов, религиозных верований и удмуртов, и русских Вятско-Прикамского края. Собранный им богатый этнографический, фольклорный и лингвистический материал и сегодня служит исходной базой многих исследований ученых-финно-угроведов.

И всё же основным видом деятельности Г. Е. Верещагина в сосновский период было учительство. «Учителем он был необыкновенным, подлинным новатором», – пишет о Верещагине Е. М. Куклина, главный краевед Ляльшура, в течение многих лет руководившая работой школьного краеведческого музея. Вопреки указаниям сверху, он учил детей на их родном, удмуртском языке. В своих публикациях Верещагин отмечал, что дети-удмурты сказанное учителем на их родном языке часто схватывают быстрее, чем ученики-русские.

С русской классической литературой учитель знакомил учеников также с помощью их родного языка. С этой целью он взялся, например, за перевод «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина на удмуртский язык и, вдохновившись как поэт, создал на ее основе свою оригинальную поэму-сказку «Зарни чорыг» («Золотая рыбка»).

Г. Е. Верещагин пользовался огромным уважением среди жителей Сосновского края. К нему как к образованному и доброму человеку приходили крестьяне со всякого рода вопросами, в том числе и каса-

ющимися методов ведения хозяйства. Крестьяне часто доверяли ему и такие сведения о положении дел на своих и соседских земельных наделах, которые обычно скрывали, боясь чего-либо недоброго в отношении налогообложения. В результате учителю удалось в свободной, красочной форме создать богатый фактическими сведениями труд по истории и современному для него состоянию Сосновского края экономико-социологический очерк «Общинное землевладение вотяков Сарапульского уезда» (1895), опубликованный в «Календаре и памятной книжке Вятской губернии на 1896 год». Зная, что учитель интересуется народными традициями, записывает различного рода приметы, поверья, а затем отсылает их в научные центры, крестьяне специально приходили к нему, приглашали на свои праздники. На основе подобного общения в учителе формировался и первый удмуртский ученый-краевед, и первый национальный писатель. Ярким доказательством этому может послужить, например, яркое, сюжетно выстроенное описание посещения автором праздника Гуждор (Начало лета) жителей деревни Кайсыгурт Сосновского края 27 апреля 1882 г.

Еще проживая в Ляльшуре, в 1895 г. Г. Е. Верещагин, признанный лучшим знатоком удмуртских традиционных обрядов, получил приглашение Сарапульского окружного суда участвовать на стороне защиты на заседаниях по обвинению крестьян села Старый Мултан в человеческом жертвоприношении своим богам. Сессия суда, состоявшаяся в Елабуге, как и первая, прошедшая в 1894 г. в Малмыже с серьезными нарушениями судопроизводства, завершилась осуждением удмуртов, и решение его вновь было кассировано Сенатом. Третья сессия суда по Мултанскому делу, где также участвовал Г. Е. Верещагин, прошла в Мамадыше в 1896 г. и завершилась полным оправданием обвинявшихся. По признанию В. Г. Короленко, с 1895 г. явившемся по сути организатором всей системы защиты клеветнически осужденных удмуртов, считал, что блестящая экспертиза Г. Е. Верещагина, противостоявшего в своих показаниях эксперту-этнографу со стороны обвинения профессору Казанского университета И. Н. Смирнову, сыграла решающую роль в справедливом оправдательном приговоре суда.

Посещение Елабуги Верещагиным в 1895 г., по-видимому, явилось решающим толчком к его решению переехать жить в этот город. Краеведы объясняют данный шаг Григория Егоровича стремлением

облегчить сыновьям Ивану (род. 1883) и Николаю (род. 1884) получить высшее образование. В Елабуге Григорий Егорович принял сан священнослужителя – стал дьяконом кладбищенской церкви. В 1900 г. Г. Е. Верещагин переехал в село Бураново Елабужского уезда Вятской губернии. Ему, не имевшему специального духовного образования, предоставили место службы в качестве священника в местной церкви.

Начиная с Елабуги, обнаруживается новый период его жизнедеятельности, в течение которого он был в основном священнослужителем. Служа в церкви, отец Григорий одновременно преподавал Закон Божий в местной школе. Однако не оставлял батюшка также и исследовательскую работу.

Формирование и развитие многогранного дарования Г. Е. Верещагина как педагога, исследователя (этнографа, фольклориста) и литератора (поэта, прозаика, драматурга), как теперь выявляется, шло одновременно, параллельно друг другу. Однако писатель вызревал в нем гораздо дольше. Литература прорастала внутри этнографии. Судя по рукописям, лишь пьесы он начал писать, будучи уже в годах, в бурановский период деятельности, по-видимому, осознав, что через сцену наиболее доступен путь к почти поголовно неграмотному удмуртскому народу. Им создано около десяти пьес на удмуртском и русском языках, основой сюжетных построений которых также являются фольклор и этнография, пропитанные, как и в его русскоязычных поэмах «Загубленная жизнь», «Скоробогат-Кашей», идеей утверждения добрых народных традиций и осуждения человеческих пороков, во многом перекликающихся с нравственно-философскими исканиями Л. Н. Толстого.

Уже и в недрах этнографических очерков «Вотяки Сосновского края» и «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии» проявляли себя элементы удмуртской художественной прозы. В бурановский период его жизнедеятельности также наблюдается подобная синкретичность. Разница заключается в том, что, если в сосновский период в его сочинениях доминировала научная, этнографическая направленность, то во многих произведениях, написанных в Бураново, обнаруживается явное стремление к художественной типизации, другими словами, тяга к характеристике общих, изо дня в день происходящих событий через обрисовку конкретного случая и конкретных людей с их индивидуально-личностной характеристикой. Это хорошо видно на примере та-

ких сочинений, как портретные очерки «Камай» (удмуртский вариант «Мамат Камай») и «О Тукташе-сказителе» (удмуртский вариант «Тукташ»), по своей жанровой структуре тяготеющие к рассказу, на основе которых впоследствии выростала повесть «Вуж мыж» («Ранее обещанная жертва»), в двух вариантах оставшаяся в рукописях и увидевшая свет уже в собрании сочинений ученого и писателя.

Мирские дела снова активно стали волновать Г. Е. Верещагина после того, как в 1920 г. была образована Удмуртская автономная область, когда потребовались его знания и талант в развитии новой культуры народа. Будучи священником и, несмотря на свои годы, участвовал в работе Первого всероссийского съезда удмуртов (Елабуга, 1918 г.), совещании красноармейцев-удмуртов и удмуртских работников социалистической культуры (Сарапул, 1920 г.), с докладом о происхождении удмуртского народа выступил на первом съезде писателей Удмуртии (Ижевск, 1921 г.). Создал несколько вариантов русско-удмуртского и удмуртско-русского словарей, грамматику удмуртского языка, которые остались в рукописях и теперь уже изданы Удмуртским институтом истории, языка и литературы в рамках Собрания сочинений первого удмуртского ученого и писателя. Завершением этой большой и кропотливой работы лингвиста стала новаторская книга «Руководство к изучению вотского языка», изданная под псевдонимом. В ней впервые, как отмечается в предисловии, подписанном Вотским академическим центром, удмуртский язык рассматривается по своим законам бытования, а не русского, как бывало до этого. Чуть позднее, с явной заботой о книгах для чтения учащихся, стал вычленять из своих прежних этнографических трудов отдельные сюжеты и переводить их на удмуртский язык.

В первой половине 1920-х гг. Г. Е. Верещагин был весьма уважаемым человеком и в официальных кругах, и в среде интеллигенции Удмуртии. Всё перевернулось с началом сталинской диктатуры. Как и по всей стране, в Удмуртии началось гонение на краеведов. А Верещагин всей своей творческой сутью был Просветителем-Краеведом с большой буквы. Деятели науки, культуры, искусства стали делить на «новых» и «старых». Верещагин был «старым» и уже потому оказался неуютным. В 1927 г. его вынудили уйти со службы в церкви за сотрудничество с советской властью. Советская власть в пенсии отказала: священник! Он, оставшись без квартиры и средств к существованию,

был вынужден из Бураново переехать в Ижевск, поселиться на кооперативной квартире вместе с семьей сына Николая. Но руководство кооператива стало выгонять его и оттуда. Смертельный удар застал Г. Е. Верещагина в горисполкоме, куда он в очередной раз пришел со своими просьбами о квартире. 27 августа 1930 г. его не стало. Ему было без малого 79 лет. Работал до последних дней. Сохранилась рукопись с пометкой «20 марта 1930 года».

Имя Г. Е. Верещагина постарались очень быстро забыть. Мало того, на многие годы он стал персоной нон грата для печати. Лишь в 1950-е гг., во времена «хрущевской оттепели» исследователи стали открывать его заново. Верещагиноведение, зародившись в рамках этнографии, сегодня набирает силы и разветвляется по разным направлениям науки, свидетельством чему является и многотомное издание Собрания его сочинений, предпринимаемое Удмуртским институтом истории, языка и литературы Уральского отделения РАН.

Изучение жизни и творческого наследия первого удмуртского ученого и писателя всё еще остается весьма актуальным. Важной остается проблема рассмотрения жизнедеятельности этой выдающейся личности в рамках сравнительно-типологического изучения явлений национальных литератур России и особенно – в аспекте мировой компаративистики. В частности, в качестве репрезентативной фигуры в истории искусства слова народов с поздним литературогенезом. Некоторые подступы к этому уже имеются (Уваров 1968; Подарок Мункачи 1973; Домокош 1993 а, 1993 б; Измайлова 1992; Юсуфов 1996, 2005, с. 345–368; Ванюшев 2015; Domokos 1975, 1985). Их следует развивать.

Источники и литература

1. *Ванюшев В. М.* Возвращение Г. Е. Верещагина // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2010. – № 2.
2. *Ванюшев В. М.* Пуцек-Григорович, Екатерина Вторая и первые стихотворные публикации на удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 1. – Ижевск, 2010.
3. *Ванюшев В. М.* Творческое наследие Г. Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья: монография. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995.

4. Ванюшев В. М. Объектно-субъектная организация этнографических очерков и информанты Г. Е. Верещагина: к вопросу о зарождении национальной литературы // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 6: Историко-литературный ландшафт Урала: литература, этнос, власть / Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург, 2011.

5. Ванюшев В. М. Представитель позднего литературогенеза, или диалог с первым удмуртским ученым и писателем // Вестник Тамбовского университета. Серия гуманитарные науки. Вып. 3 (143). – 2015.

6. Верещагин Г. Е. Руководство к изучению вотского языка / Удмурт. – Ижевск: Удкнига, 1924.

7. Верещагин Г. Е. (1908–1911) Колдуны и чернокнижники // Вятские епархиальные ведомости. – 1908. – № 39; Старые обычаи и верования вотяков // Этнографическое обозрение. – 1909. – № 4; Вотяки и их произведения устной словесности // Памятная книжка Вятской губернии на 1911 год. – Вятка, 1910; Вотские божества // Православный собеседник. 1911. – № 23; и др.

8. Верещагин Г. Е. (1995–2011). Собр. соч.: В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 1: Вотяки Сосновского края. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995; Т. 2: Вотяки Сарапульского края Вятской губернии. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996; Т. 3. Кн. 1: Этнографические очерки. – Ижевск, 1998; Т. 3. Кн. 2. Вып. 1: Этнографические очерки. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000; Т. 3. Кн. 2. Вып. 2: Очерки русских Вятского-Прикамского края. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001; Т. 4: Фольклор. Кн. 1: Удмуртский фольклор. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001; Т. 3. Кн. 2: Русский фольклор. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001; Т. 5: Литературные сочинения. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – На удм., рус. яз.; Т. 6. Кн. 1: Труды по языкознанию. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002; Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [Удмуртско-русский словарь]. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006; Т. 6. Кн. 3: Вотско-русский словарь [Удмуртско-русский словарь]. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2011. – На удм., рус. яз. – (Памятники культуры).

9. Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. Гр. Верещагина // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. – СПб., 1889. Т. 14. Вып. 3.

10. Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. Гр. Верещагина // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. – СПб., 1889. Т. 14. Вып. 2.

11. Верещагин Г. Е. Моя биография // РФ УИИЯЛ УрО РАН, оп. 3, д. 252, л. 434–435.

12. Владыкин В. Е., Загребин А. Е. Торо удмуртской этнографии // Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: сб.

статей / Сост. В. М. Ванюшев, Т. С. Зыкина; отв. ред. В. М. Ванюшев. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004.

13. Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: сб. статей / Сост. В. М. Ванюшев, Т. С. Зыкина; отв. ред. В. М. Ванюшев. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004.

14. *Домокош П.* История удмуртской литературы / пер. с венг. В. Васович. – Ижевск: Удмуртия, 1993а.

15. *Домокош П.* Формирование литератур малых уральских народов / пер. с венг.– Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1993б.

16. *Зайцева И. Н.* О родословной Г. Е. Верещагина, восстановленной по документам Центрального государственного архива Удмуртской Республики // Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: сб. статей. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С. 33–37.

17. *Измайлова А. С.* Письма друзей // Удмуртская правда. – 1992, 15 мая.

18. *Короленко В. Г.* Избранные письма. Т. 2. – М., 1932.

19. *Куклина Е. М.* Г. Е. Верещагин в деревне Ляльшур // Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: сб. статей. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004.

20. Подарок Мункачи / Сост. А. Н. Уваров. – Ижевск: Удмуртия, 1983. – На удм., венгр., рус. яз.

21. *Уваров А. Н.* Г. Верещагин за рубежом // Внутренние и межнациональные связи удмуртской литературы и фольклора / Отв. ред. В. М. Ванюшев. – Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1978.

22. *Шумилов Е. Ф.* Пастор Овец Православных // Известия Удмуртской Республики. – 1992. 2 апреля.

23. *Шумилов Е. Ф.* Г. Е. Верещагин как миссионер и бикультурал // Г. Е. Верещагин, традиционная культура и просветительство народов Урало-Поволжья: сб. статей / Сост. и отв. ред. В. М. Ванюшев; УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2014.

24. *Юсуфов Р. Ф.* Глава XVI. Литературы Урало-Поволжья и Северного Кавказа в пространстве русской культуры; Глава XVII. Этнологический очерк как фактор развития художественного сознания: Урало-Поволжье и Северный Кавказ // История литературы в культурофилософском освещении / Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. – М.: Наука, 2005.

25. *Юсуфов Р. Ф.* Просветитель. Г. Е. Верещагин на культурологической карте России // Удмуртская правда. – 1996. 10 октября.

26. *Domokos P.* Az udmurt irodalom története. – Budapest, 1975. – На венг. яз.

27. *Domokos P.* A kisebb uráli népek irodalmának kialakulása. – Budapest, 1985. – На венг. яз.

3.2. “THE MAIN COMMITMENT”,
OR AN EDUCATIONAL FOCUS OF THE LIFE
AND ACTIVITIES OF G. E. VERESCHAGIN (1851–1930)

*(Расширенный вариант предыдущей статьи / Пер. на англ. яз.
ООО “Akademic Papers”. – Санкт-Петербург, 2016)*

Abstract. In polemics with the authors steadfastly and stubbornly promoting false views on particular facts of life and creative activities of the first Udmurt scientist and writer G. E. Vereschagin, this paper discloses ingenuity of this person, who demonstrates the logical link of times and dynamics of the ethnos development by his creative life. It is shown that G. E. Vereschagin formed the basis for a number of humanitarian research areas in Udmurt studies. Declining and resurgent interest in his life and activities during the Soviet period is revealed. The necessity to develop the just started comparative study on the importance of his activities on an international scale is claimed.

1. Introduction

Many scholars crossed swords in disputes over the life and activities of enlighteners of the peoples of Russia, including those who worked in the Ural-VolgaVolga-Urals rRegion, such as Tatar Qayum Nasyri (1825–1902), Bashkir Miftachetdin Akmulla (1831–1895), Komi-Zyrian Georgy Lytkin (1835–1907), Chuvash Ivan Yakovlev (1848–1930), and others. As if it was not enough for those bright, intelligent people with the noblest aspirations to suffer from all kind of resistance and persecution from their contemporaries – even today some historians try to muddy the waters and glorify themselves by looking forrevealing “pots on the sun”. Udmurt Grigory Vereschagin (1851–1930) can be rightly named among those enlighteners of their peoples. In polemics mainly with the author of the presentis article and the monograph “The Literary Legacy of G. E Vereschagin in the Context of National Literatures of the Ural-Volga Region” (Vanyushev, 1995) who, describing this outstanding personality in the history of the Udmurt culture as a talented teacher, educator, the first Udmurt scientist and writer, Doctor of Historical Sciences E. F. Shumilov claims in a recently published

collection of articles about dedicated to G. E. Vereschagin, “The documents also show that it is in the service of God [(not the science, not the people and culture? – *V. V.*)] that was the highest meaning of life and moral core of activities of this writer and educator” (Shumilov, 2014, p. 38). Even earlier, the same author had stated that the “the main commitment” in the life of G. E. Vereschagin was not his work as a teacher or any other occupation, but his service as a pop (priest), and this word, in his opinion, stands for Pastor Ovetse Pravoslavnykh (Shepherd of the Orthodox Sheep) (Shumilov, 1992). At the same time, other articles included in the same collection as well as materials of another similar book that had been published earlier (Vanyushev (Ed.), 2004) disclose the immense value of the scientific and educational activities of G. E. Vereschagin both in the field of school education and, enlightening work among the population, and in the development of national literature, linguistics, and ethnography of the Udmurts and Russians in the Vyatka-Kama region, proving that the relentless efforts of the above-named Doctor of Historical Sciences to artificially narrow the field of Vereschagin’s activities of G.E. Vereschagin are totally unjustified. Late in life G. E. Vereschagin wrote about himself, “I dedicated fifty years of my life to science” (Vereschagin. *Moya biografiya*). In the first of the above-mentioned collections of articles, ethnographers V. E. Vladykin and A. E. Zagrebin justly rightly state, “The Udmurt ethnography, folklore, ethnic psychology, literature and, in fact, even the professional attitude to the culture of his one’s people – all of this has its origin in Vereschagin’s texts.” They further add, “In Russia, where Lomonosov was “our first university” and Pushkin, as we all know, is “our everything”, Grigory E. Vereschagin can be rightly called a research institute of the Udmurt people, and that it was his national – and at the same time, international – mission” (Vladykin & Zagrebin, 2004, p. 23).

2. Steps one and two. The new seedlings of national traditions

In 1989, Udmurtia celebrated the 100th anniversary of the national literature, coinciding with the anniversary of the first publication of the poem Chagyr, chagyr dydyke... (Blue, blue little dove...) in the Udmurt language and the author’s translation of the poem into Russian in the ethnographic monograph “The Votyaks of the Sarapulsky Uyezd in the Vyatka Guber-

nia” by G. E. Vereschagin (in “Notes of the Imperial Russian Geographical Society”, Saint Petersburg, 1889) (Vereschagin, 1889a, 1889b). Although the Udmurt historian and ethnographer included it the poem in his monograph as a folk song, literary scholars and folklorists, having carefully considered the poem’s subject, image structure and style, as well as typology of such publications in the history of literature of some other non-Russian peoples of Russia, came to a convincing conclusion that it was written by Vereschagin himself (Vanyushev, 1978; Vladykina, 1991; Domokos, 1993a, pp. 181–183). It was recognized that the poem Chagyr, chagyr dydyke..., unlike the earlier published translated writings and recorded folklore texts published earlier, is the first author’s printed work of the Udmurt literature (Pisateli i literaturovedy Udmurtii, 2006, p. 31). However, later, – already this time in the 21st XXI century, – it was found out that the first original literary texts in the Udmurt language were two ode odic poems: Mae sjotid vichak yshemjosly ton, milemly... (What have you given us, completely lost...) and Ug shed’tis’ky tache zech poton shumez [shumpotonjez] (I can’t find such a good joy...). They were published in the collections of literary works in 1769 (in Saint Petersburg) and in 1789 (in Moscow) (Vanyushev, 2010a) and glorified Catherine II as the Empress (“Mmother of the peoples of Russia”) for her support of the Orthodox Church and her educational efforts, including those aimed at supporting schools for inorodtsy (“national minorities”). Until recently it was believed that they had been translated from some Russian originals. Thus the time frame of the first publications of original literary texts in the Udmurt language moved backwards in time by a whole century. Nevertheless, even today there is no reason to diminish the historical significance of the events of 1989 and to underestimate the role of G. E. Vereschagin, which was decisive for the development of the literary culture of the Udmurt people and still remains partly hidden, like a huge iceberg with only its tip visible. In particular, the publication of the poem “Chagyr, chagyr dydyke...” undoubtedly became a turning point in the history of the Udmurt literature. While the above-mentioned poems written in the XVIII 18th century were based on the traditions of the Russian Enlightenment and were followed by a whole century of gradual development of the written Udmurt language, mainly in translations of religious texts from the Russian language, the Udmurt literary culture of the late XIX 19th century, in the person of G.E. Vereschagin first of all represented by G. E. Vereschagin, was focused on secular themes topics and was mostly fed by the deep roots of the its own folk traditions (Vanyushev, 2010 a).

3. The predestinated: teacher, scientist, priest, writer

Grigory Egorovich Vereschagin, the first Udmurt scientist and writer (ethnographer, folklorist, poet, novelist, playwright, educator, Orthodox priest and missionary), was born, as he wrote himself in his autobiography (Vereschagin. Moya biografiya), on 30 September, 1851 (O.S.) in the village of Polom in the Glazovsky Yezd Uyezd of the Vyatka Gubernia –Governorate (we have to note in parentheses that the indicated birth date is not quite true; the metric record recently discovered by the employees of the State Archive of Udmurtia testifies that he and his twin brother Mikhail were born on 22 September 1851 (Zaytseva, 2004, p. 36)).

We can identify five main periods in Vereschagin's life and activities of G. E. Vereschagin. The first two of them – the years of his childhood and studies at the Sarapul Real School – are still remain the least studied parts of the biography of the scientist and writer. However, the genealogy of the Vereschagins family has been quite clearly traced in the parish registers, starting from the first half of the XVIII 18th century, when Kosma Osipov Vereschagin (1727–1787), a peasant of the village of Polom in the Glazovsky Yezd Uyezd of the Vyatka Governorate Gubernia, and Akilina Maksimovna Kosmina (1733–1811), a daughter of a peasant of the village of Polom, married in 1758. Three generations later, twins Mikhail and Grigory were born into the family of Egor (Georgy) Ivanovich (1818–?) and Eudokia Ivanovna (1814–1889) Vereschagins, who totally had nine children altogether (Zaytseva, 2004, pp. 34–35). According to local historians, the Vereschagins family maintained close relationships with the clergy of the Polom church, who, as elsewhere, were the most educated people in the neighbourhood. Curious boy Grisha apparently got a lot for himself from them. He could also borrow books from the library at the church. After providing Grigory with the basic education, his mentors suggested that, instead of going to the nearby town of Glazov, he should continue his studies in the Sarapul Real School, which opened in 1873 in the well-known merchant town on the Kama at the other end of the current territory of Udmurtia, because they considered that it was the school that could give their pupil what he needed in life. As it turned out, they were right.

The Sarapul Real School was the first such institution in entire Russia (Peganova, 1998). It provided G. E. Vereschagin with essential foundation for the his future fruitful activities and gave those robust roots that would nourish his future work.

3.2. “The main commitment”, or an educational focus of the life...

After receiving the profession of a primary school teacher, Grigory E. Vereschagin arrived to what he called the Sosnovsky Krai – now the territory of the Sharkansky Region District of Udmurtia. He taught both children and adults (for whom he organized Sunday studies) in the villages of Sosnovka, Sharkan and Lyalshur. In the latter there is still a house where a zemstvo school (an elementary school) was opened on 12 October, 1887, at the request of the local community. G. E. Vereschagin was the first teacher in that school.

We can't but mention the surprised and enthusiastic review of G. E. Vereschagin written by a twenty-five-year-old Bernat Munkácsi, a future actual member of the Hungarian Academy of Sciences, after they met in 1885 in the village of Sharkan of the Sarapulsky Uyezd, when Munkácsi was visiting Udmurt villages in order to study the Udmurt verbal culture,

“He is a wonderful man – an Udmurt from Polom who finished just an ordinary school, then became a clerk in Sharkan and is now a teaching assistant. However, he wrote such excellent scientific articles that the Petersburg Scientific Society awarded to him a silver medal. Moreover, he is an artist and poet. He was offered 2,000 roubles for his poems, but he refused to sell them” (Podarok Munkachi, 1983, p. 48).

Sharing the enthusiasm of the Hungarian scholar, we still ask ourselves: was the school where Vereschagin studied actually so ordinary?

In 1883, G. E. Vereschagin wrote his first major work – ethnographic monograph “The Votyaks of the Sosnovsky Krai” – and sent it to Saint Petersburg, to the famous Imperial Russian Geographical Society. The manuscript was appraised more than favourably. The same year the author was awarded with a silver medal of the Society, and his work was published in a separate issue of the Notes of the Imperial Russian Geographical Society first in 1884, and then later, in 1886 – with some additions, in 1886 (Vereschagin, 1886).

This event played a crucial role in the life of the thirty-three-year-old rural teacher from provincial Udmurtia. Inspired by the success, he started writing a similar work on another local group of Udmurts. Thus his second ethnographic monograph was created and published in Saint Petersburg in 1889, – “The Votyaks of the Sarapulsky Uyezd in the Vyatka Gubernia Governorate”, including the famous poem Chagyr, chagyr dydyke... The author was awarded with the second silver medal for his work, and in 1888 he was elected associate member of that scientific society.

That was beginning of G.E. Vereschagin's rapid rise to fame in scientific circles. His dilyog on the Votyaks was in the focus center of attention, and not

only Russian but also foreign researchers referred to it. He Later he wrote many other books and articles, containing detailed descriptions of the life, activities, traditions, customs and religious beliefs of both the Udmurts and Russians living in the Vyatka-Kama region, which were published in Moscow, Kazan, Vyatka, Sarapul, Izhevsk, and other places. The rich ethnographic, folkloric and linguistic material data collected by him even today still serves as the starting point for many scholars in their Finno-Ugric studies.

Still, the main activity of G. E. Vereschagin in the period of his living in the Sosnovskyka area Krai was teaching. “He was an extraordinary teacher, – a true innovator”, writes E. M. Kuklina, the leading historian of Lyalshur, who for many years was managing the local history museum in the village school (Kuklina, 2004, p. 48). Contrary to the instructions of his superiors, he was teaching children in their native Udmurt language. Vereschagin stated in his publications that the Udmurt children often grasped faster what the teacher said in their mother tongue than his Russian pupils did.

The teacher also introduced his pupils to the Russian classical literature through their mother tongue. For that purpose, he, for example, made a translation of translated “The Tale of the Fisherman and the Fish” by Alexander Pushkin into the Udmurt language and, inspired by the verse, created his own tale in verse “Zarni choryg” (Golden Fish) (Vanyushev, 1995, pp. 206–226).

G. E. Vereschagin enjoyed great respect among the population of the Sosnovsky Krai. The local peasants knew him as an educated and kind man and appealed to him with all sorts of issues, including farming methods. They often trusted him with such sensitive information on the situation on their own and neighbouring land allotments that was usually kept secret for fear of getting into troubles with taxation. As a result, the teacher managed to create a work on the history and contemporary state of the Sosnovsky Krai, including containing rich factual data and presented in a free, fictionalized form – we mean his economic and sociological essay “Community Land land Tenure among the Votyaks of the Sarapulsky Uyezd” (1895), published in “The Calendar and Memorial Book of the Vyatka Gubernia Governorate for 1896” (Vereschagin, 1998, pp. 62–122). Knowing that the teacher was interested in folk traditions and recorded various kinds of omens and beliefs to send them later to research centres, the peasants purposely came to him to share their knowledge or invite him to their festivals. In the course of such communication, the teacher was developing to become the first Udmurt ethnographer and the first national writer. A convincing proof of his progress

3.2. "The main commitment", or an educational focus of the life...

is the bright, thematically-structured description of his visit to the Guzhdor (Start of Summer) festivities in the village of Kaysygart of the Sosnovsky Krai on 27 April, 1882 (Vereschagin, 1995, pp. 53–57).

In 1895, when G. E. Vereschagin still lived in Lyalshur, he was invited by the Sarapul District Court to participate, as the recognized best expert in Udmurt traditional ceremonies, in the court hearings and give evidence for the defence of the Sary Multan peasants tried on accusation of human sacrifice to their gods. The court session was held in Yelabuga; just as the first one held in 1894 in Malmyzh with serious judicial irregularities, it resulted in condemnation of the Udmurt peasants, and that decision was again annulled by the Senate the Senate again annulled that decision. The third hearing of the Multan Case, where G. E. Vereschagin was also present as an expert, was held in Mamadysh in 1896 and ended with the complete acquittal of the accused. According to V. G. Korolenko, who had been in fact the main organizer of the entire system of defending the slanderously accused Udmurts since 1895, the brilliant expertise by G. E. Vereschagin, whose testimony was opposed to that of the expert for the prosecution (ethnographer I. N. Smirnov, professor of Kazan University), played a decisive role in the fair acquittal (Korolenko, 1932, p. 139).

Vereschagin's visit to Yelabuga in 1895 was apparently a decisive impetus for his decision to move to the city. The local historians believe that the move was prompted by the desire of Grigory E. Vereschagin's desire to provide his sons Ivan (b. 1883) and Nikolay (b. 1884) with the opportunity to receive higher education. In Yelabuga he was ordained to the diaconate and became a deacon of the church cemetery. In 1900, Grigory E. Vereschagin moved to the village of Buranovo in the Yelabuzhsky Uyezd of the Vyatka Gubernia Governorate. In spite of the fact that he lacked proper theological education, he was appointed priest in the local church. His stay in Yelabuga was became the beginning of a new period in his life, during which he mostly served as a priest. While serving in the church, Father Grigory also taught the Law of God at the local school. At the same time, the priest did not cease to be engaged in continued his research work as well (see, for example, (Vereschagin, 1908, 1909, 1910, 1911)).

We can now see understand that the formation and development of different aspects of G. E. Vereschagin's personality – an educator, researcher (ethnographer and folklorist) and writer (poet, novelist, and playwright) – proceeded in parallel and simultaneously. However, his maturing as a writer

took much more time. His literary talent first manifested itself in his ethnographic works. According to the manuscripts, drama was the only literary genre he mastered very late in his life – he began writing plays when he lived and worked in Buranovo, apparently realizing that theatre performances could be the most accessible way to address the almost totally illiterate Udmurt people. He created about a dozen of plays in the Udmurt and Russian languages, the plots of which were based on his studies in folklore and ethnography and were imbued, as well as in his Russian-language poems “Zagublennayja zhizn” (Ruined Life)” and “Skorobogat-Kashchey”, with the idea of asserting good national traditions and condemning human vices, which was largely consonant with the moral and philosophical quests of Leo Tolstoy (Vanyushev, 1995, pp. 232–252).

Some elements of the Udmurt prose fiction had already been visible in the ethnographic essays of “The Votyaks of the Sosnovsky Krai” and “The Votyaks of the Sarapulsky Uyezd in the Vyatka Gubernia” (Vanyushev, 2011, pp. 89–96). The Buranovo period of his life was also characterised by such syncretism. The difference between the two periods is that, while his writings in the Sosnovka period were mostly of scientific and ethnographic in their characternature, many works written in Buranovo demonstrate a clear inclination to artistic generalization; – in other words, the author tended to characterize the general, day-to-day events through the description of a particular case and particular people with their individual personal characteristics. This is well illustrated by such works as the portrait sketches “Kamay” (“Mamat Kamay” in Udmurt) and “On Tuktash the Narrator” (“Tuktash” in Udmurt), both of which have a genre structure similar to a short story. The author later used them later when writing his novelette “Vuzh myzh” (An Earlier Promised Sacrifice), which remained in manuscript in two variants in manuscript and was published only in the scientist and writer’s Collected Works works of the scientist and writer (Vereschagin, 1995–2010, pp. 153–208, 2004, pp. 261–350).

G. E. Vereschagin again began to take an active interest in worldly affairs again in 1920, when the newly -formed Udmurt Autonomous Oblast required his knowledge and talent in the development of a new culture of his people. In spite of his priesthood and old age, he participated in the First All-Russian Congress of the Udmurt People (Yelabuga, 1918) and the meeting of the Udmurt Red Army soldiers and Udmurt workers of socialist culture (Sarapul, 1920), and delivered a report on the origin of the Udmurt people at the First Congress of the Udmurt Writers (Izhevsk, 1921)., He created several versions

of the Russian-Udmurt and Udmurt-Russian dictionaries and the grammar of the Udmurt language, which remained in manuscripts and were published by the Udmurt Institute of History, Language and Literature in the *Collected Works* works of the first Udmurt scientist and writer (Vereschagin, 2002, 2006, 1995–2011). The culmination of this great meticulous work of the linguist was an innovative book “*Guide to the Study of the Votyak Language*”, published under the pseudonym Udmort (Vereschagin, 1924). For the first time, as noted in the preface by the Votyak Academic Centre, the Udmurt language was considered in that book by its own, rather than Russian, laws of existence. Some time later, with the explicit aim to create reading materials for school books, he started selecting individual plots from his previous ethnographic works and translating them into the Udmurt language.

4. In the swirl of ideological turns

In the first half of the 1920s, G. E. Vereschagin was greatly respected both in official circles and among intellectuals of Udmurtia. Everything turned upside down with the beginning of Stalin’s dictatorship. In Udmurtia, as in the entire USSR, there was a surge of persecution against local historians. Vereschagin in his very essence was a local historian and Educator with a capital “E”. Scientists and workers of culture and art were divided into “new” and “old”. Vereschagin was an “old” figure; therefore he was among the undesirable people. In 1927 he was forced to leave his church service – for cooperation with the Soviet power. The Soviet authorities refused to pay pension – he was a priest! He was left without an apartment and means of living and had to move from Buranovo to Izhevsk and live with the family his son Nikolay’s family in a cooperative-owned apartment. But the cooperative management started expelling him from there as well. G. E. Vereschagin was seized by a fit of apoplexy in the premises of the City Executive Committee, where he again came with his requests for an apartment. He died on 27 August, 1930. He was almost 79 years old. He had been working till the last day of his life. One of the preserved manuscripts is dated “20 March 1930”.

The name of G. E. Vereschagin was very quickly forgotten. Moreover, for many years he had been *persona non grata* for the media and publishers. Only in the 1950s, during Khrushchev’s Thaw, the scholars began re-discovering his legacy (Vanyushev, 2010b).

5. “Resurgence” of G. E. Vereschagin

Studies of G. E. Vereschagin’s works, which originated in the frameworks of ethnography, is now gaining momentum and diverting into different areas of science (Vanyushev, 2015a), which is confirmed by the publication of his multi-volume Collected Works works by the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Vereschagin, 1995–2011).

The study of the life and creative legacy of the first Udmurt scientist and writer still remains highly relevant. It is highly important to consider the life of this outstanding personality within the framework of comparative typological studies of the phenomena of national literatures of Russia, and especially – in the context of the global comparative studies. In particular, he can be considered a representative figure in the history of the art of writing among the peoples with the late emergence of national literatures. There have been some approaches several attempts to such interpretation – analyse his work in this way (Uvarov, 1978; Podarok Munkachi, 1973; Domokos, 1975, 1985, 1993a, 1993b; Izmaylova, 1992; Yusufov, 1996, 2005, pp. 345–368; Vanyushev, 2015a). They should be developed them, rather than trying to diminish, in order to serve their one’s narrow and biased ambitions, the rich and wide, truly fundamental for the history of the Udmurts, panorama of Vereschagin’s true contribution to the education of its people and to the press coverage and study of the national ethnography and folklore in the works published in the Russian capital, with a whole genre system of the national literature developed on that reliable basis.

6. Conclusion

It is difficult to be the first, both in life and after death. In the latter case since such a person attempts to introduce into the society’s attitude something new which the society is not ready to accept. After death, when a lot was created in the area he or she had laid the basis for, it becomes possible to reproach this person for having made a mistake or been inconsistent. Sometimes they are credited with such ideas or deeds which have nothing to do with their actual life and creative activities. Steadfast and stubborn

misinterpretation of the G. E. Vereschagin’s legacy seems to be exactly of such an origin.

Participants of the scientific conference dedicated to the 150th anniversary of G. E. Vereschagin were the first to explicitly express an idea, which has been firmly rooted in the Udmurt society since then — we have already mentioned it in Section 1: G. E. Vereschagin laid the foundations for the professional attitude to the Udmurt culture by his own versatile creative activity and directed attention of Russian and international research community to it.

References

Domokos, P. (1975). *Az udmurt irodalom története* [History of Udmurt literature]. Budapest.

Domokos, P. (1985). *A kisebb uráli népek irodalmának kialakulása*. [Development of literatures of the minor Uralic peoples]. Budapest.

Domokos, P. (1993 a). *Istoriya udmurtskoy literatury* [History of the Udmurt literature]. Transl. from Hungarian by V. Vasovchik. Izhevsk: Udmurtia.

Domokos, P. (1993 b). *Formirovanie literatur malykh narodov* [Formation of literatures of small nations]. Transl. from Hungarian. Yoshkar-Ola: Mari Publishing House.

Izmaylova, A. S. (1992, May 15). *Pisma družey* [Letters from friends]. *Udmurtskaya pravda*, p. 2.

Korolenko, V. G. (1993). *Izbrannye pisma* [Selected letters]. Vol. 2. Moscow.

Kuklina, E. M. (2004). *Vereshchagin v derevne Lyalshur* [G. E. Vereshchagin in the Village of Lyalshur]. In V. M. Vanyushev (Ed.), *G. Ye. Vereshchagin i etnokulturnoe razvitiye narodov Uralo-Povolzhya* [G. E. Vereshchagin and ethno-cultural development of peoples of the Volga-Urals region] (pp. 47–50). Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature UB RAS.

Peganova, T. (1998, February 10). *Pervoe v Rossii. Yubiley, kotoryy nikto ne prazdnoval* [The first in Russia. An anniversary celebrated by nobody]. *Krasnoe Prikame*, p. 2.

Pisateli i literaturovedy Udmurtii [Writers and literary scholars of Udmurtia]. *Biographical and bibliographical guide*. (2006). Comp. by A. N. Uvarov. 2nd edition. Izhevsk: Nauchnaya kniga.

Podarok Munkachi [A present from Munkácsi]. (1983). Comp. by A. N. Uvarov. Izhevsk: Udmurtia.

Shumilov, E. F. (1992, April 2). *Pastor Ovets Pravoslavnykh* [Shepherd of the Orthodox Sheep]. *Izvestia of the Udmurt Republic*, p. 4.

Shumilov, E. F. (2014). G. Ye. Vereshchagin kak missioner i bikultural [G. E. Vereschagin as a missionary and bicultural person]. In V. M. Vanyushev (Ed.), G. Ye. Vereshchagin, traditsionnaya kultura i prosvetitelstvo narodov Uralo-Povolzhya [G. E. Vereschagin, traditional culture and enlightenment of the peoples of the Volga-Urals region] (pp. 38–51). Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature UB RAS.

Uvarov, A. N. (1978). G. Vereshchagin za rubezhom [G. Vereschagin abroad]. In V. M. Vanyushev (Ed.), Vnutrennie i mezhnatsionalnye svyazi udmurtskoy literatury i folklore [Internal and interethnic links of the Udmurt literature and folklore] (pp. 127–129). Izhevsk: Research Institute under Council of Ministers of the Udmurt ASSR.

Vanyushev, V. M. (1995). Tvorcheskoe nasledie G. Ye. Vereshchagina v kontekste natsionalnykh literatur Uralo-Povolzhya [The literary legacy of G. E. Vereschagin in the context of national literatures of the Volga-Urals region]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature UB RAS.

Vanyushev, V. M. (Ed.). (2004). G. Ye. Vereshchagin i etnokulturnoe razvitie narodov Uralo-Povolzhya [G. E. Vereschagin and ethno-cultural development of peoples of the Volga-Urals region]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature UB RAS.

Vanyushev, V. M. (2010a). Putsek-Grigorovich, Yekaterina Vtoraya i pervye stikhotvornye publikatsii na udmurtskom yazyke [Pucek-Hryhorowicz, Catherine the Great, and the first publications of poetry in the Udmurt language]. Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy 1, 32–39.

Vanyushev, V. M. (2010b). Vozvrashchenie G. Ye. Vereshchagina [Return of G. E. Vereschagin]. Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta 2(76), 171–178.

Vanyushev, V. M. (2011). Obektno-subektnaya organizatsiya etnograficheskikh ocherkov i informanty G. Ye Vereshchagina: k voprosu o zarozhdenii natsionalnoy literatury [Object-subjective organization of ethnographic essays and informants of G. E. Vereschagin: to the issue of origin of the national literature]. In E. K. Sozina (Ed.), Literatura Urala: istoriya i sovremennost [Ural literature: history and contemporaneity]. Iss. 6: Istoriko-literaturnyy landshaft Urala: literatura, etnos, vlast [Historical and literary landscape of the Urals: literature, ethnicity, power] (pp. 89–98). Yekaterinburg: Institute of History and Archaeology UB RAS.

Vanyushev, V. M. (2015a). Predstavitel pozdnego literaturogeneza, ili dialog s pervym udmurtskim uchenym i pisatelem [A representative of the late literary genesis, or dialogue with the first Udmurt scientist and writer]. Vestnik Tambovskogo universiteta [Series: Humanities] 3(143), 67–73.

Vanyushev, V. M. (2015b). Strast dokazat nedokazuemoe, ili napisal li G.Ye. Vereshchagin «Chagyr, chagyr dydyke...»? [Passion to prove the unprovable, or

did G. E. Vereschagin write Chagyr, chagyr dydyke...?]. Vestnik Tambovskogo universiteta [Series: Humanities] 5(145), 45–50.

Vereschagin, G. E. Moya biografiya [My biography]. Funds of the Udmurt Institute of History, Language and Literature UB RAS, Op. 3, No. 252, Sheets 434–435.

Vereschagin, G. E. (1889a). Votyaki Sosnovskogo kraja [The Votyaks of the Sosnovsky Krai]. Notes of the Imperial Russian Geographical Society in the Department of Ethnography (Vol. 14, Iss. 2). Saint Petersburg.

Vereschagin, G. E. (1889b). Votyaki Sarapul'skogo uezda Vyatskoy gubernii (The Votyaks of the Sarapul'sky Uyezd in the Vyatka Governorate). Notes of the Imperial Russian Geographical Society in the Department of Ethnography (Vol. 14, Iss. 3). Saint Petersburg.

Vereschagin, G. E. (1908). Kolduny i chernoknizhniki [Witches and warlocks]. Vyatskie eparkhialnye vedomosti 39, 1026–1032.

Vereschagin, G. E. (1909). Starye obychai i verovaniya votyakov [Old customs and beliefs of the Votyaks]. Jetnograficheskoe obozrenie 4, 37–78.

Vereschagin, G. E. (1910). Votyaki i ikh proizvedeniya ustnoy slovesnosti [The Votyaks and their works of oral literature]. In Pamyatnaya knizhka Vyatskoy gubernii na 1911 god [Memorial book of the Vyatka Governorate for 1911]. Vyatka, 42–57.

Vereschagin, G. E. (1911). Votskie bozhestva [Deities of the Votyaks]. Pravoslavnyy sobesednik 23, 472–481.

Vereschagin, G. E. (*Udmort*). (1924). Rukovodstvo k izucheniyu votskogo yazyka [Guide to the study of the Votyak language]. Izhevsk: Udkniga.

Vereschagin, G. E. (1995–2011). Sobranie sochineniy [Collected works]. 6 vols. Ed. by V. M. Vanyushev. [Series: Cultural monuments]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature UB RAS.

Vladykin, V. E., Zagrebin, A. E. (2004). Toro udmurtskoy etnografii [Toro of the Udmurt ethnography]. In V. M. Vanyushev (Ed.), G. Ye. Vereshchagin i etnokulturnoe razvitiye narodov Uralo-Povolzhya [G. E. Vereschagin and ethno-cultural development of peoples of the Volga-Urals region] (pp. 19–23). Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature UB RAS.

Yusufov, R. F. (1996, October 10). Prosvetitel. G. Ye. Vereshchagin na kulturologicheskoy karte Rossii [Educator: G. E. Vereschagin on the culturological map of Russia]. Udmurtskaja pravda.

Yusufov, R. F. (2005). Literaturnyye Uralo-Povolzhya i Severnogo Kavkaza v prostranstve russkoy kultury [Literatures of the Volga-Urals region and Northern Caucasus in the space of Russian culture] (pp. 345–367); Etnologicheskii ocherk kak faktor razvitiya khudozhestvennogo soznaniya: Uralo-Povolzhya i Severnyy Kavkaz [Ethnological essay as a factor in the development of artistic consciousness: Volga-Urals region and Northern Caucasus] (pp. 368–382). In R. F. Yusufov, Istoriya

literatury v kulturofilosofskom osveshchenii [History of literature in the culturological aspect]. Moscow: Nauka.

Zaytseva, I. N. (2004). O rodoslovnoy G. Ye. Vereshchagina, vosstanovlennoy po dokumentam Tsentralnogo gosudarstvennogo arkhiva Udmurtskoy Respubliki [On the genealogy of G. E. Vereschagin reconstructed from the documents of the Central State Archive of the Republic of Udmurtia]. In V. M. Vanyushev (Ed.), G. Ye. Vereshchagin i etnokulturnoe razvitie narodov Uralo-Povolzhya [G. E. Vereschagin and ethno-cultural development of peoples of the Volga-Urals region] (pp. 33–37). Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature UB RAS.

3.3. «ЗОЛОТАЯ РЫБКА» Г. Е. ВЕРЕЩАГИНА

(Луч. 1999. № 3–4. С. 30–36)

Сюжет о жадной старухе, в финале оказывающейся наказанной за свою жадность, положенный в основу поэмы-сказки Г. Е. Верещагина, в конечном счете восходит, по-видимому, к числу «бродячих», распространенных в творчестве разных народов. В книге А. Н. Афанасьева «Русские народные сказки» помещен текст под названием «Золотая рыбка», а вслед за ним – «Жадная старуха». А. Н. Афанасьев указывает на существование еще одного варианта подобной русской народной сказки. В примечании сказано, что сказка о золотой рыбке *«известна читающему русскому люду, благодаря стихотворной переделке Пушкина. Ту же роль, какую играет здесь золотая рыбка, в других вариантах исполняют: лиса, птичка-невеличка и дерево, что, конечно, не чуждо древним мифическим представлениям, олицетворяющим в себе естественные силы природы»*.

В сказке «Жадная старуха» такую роль выполняет дерево, которое выбрал старик в лесу для вырубki на дрова. Ясно, что не на этом варианте основана поэма Г. Е. Верещагина. В ней в другой персонификации (в виде золотой рыбки) дана волшебная сила природы, одаряющая за добро и наказывающая за зло, несколько иными предстают психология и поведение старика. Поэма Г. Е. Верещагина, как и «Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, по сюжету гораздо ближе к афанасьевско-

му варианту «Золотой рыбки». То же содержание зачина: *«На море на окыяне, на острове Буяне стояла небольшая ветхая избушка: в той избушке жили старик да старуха. Жили они в великой бедности; старик сделал себе сеть и стал ходить на море да ловить рыбу; тем только и добывал себе дневное пропитание»*. Те же герои: старик, старуха, золотая рыбка. Тот же основной ход сюжетных построений. По воле старухи старик последовательно просит у рыбки вдоволь хлеба, новое корыто, новую избу, сделать старуху воеводихою, царицей, морскою владычицей. Тот же финал: *«Старик воротился назад, смотрит и глазам не верит: дворца как не бывало, а на его месте стоит небольшая ветхая избушка, а в избушке сидит старуха в изодранном сарафане»*. Как убедительно показал А. Желанский, вариант, зафиксированный А. Н. Афанасьевым и опубликованный им в восьмитомном сборнике «Народные русские сказки» (1855–1864), сложился под воздействием «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, хотя в нем видно определенное сходство и с немецким вариантом сюжетного хода.

Немецкая «Сказка о рыбаке и его жене» стала известна всему миру, благодаря тому, что оказалась в богатейшей коллекции Якоба и Вильгельма Гримм, общепризнанных пионеров мирового сказковедения. Примечательно, что она явилась первым сочинением, положившим начало двухтомной коллекции братьев, впервые увидевшей свет в 1813–1814 гг. Однако данный текст был записан в народе и отредактирован не самими Якобом и Вильгельмом Гримм, а известным немецким художником Ф. О. Рунге, который блестяще справился со своей задачей: *«По точно стилизованному народному слову, композиции, динамике развития сюжетных мотивов и прочим качествам»* сказка была исполнена безукоризненно и отвечала самым строгим эстетическим запросам (А. Желанский).

Этот вариант «бродячего» сюжета в переложении на французский язык и привлек внимание А. С. Пушкина.

Основываясь на немецкой сказке, по ее мотивам гениальный поэт создал замечательное произведение, на века обогатившее русскую классическую литературу. Г. Е. Верещагин, обратившись к стихотворной сказке А. С. Пушкина и создав свой вариант сюжетного хода, связал зарождавшуюся удмуртскую художественную литературу и с русской классикой и, хотя и опосредованно, с творческим наследием немецкого народа. Благодаря таким связям с классическими произведе-

дениями мировой литературы, поэма Г. Е. Верещагина также приобретает особое значение.

Чтобы яснее представить, что же общего в этих сочинениях, что нового внесли в сюжет, в изобразительные и выразительные средства А. С. Пушкин и Г. Е. Верещагин, чтобы увидеть проявление их творческой индивидуальности, рассмотрим некоторые детали этих трех сказок.

Прежде всего отметим, как начинается каждая из них. Во всех трех произведениях определяются временные и пространственные точки зрения повествователей (взгляд как будто с точки зрения вечности и всего подлунного мира); называются герои и род их занятий.

«Жил-был **когда-то** (здесь и далее выделено мною. – В. В.) рыбак со своей женой. Жили они вместе в бедной избушке, у самого синего моря. Рыбак выходил каждый день к берегу и ловил рыбу, – так он и жил, что всё рыбу ловил», – начинается вариант бр. Гримм.

У всех на слуху пушкинское начало: «Жил старик со своею старухою / У самого синего моря; / Они жили в ветхой землянке / Ровно тридцать лет и три года. / Старик ловил неводом рыбу, / Старуха пряла свою пряжу».

Приведем в оригинале и в подстрочном переводе на русский язык вариант Г. Е. Верещагина: «Та югыт дуннеын, / Зарезьлэн яр дураз, / Улйллям-вылйллям / Кык кузя пересьёс: / Байметэн Пельгаен. / Уллйлям тупаса, / Ас ужзэс тодыса. / Корказы соослэн / Корка тус выльмттэ. / Жыныез педпалан, / Жыныез музьемын, / Липетэз кур липет, / Мурыез суй муры, / Капкаез вуж ыбес». (На этом белом свете, / На берегу моря, / Жили-были двое стариков: / Баймет с Пельгой. / Жили дружно, / Зная свое дело. / Изба у них / Не была похожа на избу. / Половина наружу, / Половина в земле, / Крыша была лубяная, / Печная труба глиняная, / Ворота – старые прясла»). (Здесь и далее подстр. пер. мои. – В. В.).

Как видим, в основных чертах во всех трех сказках рисуется идентичная обстановка. В вариантах бр. Гримм и А. С. Пушкина даже из слова в слово совпадает определение места жительства героев: «У самого синего моря». Одинаково убого выглядят и жилища. Однако уже в этих частях сочинений заметны и различия. У Пушкина появляется традиционное для русских народных сказок число три: жили старик со старухой «ровно тридцать лет и три года». Русский поэт добавляет и указание рода занятий старухи: она пряла свою пряжу. Всё лаконично и строго. Картина нарисована крупными мазками, без детализации, как

будто увидена сквозь призму времен и большого пространства. Лишь повествователь верещагинского текста будто бы приближается к героям и к месту их жительства настолько, чтобы можно было увидеть и отдельные детали: избушка наполовину ушла в землю; крыта она лубком; печная труба из глины; вместо ворот – старые прясла. И самих героев он разглядывает более пристально. Это, оказывается, уже не просто какие-то обобщенные типы – рыбак и его жена или старик со старухой, а совершенно конкретные люди – Баймет и Пельга. Жили они дружно, по-видимому, каждый зная свое дело. Баймет ловил неводом рыбу (как и у Пушкина, в отличие от героя бр. Grimm, который рыбачил удочкой), а Пельга не только пряла куделю (как старуха у Пушкина), но и штопала, суп и кашу варила, хлеб и всё прочее пекла.

Во всех трех вариантах «вечность» вдруг нарушается и наступает день, когда всё круто меняется. *«Вот сидел он однажды с удочкой и всё глядел на зеркальную воду; сидел он и сидел, – сообщается в немецком варианте о рыбаке. – Вдруг опустилась удочка на дно, глубоко-глубоко; стал он ее вытаскивать и вытащил камбалу-рыбу. И говорит ему камбала-рыба:*

– Послушай, рыбак, прошу я тебя, отпусти меня в море! Не рыба я камбала, а очарованный принц. Ну, что тебе пользы в том, что ты меня съешь? Не по вкусу придется я тебе. Отпусти меня в море, чтоб снова мне плавать».

Временная и пространственная позиция повествователя изменилась. Наступил необыкновенный и совершенно конкретный случай, вмещающийся в рамки каких-то минут. Повествователь, а вслед за ним и мы, читатели, уже видим и такие детали, как глубоко-глубоко затонувший поплавок удочки, камбалу-рыбу, вытащенную удильщиком, слышим ее голос. Правда, в пушкинском варианте в этом случае не совсем исчезает ощущение призмы времен и больших пространств, через которую воспринимаются случившиеся когда-то события. Никаких мелких деталей, всё крупно и строго. И снова – прием трехкратного повтора, характерный для русских народных сказок: *«Раз он в море закинул невод, – / Пришел невод с одною тиною. / Он в другой раз закинул невод, – / Пришел невод с травой морскою. / В третий раз закинул он невод, – / Пришел невод с одною рыбкой, / С непростую рыбкой, – золотую. / Как взмолится золотая рыбка! / Голосом молвит человечьим: / «Отпусти, старче, меня в море! / Дорогой за себя дам откуп: / Откуплюсь чем только пожелаешь».*

Верещагинский вариант и тут заметно отличается. В нем обнаруживается множество деталей, в подробностях представляющих психологию и поведение Баймета. Вот он неторопливо, почесываясь, собирается утром на море; сев в лодку, закидывает невод, выходит на берег, отдыхает, затем вытаскивает невод и обнаруживает в нем жердь, ругает ее; закидывает невод второй раз, направляется к берегу, роняет весло в воду, с трудом ловит его, отдохнув, вынимает невод и находит в нем только тину; третий раз закидывает невод, идет домой повидаться с женой, посмотреть, как она прядет куделю, поговорив с нею, возвращается к морю; снова садится в лодку, тянет невод и думает о Пельге: вот бы накормить ее рыбой, она бы лучше пряла свою пряжу и лучше бы кормила его, Баймета. Лишь после этого в таких же подробностях рисуется, как Баймет обнаруживает в неводе золотую рыбку. Удивился он, испугался, решил, что это, возможно, русалка, играя, заплутала и запуталась в неводе. Что делать? Была бы Пельга рядом! Посоветоваться бы с нею! Не посмел он рыбку даже потрогать рукою, выслушал ее просьбу и отпустил.

Так, события, вместившиеся в двенадцать процитированных пушкинских строк, оказались расписанными Г. Е. Верещагиным в ста двадцати трех строках. Что же при этом изменилось? Прежде всего, другими предстали перед читателем образы и повествователя, и старика. Эта разница сохранится и впоследствии, и мы к ней еще вернемся.

Следовательно, уже в завязке сюжета сочинений обнаруживается не только их сходство, но и различие. Как же складывается их фабула впоследствии? В основных чертах она также идентична. У бр. Гримм по просьбе жены рыбака последовательно просит у камбалы хорошую избу взамен землянке, затем замок, сделать жену королевой, императрицей, папой римским и, наконец, Богом. Такова была, по-видимому, шкала ценностей в понимании немецких крестьян, в среде которых бытовала эта сказка, о хорошей и вольготной жизни. У Пушкина, как известно, этот ряд несколько иной. В просьбе старика фигурируют новое корыто, новая изба, титул столбовой дворянки, царицы и морской владычицы. Тот же ряд просьб звучит и у Верещагина, за исключением того, что вместо столбовой дворянки Пельга просит сделать ее «бароней». И финал сочинений одинаковый. У бр. Гримм камбала говорит рыбаку: *«Так ступай домой, сидит она (жена рыбака. – В. В.) снова на пороге своей избушки»*. И от повествователя добавлено – с выходом, как и вначале сочинения, в «вечное» время: *«Так и сидят они там*

и доныне». У Пушкина и Верещагина нарисована поучительная сцена: сидит старуха на пороге своего старого и ветхого жилища, а перед нею, как и в начале сюжета, валяется разбитое корыто.

Различия тотчас обнаруживаются, как только мы обращаем внимание на характеры и поведение действующих лиц, таких, как старуха, старик, рыбка, море, а также на образы повествователей во всех трех сочинениях. Рассмотрим их по порядку, в таких взаимных отношениях, как старик и старуха, старик и рыбка (а также море и другие стихии природы), рыбка и старуха, что, думается, естественно приведет нас к выявлению различий в образах повествователей.

Взаимоотношения старика и старухи в «Сказке о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина довольно просты. Первые сведения о них мы получаем из сообщений автора-повествователя о том, что они жили вместе ровно тридцать лет и три года, старик ловил неводом рыбу, старуха пряла свою пряжу. Как они жили, в ладу ли, не в ладу, помогая друг другу или нет, – ничего не известно. Перед читателем «крупным планом» они предстают вместе уже тогда, когда старик приходит домой и рассказывает жене о пойманной и отпущенной им в море золотой рыбке. Жена тотчас набрасывается на него с руганью, посылает обратно к морю просить у рыбки хотя бы новое корыто. Старик послушно идет, добывается нового корыта, однако, как читаем дальше, *«ещё пуще старуха бранится»*. И так до конца сюжета: чего бы старуха ни приказывала, старик послушно выполняет, а старуха всё более озлобляется, наглет и жадничает. Мало того, издевается над мужем: став дворянкой, посылает его служить на конюшне: когда, удивленный ее непомерным желанием стать царицей, старик попытался урезонить ее, ударила по щеке, а став царицей, велела прогнать с глаз долой, и стража топорами чуть его не зарубила. Когда же старуха захотела стать морской владычицей, старик уже *«не осмелился перечить, не дерзнул поперек слова молвить»*.

Взаимоотношения рыбака и его жены в немецком варианте сказки предстают более сложными. Здесь, пожалуй, больше реализма и меньше сказочной условности. Жена немецкого рыбака не так люта, как старуха у Пушкина, хотя и в ней постепенно набирают силы и жадность, и злость. До появления камбалы-рыбы (которая в этом варианте выполняет ту же роль персонифицированных сил природы, что и золотая рыбка у Пушкина и Верещагина) жили они, судя по всему, между собой хорошо. Когда рыбаки, вернувшись с моря, сообщили ей о чудесной добыче,

жена не набросилась на него с руганью, а довольно терпеливо и даже ласково уговорила вернуться к камбале-рыбе, попросить избу получше: *«Да ведь ты же ее поймал и выпустил в море, она уж, наверно, всё сделает. Ступай, счастливой тебе дороги!»*. Исполнилось ее желание – и она так же ласково встретила мужа у порога нового дома: *«Ну, входи, погляди-ка, теперь-то ведь куда лучше»*. И так каждый раз, когда исполнялось ее очередное желание, она встречала мужа не озлобленная, а с радостью, и муж, с такой неохотой отправлявшийся к морю с очередным обращением к камбале, соглашался с женою в том, что действительно раз от разу их жизнь улучшалась. Кем бы жена ни становилась, она не прогоняла мужа от себя, они жили вместе, как и раньше. Рыбак, не унижая себя, каждый раз уговаривал жену довольствоваться достигнутым, старался удержать ее от желания занять всё более высокое положение в обществе, во Вселенной. В нем ясно выказывалась совесть. Он высказывал свое нежелание еще и еще раз обращаться к рыбе, уверял, что она и так уже сделала много, что нехорошо злоупотреблять ее добротой, наконец это надоест ей, да и не в состоянии она выполнить всё, что захочет разошедшаяся в своих желаниях женщина. На этой основе между рыбаком и женой возникает конфликт. В голосе жены появляются всё более жесткие ноты. И рыбак, мучимый совестью перед камбалой-рыбой, всё же идет на берег моря и выполняет капризы жены.

Как видим, здесь нет той глубокой психологической пропасти между образом рыбака и его жены, которая обнаруживается у пушкинской старухи и старика. Конфликт есть, но он не настолько жесткий и безоговорочный. С одной стороны, и жена не такая злая, с другой – и муж не послушный до самоуничтожения, как в «Сказке о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина.

Еще в более мягких тонах обрисованы взаимоотношения между Байметом и Пельгой в верещагинском варианте сказки. Как мы уже убедились выше, до появления золотой рыбки они жили бедно, но дружно. *«Работа у Баймета была не такая тяжёлая, – сообщается в начале поэмы, – Он постоянно в море неводом рыбачил. Его Пельга пряла куделю, штопала понемножку, суп и кашу варила, хлеб и всё другое пекла»*. В домашнем хозяйстве, пожалуй, верховодила жена, что было характерно для удмуртской семьи, как неоднократно подчеркивает Г. Е. Верещагин в этнографических трудах. Она была старательной хозяйкой. И в тот роковой день появления золотой рыбки она сама разбудила Баймета

и послала к морю, заботясь о семье, о ее пропитании. Баймет был прилежным, но не расторопным мужчиной, что, по мнению Г. Е. Верещагина-ученого, было также характерно для удмуртских крестьян. Он, очевидно, любил Пельгу, уважал ее, заботился о ней. Во время рыбной ловли он несколько раз вспоминает о ней, мечтает накормить ее вкусной рыбой, закинув невод, в ожидании улова, идет домой, чтобы повидаться и поговорить с Пельгой, а когда золотая рыбка вдруг заговорила человеческим голосом, он несколько опешил, растерялся, не знал, как поступить, и очень жалел, что жены нет рядом, а надо бы с ней посоветоваться.

Как видим, акценты во взаимоотношениях рыбака и его жены, расставленные в трех рассматриваемых нами сочинениях, весьма различны. Очевидно, они определенным образом отображали и национальное, и социальное своеобразие общества, в среде которого родились данные сочинения. Исходя из сказанного выше, вполне обусловленным, реалистически детерминированным представляется, например, господство старухи над стариком в верещагинском варианте текста после появления золотой рыбки: верховенство женщины над мужчиной в отдельных аспектах жизни, являвшееся довольно ощутимым рудиментом времен матриархата, было еще традиционно закреплено в этнопсихологии удмуртов. И это верховенство в гиперболизированном виде могло в определенных условиях выразиться и в том сумасбродстве, какое мы видим в произведении Г. Е. Верещагина. Потому очень кстати звучат в нем слова насмешек людей, стоявших в сенях царских покоев, в адрес Баймета, когда его прогоняли по приказанию жены, почти дословно переведенные из пушкинского текста: *«Корказьын сылйсьёс / Мыжгаса улляллям: / Эн, пе, пуксьы муртлэн / Дёдьбыяз, визьтэм мурт, / Соє тод но визьдэ / Эн, пе, ышты, пересь!»* («*Стоявшие в сенях / Кулаками прогнали: / Не садись, дескать, / В чужие сани, дурак, / Знай об этом и ум свой / Не теряй, дескать, старик!*»).

С другой стороны, сумасбродство Пельги в отношении своего мужа для удмуртской этнопсихологии – явление исключительное. Мужчины-удмурты потому и глубоко доверяли своим женам, что видели в них мудрую терпеливость и рассудительность. Любили их за это и хорошо к ним относились. Такую особенность семейных отношений среди удмуртов Г. Е. Верещагин многократно подчеркивает в этнографических трудах. По сравнению с ними, семейная жизнь окружавших их русских представлялась этнографу куда более жесткой. Не случайно в своей

этнографической дилогии «Вотяки...» в качестве характерной черты русских он выделяет «жестокое обращение с женами». Потому сюжетная канва, обрисовывающая взаимоотношения Баймета и Пельги, в психологическом плане приобретает еще более драматическую окраску.

Таким образом, сюжет известной сказки в том варианте, в каком изложил его Г. Е. Верещагин, приобретает, помимо интернационального значения, и сугубо национальную окраску и содержание. Своей ненасытной жадностью Пельга, как и старуха у Пушкина и жена рыбака у бр. Гримм, добилась заслуженной кары: все они, побывав в мире своих желаний и мечты, вернулись к исходной позиции, к своей прежней скудной жизни. Однако Ильзабель, жена рыбака у бр. Гримм, не потеряла мужа, они так и остались вместе. Не ощущается такой потери и в сказке А. С. Пушкина, т. к. мы не знаем, как жили старик и старуха до золотой рыбки. Нет ретроспективы, не ощущается необходимости и в перспективе. В верещагинском варианте ход всего повествования приводит читателя не только к удовлетворению от заслуженной кары жадной женщины, но и к вопросу о том, как дальше будут жить вместе Баймет и Пельга, как он примет ее после таких унижений с ее стороны. Реалии действительности, представленные в сочинении Г. Е. Верещагина, не дают возможности замкнуть сюжетную канву только на идее жадности и наказания за нее (как у А. С. Пушкина), но выводят ее и на другие аспекты человеческих судеб, в частности на решение вопроса о совестливости людей друг перед другом (как у бр. Гримм – перед камбалой-рыбой, т. е. персонифицированным представителем самой природы). Это придает сочинению Г. Е. Верещагина черты психологизма и ощутимые качества реализма. Вот почему мы находим возможным назвать его не переводом, а оригинальным произведением, и не просто сказкой, но поэмой-сказкой.

Хотя все дальнейшие поступки Пельги поразительно сходны с действиями старухи у Пушкина, верещагинский текст в отдельных аспектах ближе к немецкому варианту, нежели к пушкинскому. Можно предположить, что первый удмуртский писатель был знаком с обоими сочинениями своих предшественников и строил произведение на основе определенных идей и деталей и того и другого. На эту мысль наводят и текстовые совпадения не только в сочинениях Пушкина и Верещагина, что само собой разумеется, но и Верещагина и бр. Гримм. Так в немецком варианте после того, как камбала-рыба обещала выполнить просьбу о новом доме, читаем: «*Пошёл рыбак и подумал: “Пойду*

я теперь домой”, – и домой воротился». В верещагинском тексте находим почти те же слова: *«Татысь мон но берто / Ас коркам кыллыныны», – / Чорыгасы но шуэм / Кошкыкуз чорыглы. / («Отсюда и я пойду домой, / Полежу в своей избушке», – / Сказал рыбак, / Уходя, рыбке»).*

В описании нового дома, полученного по просьбе жены рыбака, у бр. Grimm, в частности, сказано: *«Вошли они, видят... стены все так и блестят, красивые на них обои...»*. Пельга у Верещагина, захотев стать «бароней», тоже поставила условия: на стенах дома должны быть красивые обои.

Таких деталей, как известно, у Пушкина нет.

Сходство немецкого и верещагинского вариантов обнаруживается и в том, что ни там ни тут, как бы ни безумствовали женщины в своей жадности, не возникает ощущения того, что они очень далеко ушли от своих мужей. Кем бы ни захотела стать Пельга, какие бы условия жизни себе ни требовала, ее воображение не может выйти за пределы ее крестьянских представлений. Так, требуя титул «барони», она перечисляла, что при этом у нее должно быть: *«Чыртыям мед луоз / Какы весь – дуно весь; / Мед луоз покесэ, / Зундэсэ чиньяям, / Угые но пелям / Мед луоз туж чебер»*. (*«На шею у меня пусть будет / Янтарное, дорогое ожерелье; Пусть будет у меня браслет, / Кольцо на пальце, / На ушах у меня должны быть / Очень красивые сережки»*).

Конечно, всё это и получает она от золотой рыбки. Дары, соответствующие своим представлениям, получают жены рыбаков и немецкой, и пушкинской сказок. Этот предметный мир заметно отличается в трех разных сочинениях.

Образ старика будет неполным, если оставим в стороне его взаимоотношения с персонифицированным представителем природы – чудотворной рыбой. Они также не совсем одинаковы в рассматриваемых произведениях.

В пушкинском варианте взаимоотношения старика и рыбки, как и старика со старухой, предельно просты. Оказавшись в руках старика, рыбка взмолилась, просила отпустить ее в море, обещала в качестве откупа всё, что рыбак пожелает. Рыбак, как и в других вариантах, отказывается от выкупа, отпускает рыбку и произносит добрые напутственные слова: *«Бог с тобою, золотая рыбка! / Твоего мне откупа не надо; / Ступай себе в синее море, / Гуляй там себе на просторе»*.

Все дальнейшие их отношения сводятся к полным взаимного почтения диалогам, излагаемым одними и теми же словами с небольшими вариациями в каждом отдельном случае: *«Стал он кликать золотую рыбку, / Приплыла к нему рыбка, спросила: / «Чего тебе надобно, старче?» / Ей с поклоном старик отвечает: / «Смилуйся, государыня рыбка, / Разбранила меня моя старуха, / Не дает старику мне покою...»*). Отвечает золотая рыбка: *«Не печалься, ступай себе с богом, / Будет вам новое корыто»*.

Более сложные отношения у рыбака и камбалы-рыбы в немецком варианте сказки. Диалоги между ними также коротки и просты. *«Ну, чего ей надобно?»* – сдержанно спрашивает каждый раз рыбка и, услышав требования жены рыбака, отвечает: *«Ну, ступай, всё тебе будет»*. Однако отношение рыбака к камбале выражается не только в диалогах. Оно находит формулировку во внутренних монологах-репликах рыбака, в беседах с женою, в сообщениях повествователя. Сводится оно к таким чувствам, как уважение, совесть, опасение озлобленности и кары. Чувство страха отмечается повествователем во многих местах текста, где речь идет о рыбаке. Он боится и грозной силы камбалы-рыбы, и сумасбродных идей своей жены.

Более теплые, почти приятельские отношения сложились у Баймета и золотой рыбки в верещагинском варианте. Правда, и он вначале очень испугался, когда услышал, что рыбка заговорила человеческим голосом. Однако, когда он понял, что они оба страдают из-за сумасбродства Пельги, доверился рыбке как своему могущественному другу, стал подробно излагать, чего требует от них Пельга. Рыбка в свою очередь отнюдь не холодна и сдержанна по отношению к нему. Она подробно объясняет, что ждет рыбака, когда он вернется к жене. Многословные диалоги их наполнены внутренней теплотой. Баймет ее называет «чорыге» («рыбка моя»), та его – «пересе» («мой старик»). Еще в самом начале их знакомства, когда Баймет отпустил ее в море, она обратилась к нему со словами благодарности, как бы отплатила уже за добро: *«Зарезяз зымыкуз / Шуэм нош пересьлы: / Туж, пе, тау, пересе, / Табере, пе, уг быр. / Мед, пе, жеч тон улуд / Та югыт дуннеын; / Пельгаед но чырткем, / Егит ныл кадь улоз»*. (*«Ныряя в море, / Она сказала старику: / Большое, дескать, спасибо, / Мой старик, / Теперь уже не погибну, / Пусть, дескать, живетя тебе хорошо / На этом белом свете; / И Пельга твоя резвой, / Как девушка, пусть будет»*).

Такой поворот сюжета в произведении Г. Е. Верещагина также имеет значение для большей психологической драматизации ситуации. Рыбка, высказавшая исключительно добрые слова в адрес Пельги, в конце концов оказывается вынужденной наказать ее.

Рыба-чудотворец и жадная старуха ни в одном из вариантов с глазу на глаз не встречаются. Однако их взаимоотношения составляют главный конфликт сочинений. Суть его заключается в том, что жены рыбаков, пользуясь бедой рыбы и потеряв стыд и совесть, вытягивают из нее всё новые блага для себя. Рыбу это, естественно, раздражает, хотя она внешне остается вполне корректной и спокойной. Однако ее душевное состояние можно проследить по тому, как постепенно надвигается буря на море.

Все три сочинения построены на принципах такой стилистической фигуры, как градация, выражающей постепенное усиление какого-нибудь качества или состояния. Прием градации дает о себе знать на разных уровнях поэтики произведений. На уровне сюжета он проявляется, например, в непомерном возрастании жадности и связанной с ней агрессивности жен рыбаков, а также в обрисовке того богатства и роскоши, которую они постепенно получают от рыбы. На уровне лексики он четко реализуется в характеристике старухи на разных стадиях ее обогащения. Вот какими словами пушкинский старик сообщает рыбке о душевном состоянии жены и его собственном отношении к ней. Первый раз, вернувшись к морю, он с поклоном сказал: *«Смилуйся, государыня рыбка, **Разбранила** (здесь и далее выделено мною. – В. В.) меня старуха»*. Второй раз: *«Ещё пуще старуха бранится»*. Далее: *«Пуще прежнего старуха **вздурилась**»*; *«Опять моя старуха **бунтует**»*. И наконец: *«Что мне делать с **проклятою бабой?**»*.

Этот прием на обоих уровнях применен и в произведении Г. Е. Верещагина. Баймет сообщает рыбке о Пельге и о своем отношении к ней подобными же словами: *Пельга – кышиное – / Тышкаське монэ туж. / Ма каром, чорыге, / Визьтэмме кышиноен?; ... / Ма каром кышиноен: / Шузимем уката; / Мар каром? / Пороми. / Кышиное уката / Шузимиз, визьтэммиз; / Со шузи кышинолэн / Тыр өвёл на котыз. (Пельга – жена моя – / Ругает меня очень. / Что мне делать, рыбка моя, / С сумасшедшей женой?; ... / Что мне делать с женою: / Вздурилась сильнее; / Что мне делать? Голова у меня кругом. / Жена еще более / Вздурилась, обезумела; / Еще не насытилась / Эта безумная баба).*

В сочинениях А. С. Пушкина и бр. Grimm принципы градации еще нагляднее дают о себе знать в обрисовке ответной реакции сил природы на возрастающую жадность женщин. «*Вот пришел он к синему морю; / Видит, – море слегка разыгралось*», – читаем у Пушкина о первом приходе старика к рыбке с просьбой от жены. Есть основания быть недовольными силам природы: старик по своей воле отпустил рыбку безо всякого откупа, сделал доброе дело, а теперь меняет решение (говорят же в народе: уговор дороже денег!), идет с требованием откупа. Ко второму приходу старика с просьбой картина еще более изменилась: «*Помутилось синее море*». К третьему и четвертому обращениям – «*Не спокойно синее море*». И наконец: «*Видит, на море черная буря: / Так и вздулись сердитые волны. / Так и ходят, так воем и воют*».

В соблюдении принципов градации повествователь у Верещагина не очень последователен. Он указывает на состояние моря еще до появления золотой рыбки: «*Со чукна төлась төл / Зарезьын вылымтэ*» («*В то утро ветра / На море не было*»). Однако какая картина открывалась Баймету, когда он в первый и во второй раз приходил к рыбке с просьбой, не сообщается. Не столь разительны в эмоциональном отношении перемены состояния моря и во время третьего – пятого обращений старика к рыбке: «*Со азын зарезь ву / Пожаськем, луэм съёд*»; «*Зарезь ву съёд луэм*»; «*Зарезьын потэм төл*»; «*Ву съёддем, пожаськем, / Сумед тус со луэм*». («*Перед ним морская вода / Помутнела, стала черной*»; «*Морская вода стала черной*»; «*На море поднялся ветер*»; «*Вода почернела, помутнела, / Приняла цвет ила*»).

В данном случае верещагинский текст намного отличается от варианта бр. Grimm, где изменения состояния моря описаны очень ярко, с впечатляющими деталями.

Резкая контрастность в характере и поведении старика и старухи у А. С. Пушкина подчеркивается и формой повествования, в которой нет той пастельной мягкости, наличествующей в вариантах бр. Grimm и Г. Е. Верещагина, а всё жестко и четко, как в отшлифованном и отграненном алмазе. Сюжетная канва пушкинского варианта построена сугубо на приемах лирической поэзии – на четких и, можно сказать, ритмических повторах сходных ситуаций, обрисованных такими же сходными словами, которые являются как бы своеобразными «рифмами» внутри сочинения, его смысловыми и звуковыми опорными частями. А. Желанский в своей книге «Сказки Пушкина в народном стиле»

блестяще показал «разлив ассонантизма», «сложный агрегат созвучий» внутри стихотворных строк и фрагментов «Сказки о рыбаке и рыбке», другими словами, богатство повторов и переключек на уровне звуковой организации произведения. Как мы убеждаемся, подобная организация обнаруживается и на лексическом уровне. Выше мы цитировали, какими словами и в какой форме общаются между собой старик и рыбка в третьей части сочинения, где рисуется первый приход старика к морю от имени старухи. Точно в таких же словах и в такой же форме, словно в каком-то ритуале, обрисована их и вторая, и третья, и четвертая встречи. Меняются лишь дополнительные к ним строки, отображающие поступательное движение событий, в данном случае – появление новых желаний старухи и возрастание ее нетерпеливого раздражения.

Подобный «ритуал» обнаруживается и в тех частях произведения, где повествуется о встречах старика со старухой, когда он возвращается с моря. Эти части (вторая, четвертая, седьмая и десятая) начинаются словами «*Воротился старик ко старухе*» (или один раз: «*Старичок воротился к старухе*») и обязательно содержат приказание старухи: «*Воротись, поклонись рыбке*». Кроме этих двух фраз, здесь словесных повторов не встречается, потому что именно в этих фрагментах и происходит главное развитие событий и ситуация меняется раз от разу. Однако требования старухи, высказанные во время их встреч со стариком, почти дословно повторяются последним из них в диалогах с рыбкой. Старуха: «*Хоть бы взял ты с нее корыто, / Наше-то совсем расколосось*» – старик: «*Надобно ей новое корыто, / Наше-то совсем расколосось*»; старуха: «*Не хочу быть черной крестьянкой, / Хочу быть столбовою дворянкой*» – старик: «*Уж не хочет быть она крестьянкой, / Хочет быть столбовою дворянкой*» и т. д.

Словесные повторы или некоторые их вариации встречаются и в других местах. «*Вот неделя, другая проходит. / Еще пуще старуха вздурилась; Опять к рыбке старика посылает*», – начинается восьмая часть произведения. Точно такими же словами открывается и одиннадцатая часть, только третья строка изменилась немного: «*Царедворцев за мужем посылает*». В первой части сочинения рыбка говорит старику: «*Дорогой за себя дам откуп: / Откуплюсь чем только пожелаешь*». Во второй части старик рассказывает старухе об этом разговоре почти такими же словами: «*Дорогою ценою откупалась: Откупалась чем только пожелаю*».

Такие повторы представляются основным приемом лексико-ритмического построения произведения. На уровне лексики они поддерживают и особенно контрастно, четко подчеркивают принципы градации в сюжетно-композиционном построении «Сказки...»: каждый раз всё остается так же, как прежде, – возрастает лишь степень жадности и озлобленности старухи и ответная реакция сил природы.

Многие случаи словесных повторов, так четко и последовательно выстроенных в сюжетном ходе «Сказки...» А. С. Пушкина, в произведении Г. Е. Верещагина отсутствуют. Так, нет того «ритуального» диалога между рыбаком и золотой рыбкой, который из слова в слово повторяется в четырех разных частях пушкинского сочинения. Разговор между этими действующими лицами в произведении Г. Е. Верещагина каждый раз передается по-разному, часто не в форме прямой речи, как у Пушкина, а в изложении повествователя, в форме несобственно-прямой речи. Не соблюдены строго выдерживаемые зачины отдельных эпизодов, описание которых у Пушкина начинается повторяющимися словами «*Вот пошел он к синему морю*» или «*Воротился старик ко старухе*». Нет повторов и таких строк, как «*Вот неделя, другая проходит...*». Словом, в сочинении Г. Е. Верещагина нет точной копии лексико-ритмической организации произведения А. С. Пушкина. От этого общая ритмическая структура сочинения несколько размывается. Однако принцип словесных повторов удмуртский писатель всё же заимствовал у своего великого предшественника. Они обнаруживаются в последовательной обрисовке диалогов между стариком и старухой, между стариком и рыбкой, а иногда и в описании того, что появилось на свет под воздействием волшебной силы последней. Так, Пельга дает наказы Баймету: «*Коркамы, шу, урод, / Корка тус но өвёл. / Мед луоз коркамы / Калыклэн кадь чебер, / Мурьез но төдды, / Капкаез но тыны, / Висьетэз но пушказ / Туж чебер шпалерен. (Избушка наша, скажи, плохая, / Не похожа на избу./ Пусть будет у нас дом / Красивый, как у людей./ И труба белая, / И ворота дубовые, / И комната внутри / С очень красивыми обоями).*»

Баймет передает рыбке этот разговор с женою: «*Коркамы туж урод, / Корка тус но өвёл. / Мед луоз, пе, со выль, / Мурьез но төдды, / Капкаез но тыны, / Висьетэз но пушказ / Туж чебер шпалерен. (Избушка наша очень плохая, / Не похожа на избу. / Пусть, дескать, она будет новая, / И труба белая, / И ворота дубовые, / И комната внутри / С очень красивыми обоями).*»

Повествователь излагает обещания рыбки Баймету:

«Коркады, не, тїляд / Луиз вьль табере; / Мурьез но тōды, / Капкаез но тыпы, / Висъетэз но пушказ / Шпалерен, туж чебер». (Дом, дескать, у вас, / Стал новым теперь; / И труба белая, / И ворота дубовые, / И комната внутри / С обоями, очень красивая»).

Некоторые из деталей этого предметного мира встречаются еще и четвертый раз. Баймет вернулся с моря и видит: *«Со азын вьль корка, / Капкаез но тыпы, / Липетэз но солэн / Вьль кортэн липемын.* (Перед ним новый дом, / И ворота дубовые, / И крыша у него / Новым железом крыта).

Такие же подробные лексические повторы, весьма характерные и для народных сказок, последовательно применены в описании того, как Пельга требует сделать ее «бароней», как Баймет пересказывает ее слова рылке и как он видит результаты ее обещания. Менее подробны повторы в обрисовке остальных случаев челночного визита Баймета то к рылке, то к Пельге.

Как видим, и в том и в другом сочинении есть похожие друг на друга лексические повторы. Однако их функции в системе поэтики произведений не совсем одинаковы. В «Сказке...» А. С. Пушкина, как мы уже убедились, они служат средством лексико-ритмической организации лирико-драматического стихотворного сочинения. В произведении Г. Е. Верещагина такая функция чувствуется весьма слабо. На всем протяжении повествования повторы нерегулярны и не столь четко оформлены, многие группы повторяющихся у Пушкина слов отсутствуют. У Верещагина своя система повторов, призванная, скорее всего, более наглядно продемонстрировать метаморфозу предметного мира под воздействием волшебных сил золотой рыбки. Именно эти изменения с наибольшей силой запоминаются читателю, благодаря тому, что три-четыре раза воспроизводятся слова, показывающие, какие материальные блага приобретает Пельга после очередного обращения к рылке. Фиксации метаморфозы предметного мира служат лексические повторы, встречающиеся и в других частях сочинения, в частности, как уже отмечалось, в экспозиции.

В пушкинском варианте предыстория жизни старика и старухи до того, как начинается изложение событий, связанных с золотой рыбкой (до строки *«Раз он в море закинул невод»*), как известно, занимает всего шесть строк. В верещагинском тексте до этих событий изложена про-

странная экспозиция, довольно активная, как мы убедились, в плане изображения взаимоотношений Пельги и Баймета и реалий их повседневной жизни. Уже там перед читателем проходят зримые детали быта, которые в ходе дальнейшего повествования должны претерпеть изменения. Например, корыто. У Пушкина этот образ первый раз появляется в заявлении старухи о том, что старик должен был попросить **хотя бы новое корыто**: «*Наше-то совсем расколось*». Повествователь в произведении Г. Е. Верещагина находит необходимым еще до этого момента в сюжетном ходе два раза показать читателю расколотое корыто у ног Пельги, занимавшейся домашними делами. Такое различие в двух сравниваемых произведениях весьма характерно. Те реалии, которые в сочинении А. С. Пушкина проходят как бы мимоходом, в произведении Г. Е. Верещагина появляются вновь и вновь, создавая своеобразную предметно-образную ритмическую структуру. Еще в экспозиции, в самом начале сочинения, рисуется, например, состояние избышки с такими подробными деталями, как труба глиняная, крыша лубяная, прясла вместо ворот. Перед читателем они вновь предстают еще два раза: в значительно улучшенном виде в середине сочинения и в том же старом, плачевном состоянии – в финале.

Эти повторяющиеся реалии в произведении Г. Е. Верещагина также «выросли» из упоминаний в пушкинском произведении, где, например, читаем: «*Перед ним изба со светелкой, / С кирпичною, беленою трубою, / С дубовыми, тесовыми вороты*». Повествователь произведения Г. Е. Верещагина не ограничивается упоминанием этих реалий, а более обстоятельно рисует их в разных временных срезах и выстраивает сквозную ритмическую систему их метаморфозы.

Так исподволь выясняется различный характер образа повествователя в двух сравниваемых нами сочинениях. В пушкинском произведении слог его лаконичный и строгий, сюжетно-композиционные задачи он решает преимущественно лирико-драматическими средствами. Повествователь верещагинского сочинения испытывает тягу к эпической размеренности, к изображению подробных деталей предметного мира и взаимоотношений действующих лиц. От этого произведение становится более широким по содержанию, роль сказочной условности значительно ослабевает, реалии жизни, в том числе этнически окрашенные, усиливают в нем реалистическое начало.

Субъектная организация произведения А. С. Пушкина также предельно четкая. Носителями сознания и речи в нем являются че-

тыре субъекта: повествователь, старик, старуха и рыбка. Лишь в одном месте воспроизводится голос «толпы», адресованный старику: *«Подделом тебе, старый невежа! / Впредь тебе, невежа, наука: / Не садися не в свои сани!»*. В сочинении Г. Е. Верещагина субъектная организация более сложная и не столь четкая. Повествователь активно использует форму несобственно-прямой речи. Здесь нередко встречаются такие фрагменты, в которых носителем сознания является одно действующее лицо, а носителем речи – другое. Бывает и многоступенчатая передача сознания от одного субъекта речи к другому. Например, повествователь от своего лица излагает, как Баймет пересказывает рыбе наказания Пельги. Это насыщает тексты первичного и вторичного носителей речи отраженным чужим сознанием и словом, придает произведению непростую полифоническую структуру.

Весь этот сравнительный анализ убеждает нас в том, что Г. Е. Верещагин не стремился копировать пушкинское сочинение. Сюжет о жадной старухе и чудотворной рыбке, исходящий из творческого наследия немецкого народа, получил свою оригинальную литературно-художественную интерпретацию как у великого русского поэта, так и у первого удмуртского писателя. Взявшись за ознакомление учащихся-удмуртов с одним из известнейших произведений А. С. Пушкина на их родном языке, народный учитель, по-видимому, обнаружил в себе стремление и возможности сочинить свой вариант сюжета. Поэма-сказка «Зарни чорыг» («Золотая рыбка») Г. Е. Верещагина, и другая, «Батыр дйсь» («Богатырская одежда»), созданная тем же автором в том же жанре, стали первыми крупножанровыми поэтическими произведениями на удмуртском языке.

Литература

- Афанасьев А. Н.* Русские народные сказки. 4-е изд.: В 5 т. – М., 1913. Т. 1.
Ванюшев В. М. Творческое наследие Г. Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья. – Ижевск, 1995.
Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края // Зап. Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. – СПб, 1886. Т. 14. Вып. 2; Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Там же. – СПб, 1889. Т. 14. Вып. 3.

Верещагин Г. Е. Чагыр, чагыр дыдыке... Кылбуръёс но поэмаос / Люказ но азыкылзэ гожтйз П. К. Поздеев. Послесловиез И. П. Тукаевлэн – Ижевск, 1984.

Гримм Я., Гримм В. Сказки / Пер. с нем. Г. Петникова. – М., 1985.

Желанский А. Сказки Пушкина в народном стиле: Опыт исследования по рукописям поэта с двумя фотоснимками. – М. 1936.

Пушкин А. С. Сочинения: В 3 т. – М., 1985. Т. 1.

3.4. О «ВСТРЕЧЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ В ЗАВЬЯЛОВЕ»

(Луч. 1996. № 3–4. С. 76–77)

Среди сюжетов этнографической диалогии Г. Е. Верещагина «Вотяки Сосновского края» (1886) и «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии» (1889) особое место занимает очерк «Встреча Великого князя в Завьялове», помещенный во вторую книгу. Решая этнографические задачи, наряду с подразделами «Проводы новобранца», «Поздравление и угощение прибывшего на родину солдата», «Свадебные обряды» и с другими тематическими сюжетами, автор включил его в раздел «Различные обряды и обычаи».

Встреча высокопоставленной особы из царской семьи, проезжавшей через Завьялово с камской пристани Гольяны на Ижевский завод и обратно, действительно была обустроена как обряд. Однако это был не традиционный народный обряд, а импровизация местных властей, своего рода суррогат официального этикета и народных обычаев. Тем не менее зарисовка вписывается в общий замысел книги: в ней нашли отражение психология и поведение завьяловских удмуртов в необычной, можно сказать, чрезвычайной обстановке. Верещагин и сам обозначил одно из функционально-этнографических назначений этого фрагмента. *«К начальству вотяки почтительны, и мы имели случай видеть, как горсть их выражала своё уважение к властям, что видно из нижепомещенного рассказа: «Встреча Великого князя в селе Завьялово», – писал он. – Рассказ этот хотя и не представляет особенного этнографического интереса, но не лишён занимательности в том отношении, что по нему можно судить об отношении вотяков к властям и особам».*

Субъектная основа данного сюжета, являющаяся характерной чертой художественного повествования, казалось бы, обнаруживается не сразу. Лишь в середине повествования автор напрямую проявляет себя. *«Когда придет Князь? – спрашивали автора сей статьи вотячки, желавшие сильно посмотреть на Его Высочество Великого князя Михаила Николаевича»,* – пишет он и далее приводит диалог между ним и интересующимися женщинами. Однако присутствие самого автора в ходе описываемых им событий чувствуется с первых строк. *«В апреле месяце 1887 года в селе Завьялово Сарапульского уезда между вотяками распространился слух, что в мае или в июне через это село проедет «кинязь» (князь) в Ижевский оружейный завод»,* – начинается повествование точным указанием и времени, и места событий. Такая конкретность и целенаправленная динамичность описания придает повествованию репортажный характер, и личное восприятие автора занимает в нём центральное место.

Проследим динамику субъективизации повествования с подчеркнутым обозначением времени событий и пространства изображенного мира, являющимся ключевым доминантом жанра репортажа.

В начальном предложении зарисовки повествователь находится как бы «над» селом Завьялово, на определенном «удалении» от него, на таком «расстоянии», на котором он может мысленно охватить весь населённый пункт со всеми жителями. Будто бы с той же пространственной точки он наблюдает за ними и далее: *«По поводу такого слуха в некоторых из зажиточных вотяков Завьялова возникла мысль о поднесении Его Высочеству хлеба-соли, для выражения верноподданнейших чувств... и весть о таком желании быстро проникла в массу вотяков, которые одобрили вполне благое намерение. Вследствие этого, за две недели до приезда Его Высочества было назначено совещание, на которое приглашены и русские вместе с вотяками.»*

В дальнейшем пространственная точка зрения повествователя меняется. Он наблюдает за происходящим, будто находясь вместе с теми, кто собрался на это совещание. *«На собрании были предложены на обсуждение вопросы: какой именно поднести хлеб-соль, кому поднести и т.д. После нескольких минут совещания один из присутствующих высказал мнение, что хлеб во всяком случае должен быть белый. С ним согласились и некоторые из участвующих на совещании»,* – пишет автор. Затем он предоставляет слово самим участникам совеща-

ния, рисуя их в общей массе, как бы находясь от каждого из них на равном удалении, ни к кому не приближаясь для показа «крупным планом» и никого конкретного не выделяя из них:

«— Мы — крестьяне, едим чёрный ржаной хлеб, надо поднести ржаной, — отвечали вотяки.

— Чёрный поднести неприлично, — возражает одна сторона.

— Белый не идёт, надо чёрный: мы — не городские, не господа, белый хлеб не едим...»

Спор о белом или чёрном хлебе не успевает завершиться — открывается такая же дискуссия о других атрибутах подношения:

«— Теперь это оставим, будем говорить о блюде и солонке — какие они должны быть, — кто-то опять возбудил вопрос».

Так, один за другим возникают и горячо обсуждаются всё новые грани актуальной проблемы: как украсить блюдо для поднесения хлеба-соли? кто будет подносить его?.. И тут «на экране» появляется «крупный план» — из массы участников совещания выделяется некая личность:

«— Должен поднести волостной старшина, — сказал на это местный писарь».

А вот и другая личность, на какое-то мгновение показанная крупным планом: *«Такое мнение присутствующей тут одной русской женщине не понравилось. Дело в том, что хлеб-соль поднести ей хотелось самой»,* — отмечает автор. И снова «общий план»: *«...но все были против этого, и решено было хлеб-соль поручить поднести волостному старшине-вотяку».*

Так повествователь, словно с доброй, несколько снисходительной улыбкой, наблюдает и передаёт то по-крестьянски чистосердечное и мудрое, то по-провинциальному наивное, то с некоторой эгоцентрической хитрецей обсуждение вопросов о деталях встречи важной государственной персоны.

«Время проезда Его Высочества приближалось», — начинается новая часть репортажной зарисовки. Меняется и пространственная точка зрения повествователя. *«Перемена лошадей под великокняжеским экипажем назначена у полевых ворот, на конце села, у моста через речку, на площадке»,* — сообщает он, как бы указывая и своё новое местоположение. Начинается обрисовка по-праздничному убранной площадки. Репортёр обстоятельно передаёт то, что увидел здесь. *«Площадка эта, так равно и дорога до полевых ворот, местными жителями-вотяка-*

ми были обставлены молодыми елочками, так что дорога и площадь приняли вид аллеи. В середине площадки была раскинута палатка из холста и украшена зеленью и цветами» и т.д.

Затем повествователь-репортёр как бы двинулся по селу и делится с нами своими впечатлениями: «Площадка, дорога и улицы до церкви выметены чисто. С устройством палатки и поднятием флагов село приняло праздничный вид и готовилось как будто к особенному торжеству. Народ обоего пола, пришедший и приехавший из дальних деревень волости, с раннего утра до позднего вечера, непрерывно переходил группами из села в конец и из конца в село. Всякий спрашивал встречного и поперечного: «Скоро ли будет Великий князь?»»

Далее повествователь вновь чётко сообщает о своем изменившемся положении в пространстве: «Перейдём теперь в толпу инородцев-вотяков, преимущественно женского пола». Следует изложение, главным образом в диалогической форме, беседы автора-повествователя с крестьянами всё на ту же актуальную тему: какой он, этот князь, похож ли на обыкновенных людей? Выйдет ли он из кареты? Можно ли на него посмотреть? Как отличить Великого князя от его сына, который, говорят, тоже будет вместе с ним?

Следующий микросюжет обращает внимание читателя на блюдо и солонку, предназначенные для подношения. Сообщив о том, что 20 июня, в субботу, накануне проезда Великого князя через Завьялово, от мастера Ижевского завода были привезены эти немаловажные атрибуты торжества, повествователь «крупным планом» показывает их, будто подойдя к ним так близко, чтобы можно было различать детали украшения: «Блюдо и солонка выточены изящно, кажется, из ильмового дерева, какие, вероятно, растут в заводских лесах. Надпись на самом блюде золотыми буквами гласила: «Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Николаевичу». На полях блюда врезано восемь рублевиков екатерининских и николаевских времен, преимущественно с просверленными по краям дырочками, что доказывает, что монеты сняты с нагрудных украшений вотячек (дзюзъеты), восемь четвертаков и ещё несколько мелких серебряных монет. Между монетами сделана надпись золотыми литерами: «От крестьян Завьяловской волости».

Утро 21 июня. Репортёр-повествователь вновь на улице, где «пёстрые, как шпалеры, группы народа обоего пола и разного возраста,

от детей и стариков, двинулись к концу села, и к 7 часам утра густая масса народа покрыла весь конец села и возвышенное место за дорогой и стала ожидать приезда Его Высочества».

Повествователь умело использует детали для обрисовки сложившейся ситуации. На этот раз из массы ожидающих он выделяет фигуру местного священника и через его метания и колебания передаёт атмосферу томительной неопределенности. Таким образом складывается новый микросюжет, в центре повествования которого – означенное лицо. *«К заутрени, против обыкновения, местный священник приказал благовестить в 4 часа, – говорится в нем, – и, отслужив таковую, задал себе вопрос: благовестить ли к обедне вскоре после окончания заутрени? Дело в том, – объясняет репортёр, – что Великий князь должен был приехать в село Завьялово ранее 9 часов, а священнику хотелось встретить его в конце села у палатки, а в случае приезда во время литургии он этого не мог сделать. Священник решил служить литургию после приезда Великого князя».* Но и тут незадача. *«Итак, – читаем далее, – службу он отложил на час времени. Между тем после отхода заутрени прошло уже 3 часа времени, а Его Высочества всё нет. Что делать? – как бы слышим отражённое слово священника. – Этот вопрос разрешил приехавший из Гольян (пристань пароходства на Каме), сказав, что пароход Его Высочества стоит на якоре у пристани гольянской, и что скоро ли изволит Великий князь сойти с парохода – никто не знает. Вследствие этого священник приказал сторожу благовестить к обедне».* Но и тут служителя культа ожидал конфуз: *«Служба началась, но по причине ожидания приезда Его Высочества церковь была пуста».* Однако всё завершилось, как говорится, слава Богу!

«Отошла и обедня. Было уже около полудня. Священник, отслужив литургию, пришёл на место ожидания с крестом и св. водой. Принесли и вышеописанное блюдо с караваем ржаного хлеба и с солонкой с солью, поставили на стол в палатке, и всяк ожидал прибытия Великого князя».

В предпоследней части сюжета, рисующей публику и появление ожидаемых лиц, репортаж ведётся с площади в конце села. Повествователь то окидывает взглядом общую картину, то выделяет «крупным планом» отдельные детали – особенно в той части, где рисуется кратковременное пребывание Великого князя в Завьялово. *«Во 2 часу в перспективе, на возвышении в 1/2 версте от палатки, – сообщает он, – показалась карета Его Высочества, а за ней другая, третья...*

В это время на колокольне раздался трезвон. Мужчины обнажили свои головы... Великокняжеская коляска остановилась у палатки, и громкое ура огласило воздух. Великия князья Михаил Николаевич и сын его Сергей Михайлович вышли из кареты и приложились ко кресту, в это время священник окропил их святой водой; затем были поднесены им просфоры. Волостной старшина (из вотяков) поднес Его Высочеству на вышеописанном блюде хлеб-соль...» Последнее предложение из приведенной цитаты сплошь состоит из деталей и персонажей, уже знакомых читателю: волостной старшина с неперенным указанием, что он «из вотяков»; Его Высочество, очно и заочно присутствующий в повествовании на протяжении всего сюжета; подробно описанные прежде блюдо и хлеб-соль. «Между тем, – продолжается повествование, – когда запрягали коней, Его Высочество изволил разговаривать с крестьянами о хлебах на полях, о жизни их...» И снова повторяющиеся детали: «Обратив внимание на вотячек, подошел к ним и с любопытством осматривал их костюмы, украшения и разговаривал с ними». До этого о костюмах и нарядах удмурток уже упоминалось не раз. «Оденьтесь понаряднее в свой вотский костюм, и он, может быть, пожелает посмотреть на вас», – советовал повествователь женщинам, интересовавшимся у него подробностями встречи Великого князя. «Груды и конусообразные айшоны на головах вотячек блестели серебром», – сообщал он, рисуя группы людей, стоявших в ожидании главного события дня. Снятые с украшений удмурток серебряные монеты, как мы помним, были детально показаны на выточенном из дерева блюде.

«Когда лошади были запряжены, Великия князья сели в экипаж, и при новых криках «ура!» экипаж тронулся, – продолжает повествователь вести репортаж всё с той же пространственной точки, как бы с доброй улыбкой отмечая и некоторые несуразности проводов: – Сельские девушки, не наученные никем, приготовленные букеты цветов бросали, против обыкновения, за коляской Его Высочества». И снова повторяющиеся детали: «На колокольне раздался трезвон, а фотограф, сопровождавший Великих князей, сделал фотографический снимок с вотячек, о которых упомянуто выше». Да и девушек с цветами (уже, по-видимому, научных) мы встречаем ещё раз. «На другой день, 22 июня, – говорится в следующем абзаце, – при обратном проезде (имеется в виду: Великого князя. – В. В.), сельские девушки устилали путь Его Высочеству, во время шествия к кресту, букетами цветов».

В заключительной части репортажной зарисовки те же события освещены уже в другом временном срезе: прошлое даётся в соотносённости с настоящим, со временем изложения репортажного текста. С определённой временной дистанции повествователь подводит кое-какие итоги: *«В первый проезд народу было около 1000 чел., во второй – менее. Эти два дня остались памятными для завьяловских вотяков, и в настоящее время завьяловцы, проходя мимо площади, где останавливался Михаил Николаевич, говорят: «Здесь останавливался Великий князь».*

Этот очерк репортажного типа, построенный с соблюдением пространственной и временной точки зрения повествователя и включённый во вторую книгу этнографической диалогии, явился значительным завоеванием Г. Е. Верещагина на пути постижения поэтики эпического рода в удмуртской художественной литературе.

3.5. ПОЭТИЧЕСКАЯ ДИЛОГИЯ Г. Е. ВЕРЕЩАГИНА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ВЫДАЮЩЕЕСЯ ЯВЛЕНИЕ УДМУРТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: сб. статей / УИИЯЛ УрО РАН; сост. В. М. Ванюшев, Т. С. Зыкина; отв. ред. В. М. Ванюшев. – Ижевск, 2004. С. 227–231)

Поэмы «Загубленная жизнь» и «Скоробогат-Кашей» Г. Е. Верещагина занимают значительное место в его богатом и многогранном творческом наследии. Они, хотя и написаны на русском языке и ориентированы скорее на русскоязычного читателя, относятся к числу выдающихся явлений удмуртской литературы времен ее становления. Г. Е. Верещагин успешно творил и на русском, и на удмуртском языке, как и последующие двуязычные классики удмуртской литературы Кедр Митрей (1892–1949), Кузубай Герд (1898–1937), Геннадий Красильников (1928–1975). Его поэтический опыт, накопленный при создании этих сочинений с опорой на традиции русской и мировой классической литературы, несомненно, сказался на уровне художественного мышления и в других его произведениях, в том числе и созданных на удмурт-

ском языке. Русский читатель не может не заметить и те шероховатости в стиле поэм, которые во многом порождены нерусским происхождением автора и которые зачастую компенсируются глубиной его философских размышлений. Удмуртский читатель отметит прямую кальку с родного языка при обозначении отдельных понятий. Так, в поэмах многократно встречается выражение «мать-отец», обозначающее «родители», что является дословным переводом с удмуртского («анай-атай», или «меми-дяди», или «мумы-бубы» – в разных диалектах по-разному). Удмуртские корни заметны и в других пластах сочинений. Например, «Легенда о пчеле», записанная автором от информантов-удмуртов, играет чуть ли не главную роль в определении философской направленности диалогии.

Русскоязычная поэтическая диалогия Г. Е. Верещагина являются определенным этапом становления удмуртской литературы. К этим поэмам примыкают и другие произведения, написанные в дооктябрьский период на русском языке, – повесть «Дитя больного века» (1911) и трагедия «Эш-Тэрек» (1915) Кедр Митрея, поэма «Над Шошмой» (1915–1916) Кузубая Герда. Несмотря на значительный вес этих сочинений Г. Е. Верещагина в истории искусства слова удмуртов, они до сих пор не введены в активный литературоведческий оборот, мало кто из читателей знаком с ними по-настоящему. Первая из них ещё и не опубликована, вторая обнародована А. Н. Уваровым в малотиражном сборнике [Верещагин 1983: 99–123], но никогда не подвергалась подробному печатному анализу.

Поэмы не только не были опубликованы при жизни автора, но и не датированы в рукописях. О времени создания их приходится судить по другим, косвенным признакам. Среди них – и грамматические правила русского языка, следуя которым созданы рукописи. На их основе можем утверждать, что обе поэмы были сочинены на заре становления национальной литературы, в дооктябрьское время (кроме беловика «Скоробогата-Кашея», написанного по правилам, установленным в соответствии с орфографической реформой 1917–1918 г.). Так определяется предельно поздний срок создания произведений (до 1917–1918 гг.). Предельно ранний срок возможно установить по событиям, изображенным в самих поэмах. Повествователь «Загубленной жизни», очень близкий к биографическому автору, рассказывает не только о своих детских годах, проведенных в родной деревне, о времени расставания с «бесценными друзьями» на берегах Камы (надо понимать, после за-

вершения учёбы в Сарапульском реальном училище), не только о работе в деревне, где он учил грамоте *«детюшек мужиков»*, *«в каникулы писал о быте вотяков, попутно сообщал о культе их богов...»*, словом, учительствовал и занимался полевыми этнографическими исследованиями (шарканский период жизни и творчества Г. Е. Верещагина), не только вспоминает, как ему захотелось в город и он переехал туда (знаем, что в 1895 г. он поселился в Елабуге), но *«годов так через пять»* ему город надоел и он стал проситься у *«градских богов»* направить его в сельскую местность, в результате чего он снова оказался в деревне, *«хотя уже в другой, но лучше видом той»* (знаем: в 1900 г. Г. Е. Верещагин переехал в Бураново, получив сан священника). Жизнь его в этой, «другой» деревне, довольно подробно описана в поэме. Таким образом, можем смело утверждать, что *«Загубленная жизнь»* (во всяком случае – в первом варианте) написана во временных рамках между 1900-м и 1917-м годами, т. е. в бытность его священником. Это подтверждается и всем этико-философским пафосом сочинения.

Если верить повествователю, *«Скоробогат-Кашей»* была начата ещё *«у камских берегов»*, т. е. в Елабуге. В таком случае, с учётом создания забелённого варианта, поэт работал над ней не менее двадцати лет. Она и звучит более сильно, нежели *«Загубленная жизнь»* в том варианте, какая доступна нам. В четвёртой части раздела *«Вместо предисловия»* этой поэмы повествователь сообщает, что данную работу он посылает своим *«бесценным друзьям»* на их *«правдивый суд»*, а до этого будто бы *«прочел, переписал, издателю послал»*. Так ли было на самом деле у автора – Г. Е. Верещагина? Если да, то когда и кому он её посылал? Почему не опубликовали? Получал ли он какой-либо ответ от издателя? Ответы на эти вопросы для нас пока остаются загадкой.

Эпические сюжеты в поэмах довольно просты. Их можно пересказать в нескольких словах. Не они занимают основное место в сочинениях, а лирические отступления, представляющие собою философские размышления и героев, и повествователя. Эпические сюжеты как бы подчинены им, являются развернутыми лирическими ситуациями, на фоне которых и формулируется философское содержание произведений. Немудреные истории из жизни персонажей представлены в произведениях как результаты размышлений автора-повествователя, который одновременно является не только субъектом, но и объектом

изображения. В поэмах речь идёт прежде всего о нём – об укладе его жизни, различного рода впечатлениях, раздумьях, педагогическом, этнографическом и литературном труде. Обе поэмы оформлены так, будто они целиком являются письменными посланиями «бесценным друзьям» повествователя. Прямые обращения к ним встречаются не только во вступительных, чисто лирических частях произведений, но неоднократно и внутри текстов, излагающих истории жизни и нравственного падения главных героев произведений. Центром, собирающим в единое целое все многочисленные фрагменты поэмы, является не эпический, а лирический сюжет, т. е. ход зарождения, развития и окончательного формирования чувств, философских размышлений повествователя. Подобным образом построена и поэма «Скоробогат-Кащей», эпическим фоном философского содержания которой является также история о загубленной жизни человека, на этот раз из-за другого порока – жадности.

Мотив жизни и смерти занимает главное место в лирическом сюжете поэмы «Скоробогат-Кащей». Он, как и многие другие лирические переживания, «оправдан» повествователем с помощью жизненных ситуаций, изображенных в эпическом сюжете: малолетний Кащей убивает своих родителей, в его зрелые годы от пули погибает приятель, а в старости он сам, мучимый совестью, умирает от апоплексического удара. Но и тут эпический сюжет является лишь первым, поверхностным слоем раскрытия темы, можно сказать, лишь фоном, в пространстве которого «законно» разворачиваются волнующие повествователя, как можно понять, главные философские размышления о смысле и о бренности жизни. Всей своей сутью поэмы утверждают мысль о том, что жизнь человека приобретает неистребимую ценность лишь в доброте и трудах, в благодеяниях для других. В этом смысле «Легенду о пчеле», включенную в поэму «Загубленная жизнь», представляющую собой притчу, в которой сам Бог одобряет альтруизм пчелы-труженицы и не только осуждает эгоизм и жадность шершня и шмеля, но и наказывает за это весь их род, можно считать основным ключом понимания философской сути обеих поэм диалогии.

Обе поэмы целиком построены на сопоставлениях, контрастах и оппозициях. Это заметная черта поэтики сочинений. Прежде всего противостоят Бог и сатана, далее – рай и ад, жизнь и смерть, природа и город, отсюда – люди, живущие в «райской» сельской местности

(например, на пасеке) и в городе, где «всё слилось в одно, и масло, и...». Божьему миру соответствуют чудные картины природы и такие моральные качества людей, как честность, трудолюбие, доброта, стремление помочь другим... К миру сатаны, ада относятся предательство, заглавным представителем которого обозначен Иуда Искариот, пьянство как результат стараний первого винокура (чёрта), стяжательство, жадность, зависть... Такая оппозиция пронизывает все уровни поэтики произведений, в том числе и изобразительно-выразительные средства. В сравнениях и метафорах многое отрицательное сводится к образу беса, дьявола, ада, доброе – к образу Бога, рая.

Всей своей художественной структурой поэмы находятся в своеобразной переключке с широко известными сочинениями, что также свидетельствует об этико-философской и эстетической ориентированности повествователя. Это прежде всего памятник мировой культуры, священное писание – Библия. В поэме «Загубленная жизнь» используется сюжет, который стал широко известным, благодаря рассказу «Как чертёнок краюшку хлеба выкупал» [Толстой 1987а: 344–346] и комедии «Первый винокур, или Как чертёнок краюшку заслужил» [Толстой 1987б: 5–20] Л. Н. Толстого. В психологии и характере Кашея читатель не может не заметить переключки с образом Плюшкина из «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя, с внутренним миром Барона из «Скупого рыцаря» А. С. Пушкина, в раздвоении образа повествователя в качестве и субъекта, и объекта художественной речи – со стилем композиционного построения романа «Евгений Онегин» А. С. Пушкина.

Знакомя с русскоязычными поэмами первого удмуртского писателя и осмысливая их как единую поэтическую дилогию, пронизанную общим лирико-философским взглядом на основополагающие вопросы жизни человека, мы надеемся пробудить в читателе должный интерес к этой разносторонне одаренной личности, творческое наследие которого, словно айсберг, большей частью всё ещё остается для нас «вещью в себе». Познакомившись с ними, читатель получит душевную радость от общения с человеком, умудренным опытом жизни, поэтом, этнографом, философом, каким предстает образ повествователя данной дилогии, питающийся своими творческими корнями от выдающихся явлений мировой и общероссийской культуры, очень близкий к облику биографического автора-самого Г. Е. Верещагина.

Литература

Верещагин Г. Е. Скоробогат-Кашей: Поэма // Вопросы своеобразия жанров удмуртской литературы и фольклора: Сб. статей. Ижевск, 1983. С. 99–123.

Толстой Л. а. Как чертёнок краюшку хлеба выкупал: Рассказ // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. 9. М., 1987.

Толстой Л. б. Первый винокур, или Как чертёнок краюшку заслужил: Комедия // Там же. Т. 12.

3.6. «ЗДРАВСТВУЙ, НАШ ДОРОГОЙ ИВАНУШКА ГРИГОРЬЕВИЧ!»

О письмах Г. Е. Верещагина по материалам научно-отраслевого архива УИИЯЛ УрО РАН

(На переломе эпох: Союзу писателей Удмуртии 70 лет: статьи, поэтические произведения, документы. – Ижевск, 2006. С. 42–53)

1.

Наиболее раннее письмо Г. Е. Верещагина, доступное нам, хранится в рукописном отделе научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук. Написано оно 6 ноября 1922 г. в бытность его священником в селе Бураново нынешнего Малопургинского района Удмуртии и адресовано сыну Ивану Григорьевичу, журналисту, проживавшему в Москве. Оно передано Удмуртскому институту в ноябре 2001 г. внуком Ивана Григорьевича, т. е. правнуком Григория Егоровича – Михаилом Георгиевичем Беренгартемом, профессором, проректором по учебной работе Московского промышленного университета инженерной экологии.

«Здравствуй, наш дорогой Иванушка Григорьевич¹, – ласково обращается отец к сыну и сообщает: – *Заказное письмо твое я получил и спешу уведомить*». Можно понять, что это первое письмо Григория Егоровича Ивану в Москву. «*Я хотел послать тебе писемцо раньше, но адреса не знал*, – продолжает он далее. – *Хотя Марья Ивановна и Ната-*

---

¹ Здесь и далее в цитируемых текстах правописание авторов сохраняется. – В. В.

ша [жена Ивана Григорьевича и дочь, которые проживали в Ижевске; здесь и далее слова, заключенные в квадратные скобки, мои. – В. В.] и говорили, что от тебя получают письма, но адреса от них взять забыл; а они бывают у нас, в Бураново, редко, особенно М. И. [Марья Ивановна. – В. В.]. Коля [Николай Григорьевич, второй сын Григория Егоровича, который также проживал в Ижевске. – В. В.] с Наташей были осенью – кажется – всего два раза, и то пешком. Лошадей у нас нет: съедены в голодное время; у кого остались – те просят баснословную цену».

Письмо сравнительно небольшое, написано убористым почерком черными чернилами на обеих сторонах белой плотной бумаги формата А4, однако содержит разнообразную и богатую информацию.

Нас прежде всего интересовали сведения, касающиеся творческой деятельности Григория Егоровича. В письме он сообщает, например, о своем участии в работе Первого съезда удмуртских писателей, состоявшегося в декабре 1921 г. Он пишет: *«В Ижевске я был всего однажды, когда был там съезд вотских писателей. Я читал там свой реферат о древнем происхождении религии у Вотяков. Доказывал я это на основании остатков религиозных обычаев Вотяков и верований их, тождественных с верованиями индийских народов; приводил и санскритские слова; но возражать никто не нашелся. Просили у меня реферат, но я не дал; а реферат интересный»*, – делится он с сыном. Факт участия священника Григория Верещагина в работе съезда удмуртских писателей вошел в историю культуры республики. Его сообщение под названием «К вопросу о происхождении вотяков и их верований: Записки этнографа» было опубликовано в «Трудах научного общества по изучению вотской культуры» в 1926 г. в некоторой переработке ученого секретаря того общества Ф. Стрельцова. Автограф этой статьи хранится в научно-отраслевом архиве УИИЯЛ УрО РАН. Именно в этом, авторском, варианте под названием «О древнем происхождении вотяков» она и опубликована в третьем томе (2000) Собрания сочинений Г. Е. Верещагина, под руководством автора данных строк выпускающегося в УИИЯЛ УрО РАН с 1995 г.

«У меня свободного времени много, и занимаюсь литературой по-прежнему, – сообщает Григорий Егорович в письме. И далее: – У меня материала было много, но всё растащили солдаты в 1918–1919 году. И книг расхищено много. Из своих сочинений остались...» [следующее

слово неразборчиво. – В. В.]. Из других источников нам было уже известно, что с библиотекой и рукописями Григорию Егоровичу не везло. Во время Гражданской войны священника и учёного, писателя Верещагина обижали и красные, и белые. Как вспоминали во время наших встреч (1991) пожилые жители села Бураново, отца Григория выводили даже расстреливать, оставили в живых лишь благодаря заступничеству односельчан. Тогда же была разорена значительная часть его творческого наследия и библиотеки. Второй раз его архив сильно пострадал от пожара в то время, когда уволенный со службы в церкви Григорий Егорович переехал в Ижевск и жил уже вместе с семьей сына Николая. И то, что мы имеем сегодня в своем распоряжении, расшифровываем, готовим к изданию и выпускаем в виде книг его Собрания сочинений – лишь крохи из того, что было, что осталось после тех двух разорительных происшествий.

Письмо было написано до пожара в Ижевске, и нам было интересно узнать, что осталось у автора к данному времени. Сведения довольно скудные, но и они представляют немалую ценность. *«У меня есть рукописей пять, – пишет Григорий Егорович, – но печатать их негде, и хорошо бы, если издать: разошлись бы легко. Марья Ивановна взяла несколько брошюр о Вотяках и продала их за 4 миллиона. На днях соберу всё, сколько осталось, и пошлю, пусть продает. В Ижевске частной типографии нет, а в советской не печатают».* В другом месте он прямо обращается к сыну-журналисту с просьбой помочь с изданием его работ: *«Нельзя ли печатать в Москве мои произведения? Я думаю, там есть частные типографии».* Григорий Егорович перечисляет те пять готовых к печати произведений, о которых он упоминал раньше: *«Мои произведения вот какие:*

- 1) Вани-Вятчи (проза)
- 2) Скоробогат-Кащей (в стихах)
- 3) Загубленная жизнь (в стихах)
- 4) Христовидец (в стихах) из времен Христа
- 5) Письмо жены Понтийского Пилата (в стихах).

Хотя бы по 1000 экземпляров, – добавляет он. – Деньги я пошлю, только бы напечатали.

Есть на вотском языке рассказы, стихи, загадки и проч.

Все названные произведения разошлись бы быстро, Марья Ивановна и Сережа продадут. Вырученные деньги я все представлю в поль-

зование их; мне не нужны. У меня – слава Богу – хлеб теперь есть», – уверяет Григорий Егорович сына.

Что конкретно имел в виду писатель, говоря о произведении «Вани-Вятичи», теперь трудно сказать: тот ли текст, что вошел в книгу «Очерки русских Вятско-Прикамского края» Собрания его сочинений (Т. 3. Кн. 2. Глава «Черты характеристики русских Вятско-Прикамского края»), или что-то другое, более основательное и художественно завершенное сочинение? Однако, судя по тому, в числе каких поэм (ставших ныне широко известными «Скоробогат-Кашей» и «Загубленная жизнь») оно называется, можно полагать, что именно другое. Может быть, очерк «Вани», который увидел свет в 1909 г. в газете «Прикамская жизнь», издававшейся в Сарапуле, или какой-либо вариант его? До знакомства с этим письмом мы даже не встречали названий таких его произведений, как «Христовидец» и «Письмо жены Понтийского Пилата». Зная этико-философскую глубину поэм «Загубленная жизнь» и «Скоробогат-Кашей», написанных с богатым использованием библейских образов и сюжетов, можно представить и тематическую, и лирико-эмоциональную направленность содержания новых для нас поэтических произведений, в самих названиях которых уже присутствует некоторая подсказка в этом отношении. Найдутся ли в каких-нибудь архивах рукописи этих, по-видимому, поэм, составляющих значительную часть художественного наследия первого удмуртского писателя, или потеря для нас уже безвозвратна? Очень хочется верить в удачу.

Письмо наполнено мыслями о взаимной поддержке родных людей. *«Ты пишешь – не надо ли мне чего-нибудь!»* – обращается Григорий Егорович к сыну. – *Пожалуйста, обо мне не беспокойся.* – И тут же очень мягко: – *Если можешь помочь – так помоги Марье Ив., Сереже и Тане: они – бедные – мало имеют одежды. Я помогаю им, да помогать стаёт нечем. Всё у нас весьма дорого, а я за тpeбы деньгами не беру; платят все хлебом теперь – слава Богу. Хлебом запасаясь, – и тут же о трудностях: – только квартиришка плоха: из старого дома выдворила милиция, и мы помещаемся внизу двухэтажного домишка, у самой церкви. Насчет квартиры у нас плохо».*

В письме содержится немало сведений о бытовой стороне жизни пожилого писателя и деревенского священника. *«Имею я корову, овечку и десяток курец из нынешних цыплят, – пишет он. – Была только 1 курица и неслась. Хотел завести поросенка, но просят дорого – 4 пуда*

ржи. Больше названных пород животных у меня никакого скота нет, да и те требуют времени на уход и расхода; а хлеба я думаю беречь».

В сообщениях Григория Егоровича сыну слышатся и жалостливые нотки. *«Мы с мамой – старики, – пишет семидесятиоднолетний писатель и священник. – Мама твоя с утра до ночи на ногах: стряпает, водится с ребятишками Е. В. [Евгении Васильевны, жены Николая, которая с дочерьми Олей, Верой и Ниной жила в Бураново вместе с Григорием Егоровичем и его женой Василисой Ивановной, учительствовала в школе. – В. В.], а она сама то в Исполком, то в читальню, дома не сидит, с детьми водится плохо, надеется на бабушку, Коля её всё думает перевести в Ижевск, да не может – всё говорит – квартиру не может найти».*

Тема переезда в Ижевск, по-видимому, занимала всех Верещагиных. *«Ты говоришь переехать на житье к М. И., – пишет Григорий Егорович, как видно, отвечая Ивану. – А как я перееду к ней со своим хламом в такую квартиру? В Бураново плохо, а там еще хуже. Немало хламу Мар. Ив. у нас. Если бы был свой дом – хорошо: туда бы перевезли всё своё. – И далее: – Еще весной, когда дома были дешевы, я просил М. И. и Колю приискать дом, а они всё надеялись на меня, чтобы приискивал я, а не думают о том, что я уже старик и жить мне в этом доме много не доведется. Я – сколь есть силы – помог бы купить, а они теперь не могут найти хорошую квартиру. Люди приобретают же, а им хочется, чтобы я – старик – ходил по заводу [Ижевску] – приискивал, – жалуется пожилой человек старшему сыну. – Я и дома, как старик, никуда уже – кроме церкви – не хожу. Хорошо ли мне, как старику, таскаться со своим скарбом с квартиры на квартиру».*

Конечно, если не будет у меня силы служить, перееду к М. И.», – завершает автор письма эту тему. Однако переезжать ему в Ижевск или не переезжать, впоследствии от него не зависело: сложилось в жизни так, что его вынудили оставить Бураново, где он в общей сложности служил двадцать семь лет.

С 1927 г. до конца своих дней Григорий Егорович вместе с женой Василисой Ивановной жил в Ижевске, у сына Николая, в кооперативной квартире, купленной, по всей вероятности, на гонорар Верещагина-старшего за книгу «Руководство к изучению вотского языка», выпущенную в 1924 г. издательством «Удкнига».

В конце письма Григорий Егорович возвращается к главной теме его – к мыслям о взаимной помощи людей. *«Ты об нас не беспокойся, – пишет он Ивану Григорьевичу снова. – Мы – люди верующие, Бог нас не оставляет, и вперед, надеемся, не оставит. И ты будь верующим и не забывай Бога. Мама твоя о тебе молится всегда и надеется увидеться еще. Она хотя и похварывает порой, но делает всё, без дела не сидит ни минуты».*

Мария Ивановна, учительница, с детьми, без мужа жила в Ижевске и, конечно, нуждалась. Это беспокоило Григория Егоровича. *«Если М. И. не будут выдавать пайка, – пишет он, – я буду ей посылать, без хлеба не останется. И теперь, когда что нужно, посылаю. Ведь нельзя знать, может быть, и лишат пайка, когда не будет хлеба в Ижевске. Неурожай – говорят – ныне в Глазовском и других уездах. Весной и у нас будет – думаю – нужда в хлебе: посеяно было хлеба очень мало, например, у яганских, – называет он жителей близлежащей деревни. – Кто был беден, лентяй, тот всё остается без хлеба, хотя и питались чужим трудом. – И называет конкретный случай: – У меня – по подстрекательству Ларионихи – какой-то Петров из Арзымашева увез весь хлеб, однако не умер с голода: добрые люди помогли, а добрые и у нас есть, жалеют и дают; но из русских большая часть хуже вояков. Вояки у нас ныне религиозны и отзывчивы на помощь.*

Пока – довольно, – заканчивается письмо. – Напишу в следующий раз. Прощай. Бог да благословит тебя, брошенного в чужой край. 24 октября – 6 ноября 1922».

И привычная, встречающаяся на многих рукописях подпись: *«Гр. Верещагин».*

2.

Следующие по времени написания письма Г. Е. Верещагина, черновые автографы которых хранятся также в научно-отраслевом архиве УИИЯЛ УрО РАН, датированы 12 декабря 1923-го, 12 января и 12 февраля 1924 г. С педантичной точностью, ровно через месяц, священник села Бураново Григорий Верещагин обращается к благочинному третьего округа Ижевского уезда священнику Космодамианской церкви села Бабино Кельдебину с жалобами на невыносимые условия жизни и службы, сложившиеся в связи с недостойным поведением священника Мамаева. Черновики содержат следы многократной правки – вычеркиваний, дополнительных вставок и т. д., так что читать и расшиф-

ровывать их довольно трудно. Текст второго из писем встречается два раза. Второй вариант легче поддается прочтению. На нем и остановим сейчас свое внимание.

Автор письма напоминает, что уже писал благочинному о вызывающем поведении священника Мамаева и псаломщика Успенского, однако никаких мер не было принято. Между тем, сказано в письме, действия Мамаева становятся из ряда вон выходящими, и терпеть их далее невозможно.

По содержанию писем выясняются следующие обстоятельства. Ранее в Бурановской церкви служил лишь один священник – Г. Е. Верещагин. Некоторое время назад в село прислали второго – Мамаева. В связи с этим изменился порядок службы в церкви: в течение одной недели ее проводил Мамаев на русском языке, в течение следующей – Верещагин на удмуртском.

В январском письме отец Григорий обстоятельно описывает, как шли у них дела в течение месяца. В день службы Мамаева по просьбе удмуртских женщин Верещагин принял их исповедь. Мамаев, заметив это, прямо с алтаря стал оскорблять Верещагина грязными ругательными словами. Автор письма выражает удивление по поводу своеобразной логики своего сослуживца: сам Мамаев всегда беспрепятственно исповедовал русских прихожан в течение службы Верещагина. Чтобы не усугублять скандал в Божьем храме, Верещагин вышел из алтаря, но Мамаев пошел за ним с поднятыми кулаками. Как и в предыдущие разы, в присутствии церковного старосты и других прихожан Мамаев стал угрожать Верещагину, что выгонит его со службы в церкви. С тех пор, как приехал Мамаев, сказано в письме, такое повторяется регулярно. Прихожане-русские с удовлетворением воспринимают подобные скандалы. Из подобострастия к Мамаеву некоторые из них стали просить старосту принять меры к тому, чтобы освободить Верещагина от исполнения церковной службы.

Читаешь всё это и невольно задаешься вопросом: в чем же заключаются корни скандала между двумя священниками, причины столь наглого, отнюдь не божественного поведения «пастора овец православных», как некоторые расшифровывают слово «поп», господина Мамаева? И невольно вспоминаешь путь учителя Григория Егоровича Верещагина на алтарь православной церкви.

В соответствии с системой профессора Казанской духовной академии, выдающегося миссионера Русской православной церкви во вто-

рой половине XIX в. Н. И. Ильминского, было подготовлено немало священнослужителей и учителей церковно-приходских школ для работы среди нерусского населения Поволжья из числа представителей самих этих народов. Основная цель этой системы заключалась в обрусении нерусских народов с помощью православной культуры. Справедливо считалось, что слово, сказанное на родном языке, быстрее доходит до сердца человека. По-видимому, потому учителю начальных классов Г. Е. Верещагину, более четверти века работавшему в земских школах сосновской стороны, придававшему также большое значение обучению детей на их родном языке, хотя и не имевшему духовного образования, нетрудно оказалось получить вначале сан диакона кладбищенской церкви в Елабуге, а затем, в 1900 г., – священника села Бураново нынешнего Малопургинского района.

В 1910-е гг. система Ильминского изжила себя: получив образование на родном языке, выходцы из нерусских народов зачастую отказывались от деятельности по обрусению своих народов, а прилагали усилия для развития своих национальных культур. Православная церковь перестала поддерживать священнослужителей-«инородцев». Отсутствие подобного «иммунитета», по-видимому, догнало отца Григория в 20-е годы прошлого столетия.

В письмах Григорий Егорович просил благочинного передать его жалобы руководителям Сарапульской епархии (очевидно, сам напрямую обращаться к ним он не имел права) и изложить свою позицию по поводу сложившейся ситуации. Дошли ли письма до епархиального начальства? Были ли приняты по ним какие-либо меры? Какие? В пользу ли отца Григория или во вред? Прямых ответов на эти вопросы мы пока не имеем. Однако дальнейшая судьба Григория Егоровича показывает, что церковные власти его не поддержали: в 1927 г. он был лишен сана священнослужителя, уволен со службы в церкви без предоставления пенсии. Оставшись без средств к существованию, он переехал в Ижевск и стал хлопотать о предоставлении ему пенсии как научному работнику через советские и научные учреждения.

В научно-отраслевом архиве УИИЯЛ УрО РАН сохранилась копия письма в Центральную комиссию по улучшению быта ученых, написанного на официальном бланке Государственного Русского географического общества, подчиненного Комиссаритату просвещения

и Главнауке РСФСР, 10 апреля 1928 г., т. е. вскоре после того, как Г. Е. Верещагин был уволен со службы в церкви и остался без средств к существованию, и подписанного председателем общества Ю. Шокольским, ученым секретарем В. Комаровым и делопроизводителем Л. Суходольским, в котором они от имени этого авторитетного научного учреждения поддерживали ходатайства удмуртского ученого. Письмо, хотя в нем немало частных описок, интересно тем, что из него видно, как оценивали в те годы ученые этого солидного научного общества то, что сделано Г. Е. Верещагиным в области науки.

«Сорок семь лет тому назад, – начинается оно, – обратил на себя внимание народный учитель, полу-вотьяк [во многих источниках почему-то так называли Г. Е. Верещагина, хотя, как выясняется по документам ЦГА УР, все родословные корни первого удмуртского писателя и ученого относятся к удмуртам; может быть, он сам себя так называл, потому что в царской России «инородцам», к числу которых относились и «вотьяки», дороги были закрыты? – В. В.] Г. Е. Верещагин своим интересом к изучению вотяков. Ведя работу в Вятской губ., Верещагин в 1881 г. избирается Членом-Сотрудником Русского Географического Общества и представляет материалы по Этнографии Вятской губ. Его рукопись «Сосновские Вотьяки» [опубликована под названием «Вотьяки Сосновского края». – В. В.] вызывает особый интерес; в 1883 г. Географическое Общество присуждает Верещагину за работу серебряную медаль, а в 1886 г. печатает ее в «Записка...» по отд. Этногр.»

В 1888 г. рукопись Верещагина «Вотьяки Сарапульского уезда» [опубликована под названием «Вотьяки Сарапульского уезда Вятской губернии». – В. В.] отмечается присуждением второй серебряной медали отд. Этногр., а работа печатается в «Записках отд. Этнограф.» (1889 г.).

С того времени Верещагин, автор упомянутых работ и до сих пор непревзойденных [выделено мною. – В. В.], непрерывно собирает материалы по этнографии Вотяков, живо интересуясь их бытом. Он печатает целый ряд мелких заметок в местной печати, статьи «Остатки язычества у вотяков» (1895 г.) и др. [Создает] Русско-Вотяцкий и [Вотско-русский] словари, представляющие большой научный и практический интерес, пишет работы: 1) Очерки русских Вятско-Прикамского края 2) Очерки воспитания детей у вотяков

и друг. [Все эти труды теперь входят в многотомное Собрание сочинений Г. Е. Верещагина. – В. В.].

*Представляется важным отметить, – читаем далее в документе, – что, несмотря на свой преклонный возраст и бедность, Г. Е. Верещагин не оставил своей научной деятельности и, кроме упомянутых работ, напечатал «Руководство к изучению Удмуртского [вотского. – В. В.] языка» (1924 г.), «К вопросу о происхождении вотяков и их верований» (1926). Мало того, Г. Е. Верещагин, **самый крупный исследователь вотяков** [выделено мною. – В. В.], по словам И. П. Поппе (финноугорский Сборник, изд. Акад. наук СССР), тотчас же вступил с ней в общение и предоставил ей свой рукописный «Вотско-русский Словарь» и рукопись «Очерки воспитания детей у вотяков».*

Неизменный долготелный интерес к любимому делу, – продолжаетс в документе, – знание быта вотяков и умение передать свои знания другим, свойственные Г. Е. Верещагину, побуждают Государственное Русское Географическое Общество всемерно поддержать ходатайство Г. Е. Верещагина о назначении ему пенсии за его труды по изучению вотского края».

Удмуртский ученый был вправе верить, что советская власть, декларировавшая свою политику целенаправленной поддержки развития культуры всех народов страны, поддержит его. Ведь и из церкви уволили его, по сути, за сотрудничество с советской властью в области культуры. Однако и советские органы его не поддержали. Почему? Почему не подали ему руку помощи Иосиф Наговицын, Трофим Борисов, Кузубай Герд, другие авторитетные личности, вместе с которыми Григорий Верещагин, даже будучи священником, несмотря на свои немалые годы, активно участвовал в строительстве новой, социалистической культуры народа?

Дело, по всей вероятности, в том, что в конце 1920-х гг. Кузубая Герда уже самого публично «избивали» за будто бы его буржуазный национализм. Удмуртская интеллигенция и национальные руководящие кадры были поставлены в тяжелейшие условия. Заместитель Председателя исполкома областного Совета депутатов трудящихся Трофим Борисов был вынужден уехать из Удмуртии. Спасая от надвигавшихся репрессивных мер, друзья Иосифа Наговицына, первого Председателя облисполкома Удмуртской автономной области, постарались перевести

его на работу в Москву. В тяжелом положении оказались многие другие национальные кадры. Поддерживать бывшего попа, «идеологического противника» советской власти, было уже нелегко, да и некому. Можно предположить, что и увольнение его со службы в церкви не обошлось без вмешательства карательных органов. Ведь взаимодействия Кузубая Герда и Григория Верещагина были весьма уважительными. А до окончательного формирования «Дела «СОФИИ», в котором главным фигурантом обвинения был представлен Кузубай Герд, оставалось не так уж много времени. Доживи Григорий Егорович до того срока, не оказался ли бы и он в числе обвинявшихся по этому зловещему надуманному делу?

3.

Сохранившиеся в архиве УИИЯЛ УрО РАН черновики писем, отправленных Г. Е. Верещагиным из Ижевска, касаются основных житейских проблем первого удмуртского ученого и писателя последних трех лет его жизни. В них отчаянная просьба помочь продать его научные и литературные труды за деньги, потому что он в них нуждается, выхлопотать пенсию и отстоять квартиру, где он в то время проживал, кстати, как уже упоминалось, купленную за его собственные деньги.

Вот одно из них, написанное 7 декабря 1927 г., вскоре после того, как он оказался уволенным со службы в церкви.

«Глубокоуважаемый секретарь Всесоюзной Академии наук имени Герцена! – обращается пожилой ученый еще с надеждой заработать собственным трудом. – Извините, не знаю Вашего имени и отчества, обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой [...] Мной приготовлено сочинение о вотяках на русском языке под названием «Этнографические эскизы» [...] Не найдете ли возможным, глубокоуважаемый товарищ секретарь, предложить кому-нибудь из известных Вам издателей какого-нибудь подходящего журнала, не купит ли кто мои произведения? Прежде, во время учительства, этнографические рукописи свои я продавал в этнографическое бюро Тепишева, – узнаем мы из этого письма пути, по которым он связывался с издателями в бытность работы в сосновской стороне, – [...] ныне этого бюро уже нет». И далее: «Прежде труды мои печатались в Географическом обществе, но там гонорар деньгами не выдают, книгами [...]» И вот причина, заставив-

шая автора письма обратиться с такой довольно унижительной просьбой *«не купит ли кто мои произведения?»* – *«В 1927 г. нигде не служу, – и живу с женой-старухой у сына, но он сам человек бедный, имеющий 3 учащихся в школах детей»*. Завершается письмо фразой, даже и сейчас заставляющей содрогнуться: *«Пенсию не выдали. Ходить с котомкой уже не в силах»*.

Предпринял ли глубокоуважаемый секретарь Академии наук что-либо, чтобы помочь пожилому ученому, оставшемуся без куска хлеба, трудно сказать. Известно одно: проблемы Григория Егоровича оказались нерешенными. И те «Этнографические эскизы», по-видимому, специально приготовленные для того, чтобы заработать, остались в его личном архиве и сейчас находятся в нашем распоряжении. Аккуратно переписанные, они так и называются – «Этнографические эскизы» – и состоят из десяти частей-«эскизов», в которых в форме этнографического труда, с добавлениями дополнительных деталей и микросюжетов излагается материал, известный нам по его повести «Вуж мыж» («Ранее обещанная жертва»), опубликованной в третьем и пятом (со значительными добавлениями) томах его Собрания сочинений.

Итак, пожилой ученый оказался уже не в состоянии заработать себе на жизнь. Он отчаянно добивается назначения пенсии. Остался ряд черновииков обращений его в разные инстанции по этому поводу. Первое из имеющихся в нашем распоряжении датировано 28 марта 1928 г. Вот оно.

«В Центральную комиссию по улучшению быта ученых при Совнарком» [последние два слова вычеркнуты автором. – В. В.]

гражд [анина]

Гр [игория] Геор [гиевича]

Верецагина.

Как известно Цекубу, я ходатайствовал о назначении мне пенсии как научному работнику просвещения и этнографу, – напоминает автор письма, по-видимому, о своем прежнем обращении в названную комиссию. – Цекубу приписал меня к третьей конторе и все документы обо мне передал в Народный Комиссариат. Ныне Комиссариат ходатайство отклонил, как будто я не научный работник, и таким образом я, 77-летний дряхлый старик, на закате лет остался без куска хлеба. – Григорий Егорович вынужден напоминать о своих прежних заслугах: – Я, член-сотрудник Русского Географического общества (с 1888 г.)

и тоже член-сотрудник Саранульского земского музея, работал и работаю непрерывно по этнографии и языковедению в течение 47 лет. По этнографии вотяков и языку их никто до меня не мог добыть столько материала, сколько добыл я, а такие материалы достаются с трудом, – справедливо утверждает он. В письме содержатся и такие сведения, о которых мы прежде не знали и узнать из других источников не могли, например, о том, что он участвовал в создании Словаря русского языка. Он пишет: – Во время учительства я представил в Академию наук собранные мною русские слова для нового словаря, – и становится ясно, откуда у него такая богатая, близкая к лексике словаря В. И. Даля, языковая основа известных нам русскоязычных поэм «Загубленная жизнь» и «Скоробогат-Кашей». Его интерес к языкознанию дал довольно богатые плоды уже в годы советской власти. И в данном письме далее говорится: – Составленный мной русско-вотский словарь передал я для издания в книгоиздательство «Удкнига» (в г. Ижевске), а в 1924 г. это же книгоиздательство издало мое «Руководство к изучению вотского языка» (120 стр.) под псевдонимом Удморт. Руководством этим пользуются во всех вотских школах учителя. По этому руководству теперь легко составить разные учебники», – справедливо утверждает он. Что касается упоминаемого здесь Русско-удмуртского словаря, то он не был отдельно издан в те годы. Ученые-краеведы утверждают, что те материалы Г. Е. Верещагина были использованы в словаре Трофима Борисова «Удмурт кыллюкам», выпущенного тем же издательством в 1932 г. Сейчас Русско-удмуртский словарь Г. Е. Верещагина вошел в шестой том («Труды по языкознанию») Собрания его сочинений.

«Если бы я не работал по языконародоведению, то Академия Наук не присудила бы мне пособий как нуждающемуся научному работнику. В 1900 г. она дала мне 60 руб., а в 1901 г. – 35 руб., – вынужден доказывать свою правоту Григорий Егорович. – Труды мои увенчаны медалями Географического общества и научно-промышленной выставки в г. Казани и похвальными листами.

По этнографии и народоведению труды мои являются первыми, они не кабинетные. Я делал, – напоминает он, – немало экскурсий [...], расходуя на это из личных, притом скудных, средств и денег. – И будто бы ком подступает к его горлу. Он продолжает: – Хотя я уже дряхлый старик [...], в пенсии отказали. На чьем же иждивении теперь нахо-

даться? Все молодые силы я употребил на научные работы, а теперь стал стариком, и бросают меня. Обратите на это благосклонное внимание, глубокоуважаемые члены Цекубу, не найдете ли возможным походатайствовать мне пенсию».

Трудно сказать, в каком виде было выслано это письмо по адресу, но в черновике после этих слов стоит дата написания, а затем под горизонтальной чертой добавлено: «*Может быть, Комиссариат принимает меня за человека со средствами потому, что я после учительства поступил в духовное звание. В таком случае пусть изволят спросить обо мне, в каком селе я жил, занимался ли сбором хлеба и что у меня есть? Из-за пенсии епископ снял с меня сан священника, и я в настоящее [время] по поговорке – не рак и не рыба: обратно в духовное звание не принимают, в пенсии отказали. Собрать я нищенским образом не могу: брожу тихо, кое-как, притом жена моя – старушка – безногая. – И далее как ножом по сердцу: – Пожалуйста, убедительно прошу, не оставьте меня: ведь мне осталось жить уже недолго, однако, по силам еще тружусь. И теперь необнародованных очерков еще немало*».

Действительно, по воспоминаниям внучек Григория Егоровича (Веры Николаевны и Татьяны Ивановны, проживающих в Ижевске, а также Ольги Николаевны, которая всю трудовую жизнь провела в Чувашии), он трудился за рабочим столом до самых последних дней своей жизни. В архиве сохранилась рукопись, на которой указана дата: март 1930 г.

А вот другая рукопись, созданная в том же, 1930 г. Это снова обращение в Цекубу. На этот раз – по квартирным вопросам. «*Председатель правления Ижевской жилкооперации Сутягин пригласил нас с сыном [Николаем Григорьевичем. – В. В.], счетоводом Ижевского завода, на свободную квартиру в доме жилкоопа, – говорится в нем. – Ныне за перемещением Сутягина в другое место председательствовать стал другой, и нас – меня с большой женой и сына с семейством и малолетними детьми – из занимаемой квартиры выселяют без всякой на то причины, так что мы остаемся без крова. Это бесчеловечное распоряжение свое нынешний председатель сформулировал постановлением. Вследствие этого и ввиду крайнего бедственного положения, в котором я ныне нахожусь после многолетней работы моей при царизме и в послереволюционное время по развитию национального са-*

мосознания удмуртского (вотского) народа, его исторической культуры и языка, причем эту работу не оставляя я в самые тяжелые годы великодержавного шовинизма, – обращаюсь в Цекубу [с просьбой] о предоставлении мне занимаемой квартиры.

В настоящее время мне от роду 80 год (род. в 1851 г.), происхождения я сын» [...]

На этом рукопись Г. Е. Верещагина обрывается. Кто знает, может быть, это была его последняя рукопись. Как вспоминают его внуки, Григория Егоровича застал смертельный удар инсульта в августе 1930 г. в горисполкоме, куда он в очередной раз пришел по поводу квартиры.

Г. Е. Верещагина мы не относим к числу жертв сталинской диктатуры и беззакония. На самом же деле он является таковым. И не только потому, что он, оставшись без жалования и пенсии, несмотря на многократные обращения в разные инстанции, так и не получил ниоткуда помощи, но и потому, что его труды на долгие годы были преданы забвению по «идеологическим» соображениям: «Верещагин работал попом!»

О трагедии первого удмуртского ученого и писателя, сделавшего так много для развития удмуртоведения в широком смысле этого слова, заложившего основы почти всех жанров складывавшейся национальной литературы, говорят, наряду со многими другими документами, и эти письма, черновые рукописи которых ныне хранятся в рукописном фонде научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук.

Иван, Николай – сыновья Григория Егоровича и Василисы Ивановны. В то время, о котором речь идет в этих письмах, первый из них жил в Москве, второй – в Ижевске.

Марья Ивановна – жена Ивана Григорьевича, жила в Ижевске.

Евгения Васильевна – жена Николая.

Сереза – сын Ивана Григорьевича и Марьи Ивановны.

Таня, Наташа – дочери Ивана Григорьевича и Марьи Ивановны.

Ольга, Вера, Нина – дочери Николая Григорьевича и Евгении Васильевны.

**3.7. СТРАСТЬ ДОКАЗАТЬ НЕДОКАЗУЕМОЕ,
ИЛИ НАПИСАЛ ЛИ Г. Е. ВЕРЕЩАГИН
«ЧАГЫР, ЧАГЫР ДЫДЫКЕ...»?**

(Вестник Тамбовского университета.

Серия Гуманитарные науки, 2015, вып. 5. С. 45–50)

Статья является продолжением, или органической частью публикации «Представитель позднего литературогенеза, или диалог с первым удмуртским ученым и писателем» данного автора в журнале «Вестник Тамбовского университета», серия Гуманитарные науки, 2015, вып. 3. В данной работе предпринята попытка понять мотивы неумемной страсти Д. М. Сахарных опровергнуть устоявшееся мнение о том, что стихотворение «Чагыр, чагыр дыдыке...» = «Сизый, сизый голубочек...», опубликованное под видом народной песни первым удмуртским ученым и писателем Г. Е. Верещагиным в 1889 г. в своей этнографической монографии «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии» в Санкт-Петербурге, принадлежит перу самого удмуртского «народо-языковеда», как он сам себя иногда называл. Раскрывается искусственная драматизация привычного взгляда на это стихотворение, занимающее ключевое положение в истории удмуртской литературы, несостоятельность всех пяти «доказательств» опровергателя.

Оперативным поводом создания работы явилось появление в Википедии (в Интернет-Энциклопедии) утверждения, что «раньше» это стихотворение приписывали перу Г. Е. Верещагина, однако теперь молодые исследователи «доказали» что это чисто фольклорная песня.

**Passion to prove unprovable,
or whether G. Ye. Vereschagin wrote ‘Chagyr, chagyr dydyke...?’**

The article is a continuation, or an organic part of the publication “The representative of the late literary genesis, or dialogue with the first Udmurt scholar and writer” in the journal “Bulletin of Tambov University”, series Humanities, 2015, Issue 3. In this paper we attempt to understand the motives of the irrepensible passion of D. M. Sakharnyh to refute the conventional agreement that the poem “Chagyr, Chagyr dydyke...” = “Grey, grey dove”, published in the form of a folk song by the first Udmurt scholar and writer G. Ye. Vereschagin in 1889 in his ethnographic monograph “Votyaki Sarapulskogo uyezda Vyatskoj gubernii” in St. Petersburg, comes from Vereschagin’s pen, the Udmurt “folk-linguist”, as he called himself sometimes. The author discloses an artificial dramatization of the usual view of

this poem which occupies a key position in the history of the Udmurt literature, the failure of all five “proofs” is revealed. Prompt appearance of the work was caused by the emergence of a statement in Wikipedia that “before” this poem was attributed to the pen of Vereshchagin, but now young scientists “proved” that this is purely a folk song.

Начиная с 2005 г., с тезисов своего студенческого доклада [Сахарных 2005], Д. М. Сахарных, ныне сотрудник Института повышения квалификации и переподготовки работников образования Удмуртии, еще в четырех только известных нам публикациях (некоторые из них и в печатном, и в электронном вариантах) [Сахарных 2006; Сахарных 2010 и др.], повторяя одно и то же, иногда добавляя будто бы новые данные в доказательство своей правоты и, видно, набирая себе «научную» известность¹, будто бы опровергает суждения именитых авторов о том, что стихотворение первого удмуртского ученого и писателя Г. Е. Верещагина (1851–1930) «Чагыр, чагыр дыдыке...» = «Сизый, сизый голубочек...» [Верещагин 1889, С. 44–45], опубликованное на удмуртском языке в авторском переводе на русский язык внутри этнографического повествования под видом народной песни, принадлежит самому Верещагину.

Почему же, по мнению Д. М. Сахарных, автором стихотворения «Чагыр, чагыр дыдыке...» Г. Е. Верещагин не является?

Во-первых, утверждает он, так считают удмуртские исследователи А. Г. Шкляев и Р. Ш. Насибуллин, в ходе литературных дискуссий 1989 г. придерживавшиеся мнения, что это не авторское, а чисто фольклорное произведение, потому что, дескать, во время экспедиций последних лет часто приходилось фиксировать исполнение этой удмуртской колыбельной песни информантами. Однако хочется спросить нашего опровергателя: думают ли так до сих пор эти люди, или у них изменились мнения в результате полученных новых научных данных? Ведь с тех пор прошло полтора десятилетия.

---

¹ В Интернете выложена копия сертификата, свидетельствующего о том, что Сахарных Денис Михайлович является одним из 14 394-х участников интернет-энциклопедии «Выдающиеся ученые России» и о том, что для получения такого сертификата, нагрудного знака и удостоверения вносится плата в 3300 рублей. <http://www.famous-scientists.ru/about/order.html>

Во-вторых, будто бы не права Т. Г. Владыкина, подвергшая фольклористическому исследованию народного исполнения этой песни и пришедшая к выводу: да, это не поливариантный, фольклорный, а канонизированный, письменный текст, так широко распространенный в народе с помощью многократного исполнения, сознательной популяризации жанра колыбельной песни среди удмуртского населения талантливым поэтом, фольклористом и педагогом Кузебаем Гердом. Текст этот, как указывал К. Герд, взят из сочинений Верещагина [Владыкина 1991: 135–141]. Говоря о сочетании северных и южных песенных традиций удмуртов в данном стихотворении, что, по мнению Т. Г. Владыкиной, свидетельствует не о традиционном фольклорном характере этого стихотворения, а о каноническом, присущем авторскому произведению, Д. М. Сахарных победительно иронизирует: *«Тезис о специфически североудмуртских образах (в пользу авторства Верещагина. – В. В.), конечно (выдел. при цит. – В. В.), далеко не очевиден, ведь в стихотворении речь идет о том, как мать ухаживает за ребенком, мечтает о том, как ее дитя повзрослеет, пойдет в лес рубить дрова и т. д., между тем рождают детей, рубят лес и кушают табани как северные, так и южные удмурты, и делают это приблизительно одним и тем же способом»* [Сахарных 2010: 53]. Однако торжествовать опровергатель Владыкиной, как видно, поторопился. Ему, не филологу, возможно, даже простительно непонимание разницы между образами реальной жизни, отображаемыми в стихотворном тексте (представлениями матери о будущей жизни ребенка, о чем напоминает здесь Сахарных), и характерными фольклорными образами, составляющими стилевую структуру произведения (напр., «Вырастешь большой, возьмешь топор, принесешь дров» – сев. трад. и «Мать принесет молока, отец принесет беличьего мяса» – южн. трад), о которых и идет речь в рассуждениях Т. Г. Владыкиной. Но, в таком случае, не зная броду, зачем же преподавателю-историку лезть в воду и с таким победительным видом?

Д. М. Сахарных попадает впросак и со следующим категоричным заявлением: *«Владыкина говорит, что «Чагыр, чагыр дыдыке» на севере всё равно является пришлой песней, поскольку на севере ее поют так, что «в исполнительской манере видна заученность, что характерно для авторской песни <...>». Здесь мы имеем дело, – заявляет Д. М. Сахарных с прокурорской прямоотой и жесткостью, – с намеренным введением читателей в заблуждение* (выдел. при цит. – В. В.).

Ведь в данном случае речь идет о записях, сделанных, как можно подумать, в северных районах Удмуртии. Владыкина ссылается на материалы фольклорной экспедиции 1986 г. к удмуртам Ватка и Калмез Унинского р-на Кировской обл.! И понятно, что как раз для этих удмуртов, оторванных от общего этнического массива, «Чагыр, чагыр дыдыке» действительно является пришлым» [Сахарных 2010: 54]. Обвинителю-судье следовало хотя бы посмотреть на карту Удмуртии и Кировской области, прежде чем вынести такой приговор одной из ведущих фольклористов не только Удмуртии, но и всего финно-угорского мира России. Но для «разоблачителя», конечно, тем почетнее, чем больший авторитет подпадает под его «критику». Между тем следовало бы и знать, что локальные фольклорные традиции формируются и делятся не по административным границам, которых, кстати сказать, в пору формирования данных традиций между нынешней Удмуртией и нынешней Кировской областью и в помине не было, а по территории проживания людей. Нынешний Унинский район непосредственно примыкает к территории нынешней Удмуртии. По фольклорно-этнографическим признакам унинские удмурты и есть часть северных и срединных удмуртов.

Таким образом, стремление Д. М. Сахарных утвердить свою идею-фикс с помощью обвинения Т. Г. Владыкиной в нелогичности и лжи построено на определенной филологической безграмотности преподавателя-историка и неуклюжей попытке подтасовки фактов.

Подобные качества выявляются и в его «поправках» суждений венгерского исследователя П. Домокоша, основателя мировой литературной финно-угристики, автора множества работ о словесной культуре удмуртов, в частности «Истории удмуртской литературы» [Домокош 1993]. П. Домокош не участвовал дискуссиях на тему, принадлежит или нет этот текст Верещагину. Он это авторство принимает безусловно. Венгерский ученый подчеркивает мысль о том, что письменная национальная литература начинается, с одной стороны, с этнографической обозначенности отображаемого мира, с другой – с опорой на эстетическое богатство народа, что подтверждается и подробным исследованием всего многогранного творчества Г. Е. Верещагина.

Итак, в-третьих, почему, по «доказательствам» Сахарных, «Чагыр, чагыр дыдыке...» не принадлежит перу Верещагина: «Показательно, что Домокош не видит никаких существенных признаков авторского происхождения «Чагыр, чагыр дыдыке», – категорично и преднамеренно

но ложно утверждает Сахарных. При этом он приводит «спасительную» цитату из книги П. Домокоша в подтверждение своей правоты: «След руки ученого и поэта (помимо точного ритма и рифмования) можно увидеть разве что в употреблении, причем последовательном, деепричастий». После некоторых путаных размышлений по поводу этой цитаты (дескать, введение деепричастий и точной ритмики, рифмовки еще не дают право называть Верещагина автором) Сахарных вновь повторяет: «...признаков авторской обработки текста «Чагыр, чагыр дыдыке» Домокош вовсе не обнаружил», выворачивая наизнанку размышления венгерского финно-угроведа. П. Домокош пишет не об обработке текста «Чагыр, чагыр дыдыке...», он не обработан, он создан Верещагиным, а о литературной, поэтической обработке им этнографически-фольклорного, народного материала. В том же месте, откуда выдернута цитата любителем подискутировать, П. Домокош пишет: «По мнению Верещагина, колыбельная песня в удмуртском фольклоре – явление редкое, плачущего ребенка мать баюкает такими словами: «голубчик, золотце мое, сокровище!» («дыдыке, зарние, мусое!» и только иногда спрашивает «Почему плачешь?» («Малы бёрдйськод?»)). И далее следуют слова венгерского ученого, которые четко разоблачают ложь Сахарных: «Из этого очень незначительного материала он создал прекрасную песню, поместив в фольклор отсутствующий и вообще незнакомый до этого жанр» (выдел. при цит. – В. В.) [Домокош 1993: 182–183].

Д. М. Сахарных приходится притворно закрывать глаза на довольно обширный текст, из которого и выдернул он цитату и в котором П. Домокош убедительно развивает свои мысли. «Языковые средства стихотворения очень просты, почти примитивны, однако у Верещагина они становятся подлинной поэзией», – пишет венгерский ученый и приступает к анализу сознательного выстраивания строфической структуры произведения удмуртским поэтом: «Первая и последняя строфы тождественны, содержат два обращения и два вопроса, и не только композиция параллельна, но и опорные слова повторяются <...>. Строфы, состоящие из простых повествовательных предложений или из сложносочиненных предложений, соединяют рифмы окончаний, и след руки ученого и поэта (помимо точного ритма и рифмования) можно увидеть разве что в употреблении, причем в последовательном, деепричастий» [Домокош 1993: 182]. Сахарных очень понравилась не совсем понятная по переводу оговорка «разве

только» Домокоша, он ухватился за нее, искажая логику подхода к стихотворению со стороны венгерского ученого. Между тем П. Домокош продолжал демонстрировать «след руки» ученого и поэта в созидании стихотворения: *«Строфы создают то обрамление, которое намекает на подлинную обстановку, на плачущего ребенка, на мать, суетящуюся около него, они объединяют те три периода крестьянской (и вообще человеческой) жизни, которые представляют нам идущего утром с песней на работу мужчину, образ женщины, ожидающей с ужином сильно уставшего на работе мужа, уютную семейную картину скромного, но вкусного и заслуженного в тяжелом труде ужина. Изображение удмуртского быта полное, а помазанные маслом табани и медовуха – характерные явления удмуртской жизни»* [Домокош 1993: 182].

В интерпретации П. Домокоша стихотворение, состоящее из двадцати строк, предстает как широкое эпическое полотно, вмещающее в себя картины самых значительных сторон жизни удмуртской трудовой семьи. Выделяя ряд признаков национального в нем, он видит и значительное обобщение в плане общечеловеческого. Произведение, пишет он, является образцом выражения материнской любви, заботы, мечтаний, вызывает зримые черты ласкающей своего ребенка вечной женщины [Домокош 1993: 181–182]. Это ли не признание венгерским ученым блестящего выполнения Г. Е. Верещагиным задачи создания литературного произведения на основе небольших, но глубоких, емких народных образов? Попытка Д. М. Сахарных отвергнуть такое признание основано, как видно, лишь на субъективном страстном желании, исполненном с помощью подмены понятий, выдергивания цитаты и сознательной ложной интерпретации ее.

Но есть в притязаниях Сахарных еще и «в четвертых»: **«существенное обстоятельство, которое позволяет напрямую отклонить версию об авторстве Верещагина»** (выделено при цит. – В. В.), а именно: *«в момент написания книги («Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии». – В. В.) он удмуртского языка не знал, или знал его чрезвычайно плохо»* [Сахарных 2010: 54], значит, создать вошедшую в нее песню «Чагыр, чагыр дыдыке...» на удмуртском языке он не мог. И конечно, у Д. М. Сахарных есть «убедительные доводы» – некоторые издательские недоразумения в одной из публикаций Верещагина [Сахарных 2010: 54]. И в выводах опять же – пальцем в небо.

Вырос Григорий Егорович в удмуртско-русском селе Полом в северной части нынешней Удмуртии, общался и с русскими, и с уд-

муртскими детьми. Владел, как и многие другие жители села, и тем, и другим языком. Впоследствии в этнографическом очерке «Остатки язычества у вотяков» сам писал о том, как он в открытой им в 1887 г. земской школе в удмуртской деревне Ляльшур из-за незнания русского языка детьми, вопреки указаниям сверху, учил их на родном, удмуртском языке [Верещагин 1895 а]. Зафиксированы и воспоминания старожилов деревни об этом, а также о том, как он, организовав воскресную школу, проводил беседы с мужиками по самым насущным для них вопросам, тоже, конечно, на их родном, удмуртском языке. *«Не склоняйте голову, ничего не бойтесь, ходите с приподнятой головой, расправив плечи. Вы такие же люди, как и русские и любые другие. Ходите по земле свободно и спокойно»* [Куклина 2004: 49], – учил он своих слушателей. Это было как раз в то время, когда создавалась и этнографическая монография «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии», куда вошло стихотворение, о котором мы ведем сейчас речь.

Не только разговаривал, но и писал в то время учитель Верещагин на удмуртском языке. Литературоведами и педагогами немало опубликовано и о том, что именно в эти годы, чтобы легче было познакомить удмуртских детей с творчеством великого русского поэта А. С. Пушкина, он взялся за перевод на их родной язык поэму-сказку «Золотая рыбка» [см., напр., Тукаев 1984: 78–90]. Литературоведы и фольклористы отмечают великолепный народный язык северного наречия удмуртов в этом вольном переводе, приобретающем убедительные черты оригинального произведения по мотивам сказки А. С. Пушкина [Ванюшев 1995: 206–231]. Именно в эти годы молодой педагог, также ориентируясь на восприятие своих учеников, по мотивам русских народных сказок написал поэму «Батыр дйсь» («Богатырская одежда») на родном языке. Таким образом, уже в те времена он один из первых активно формировал удмуртский письменный, литературный язык. Мало того, Г. Е. Верещагин был одним из тех, кто определял, каким путем следует идти в книгоиздании на удмуртском языке, предложил даже свою систему обозначения специфических удмуртских звуков на письме [см. Верещагин 1895 б].

Верещагин не знал удмуртского языка! Смешно это читать. Но более того – грустно. Странно, что берясь за развенчивание первого удмуртского ученого и писателя, ничего о нем не знал Сахарных. Или для читателей делал вид, что не знает? И тут «кривил пером»?

От публикации к публикациям аппетита Д. М. Сахарных росли. В последней из них он решил уже совсем оторвать «Чагыр, чагыр дыдыке...» от удмуртских традиций. Та убедительная демонстрация возникновения поистине эпического образа народной жизни под пером Г. Е. Верещагина на основе небольшого, но емкого фольклорного материала, проделанная П. Домокошем, для Д. М. Сахарных «не существует». Да, признает он, стихотворение в самом деле замечательное, оно является своего рода брендом, символом Удмуртии. Но разве удмурты могут создать такое? Опровергателью, по-видимому, ничего не остается, кроме как довести свою линию «доказательств» до абсурда. *«Верещагину действительно повезло столкнуться с уникальным случаем исполнения песни, созданной по мотивам, или, может быть, в результате перевода какой-то русской (выделено автором. – В. В.) колыбельной»* [Сахарных 2010: 54–55], – пишет он, подчеркивая другую национальную принадлежность происхождения песни «Чагыр, чагыр дыдыке...». Д. М. Сахарных, по-видимому, невдомек, что он при этом противоречит сам себе. Если первоначально стихотворный текст был на русском языке, то кто же так великолепно, причем в традициях удмуртского фольклора и этнографии, «обработал», перевел его на удмуртский язык? Верещагин? Нет, конечно! Такой мысли допустить Сахарных не может. Или рядом с ним был еще какой-то другой талантливый удмуртский писатель? Он и подкинул Верещагину эту песню-стихотворение? Сахарных назвал бы хоть нам эту личность! Для истории литературы это очень важно. Но нет, взоры его направлены совсем в другую сторону: *«Знатоки русского фольклора должны (выдел. при цит. – В. В.) попытаться найти то произведение, благодаря которому появилось на свет стихотворение и песня «Чагыр, чагыр дыдыке»* [Сахарных 2010: 55]. Однако «знатоки фольклора» могут сказать: пусть ищет сам выдающийся деятель науки России Денис Михайлович Сахарных! *«Для современных фольклористов непреложен постулат о бесплодности поисков инварианта, некоего совершенного текста, давшего жизнь различным вариантам (лучшим или худшим). Жизнь фольклорного произведения – жизнь десятков, а то и сотен вариантов»* [Владыкина 1991: 136]. И фольклорный материал сам по себе литературным произведением стать не может. Они отличаются между собой прежде всего по своему стилю, художественной структуре и, как правило, по целевой, идейно-эмоциональной направленности. Для создания литературного произведения на фольклорной основе нужен писатель.

Читаешь эти публикации Сахарных, и неотступно созревает мысль: что питает такую страсть его оторвать данное стихотворение от Г. Е. Верещагина и вообще от удмуртской национальной культуры? Уж не ксенофобия ли?

Одну из статей этой серии Сахарных начинает рассуждениями о том, что «Чагыр, чагыр дыдыке...», это интересное, значительное произведение, является своего рода брендом, символом Удмуртии [Сахарных 2006: 397]. И всем ходом назойливых публикаций пытается навязать мысль: Удмуртии, но не удмуртов! В одной из этих публикаций он открыто выражает свою неприязнь к представителям удмуртской интеллигенции. Упрекая своего единомышленника, пытавшегося доказать, что Г. Е. Верещагин не является удмуртом, но назвавшего его удмуртско-русским «бикультуралом», в некоторой непоследовательности в споре с удмуртскими исследователями, Сахарных пишет: *«Представляется любопытным, почему же Шумилов, неоднократно вступавший с представителями удмуртской интеллигенции в скандальную, доходившую до судебных разбирательств полемику, на сей раз был вынужден приписывать Верещагину «двойственность».* – И далее: *«Едва ли его **бездействие** (здесь и далее выдел. при цит. – В. В.) может быть объяснено желанием отыскать компромиссное решение и сохранить мир в рядах верещагиноведов: **нападки на удмуртских ученых** – исследователей творчества и биографии о. Григория на страницах упомянутой выше монографии («Православная Удмуртия». – В. В.) и других сочинений Шумилова **отнюдь не редкость**, между тем как развитие темы, связанной с «шумиловской цитатой», безусловно, **не могло не дать повода к очередному наступлению на оппонентов**»* [Сахарных 2006: 398].

Так или иначе, эта страсть Д. М. Сахарных питается не поисками истины. С помощью сознательных ухищрений и подтасовок истину не утверждают.

Литература

Ванюшев В. М. «Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина и поэма «Зарни чорыг» («Золотая рыбка») Г. Е. Верещагина // Его же. Творческое наследие Г. Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья: монография. – Ижевск, 1995. – С. 206–229.

Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. – СПб, 1889. Т. 14. Вып. 3.

Верещагин Г. Е. Остатки язычества у вотяков. – Вятка, 1895 а.

Верещагин Г. Е. О книгах на вотском языке. – Вятка, 1895 б.

Верещагин Г. Е. Батыр дйсь (Богатырская одежда) // Г. Е. Верещагин. Собр. соч. В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева; УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2004. Т. 5: Литературные сочинения. – С. 27–34. На удм., рус. яз. Серия «Памятники культуры».

Верещагин Г. Е. Зарни чорыг (Золотая рыбка) // Г. Е. Верещагин. Собр. соч. В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева; УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2004. Т. 5: Литературные сочинения. – С. 34–43. На удм., рус. яз. Серия «Памятники культуры».

Владыкина Т. Г. «Чагыр, чагыр дыдыке...»: опыт фольклористического прочтения // Дооктябрьские истоки межлитературной общности Урало-Поволжья / сост. и отв. ред. В. М. Ванюшев. – Ижевск, 1991. – С. 135–141.

Домокош П. Г. Верещагин // Его же. История удмуртской литературы: монография / Пер. с венгерского В. Васовчик. – Ижевск, 1993. – С. 180–184.

Куклина Е. М. Г. Е. Верещагин в деревне Ляльшур // Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья / Сост. и отв. ред. В. М. Ванюшев. – Ижевск, 2004. – С. 47–50.

Сахарных Д. М. Был ли Григорий Верещагин автором стихотворения «Чагыр, чагыр дыдыке»? // Тезисы докладов XXXIII итоговой студенческой научной конференции УдГУ. – Ижевск, 2005. – С. 97–99.

Сахарных Д. М. «Шумиловская цитата»: к биографии Григория Верещагина // Демидовские чтения на Урале. Тезисы докладов. – Екатеринбург, 2006. – С. 397–398.

Сахарных Д. М. Об авторстве «первого удмуртского стихотворения»: интернет-публикация на сайтах «Вестник Евразии – Acta Eurasika» <http://www.eavest.ru>

Сахарных Д. М. Об авторстве «первого удмуртского стихотворения» // «Удмурт кыл» http://home.Udmnet.Ru/udmurt_kyl

Сахарных Д. М. Об авторстве «первого удмуртского стихотворения» // Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. – М., 2010. № 2. – С. 52–55.

Тукаев И. П. Г. Е. Верещагинлэн калыкез югдытон но нылпиосты дышетон сярсы малпанъёсыз [Мысли Г. Е. Верещагина о просвещении народа и обучении детей] // Верещагин Г. Е. Чагыр, чагыр дыдыке. – Ижевск, 1984. – С. 78–90. – На удм. яз.

4. МУЛТАНСКОЕ ДЕЛО В ОСВЕЩЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

4.1. Г. Е. ВЕРЕЩАГИН И МУЛТАНСКИЙ ПРОЦЕСС

(Вестник Удмуртского университета. 1993. № 6. С. 75–78)

Первый удмуртский учёный и писатель Григорий Егорович Верещагин дважды участвовал в Мултанском процессе в качестве этнографа-эксперта: на втором суде в 1895 г. в Елабуге и на третьем суде в 1896 г. в Мамадыше.

Текст экспертизы Верещагина 1895 г. имеется в отчёте об этом суде [1. С. 168–170], составленном А. Н. Барановым, В. Г. Короленко и В. И. Суходоевым и выпущенном, в частности, отдельной книгой «Дело Мултанских вотяков, обвинявшихся в принесении человеческой жертвы языческим богам» под редакцией и с примечаниями В. Г. Короленко в Москве в 1896 г. Однако до сих пор он не введён в научный оборот. Думается, это дело будущего, как, впрочем, и выяснение многих других крупных и менее крупных деталей и фактов, связанных не только с прямым участием выдающегося деятеля удмуртской культуры, но и всей его научной работы с защитой удмуртов от чудовищного обвинения во время подтасованного и провокационного Мултанского процесса.

Участие Г. Е. Верещагина в суде в качестве эксперта было не случайным явлением, оно составляет одно из ключевых положений и в истории народа, и в его собственной биографии. Он шёл к нему всей своей огромной предыдущей работой по изучению религиозного и нравственного миропонимания, быта, празднеств и рода занятий – словом, всей этнографии удмуртов во всём комплексе, увиденной изнутри как представителем изучаемого народа и извне как признанным представителем большой науки, в частности, такой её организации, как Императорское Русское географическое общество в Санкт-Петербурге,

членом-сотрудником которого он стал в 1888 г. Ещё в своей знаменитой работе «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии», занявшей полностью 3-й выпуск 14-го тома «Записок Императорского Русского географического общества по отделению этнографии», изданных в 1889 г. в Санкт-Петербурге, он с большим сочувствием писал об удмуртах, жестоко преследовавшихся «со всей строгостью духовных и гражданских законов» за отправление языческих обрядов. Обращаясь к прошлому, он отмечает, что в 1752 г. за попытку новокрещена Ивана провести в деревне Люк языческое моление Вятская Духовная Консисто́рия решила проучить его *«на страх другим, наказать плетью нещадно, что и исполнено в дер. Зуре в присутствии назначенного от Слободской воеводской канцелярии депутата»* [2. С. 7].

Судить о роли Верещагина в защите удмуртов от клеветы и наветов во время второго суда четырёхлетнего Мултанского процесса возможно по печатным работам В. Г. Короленко.

Касаясь такого важного вопроса, вставшего перед участниками процесса, как определение божества, которому удмурты могли принести в жертву человека, выдающийся русский писатель, совесть России, как называли В. Г. Короленко, в статье «Мултанское жертвоприношение» писал: *«На это пытаются нам ответить, во-первых, обвинительный акт, и, во-вторых, учёная экспертиза»* [3. С. 356].

В. Г. Короленко, как и пригласившие его участвовать в этом процессе адвокат М. И. Дрягин, журналисты Вятского края А. Н. Баранов и О. М. Жирнов, поставивший перед собой цель как можно яснее осветить это тёмное дело, предать широкой гласности нагло творимые беззакония власть имущих, много выступал в периодической печати и постоянно подчёркивал, что эксперты-этнографы в одном из главных вопросов суда, а именно в вопросе о существовании человеческого жертвоприношения у удмуртов конца XIX в., разделились на два лагеря. *«Из двух экспертов-этнографов, высказывавшихся по этому предмету в печати, суд вызывает проф. Смирнова и отказывает защите в вызове г. Богаевского, который держится противоположных мнений»*, – пишет он, касаясь произвола суда, в частности, в статье «К отчету о мултанском жертвоприношении», напечатанной в 1895 г. в Петербургской газете «Русские ведомости» [3. С. 341].

На два лагеря разделились и другие участники процесса. С одной стороны, это – группа обвинения во главе с товарищем прокурора

Сарапульского окружного суда Раевским, к которой в попытке всеми неправдами оклеветать и обвинить подсудимых дважды присоединялся и суд, и, с другой – защита, собранная громадной волей М. И. Дрягина, А. Н. Баранова, В. И. Суходоева и В. Г. Короленко, главным орудием которой стала гласность, требования объективности и законности рассмотрения дела.

В реализации требований объективности в решении судьбы подсудимых, наряду с показаниями юристов, раскрывших всю подноготную специально подтасованного дела, громадную роль играли и заключения экспертов-этнографов. Недаром продажные коронованные судьи, в частности в Елабуге, так заинтересованно цеплялись за всякого рода сказки и слухи, приводимые одним из экспертов-этнографов – профессором Смирновым в пользу обвинения.

*«Господин Смирнов приводит сказки, из которых видно, что некоторые из этой братии (т. е. мифических существ вроде нюлэсмуртов и вумуртов. – В. В.) «охочи до человеческой крови», – пишет В. Г. Короленко в статье «Мултанское жертвоприношение». И продолжает: «Мало ли кто до чего охоч! Очевидно, однако, что не этой мелкой нечисти, которой кишат также и наши леса, – станут приносить человеческие жертвы!». «Но тогда кому же?» – спрашивает В. Г. Короленко. И продолжает, подчеркивая важность спора экспертов-этнографов в решении вопроса: «У вотяков есть ещё Ин-Мар, могущественный бог, олицетворяющий небо. Господин Смирнов производит его имя от Ин-Мурта, небесного человека, но сам признаёт, что понемногу это понятие очищалось, и шелуха антропоморфизма от него отваливалась, а самое понятие всё больше и больше проникалось спиритуалистическим содержанием. И вот теперь, – пишет В. Г. Короленко, – другой эксперт, г. Верецагин, перевёл это название так: ин-небо, мар-что. «Что на небе», «Тот, кто на небе», «Господь». Господин Смирнов признаёт, что теперь действительно это слово выражает понятие духа, оживотворяющего природу... Иначе: Ин-Маром вотяк зовёт того же, кого француз называет Dieu, немец Gott, а мы **богом**», – пишет автор статьи, подводя читателя к логической мысли о том, что и этот верховный бог удмуртов, как и высшее духовное существо французов, немцев и русских, не жаждет человеческой жертвы.*

«Каков этот Ин-Мар у вотяков-язычников?» – продолжает автор, основываясь на показаниях экспертов-этнографов. – Он велик и ду-

ховен. Он могуществен и светел. Он, кроме того, враждебен богам анимизма; по крайней мере на странице 208 своей книги г. Смирнов утверждает, что стоит помянуть Ин-Мара, и могущество воршудов и палес-муртов обращается сразу в ничто. Кроме того, – продолжает В. Г. Короленко, точно передавая понимание удмуртами сущности Инмара, – это бог общий, власть которого распространяется на землю и небо, который простирает своё могущество над всем народом. Этому богу и может быть приносима общенародная молитва» [3. С. 359–360].

Прошу прощения за такую большую цитату. Но она важна для раскрытия значения полемики между экспертами-этнографами и, в частности, позиции Г. Е. Верещагина в данном вопросе.

Логически завершая повествование о дискуссии этнографов, в другом месте этой же статьи В. Г. Короленко пишет: «Бог простит, вероятно, присяжным, слушавшим в первый раз в жизни слова учёного профессора, утверждавшего «с положительностью», на основании черемисских сказок, возможность человеческого жертвоприношения у современных вотяков-христиан. А пока очевидно, что Курбон (будто бы божество, требующее человеческой жертвы. – В. В.) Кобылина (свидетеля, получившего это сведение от «не известного ему кучугурского вотяка». – В. В.) и урядника Соковикова, от которого отказался даже обвинитель на суде, не заменён никаким другим божеством, требующим человеческой жертвы. Мы вправе также совершенно отвергнуть сказочную теорию почтенного профессора и присоединиться к мнению г. Богаевского и г. Верещагина, который категорически заявил на суде: Вотское божество человеческой жертвы не требует...» [3. С. 368].

С экспертизой Г. Е. Верещагина на третьем суде я познакомился по отчету А. Н. Баранова, напечатанному в июне-июле 1896 г. в газете «Камско-Волжский край», где она приводится дословно.

«Существуют ли у вотяков человеческие жертвоприношения? Чтобы ответить на этот вопрос, я прежде всего должен познакомиться с общими чертами этнографических обычаев тех вотяков, которые до сих пор сохраняют привязанность к старине», – начинает Г. Е. Верещагин [4. С. 273].

Для краткости хочу изложить это выступление Г. Е. Верещагина в виде тезисов.

1. «Религиозные обычаи языческого культа у современных вотяков разделяются на семейные и общественные».

2. «Семейные обряды <...> совершаются отдельными семействами без участия других».

3. «Общественные обряды исполняются или всеми домохозяевами одного селения, или домохозяевами нескольких соединенных селений».

4. «Местом исполнения семейных обрядов служит главным образом «ква-ла»... с хранящимся в нем на полке боготворимым ящичком – «воршуд». Рядом с этим ящичком у крещеных вотяков стоит икона – «мыдор».

5. «В домашнем шалаше никаких общественных кровных жертв за всё селение не приносится».

6. «Общественные жертвы целыми или несколькими соединенными селениями приносятся исключительно вне села: в полях и священных лесах».

7. «Всех божеств с мифологическими существами у вотяков я насчитываю около 40 – они разделяются на добрых и злых».

8. «Из добрых божеств особенно замечательны «Инмар», «Инву», «Му-кылчин» и проч., а из злых божеств обращают на себя внимание: «Ак-таш» или «Якташ», «Керемет», «Увер» и др.»

9. «<...> я должен коснуться и об упоминаемых в деле божествах «Курбона» и «Чупкаса» (или Чупкана). Божеств этих в мифологии вотяков, насколько мне известно, совсем нет».

10. «Жертвы божествам приносятся просительные и умиловительные...».

11. «<...> под первыми я разумею те жертвы, которые приносят божествам с молитвой о плодородии, богатстве вообще, о земном счастье».

12. «К умиловительным причисляю жертвы, приносимые с целью умиловления злых божеств. Такие жертвы в полях и лесах приносятся три раза в год: весной, летом и осенью. Их называю я «очередными», потому что при исполнении тех или других обрядов жертвоприношения соблюдается очередь».

13. «<...> приносятся ещё чрезвычайные жертвы во время засух, болезней и других несчастий... всеми или несколькими соединенными селениями, и чем жертва крупнее, тем приносится она торжественно».

нее, при большом стечении народа. Подобные жертвы приносятся в особо избранных местах, полях, лесах, а не в черте селений. Приносятся, впрочем, некоторые жертвы и дома, в кругу семьи, но только за своё семейство, и то лишь более душам умерших предков под названием «виру».

14. «<...> жертвоприношение начинается обыкновенно по захождению солнца и продолжается всю ночь; из этого <...> исключаются только некоторые жертвоприношения, например, на празднике «Гуждор», «Бусы-вось» и на подобных им праздниках».

15. «В жертву идут все домашние животные, кроме свиней, равно и птицы домашние и дикие».

16. «Одни жертвоприношения приносятся явно, так что смотреть на обряды таких жертвоприношений может всякий не исключая и иноплеменников; другие обряды совершаются тайно, в лесах, без участия женщин, стариками и пожилыми, и тайна таких жертвоприношений в некоторых из более скрытных мест охраняется зорко (из чувства стыда, потому что приносится конь) <...>».

17. «Далее я должен сообщить о самом обряде чрезвычайного жертвоприношения, когда приносится корова и бык».

Далее идёт подробное описание обряда, увиденного самим Верещагиным в д. Ляльшур Шарканской волости.

18. «<...> существовало ли у вотяков в древнее время человекоядение. На этот вопрос отвечают сказания самих вотяков». И Верещагин приводит две легенды, услышанные в Шарканской волости, в которых речь идёт о том, как удмурты употребляли в пищу человеческое мясо. Затем приводит легенду о том, что русские убили удмуртского богатыря Идну батыра и съели его внутренности. Верещагин при этом добавляет: «Сказки в буквальном смысле понимать нельзя».

19. Верещагин приходит к такому выводу: если и существовал каннибализм у удмуртов, то, «я думаю, во времена полнейшей дикости вотяков, а именно тогда, когда они не умели ещё возделывать землю и средства к существованию добывали охотой на зверей и птиц в лесах и во время войн с враждебными племенами <...>. Когда же вотяки стали сталкиваться с более развитыми племенами, научились возделывать землю и сеять хлеб, – тогда и каннибализм постепенно стал переходить в область предания. А в первые времена обращения

их в христианство они были уже трудолюбивыми земледельцами» [3. Л. 16–17]¹.

Так спокойно и деловито Г. Е. Верещагин ответил на вопросы, вызывавшие страсти на суде, и разрушил будто бы стройную версию обвинения, шитую белыми нитками, показав, что эта версия идёт вразрез с обычаями и обрядами удмуртов.

Приводя текст выступления Г. Е. Верещагина, А. Н. Баранов пишет: *«Простая, произнесённая твёрдо, определено, только о том, что г. Верещагин знает несомненно, его речь произвела сильное впечатление на всех. Я видел, как ему горячо жали руку проф. Патенко, Кузнецов и другие»* [4. С. 273].

В. Г. Короленко, продолжая излагать противоборство экспертов-этнографов, 31 мая 1896 г. писал из Мамадыша жене Евдокии Семеновне в Петербург: *«Сейчас из суда (перерыв). Эксперт Смирнов два раза сконфузился. В первый раз привёл неверную цитату – и на моё требование указать её – не мог найти в книге, на которую ссылался. Во второй раз (суд дал ему право говорить без ссылок) начал, запутался и попросил позволения просто отвечать только на вопросы. Публика глубоко возмущена. Зато 2-й эксперт, Верещагин, по запискам своим дал такую блестящую экспертизу, – что все вышли поражённые ясностью его доказательств. У него были слёзы на глазах, публика пожимала ему руки. Прокурор палаты и председатель приходили к нам в комнату защиты. Впечатление огромное»* [5. С. 59].

Владимир Галактионович Короленко, проявивший огромную волю и настойчивость и совершивший по сути гражданский подвиг, сделал своими многочисленными выступлениями в печати грубейший произвол царского суда, как он показал, характерный не только для этого процесса, достоянием широкого круга общественности, и сам выступивший на суде в качестве защитника обвиняемых, по праву ставший национальным героем удмуртов, высоко оценил роль Г. Е. Верещагина как эксперта-этнографа в оправдательном приговоре суда. И мы, вспоминая уроки истории, думается, не только вправе, но и обязаны воздать им должное, как и другим лицам, поднявшим голос осуждения произвола власть имущих и в защиту невинно осуждённых удмуртов.

---

¹ Полностью данная экспертиза Г. Е. Верещагина приведена нами в издании: *Верещагин Г. Е.* Собр. соч.: В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 3. Кн. 1: Этнографические очерки. – Ижевск, 1998. – С. 273–278. – В. В.

Библиографический список

1. Дело мултанских вотяков, обвинявшихся в принесении человеческой жертвы языческим богам / Сост. А. Н. Баранов, В. Г. Короленко и В. И. Суходоев; под редакцией и с примечаниями В. Г. Короленко. [М.]: Тип. «Русск. вед.», 1896.
2. *Верещагин Г. Е.* Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. СПб., 1889.
3. *Короленко В. Г.* Собр. соч.: В 10 т. М.: Госиздат худож. лит., 1955. Т. 9.
4. Экспертиза Верещагина // *Верещагин Г. Е.* Собр. соч. : В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 3. Кн. 1: Этнографические очерки. Ижевск, 1998. – С. 273–278.
5. *Короленко В. Г.* Избранные письма. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1939.

4.2. КОРОЛЕНКО И УДМУРТИЯ

*(Буня М. И. В. Г. Короленко в Удмуртии.
Изд. 2-е, с уточ. – Ижевск, 1997. С. 3–14)*

Разъезд Мултанка. Приземистое, почти незаметное здание вокзала в тени развесистых деревьев. Здесь останавливаются только пригородные и почтово-багажные поезда. Составы дальнего следования, идущие из Москвы на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток, проскакивают это место, как и другие встречающиеся на пути сотни разъездов и полустанков, не замечая его. Только иные пассажиры, должно быть, отмечают для себя, что находятся где-то между Волгой и Уралом, а то промелькнут в разговоре фразы о том, что вот уже и Вятку переехали и скоро у Сарапула будет мост через Каму. И может быть, один из тысячи, увидев в окне название разъезда, вспомнит роман Михаила Петрова «Старый Мултан», если когда-нибудь читал, или страстную публицистику Владимира Галактионовича Короленко, горячо и искренне стремившегося довести до честных людей правду о драматических событиях, развернувшихся в этих местах.

Старый Мултан. Теперь – село Короленко. Жителя переименовали его в знак благодарности великому русскому писателю за его беспримерный самоотверженный труд во имя справедливости и гуманизма. Они бережно хранят память о его посещении села в 1895 г. В доме, где он

тогда останавливался, теперь музей. И люди, какой бы национальности ни были, приезжают в село к нему, страстному борцу против шовинизма и «великорусской», великодержавной политики дискриминации «иногородцев» и «иноверцев». Приезжают, учатся у него, набираются от него сил, чтобы противостоять сегодняшним межнациональным распрям, чтобы благодарно поклониться великому примеру интернационализма Владимира Галактионовича и всех тех, кто стоял в те долгие, тягостные дни ожиданий и борьбы рядом с ним и активно действовал.

Сто с лишним лет назад, в 1892 г., было сфабриковано это страшное по замыслу, наглой уверенности в превосходстве сил и цинизму дело, получившее широкую огласку не только в России, но и за ее пределами. Более десяти удмуртских крестьян села Старый Мултан Малмыжского уезда Вятской губернии были арестованы. Им предъявлялось чудовищное обвинение в том, что будто бы они ночью с 4 на 5 мая того же года с целью принесения жертвы своим языческим богам (кстати, все эти люди были православной веры, крещёные) преднамеренно убили нищего Конона Матюнина и «замолили» его. Как выяснилось впоследствии, убийство было совершено действительно преднамеренно. Однако ни один из обвинявшихся не был причастен к нему. И цели убийства были иные. Преступление было изначально провокационным. Двое русских крестьян из соседней с Мултаном деревни Анык Тимофей Васюкин и Яков Конешин убили нищего, заранее задумав свалить вину на мултанцев, скомпрометировать жителей села, сослать в Сибирь и завладеть их завидными пойменными лугами. Сами они, конечно, рассчитывали остаться безнаказанными. Почему? На что они надеялись? Не на то ли, что официальная политика русификации «иногородцев» и христианизации «иноверцев» постоянно создавала атмосферу превосходства русских перед представителями иных племен? Они надеялись, что власти поддержат обвинения «иноверцев» в соблюдении ими «старых обычаев». События показывают, что так оно и было. Товарищ прокурора Сарапульского окружного суда Н. И. Раевский без сомнения принял версию о ритуальном убийстве нищего удмуртами, и следствие, которым он руководил, само совершало множество преступлений подлогами, угрозами, пытками, обещаниями. С помощью лжесвидетелей долго и упорно собирало «факты» в подтверждение той самой версии. Лишь спустя два с половиной года, в декабре 1894 г., Сарапульский окружной суд рассмотрел Мултанское дело на выездной сессии в городе Малмыже Вятской губернии.

Однако и тут расчеты Васюкина и Конешина оправдывались. Суд не отличался объективностью. Он «не замечал» тех белых ниток, которыми грубо и неряшливо было шито дело, хотя защита в ходе судебного разбирательства неоднократно указывала на это. Ей было отказано в вызове своих свидетелей. Адвоката бесцеремонно прерывали. Решение суда вырисовывалось чётко. Семеро обвинявшихся удмуртов были признаны виновными в ритуальном убийстве и приговорены к высылке в Сибирь.

Некоторые активные в газетных публикациях краеведы в Удмуртии уже в наши дни пытаются внушить читателям мысль о том, что будто бы в ходе Мултанского процесса противостояли, с одной стороны, язычники-удмурты, с другой – христиане-русские. Для каждого, кто хоть немного знаком с событиями тех лет, ясно, что не так. Все участники процесса, кроме обвиняемых и одного из экспертов – Григория Егоровича Верецагина, были русскими. Да, русские крестьяне спровоцировали дело. Да, с позиции русского православия подложно обвиняли удмуртов официальные власти русского самодержавия. Но защитили от клеветы и наветов русские же. Это были разные русские. По-разному мыслящие. Руководствовавшие разными этическими принципами.

После того, как суд в Малмыже осудил удмуртов, адвокат Михаил Ионович Дрягин, частный поверенный из Сарапула, подал кассационную жалобу в Сенат. Вятские журналисты Осип Михайлович Жирнов и Александр Николаевич Баранов, жившие тогда в Малмыже, с возмущением против несправедливости и произвола суда и следствия стали писать в местные и столичные газеты. Кое-что удалось опубликовать в Казани, Вятке. Однако столичные газеты им даже не отвечали. Напротив, в некоторых из них появились сообщения, основывающиеся на обвинительном акте Раевского. Тогда-то А. Н. Баранов и обратился к В. Г. Короленко, знакомому по Нижнему Новгороду, с просьбой вникнуть в суть дела и силой писательского дарования довести до широкого круга читателей правду об этой вопиющей несправедливости. Владимир Галактонович отложил все свои дела и с головой окунулся в долгую и трудную борьбу против сознательной и жестокой неправды.

Сенат отклонил приговор малмыжской сессии суда. По жалобе-кассации М. П. Дрягина были очевидны грубые нарушения норм судопроизводства. Предстояло новое судебное разбирательство. На этот раз в Елабуге. Здесь и подключился к противостоянию двух разных сил

русского общества в Мултанском процессе Владимир Галактионович Короленко, сумевший вывести это темное, с помощью разных слухов и подлогов специально запутанное дело из провинциального закоулка на арену общероссийского обсуждения. На века остались полные полемической страсти десять статей В. Г. Короленко, написанные и опубликованные в московских и петербургских газетах и журналах в пору борьбы за спасение чести и достоинства невинно осужденных удмуртов:

«**К отчету о мултанском жертвоприношении**»;

«**Предисловие к отчету о Мултанском деле**»;

«**Мултанское жертвоприношение**»;

«**Мой ответ г-ну Крылову**»;

«**Приносятся ли вотяками человеческие жертвы (Письмо в редакцию «Нового времени»)»**»;

«**Решение Сената по Мултанскому делу**»;

«**Библиографическая заметка**»;

«**Толки печати о Мултанском деле**»;

«**Живучесть предрассудков (По поводу доклада священника Блинова «Новые факты из области человеческих жертвоприношений»)»**»;

«**Из Вятского края («Ученый труд» о человеческих жертвоприношениях)**».

В них великий русский писатель раскрывал подложность обвинения, зывал к российскому обществу заступиться за правду и справедливость.

Не все свои мысли по поводу преступлений законоблудителей, не всю аргументацию в пользу своей версии убийства несчастного Матюнина удавалось ему проводить через рогатки цензуры. Какими мыслями, какими страстями жил великий русский писатель, совесть России, как его справедливо называли, полтора года напряженного противостояния, гораздо лучше показывают его письма, напечатанные в отдельном издании «Избранные письма о Мултанском деле» (Ижевск, 1939), в десятом томе его собрания сочинений (М., 1956), а также обнаруженные в некоторых архивных фондах. *«Пишу Вам письмо с парохода, на пути из Нижнего в Казань, – сообщал, в частности, он А. Н. Баранову 25 сентября 1895 г. – Из Казани, как Вы, вероятно, и догадываетесь, я еду в Елабугу, чтобы присутствовать на заседании суда по делу мултанских вотяков. Мне казалось, что присутствие в суде в предстоящий отчёт в столичной прессе принесут делу, пожалуй, большую пользу... Приеду за день до суда и постараюсь ознакомиться с новым*

обвинительным актом. Данные защиты читал и продолжаю читать на пароходе. Дело глубоко возмутительное, и я, вероятно, напечатаю его, кроме газеты, в «Русском богатстве».

На пути из Казани в Елабугу, уже на другом пароходе, он делится своими тревожными мыслями в письме к жене Евдокии Семеновне: «Мрачное, темное и загадочное дело, и я теперь весь поглощен вопросом: кто и для чего мог убить нищего на дороге из Чульы в Анык...»

Присутствие на судебном разбирательстве в Елабуге еще более убедило В. Г. Короленко в невинности подсудимых и в преступной предвзятости и следствия, и суда. Он прямо из Елабуги выезжает в Старый Мултан, чтобы своими глазами увидеть те места, где происходили события. В противовес ложной схеме местности, которой пользовалось обвинение, измеряя тропинки шагами, он составляет свою схему, ложится даже на бревенчатый настил среди болота, на то место, где был обнаружен труп нищего, чтобы проверить достоверность показаний свидетелей.

После того, как в Елабуге второй раз осудили невинных, В. Г. Короленко, составивший вместе с А. Н. Барановым и В. И. Суходоевым полный, почти стенографический отчет всего заседания и выславший его в редакцию московской газеты «Русские ведомости», 18 октября 1895 г. писал ее редактору В. М. Соболевскому: «Люди погибают невинно, совершается вопиющее дело, – и я не могу сейчас ни о чем больше думать». Он горячился в связи с тем, что из редакции не было ответа: «...прошу, умоляю и требую во имя невинно приговоренных людей, – не тянуть с ответом, не отсрочивать, не задерживать, а отвечать сразу – да или нет и в случае отрицательном, – нимало не медля отослать рукопись». В письме в Петербург литератору и близкому другу Н. Ф. Анненскому от 19 октября того же года он признавался: «Следствие совершенно фальсифицировано, над подсудимыми и свидетелями совершались пытки. И всё-таки вотяки осуждены вторично и, вероятно, последует и третье осуждение, если не удастся добиться расследования действий полиции и разоблачить подложность следственного материала. Я поклялся на сей счет чем-то вроде аннибаловой клятвы и теперь ничем не могу заниматься и ни о чем больше думать...»

Серия обширной переписки В. Г. Короленко по поводу Мултанского процесса, в которой он не только выражал состояние своей души, но планомерно собирал вокруг себя честных, демократически настроенных

людей, чтобы противостоять произволу властей, заканчивается радостной телеграммой родным с третьей сессии суда, проходившей в Мамадыше, от 4 июля 1896 г., состоящей всего из двух слов: «*Все оправданы*».

Письма В. Г. Короленко о Мултанском деле – эта цельная автобиографическая повесть со своей завязкой, драматическими коллизиями, развязкой, со множеством действующих лиц, так или иначе вступающих во взаимодействие с автором. В ней довольно разветвленная система сюжетных линий. Они касаются и семейных, родственных отношений – с женой, матерью, с сестрой и братом, через всю серию писем проходит образ маленькой Оли, которая предстает перед читателем в трехнедельном возрасте и умирает, не дожив и до семи месяцев, принося отцу, т. е. автору-повествователю, душевное потрясение. Мы видим и сотрудничество автора со своими единомышленниками – А. Н. Барановым, В. И. Суходоевым, М. И. Дрягиным, А. Ф. Кони, Н. П. Карабчевским, Ф. А. Патенко, С. К. Кузнецовым и многими другими демократически настроенными людьми русского общества, решительно вставшими против лжи, клеветы и преднамеренного зла; и неоднократные столкновения с такими деятелями, как профессор И. Н. Смирнов, литератор и священник Н. Н. Блинов, под псевдоблагодетельными предложениями, «для пользы самих вотяков», поддерживавшими ложное обвинение удмуртов; и, конечно же, яростную борьбу с «*шайкой полицейских разбойников*», «*ловким, но бессовестным канальей*» Раевским, с судебной системой, благоприятствующей торжеству лжи и произвола власть имущих. **Из всего повествования встает титаническая фигура В. Г. Короленко – самоотверженного борца, беспокойного и настойчивого организатора целой системы защиты невинно осужденных, не пожалевшего для этого ни времени, ни сил и здоровья.** На глазах читателя он как бы превращается из ученика, познающего азы Мултанского дела, в своеобразного учителя, растолковывающего его суть другим людям. Мало того, он становится автором новой версии – симуляции ритуального убийства кем-то с целью обвинения удмуртов, которая постепенно укрепляется в нем и которую он с помощью единомышленников, завоеванных им не без труда, успешно защищает на третьей сессии суда.

В исследованиях и доказательствах В. Г. Короленко по Мултанскому делу, нашедших отражение и в его письмах, четко вырисовывается ряд принципиальных мыслей, убежденных утверждений. Среди них главным представляются такие:

1. Данные лица, оказавшиеся на скамье подсудимых, – невиновны.
2. Человеческие жертвоприношения в земледельческой России уже невозможны. Они остались за чертой тысячелетней истории. Попытки приписать их «инородцам»-язычникам в конце XIX века – ужасные наветы.
3. «По всей России, особенно на окраинах, мы то и дело видим пытки и истязания, и Мултанское дело – одна из иллюстраций этого положения» (из письма Н. Н. Блинову от 12 ноября 1897 г.).
4. Полиция, следствие во главе с товарищем прокурора Раевским совершили гнусные преступления, за это должны нести наказание.
5. Сарапульский окружной суд на двух своих сессиях по Мултанскому делу потворствовал преступникам, осуществлявшим следствие и дознание, председатель суда лгал и направлял по ложному пути мысль присяжных заседателей, от вердикта которых зависела формулировка приговора.
6. Судебные порядки в России негодные.
7. В публичных выступлениях нет возможности говорить о многих действительно существующих вещах, приходится прибегать к разным сторонним аргументам.
8. В Петербурге процветает перлюстрация писем, иначе говоря, шпионаж за инакомыслящими (из письма А. Н. Баранову от 6 августа 1895 г.).

В этих утверждениях выражена общественная позиция великого писателя-гуманиста В. Г. Короленко тех лет.

Наряду со статьями и письмами В. Г. Короленко, вникнуть в суть и подробности противостояния двух разных сил российского общества тех лет дают возможность и другие источники. О Мултанском деле написано немало. Известнейший историк нашего края П. Н. Луппов, глубоко и настойчиво занимавшийся исследованием утверждения христианства в среде удмуртского народа и, конечно, не оставшийся в стороне от Мултанского дела, в 1936 г. в «Записках» УдНИИ опубликовал библиографию по этому вопросу. В список вошли двести тридцать пять названий статей, газетно-журнальных отчетов и даже целых книг, опубликованных в ходе процесса или вскоре после него. В данный перечень, конечно, не мог войти роман М. Петрова «Старый Мултан», увидевший свет уже в 1950-е гг., благодаря которому, вслед за статьями В. Г. Короленко, наиболее широкий круг читателей познакомился с Мултанским делом. Однако следует учитывать, что М. Петров на основе документальных данных создал художественное произведение, в котором

исторические факты перемежаются с творческой фантазией, в нем действуют как реальные люди, так и вымышленные, типизированные образы.

В последние годы появились новые публикации по Мултанскому делу. В мае 1992 г. в газете «Известия Удмуртской Республики» краевед Е. Шумилов напечатал серию статей под общим названием «Дело было под Мултаном». Осенью того же года в той же газете полемической серией статей под общим заголовком «Вокруг Мултана: тень на плетень» был вынужден выступить автор этих строк: в публикации Е. Шумилова обнаружилось неточности и искажения. Пропаганде гуманистического подвига тех, кто активно выступал в защиту невинно осуждавшихся удмуртов, посвящены и другие печатные работы автора данных строк: статьи «Современные аспекты освещения Мултанского процесса» (опубликована в книге «Финно-угорские народы и Россия» – Таллинн, 1994); «Противостояние» (опубликовано в журнале «Луч» – 1994. № 11–12); книга «Кин шоры «ыбылэ» Мултан уж?» («В кого «стреляет» Мултанское дело?»), выпущенная издательством «Удмуртия» в 1994 г.).

Возрастающий интерес к Мултанскому процессу не случаен. Произвол властей по отношению к целому народу и победа консолидирующихся демократических сил не могут не привлекать внимание людей как наглядный исторический пример в наше тревожное время, когда, казалось бы, прочно устоявшиеся взаимоотношения между нациями и народностями великого Союза продолжают рушиться под натиском культивируемого индивидуализма и национальных амбиций.

Книга известного краеведа Михаила Ивановича Буни «В. Г. Короленко в Удмуртии», первое издание которой состоялось в 1982 г., является, на наш взгляд, самым фундаментальным из имеющихся ныне трудов, в котором на основании документальных материалов рассмотрены многие подробности Мултанского процесса.

Книга состоит из двух частей. В первой из них повествуется о вятской ссылке В. Г. Короленко в 1879–1880-е гг., во второй – о его участии в 1895–1896 гг. в Мултанском процессе. *«Всего восемь с половиной месяцев жил он на этой земле, – пишет М. И. Буня о времени пребывания В. Г. Короленко в Глазове и в Березовских починках, – но и этот короткий срок изгнания оставил в жизни и творчестве писателя неизгладимый след»*. По словам самого В. Г. Короленко, именно здесь, во время вятской ссылки, он впервые почувствовал в себе дух «художника и созерцателя». Вятские впечатления послужили основой

для ряда публицистических и художественных сочинений молодого писателя. Что же касается участия В. Г. Короленко в Мултанском процессе, то о результатах его знает, пожалуй, весь цивилизованный мир.

Самое значительное достоинство книги М. И. Буни – в сквозной всеохватной системности и в документальной выверенности материала. Автор пользуется большим количеством публикаций по вопросам, касающимся его темы, а также материалами ряда государственных архивов, по возможности добираясь до самых достоверных первоисточников. Многие цитаты из печатных изданий он сверяет с автографами В. Г. Короленко, хранящимися в архивных фондах. Часто обращается к показаниям самого В. Г. Короленко, высказанным в его автобиографической повести «История моего современника», в письмах к родным и близким.

Сопоставление различных источников позволяет автору книги выявить и ряд неточностей, ошибок, допущенных в публикациях его предшественников о В. Г. Короленко, о его ссылке в Вятский край, о Мултанском процессе. Обнаружил он их немало. Они особенно важны для тех (научных работников, преподавателей, студентов и т. д.), кто пользуется источниками, содержащими неточные сведения.

Книгу отличает обилие сносок-примечаний. В первой части их насчитывается более 200, во второй – около 340. Их можно отнести к числу положительных качеств издания. Сноски-примечания во многом и подтверждают документальную выверенность сочинения. Однако, читая книгу, порою ловишь себя на мысли о том, что множество примечаний сбивает темп повествования, отвлекает внимание читателя от основной канвы сюжетного хода. Многие ценные сведения, содержащиеся в примечаниях и комментариях, можно бы перенести в основной текст или выделить в отдельные, дополнительные разделы книги. Можно бы... Однако автора уже нет в живых, и остается издание повторить в том виде, в каком оно увидело свет при нем самом. Тем не менее эта книга, которую вы держите в руках, дорогой читатель, – плод многолетней и кропотливой работы талантливого и добросовестного краеведа, она ценна прежде всего тем, что в ней собран и изложен исторически непреходящий материал о связях великого русского писателя-гуманиста В. Г. Короленко с Удмуртией. Она еще раз убеждает нас в том, что великий русский писатель, украинец по своим генетическим корням, в сознании удмуртского народа заслуженно живет как его национальный герой.

4.3. ОБРАЗ В. Г. КОРОЛЕНКО В РОМАНЕ М. П. ПЕТРОВА «СТАРЫЙ МУЛТАН»: ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ

(М. П. Петров и литературный процесс XX века: материалы научн. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения классика удм. лит. / Удм. гос. ун-т; Союз писателей УР. – Ижевск, 2006. С. 9–17)

Совсем недавно по инициативе и под патронажем Государственного совета Удмуртии состоялась Международная конференция по вопросам развития и функционирования родных языков. Шел всесторонний и принципиальный разговор о государственных языках Удмуртской Республики. Было отмечено по сути искусственное сужение сферы использования удмуртского языка, который, как известно, наравне с русским, утвержден Законом, как говорится, де-юре, в качестве государственного языка в нашей республике. Когда же приобретет он на самом деле, де-факто, такой статус? «Никогда! – сказали твердо наши зарубежные коллеги, приехавшие из Венгрии, Финляндии, Эстонии, – никогда, если вы, удмурты, сами не будете использовать его не только в личных, как говорится, в записных беседах, но и на официальных совещаниях, в науке, в школьном и вузовском преподавании. Оба государственных языка должны функционировать на равных правах. И это верно. Значит, все граждане республики должны хотя бы понимать и по-русски, и по-удмуртски. Разве это плохо? Но это еще дело будущего. Однако к нему мы должны привыкать уже сегодня. Исходя из этого, свой доклад на тему «Образ В. Г. Короленко в романе Михаила Петрова «Старый Мултан»: документальная основа и художественный вымысел» я прочитаю на удмуртском языке.

М. П. Петровлэн «Вуж Мултан» романысьтыз В. Г. Короленколэн кылсуредэз: документъёсья инъет но чеберлыко радъян

Кутско ёжыт кыдёкысенгес. Михаил Петровлэн вань 1931 арын кылдытэм «Гожтэт» нимо кылбурез. Апаезлэн вынызлы гожтэмез кадь сётэмын со. Апаез вера, кызыы соос, анайтэк-атайтэк кылем нылпиос, азыло, узырьёс кузёяськыку, туж секытэн улызы, нош табере, шуэ, колхоз кылдйз но, улон капчи, шулдыр луиз.

Та кылбур син шоры йӱтымон. Таӵе ик валтӱсь малпанэн гожтэмын Петровлэн войналэсь азьло кылдытэм трос музон кылбуран произведениосыз, тужгес но – «Ортчем вамыш» (1935) но «Сюресэз вордскем калыкелэн» (1938) поэмаосыз. Отын пырак верамын кык дуннез ваче пуктӱсь малпан: эксэй дырӵя ужась адымилэн улонэз туж секыт вал, нош табере, выль власть дырӵя, улон шулдыр но капчи луиз. Поэмаос гожтэмын соцреализмлэн шорсюлэм куронэзлы тупась ӱрӵя. «Улонлэсь ӱрзэ революция сюрестӱ азинскемезӵя суредано» («Изображать жизнь в её революционном развитии») гожтэмын вал Кенешо писательлӱслэн 1934-тӱ арын кутэм Уставазы.

Сыӵе куронлы ик тупа «Гожтэт» кылбур но. Со гинэ ма? Ӵапак татын, кылбур чуре ик кисьгыса, пырак верамын Петровлэн (солэн гинэ ӱвӱл, со вакытэ гожӵяськись музон удмурт писательлӱслэн но) нырысетӱ радэ пуктэм валтӱсь малпанзы. Кылбурысь удмурт кышномурт вынызлы азьло секыт улэмзэс тодэ ваемзэ тазы валэктэ:

*Ализэ вуженыз ваче син пуктытэк,
Валантэм луысал, дыр, кылы.*

Сыӵе вал М. Петровлэн аслаз но войналэсь азьло кылбуранэзлэн тужгес юн жингыртӱсь эмоциональной тонэз, яке, шуыны луоз, валтӱсь кырӵан гурез.

Малы мон та сярись верасько? «Вуж Мултан» романлэн но валтӱсь гурез сыӵе ик: макем секыт улэ ужась, куанер калык эксэй власть улын! Юнме гинэ калыкӱс уг сайкало ни, асьсэлы сюрес уг бырӱэ эксэй властылы пумит нюрӵяськон удысын. Зэм, со сяна но романын трос музон ужпумӱс жутэмын. Соос пӱлын ик – туж бадӵым инты басытэ ӵуч но удмурт калыкӱслэсь тупаса, ог-огзылы юртгыса улэмзэс возьматон. Сое берлогес «социалистической интернационализм» кылӱсын пусйимы. Ужась калыкӱслы, котыкыӵе выжыкысь мед луозы, люкыны номыре! Огазе кариськыса гинэ соос вормозы узырӱслэсь эрказӵяськись кужымзэс. Писательлэн сыӵе куараез жот-жот кылӱське романлэн кутсконысеныз пумозяз. Мугез но вань: Мултан ужез эксэй властыӱс пуромытӱзы, ӵуч калыкез ӵуч луисытэм калыкӱс вылэ узатон понна. ӵуч чиновникӱс со малпанэз туж тыршыса, туж лекӵяськыса уж вылын быдэсьязы. Нош удмуртӱссыз пытсэтысь мозмытӱз, быдэс дунне азын мыскыллямлэсь утиз ӵуч интеллигенция. Озыен, шуэ кадь

асъмелы писатель, обшествоез ваче пумит сьлйсь кужымъёслы люкись гож пöртэм кылын вераськисьёс вискытй уг ортчы – со адзйське зэмлык но възьытлык шоры пöртэм сямен учкись адямиос вискын.

Романын, шуыны луоз, юн-юн шока та идеяен ик герзасъкем мукетыз малпан: быдэс Россиын но, Мултанын кадъ ик, чидасьёслэн чиданзы чиге ни – вылй дышетскем муртъёс, тодосчиос, писательёс, журналистьёс пöлын юнмало, жутско эксэй властьлэн эрказьясъкемезлы пумит сьлйсь кужымъёс. Соос пöлын ик Анатолий Фёдорович Кони – Россиысь вань судъёслэсь кутэм ужъёссэс чакласа возён интыын ужась, сенатысь обер-прокурор. Соос пöлын ик Баранов, Суходоев, музон журналистьёс, Кузнецов, Богаевский но мукет тодосчиос, соос пöлын ик, тужгес висъясъкыса, адзйське Владимир Галактионович Короленко писатель. Та адямиос революционеръёс öвöл, но нюръяськон удысэ султоно луо властьёслэн зэмлыкез тйямзылы чидатэк. Та нюръяськон ик вуттэ соосыз Мултан ужын янгыше уськытыны турттоно воргоронъёсыз гижысь-пиньысь утён удысэ.

Озыен, романын азьлозэ но ализэ (алиез отын – писательлэн орчем уж шоры аслаз вакытысьтыз синмын учкемез) ваче пуктэм сяна, уно музон сйос шудо-жингырто. Странаысьтымы бадзым зуч писательёсын огпид вамышъяса, М. Петров трослы узырмытйз, пöртэм буёло кариз соцреализм амалэн гожъяськон удысэз. Сыче выль буельёс пöлы ик пыре, адямилэсь пуш дуннезэ нырысетй радэ поттыса, сое котырласянь суреданы тыршон но.

Тодйськом, Михаил Петров ог кызь ар ужаз Мултан ужъя чаклам произведенизэ гожтон удысын. Вань солэн прозаен но, драмаен но гожтэм вариантёсыз. Фома Кузьмич Ермаковлэн верамезъя, одйг вариантэз валтйсь героез быдэсак луэ Владимир Галактионович Короленко, отын, пе, суредамын солэн Якутиын но кезьыт пальёсысь музон интыосын ссылкаын улэмез но.

«Вуж Мултан» романлэн валтйсь героез луэ мултан калык. Суредамын инмарен сётэм туж чебер инкуазь пöлын калыклэн курадзйса, куруктыса-бöрдуса улэмез, нуналысь нуналэ секыт адзюнъёсты вормыны но аслаз уженыз шумпотон лэсьтыны, дунне вылэ выль, чебер, дун кидыс кельтыны тыршемез. Ваньмыз та гожтэмын художественной образ яке, кызы шуиськом удмурт сямен, кылсуред кылдытон амальёся. Писатель улонэз чакла но, солэн та удысын кылдо аслаз малпанъёсыз, мылкыдьёсыз. Но со мылкыдзэ-малпанзэ пырак гинэ уг вера, со суреда

улонэз, отысь яркытэсь учырѣсты, адямиосты возматыса. Улонысь басьтэм учырѣсты, характерѣсты со одно ик кызы вал, озы уг суредда, соосты озы радья, кызы солы умойгес яркыт возматыны аслэсьтыз та улон шоры учкемзэ, мылкыдѣссэ но маппанѣссэ, кызы капчигес соосыз лызислы шодытыны. Сое литературатодонын художественной вымысел шуо. Учырѣсты но характерѣсты ас сяменыз радьяса, пуж пыртї кадь шертыса, марзэ ке но куштылыса, мар ке но аслэсьтыззэ будэтылыса, писатель улонысь зэмос адзем учырез, характерез, вань та выллем учырѣсты но характерѣсты ас бордаз люкаса возматїсь кужымо каре. Мукет сямен вераса, тип кылдытэ. Со типлэн прототипез (зэмос учыр-а со яке улонысь адзем зэмос адями-а) вань ке но, писательлэн произведенияз со трослы яркытгес луэ, та типлэн писательлы кулэ луись тодметѣсыз одно ик будэтыса, юнматыса возматїсько. Со бордысь ик адзїське ини писательлэн та учыр, та характер шоры мар мылкыдын, кыче малпанѣсын учкемез. Художественной вымыселтэк (удмурт сямен верано ке, чеберлыко радьянтэк шуыны луоз) нокычѣ чеберлыко произведение кылдытыны уг луы.

Михаил Петров та романаз трос характерѣсыз эскериз. Соос пöлысь куд-огѣсызлэсь нимтулѣссэс мон верай ини. Документѣс вылэ иньяськыса, асьсэлэн нимѣсынызы-ик поттэмын удмуртѣсыз янгыше уськытыны тыршїсь чиновникѣс но: Раевский, Львовский, урядникѣс, становойѣс... Соос пöлын ик куд-ог министрѣс. Соослэн но кырсь ужен саптам нимѣссы, калык пöлы капчиен вöлмїсь чеберлыко литературае пыртыса, даурѣслы вунонтэм кельтэмын.

Трос яркыт характерѣсыз адзїськом мултан калык пöлысь. Уно-езлэн, шуо, вань прототипѣссы. Акмарлэн сяна, оло, вань музонэзлэн нимѣссы воштэмын. Малы меда? Тужгес но соин, дыр: писатель татыын тип кылдытон понна огазея зэмос улонысь уно адямиослэсь тусбуйзэс, малпам-лэсьтэмзэс. Ф. Ермаковлэн гожтэмезья, кышярысь, Герейлэн прототипѣсыз луо Дмитрий Зорин но Кузьма Самсонов. Василий Кузнецовез тодмаськом Буграш Педорлэн кылсуредысьтыз. Та характерѣсыз кылдытыкуз. писательлы тросгес ужано луиз, аслэсьтыз малпамзэ, улонысь кылэм-тодэмзэ чеберлыко амалэн одїг герой котыре биньыса.

Мукетгес сямен ужано луэ писательлы, асьсэлэсь нимѣссэс ик кельтыса суредам геройѣссэ возматыкуз. Татын ини, документѣс вылэ иньяськыса, чырыен-пырыен люкано чапак та адямилэн улонысь-

тыз учырѣсты, соосыз кулэзъя шертоно но огья сюжетэ интыяно. Сыѣе характерѣс пѣлы ик пыре Короленколэн кылсуредэз.

«Вуж Мултан» – исторической роман. Солэн сюжетэзлэн тужгес бугрес шорсюлмыз лэсытэмын историын зэмос луэм учыр вылын. Та выллем музон произведениосын кадъ ик, дыр татын кѣня ке сйослэс пѣлэстйське. Тужгес пичиез – со мултан калыклэн XIX даурлэн пумаз улэм-вылэмез но Матонинэз виемен валче секыт адзѣнэз, таин валче кылдэм зэмлык понна нюръяськон вакыт. Кыкетйез – трослы кузгес вакыт: Мултанын луэм учыр но со котырын нюръяськон пыре ини эксэй Россиысь ужаса, курадзйса улийсь калыкѣслэн даурѣс љоже пумитъяськемзы, бадзйме потэм адямиослэн соослы юрттыны тыршемзы пѣлы. Куинетйез вакыт эшшо но бадзймгес. Со пушказ тэрытэ нырысетй но кыкетйоссэ. Со сяна, татчы пыре на произведениез гожтон вакыт но, малы ке шуоно, со ас пушказ басытэ писательлэс кык нырысетй вакытѣс шоры ас синмыныз учкемзэ но. Котькудйз та вакыт котыраз бине романысь аслыз тупась проблемаез, кылдытэ аслыз тупась конфликтлэс сэрттоно-пертчѣно гердзэ. Зэм, соос пѣлыс котькудйз огкадъ кужым уг басыты. Шар-шар усыйтйське но сэрттйськыса кошке Мултан уж котыре бинисъкем конфликт. Та удысын ик син шоры йѣтымѣн жутйське Короленколэн кылсуредэз.

Романлэс поэтикаез, пуш дуннезэ учконо ке, шѣдйське на эшшо одйг вакыт. Тазэ пумтэм-йылтэм мифологической вакыт шуыны луоз, дыр. Произведение шѣдытэ, оло, калыклэс «зарни», Кылдысин вакытсэ но. Учке али, макем чебер суредамын та произведеннын инкуазы. Инмар кылдытйз та дуннеез ваньмызлы огкадъ шумпотыса улыны – туры-куар будосѣслы но, чирдйсь-кырзасъ бурдоослы но, соос пѣлын ик адямиослы но. Адямиос та радлыкез тйязы. Одыгѣсыз, сѣблыклэс кышкатэк, пѣясъкыны, мукетѣссэ зйбыны, курадзйтыны кутскизы. Та ласянь учконо ке, Короленколэн но солэн зэмлык понна нюръяськисъ эшѣсызлэн кылсуредзы мифологиысь батырѣслэн, оло нош, инмарѣслэн кылсуредэнызы оградэ султо. Сыѣеен ик улйз Короленколэн тусыз-буйыз та черкогуртысь мѣйы калыклэн сѣлэмаз. Соинтэк-а солэн излэс корам но гуртлэн шораз пунктэм тусбуезлы пересѣс инмарлэн тусбуезлы, мудорлы кадъ, кирос карыса йыбырттылйзы? Но таиз ини Короленколэс тусбуйзэ романлэн сѣбраз поттыса валан. Озы ке но, сыѣе валан Петровлэн романэзтэк кылдысал меда? Нош романын со жѣт-жѣт суредамын реализм амалэн.

Нырысьсэ лыдзись азе поттэ сое Петров гожтосэзлэн дас сизыме-тй люкетаз. Возьматэ со геройзэ Нижний Новгородын, семья куспаз, кышноеныз Евдокия Семёновнаен, кудйз шоры Владимир Галактионович туж шуныт «Дунюшка!» гинэ шуыса вазылы (нялтас пусьём: зэмзэ но, бератаз книгаосы сюрем гожтэтьёссэ но со чем дырья «Дорогая Дунюшка» яке «Дорогая Авдотьюшка» кыльёсын кутскылэм), чужапаеныз но сокугес гинэ вордйськем Оля нылыныз кусыпёссэс. Уйпал ссылкаысь бертыса, семьяеныз валче улон шудэз адзиз вал ини зэмлыкез тйясьёслы пумит нюръяськеменыз олокытй но костаськоно луэм зуч писатель. Но со вакыт чапак тупаз Мултан ужлэн көшкемыт пала бергамез. Та главаын ик Короленко басытэ Малмыжысь Баранов журналистлэсь гожтэтэс, отын верамын судлэн удмуртьёсыз юнме шорысь янгыше уськытэмез сярэсь. Баранов но судын удмуртьёс пала дурбасытэм адвокат Дрягин куро Короленкоез та ужез выльысь учкон дырья янгыше уськытоно муртьёсыз утись луыны. Короленко, вань ужзэ куштыса, соку ик омыртйське зэмлык понна секыт но кема кыстйськем нюръяськонэ. Романлэн берпум одйг куиньмос люкетаз со ялан лыдзисьлэн син аяз, шуыны луоз, татын со валтйсь геройлы пөрме, удмуртьёс пала дурбастйсь кужымьёслэн шорсюлэмзы луэ. Документъёсыя чаклано ке, зэмос улонын но озыы ик вылэм.

Романлэн та главаысьтыз ик адзиськом Короленколэсь, Кузон пыр потыса, Кам кузя пароходэн Елабугае, Мултан ужья кыкетйзэ суд ортытоно интые тубемзэ. Вань малпанэз солэн – көшкемыт ужен янгыше уськытэм удмуртьёс. Петров тодматэ асьмемыз героезлэн со малпанъёсыныз кузпалэзлы, Евдокия Семёновналы, гожтэтэз пыр. Удмурт писатель ас гожтосаз кылысь кылэ кадь ваньзэ пыртэм озыы ик, кызы сюремын Короленколэн книгаен потэм ужъёсаз но кузпалэзлы 1895 арын 27-тй сентябре ыстэм гожтэтаз. Озыен, татын, уно мукет интыосын кадь ик, документ но романысь чеберлыко радьян амальёс чылкак тупаса кошко: Короленколэсь Мултан уже кызы пыриськемзэ возьматйсь фактьёс солэн гожтэтысьтыз басытэмын но романлэн сюжетаз гожтэт чурьёс луыса ик пыриллям. Романын пумисько на эшшо көня ке сыче гожтэтьёс.

Та статьяез гожтйсь нимысьтыз кутскыса эскериз Короленколэсь Мултан уж сярэсь гожтэтьёссэ. Отын Короленколэн тазы верамез но вань: уй но нунал, пе, йбрам юнме шорысь янгыше уськытэм удмуртьёс; мукет сярэсь, пе, номыр малпаськеме уг луы ни. Гожтэтьёсы но,

шуэ, тани со сярсы гинэ. Зэм но, Короленколэн ньыльдон ёрос сыче гожтэтьёсыз люкасько. Соос пöлысь тросэз – кузпалэзлы, Евдокия Семёновналы, собере – Барановлы, Жирновлы, Дрягинлы, Карабчевскийлы, врачёслы, этнографёслы, газетёслэн редакторёссылы, – огкылын вераса, ваньмызлы, кинэ гинэ со кыскыны быгатйз зэмлыкез тйянылы пумит нюръяськонэ.

Ваньмыз ик со гожтэтьёс романын уже огкадь кутэмын öвöл. Куд-ог гожтэтьёсысь басьтэм тодонёссэ Петров лыдзись доры вуттэ Короленколэн ас понназ малпаськемез пыр, куд-огёссэ сюжетэ пыртэ мадись муртлэн нимыныз яке, драматургия амалэн, диалогёсын пичияк сцена кылдытэ... Сыче ик пöртэм амалэн уже кутэмын Короленколэн печате потэм статьяосыз, дневниказ гожъямьёсыз, Елабугаын ортчем судысь стенограмма кадь Барановен но Суходоевен ёш гожтыса поттэм книгаысьтызы басьтэм тодонёс. Писатель соосыз ваньзэ ас сяменыз, искусстволэн амальёсызья радья но огья малпам сюжетаз öрья. Огкылын вераса, зэмос улонын ваньмыз ик ёапак романын суредам кадь ик ортчымтэ.

Та ласянь туж син шоры йöтымон Петровлэн Короленколэсь судын вераськемзэ романаз возматэмез но зуч писательлэн со сярсы аслаз верамез. Романлэн та люкетаз Петров Короленколэн ымыныз вывöдёс лэсьтэ кадь ваньмызлы, мае со суредаз ни азьло, дознанилэсь но следствилэсь эрказьяськемзэс возматыса. Романысь Короленко озы судьяослы возматыны турттэ, властьёс лекесь, мултан воргоронёс пöяськон, кышкатон, жугон, мыскыллян пыр поттыса пытсэтэ вуттэмын шуыса. Со туж тупа Петровлэн романэзлэн социально-политической проблематикаезлы. Нош ачиз Короленко суд бере ог дасо ар ортчыса тодаз вае: судьяослы со возматйз, удмуртьёслэн «язычествозы» трослы ик пöртэм öвöл зучёслэн христианствозылэсь, удмуртьёслэн инмарзы чик но уг куры адями вöсямез, нош следствилэн Матюнинлэсь шöйзэ олокызы но пöрмытьямез – со кыче ке но ритуальной обрядлы кельшытыны дармантэмез гинэ шуыса. Кызы уд оскы Короленколэн аслаз верамезлы? Тодйськом: Мамадышысь судын куинь адвокат вал, соос пöлысь котькудйз вераськыны нимаз удыс басьтйз. Красников вераськиз Мултан ужья пöрмытьям документёсты эскерыса, Карабчевский – ужлэн уголовной удысэзья, нош Короленко усьтйз-пертчиз мултан ужлэсь этнографической палзэ. Верещагин экспертэн-этнографен ёш соос возматйзы, янгыше уськытыны тыршисьёслэн дармантэмзы чик но уг тупало удмуртьёслэн йылольёссылы шуыса.

Короленко судын вераськыку, стенографистьёс, вань лыктэм калык кадь ик кылзйськонлы сётйськыса, асьсэлэсь ужзэс вунэйтйллям. Короленколэн тодэ ваёнэз Петровлэн ки улаз сюрымтэ, шөдске. Соин ик со, романэзлэн логикаезъя, Короленколэсь вераськемзэ ачиз малпаса гожтоно луэм.

Эскероно вылэм романысь котькуд суредэз, мар вылэ инъясысыса гожтэ сое писатель. Историe пырем зэмос учырьёс вылын лэсьтэм произведениослы сыће эскерон туж кулэ – тужгес но егитьёслы, школаын но вузъёсын дышетскисьёслы, кудъёсыз «ортчо» та произведениез программа. Соос быгатыны кулэ висъяны исторической фактэз но со вылын лэсьтэм чеберлыко кылсуредэз. Петровлэн та романэзъя сыће уж быдэстонтэм өвёл. Та чурьёслэн авторзы та удысын маке со шедьтйз ни. Но сое одйг докладын гинэ уд вера. Татын мон пуктйсько гинэ со проблемаез. Утчасько сое быдэстон сюресъёсты. Малпасько, Пичи Пурга ёросысь Кечёво шор ёзьем школаысь туж усто дышетйсь Н. А. Ермокина шонер уг лэсьты, Михаил Петровлэсь «Вуж Мултан» романзэ пинальёсын эскерыкузы, произведениын кылдытэм типъёсты, характерьёсты литературатодон амалэн эскерем интые, прототипъёс сярысь троггес вераськон нуэ ке. Со сярысь дышетйсь ачиз вераз 1996-тй арын ортчем «Мултанское дело: история и современный взгляд» нимо конференциын (учке 2000-тй арын потэм та нимо ик книгаез). Соин йырин кылдо пинальёслэн таће дэмланъёссы но: «янгыше уськытэм удмуртьёслэсь улон сюрессэс автор чик воштытэк мед сётоз вылэм». Луоз сыће но книга поттыны, но со музон типъем гожтос луоз ини, оло, со кыће ке исторической справкалы пөрмоз. Нош роман – со чеберлыко произведение. Сое эскерыны но кулэ, искусстволэсь законъёссэ чакласа.

Иылпумъяса, берытскеме потэ Короленколэн кылсуредэз борды. Конференцилэн пленарной заседанияз одйг мурт гинэ өз пусйы: Петровлэн быдэс романэз пычамын Владимир Галактионович Короленколэн дунневаланэныз. Та быдзым адымиез юнме гинэ «Россилэн възытлыкез» уг шуо вал, дыр. Со өз чидалля адымиез ултйямзэс эскэй дыръя но, Кенешо власть кылдэм бере но. Романын суредам Короленколэн верантэм бадзым пуш дунне кужымезлы луыса, быдэс россия литературалэн адскымон төршораз потйз Михаил Петрович Петров удмурт писательлэн романэз но. Удмурт литературалэн историяз со кыће ке мудор-кыз кадь адзиське.

Резюме

1. Главным героем романа М. Петрова является село Старый Мултан, его жители со своими проблемами, сходными с проблемами всего бурлящего, противоречивого, активно капитализирующегося российского общества конца XIX в.

2. Эти противоречия и родили позорное для царских властей Мултанское дело, ставшее основной конфликтной ситуацией романа.

3. Словно мифологический спаситель предстает для жителей униженного и оскорбленного села образ Короленко. Однако нарисован он в романе средствами реалистического письма.

4. Роман исторический. Центральное место в нём занимают реально произошедшие события, ставшие известными не только в России, но и за её пределами.

5. Образ Короленко, явившийся в романе, как и в реальности, организующим центром всей защиты невинно осуждавшихся удмуртов, создан Петровым, основываясь на такие человеческие документы, как письма русского писателя-гуманиста, дневниковые записи, воспоминания, записи хода судебного процесса.

6. Документы переосмысливаются писателем в соответствии с логикой сюжетостроения в романе, что и составляет акт художественного вымысла, без чего никакого произведения искусства создать невозможно.

4.4. И. Н. СМИРНОВ И МУЛТАНСКОЕ ДЕЛО

(Этнография восточно-финских народов: история и современность: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения проф. И. Н. Смирнова, Ижевск, 17–18 окт. 2006 г. / Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН; отв. ред. А. Е. Загребин. – Ижевск, 2007. С. 14–22)

Известно, что в Мултанском деле, на двух сессиях суда, в Елабуге и Мамадыше, профессор Казанского университета по кафедре всеобщей истории Иван Николаевич Смирнов (1851–1904) участвовал в качестве эксперта-этнографа на стороне обвинения. Официально ему

противостоял учитель начальных классов земской школы д. Ляльшур Сарапульского уезда Вятской губернии, а затем дьякон кладбищенской церкви в Елабуге, известный удмуртский этнограф Григорий Егорович Верецагин (1851–1930), экспертизу которого на стороне защиты высоко оценил Владимир Галактионович Короленко, сказав, что она во многом помогла справедливому оправдательному приговору в Мамадыше. Однако наиболее сильным и убедительным оппонентом Смирнова в вопросах этнографического аспекта обвинения оказался сам Короленко, включившийся в разбор дела в Елабуге в качестве журналиста, а в Мамадыше – в качестве официального защитника. В Елабуге Короленко вместе с журналистами Барановым и Суходоевым весь ход процесса записал из слова в слово, затем опубликовал этот отчёт сначала в газете «Русские ведомости» в Москве, а затем выпустил в виде отдельной книги [Дело мултанских вотяков, 1896]. Из неё и последующих письменных свидетельств Короленко вырастает образ Смирнова-эксперта.

«Гг. судьи, гг. присяжные заседатели, – начал своё выступление в Елабуге эксперт Смирнов. – Я разделяю свои показания на 2 части: 1) Находятся ли в обстановке нахождения трупа черты, которые указывают на то, что Матюнин принесён в жертву вотским богам? 2) Находятся ли в условиях и обстановке убийства Матюнина черты, указывающие на то же? Отвечаю положительно: в литературе есть указания на человеческие жертвоприношения у вотяков, а обстановка нахождения трупа даёт черты жертвоприношения. Матюнин найден обезглавленным, обескровленным и с пятнами на животе, которые одни объясняют болезненными язвами, другие, и в том числе следственные власти, от подтыкивания ножами. Оставляя в стороне последнее, обращаюсь только к первому: указывает ли обезглавливание, обескровление и изъятие некоторых внутренностей на жертвоприношение? Да, то, что нам говорит состояние трупа, согласно с тем, что мы знаем об обрядах жертвоприношения. Богам, как представляют их вотяки и их сородичи, потребны жертвы материальные. В случаях же экстренных приносятся и жертвы более значительные, чем обыкновенно. Воззрение первобытных народов на кровь животных, как на пищу богов, лежит вне всякой критики. В произведениях народного творчества мы знакомимся с таким рассказами, где кровь ведрами поступает на пищу мертвым. В пищу же богам поступают отдельные части, где сосредоточена жизненная

сила: лёгкие, сердце, печень и голова. Эти части, смотря по местности, или сожигаются, или зарываются, или бросаются в воду, или поступают в распоряжение духовенства, являющегося наследниками богов. Это касается принесения в жертву животных. Матюнин лишён крови, головы, внутренностей. В этом рисуется полная картина жертвоприношения» [Дело мултанских вотяков, 1896: 159–160]. В этом месте речи Смирнова Короленко делает подстрочное примечание: «Эксперт не пожелал обратить внимания на то, что в данном случае печень не тронута и значит полной картины нет» [Там же: 161–162]. Смирнов продолжает: «Можно ли однако допустить, что эти явления указывают нам на то, что вотяки приносят в жертву людей? Требовали ли вотские боги не только животных, но человечины? Я отвечаю на этот вопрос положительно. В литературе, начиная с 50-го года, есть указания на то, что такие жертвы приносились вотяками. Даже те показания, которые выяснились здесь на суде, в своей совокупности имеют то же значение, — легко, лишь мимоходом делает профессор свои безответственные, далеко идущие выводы, кажется, даже сам того не понимая. И далее: — То, что говорит литература, может, конечно, возбудить сомнение, так как указания её крайне неточны и я обязан поэтому подтвердить сказанное. У нас в науке существует приём, по которому, если имеется неясность по отношению к какой-нибудь стороне изучаемого быта, то мы обращаемся к быту родственных народов и чертами этого быта дополняем недостающее. В этом и состоит так называемый сравнительный метод изучения. Этим приёмом мы находим то, чего не хватает нам в литературе о вотяках, — а именно, что боги требуют человеческих жертв» [Там же: 161].

Чуть забегая вперёд, замечу; что такого рода «сравнительный метод» И. Н. Смирнова впоследствии подвергся публичной критике в печати. Но тогда профессор, ничуть не смущаясь, продолжал: «В черемисском эпосе известна сказка о мальчике, отец которого, — по настоянию мачехи, зарезал его ради того, чтобы спасти мачеху. В такой сказке мы видим полный обряд» [Там же: 161]. Здесь составители «почти стенографического отчета», как они сами его называли, правомерно ставят в скобках знак вопроса: в самом деле, где тут «полный обряд»? В чём он заключается? Уважаемый профессор явно занимается подменой понятий: в качестве доказательства наличия обряда человеческого жертвоприношения у современного ему удмуртского на-

рода приводит сказку, да ещё и не удмуртскую. Становится даже жаль уважаемого профессора: насколько скуден его арсенал доказательств правоты идеи-фикс, если он опустил до такого алогизма! Как только не приходится ему изворачиваться ради утверждения наличия того, чего не существовало! Тем более, что сам же продолжает: *«В вотском эпосе прямых указаний такого рода нет, но есть указание о ву-пери (дух воды (?), который преследовал мальчика, обещанного ему отцом, чтобы его съест»* [Там же: 161].

Не смешон ли эксперт-профессор и здесь, и в дальнейших рассуждениях: *«О лесных духах есть рассказы, что они питаются человеческим мясом. Это указывает, что и вотским духам не чужды аппетиты к человеческому мясу»* [Там же: 161].

Правда, переходя к ответу на второй вопрос, а именно: «находятся ли в условии убийства Матюнина такие признаки, которые указывают на обряд жертвоприношения» – он признается: *«Должен сказать, что здесь я наталкиваюсь на целую цепь противоречий, недомолвок и недоразумений»* [Там же: 162], – и подробно описывает нелепость представленной обвинением ситуации, хотя, как мы помним, в начале своей речи, заявляя свою позицию и по этому вопросу, он был категоричен: «Отвечаю положительно». Шатался профессор, надежный столп обвинения! Этому способствовали и наводящие вопросы адвоката Дрягина, например, такие как: есть ли у удмуртов божества Курбон или Чупкан, каковые присутствуют в обвинительном акте? – на что эксперт вынужден был отвечать, что **такие утверждения – не что иное, как недоразумение** [Там же: 165]. Вынудив Смирнова признать наличие в обвинительном акте множества отступлений от элементов обряда жертвоприношения удмуртов, которые, по мнению эксперта, могут присутствовать в экстремальных условиях, защитник спросил: *«Но можно ли допустить такие сильные отступления? При таком консерватизме и закоренелости с одной стороны, – с другой такая полная картина противоречий!»*. Эксперт отвечал: *«Я сказал уже, что очень много неясностей, и должен прибавить, что таких неотложных обстоятельств я не вижу в деле мултанцев. Они не особенно голодали и не особенно хворали, так что я не знаю, что могло их принудить к таким значительным отступлениям от обрядов»* [Там же: 168].

Противостоявший профессору Смирнову в этнографических аспектах рассматриваемого на суде вопроса Верещагин, отвечая на вопросы

защиты и председателя суда, также раскрыл несостоятельность обвинительного акта в претензии на знание верований удмуртов, а на этой основе утверждать мысль о том, что в их традициях – приносить человеческие жертвы своим богам. «...*Вотские боги не требуют человеческой жертвы*», – заявил он [Там же: 169].

Однако, несмотря на показания эксперта Верещагина и убедительные доводы адвоката М. И. Дрягина по всем пунктам обвинения, вторая сессия суда с многочисленными нарушениями порядка судопроизводства, как и предыдущая, прошедшая чуть менее года назад в Малмыже, как известно, закончилась осуждением мултанцев, что было равносильно осуждению всех удмуртов. Дрягин второй раз подал кассационную жалобу в сенат, и защита, во главе которой, наряду с Дрягиным, стал В. Г. Короленко, решительно приступила к подготовке к новым битвам за честь и достоинство народа. Совесть России, как справедливо называли великого русского писателя, в разных изданиях опубликовал тогда полные негодования произволом суда ряд статей, раскрывая провокационную подложность Мултанского процесса. В них немало места уделялось и неблагоприятной позиции профессора Смирнова, «...*представителю учёной экспертизы, допускавшему на суде возможность жертвоприношения, приходилось ссылаться не на факты, а на сказки и притом не вотского, а черемисского народа, который в каннибализме никем не обвинялся*», – писал Короленко в статье «К отчету о Мултанском жертвоприношении», опубликованной 18 октября 1895 г. в газете «Русские ведомости» в качестве предисловия к первоначальной публикации того совместного с Барановым и Суходоевым труда, о котором говорилось выше [Короленко, 1955: 338]. «*Учёный эксперт, казанский профессор Смирнов, отстаивавший существование ужасного культа среди современного вотского населения, приводил общие «предания», не относящиеся специально к Мултану, слухи, исходившие из других уездов, даже сказки не вотские, а родственного вотнякам черемисского народа,* – писал он также в статье «Мултанское жертвоприношение», написанной в том же году для журнала «Русское богатство». – *Вы видите, что ужасное обвинение ширится, растёт, что данный судебный приговор есть приговор над целой народностью, состоящей из нескольких сотен тысяч людей, живущей в Вятском крае, бок о бок с русским народом и, повторяю, тою же земледельческой жизнью... Постарайтесь представить себя, по возможности ясно, в роли вотняка-крестьянина, соседа русской деревни,*

в роли вотяка учителя, наконец, в роли священника из Вятского края, – и вы сразу почувствуете всё ужасное значение этого приговора», – обращался писатель к своим читателям [Там же: 341]. И здесь же: «Кому же могла быть принесена эта жертва, кому вообще приносились жертвы в шалашах и на полянах села Старого Мултана, невдалеке от его церкви и от церковноприходской школы? На это пытаются нам ответить, во-первых, обвинительный акт и, во-вторых, учёная экспертиза. Нужно сказать, однако, – добавляет Короленко, – что обвинитель остался недоволен экспертизой, хотя профессор и ранее, в печати, и на суде допускал возможность жертвоприношения у современных вотяков. «Экспертиза ничего не дала нам, – сказал товарищ прокурора в своей речи. – Наоборот, наука много почерпнула из настоящего дела». Профессор Смирнов держится иного мнения, – продолжает Короленко, – а другой представитель науки, господин Богаевский, написавший обстоятельный анализ в «Русских ведомостях», повторяет в этом отношении то же мнение. Считаю необходимым заметить, – пишет он, – что, несмотря на вторичное осуждение обвиняемых, на страницы работ по этнографии России не может быть занесено утверждение факта существования в настоящее время у вотяков человеческих жертвоприношений» (Русск. вед., 7 ноября, № 308)». И уж совсем удивительное, – сообщает Короленко об эксперте со стороны обвинения далее: «Проф. Смирнов также говорил мне после суда, что он не почерпнул из данного дела ни одной черты, которая бы убеждала его в заранее уже сложившемся общем мнении, противоположном мнению господина Богаевского. Оба учёные утверждают единогласно, что в данном деле они натываются только на ряд противоречий» [Короленко, 1955: 356–357].

Короленко в этой статье подробно анализирует не только экспертизу Смирнова, но и его монографию об удмуртах, находя в них немало противоречивого и нелогичного. Приводя суждения профессора о взаимоотношениях удмуртов с представителями низшей мифологии, Короленко замечает: «Господин Смирнов приводит сказки, из которых видно, что некоторые из этой братии «охочи до человеческой крови». И добавляет: «Мало ли кто до чего охоч! Очевидно, однако, что не этой мелкой нечисти, которой кишат также и наши леса, – станут приносить человеческие жертвы!» [Там же: 359–360].

«Но тогда кому же?», – спрашивает Короленко и приходит к выводу, что наибольшего поклонения заслуживает только **Инмар**, сущность

которого в понимании удмуртов близка к пониманию православными русскими слова **Бог**. И только **Он** заслуживает наивысшего поклонения. **Но Он, и по понятиям удмуртов, человеческой жертвы не примет.**

Шаг за шагом распутывает Короленко непоследовательную позицию Смирнова как автора монографии об удмуртах и как эксперта на суде. Цитируя его книгу, Короленко пишет: *«При некоторых церквях Вятской губернии, – продолжает г. Смирнов, – как нам передавали, устраиваются специальные вотские дзек-квалы; это палатки, в которых по краям расставлены скамьи, в середине – столы, уставляемые жертвоприношениями, которые, после благословения священника, тут же поедаются с возлиянием кумышки. В Малмыжском уезде также весной в озимом поле закалывается бык, над которым сначала читается вотская молитва, а затем христианское богослужение...».*

«Ну, так вот, – заключает Короленко, процитировав Смирнова, – и Мултан находится в Малмыжском уезде. А учёный профессор, сам написавший всё это, ищет мудоров и вориудов, которым мултанцы приносили свои жертвы. И таких даже, которым, на основании сказок, – приносятся будто бы жертвы человеческие! Господин Смирнов забыл, что сказка может представлять простую окаменелость совсем другой антропологической формации, нахождение которой не доказывает, что соответствующая ей форма живёт и теперь!» [Там же: 368].

Неоднократно и с нелестной характеристикой упоминается Смирнов и в письмах Владимира Галактионовича. В частности, 19 октября 1895 г. из Нижнего Новгорода в Санкт-Петербург литератору, близкому другу Н. Ф. Анненскому он писал: *«Мне кажется, что это мултанское дело может представить интерес и для журнала, – такая в нём масса необыкновенно своеобразного бытового материала. Языческие жертвы, разбойничья полиция – и венец всего – учёная экспертиза на суде (дубины – Смирнова, который сам теперь чуть не плачет, а на суде говорил такие пустяки, что уши вянут)»* [Короленко, 2000: 97]. *«Не хочется быть несправедливым по отношению к Смирнову, хотя легкомысленнее его экспертизы трудно себе представить», –* пишет Короленко тому же адресату 3 ноября 1895 г. [Там же: 100].

Имя Смирнова не раз упоминается в переписке Короленко с этнографом С. К. Кузнецовым. В частности, в ответ на просьбу Короленко помочь советами, к каким источникам обратиться, чтобы быть более подготовленным в области этнографии удмуртов, Степан Кирович

пишет: «...одного боюсь, что посоветую то, что Вам уже известно... Лучшие этнографы вотского племени (Бух, Первухин, Гаврилов) не знают человеческих жертвоприношений и не допускают их. Только господа, вроде Смирнова, проехавшие по тракту из Казани до Красноуфимска с экскурсиями на Глазов и Сарапул, могут утверждать то, что не видели люди, много лет наблюдавшие вотяков» [цит. по: Буня, 1995: 194–195].

В ответ на выступления Короленко в печати разгорелась компания против него. Статьей «Библиографическая заметка» в казанском журнале «Деятель» начал её профессор Смирнов. В ней он, в частности, обвиняя Короленко в искажении фактов в отчёте о елабужской сессии суда, пытался уличить его в том, что писатель сам не верит в невиновность мултанцев [Там же: 208]. Касаясь именно этой статьи Смирнова, 30 апреля 1896 г., уже в преддверии третьей, решающей сессии Мултанского процесса, Короленко писал С. К. Кузнецову в Томск: «Я глубоко убеждён, что нам удастся спасти не только вотяков, но и суд от этой позорной травли заведомо для всякого образованного человека невинных людей. Я очень признателен Вам за несколько слов о моём отчёте по адресу проф. Смирнова. На его наглое обвинение я пока ничего не отвечал, приберегая всё, что можно сказать, – до известного момента. Во всяком случае – полагаю, этому господину едва ли снять с себя когда-нибудь позорное пятно, наложенное мултанским делом!» [Короленко, 1956: 251].

Смирнов и Короленко снова с глазу на глаз встретились на третьей сессии суда в Мамадыше. «Еду! – писал Короленко 21 мая 1896 г. жене Евдокии Семеновне по пути в Мамадыш. – Несмотря на быстрый ход поезда, – ты видишь, что писать можно и я одолел до настоящего часа половину книги Смирнова, сделав все нужные выписки. Это помогло мне несколько отогнать настроение, нависшее над душой, вследствие отъезда» [Короленко, 2000: 110].

И вот решающая схватка. 29 мая 1896 г. из Мамадыша Короленко писал жене: «Сегодня второй день заседания, но мне кажется, что уже прошло десять дней. В зале сидит за прокурорами-обвинителями – прокурор судебной палаты с моим отчётом в руках. Сначала он всё проверял, но, вероятно, убедившись, что и теперь многие свидетели повторяют слово в слово – перестал. Было уже несколько очень жарких стычек. Карабчевский (один из четырех защитников на этой

сессии суда, в числе которых был и Короленко. – В. В.) сразу успел поставить защиту в положение равное». И в этом же письме – от 30 мая добавляет: «Все боремся с переменным успехом. То сей, то оный на бок гнётся. Полиция уложена в лоск [...] Три раза я констатировал на суде передержки обвинительного акта, в четвёртый срезался, к сожалению, совершенно случайно, но досадно» [Короленко, 1956: 253, 255].

В письме от 31 мая Короленко сообщает жене: «Сейчас из суда (перерыв). Эксперт Смирнов два раза сконфузился. Первый раз привёл неверную цитату – и на моё требование указать её – не мог найти в книге, на которую ссылался. Во второй раз (суд дал ему право говорить без ссылок) начал, запутался и попросил позволения просто отвечать только на вопросы. Публика глубоко возмущена. Зато 2-й эксперт, Верещагин, по запискам своим дал такую блестящую экспертизу, что все вышли пораженные ясностью его доказательств (он показал, что те манипуляции, которые следствием проводились с жертвой, идут вразрез с обычаями удмуртов, следовательно, такое жертвоприношение никакому божеству не было бы угодно. – В. В.). У него были слёзы на глазах, – продолжал Короленко, – публика пожимала ему руку. Прокурор палаты и председатель [суда] приходили к нам в комнату защиты. Впечатление огромное. Но... всё-таки подбор присяжных!...» – наряду с радостью, Владимир Галактионович одновременно высказывал и опасения [Короленко, 2000: 112].

Однако впереди были ещё выступления защитников – Дрягана, Карабчевского и Короленко. Они и решили исход дела. 4 июня 1896 г. Владимир Галактионович телеграфировал сестре Марии Галактоновне Лошкаревой коротко, но очень ёмко: «Все оправданы» [Там же: 112]. Суд, наконец, был вынужден признать, что прав был не товарищ прокурора Раевский вместе со своей шайкой полицейских и приставов, не гнушавшихся никакими преступлениями, чтобы от имени государства оклеветать и осудить удмуртов, не профессор Смирнов, от имени науки способствовавший напраслине, а правы были Короленко, Дрягин, Карабчевский, Верещагин и другие адвокаты и эксперты, противостоявшие им.

В письме брату Иллариону Галактоновичу от 16 июня 1896 г. Короленко делился своими впечатлениями о ходе Мултанского процесса и о последнем дне заседания суда. Он писал: «Заседание происходило восемь дней, речи заняли два последних дня. Мне пришлось говорить

два раза, – и моей речью закончились прения. Все говорят и пишут, что мои речи произвели сильное впечатление. Я это тоже чувствую сам, потому что глубоко убеждён в полной невиновности вотяков и как-то во время речи забыл обо всем, кроме этого убеждения [...] кажется, я сумел просто и ясно показать, что и язычество вотяков не так уж низменно, как говорил Смирнов. Последний играл довольно гнусную и жалкую роль, – и я закидал его цитатами из его же книги» [Короленко, 1956: 257].

Ивана Николаевича Смирнова мы знаем как весьма интересного и плодотворного исследователя. Однако участие в Мултанском процессе на стороне наглого и беззащитного обвинения удмуртов немало испортило его благородный образ. Даже из того материала, который здесь приведён, видно, что Смирнов в своей позиции был не уверен, часто противоречил сам себе. Возникает вопрос: почему же так упорно пытался он обвинить не виновных? Народный писатель Чувашии Мишши Юхма в одной из своих повестей показывает встречу Смирнова с просветителем чувашей И. Я. Яковлевым, который спрашивает профессора, в самом ли деле он убеждён, что удмурты приносят человеческую жертву своим богам. Смирнов там отвечает, что он не уверен в этом, но выступить на суде так было нужно, этого требовали сверху. Не знаю, какую документальную основу имеет этот микросюжет, однако такое объяснение поведения Смирнова, мне кажется, весьма похоже на правду.

На такую мысль наталкивает и автореферат диссертации «Иван Николаевич Смирнов (1856–1904), историк, этнограф, общественный деятель», защищённой на соискание учёной степени кандидата исторических наук в 1994 г. [Пахомов, 1994]. Новизна работы, сказано в нём, состоит и в том, что в ней опровергается сложившееся в научной литературе ошибочное представление об И. Н. Смирнове, в частности как об «эксперте-фальсификаторе» в Мултанском деле. Однако никаких фактических свидетельств, подтверждающих эту мысль, обнаружить не удаётся. Одни лишь рассуждения: «Анализ позиции И. Н. Смирнова свидетельствует, что он не был «экспертом-фальсификатором». Позиция учёного о мултанском деле подверглась серьёзному искажению по политическим мотивам. Роль учёного в деле была преувеличена его оппонентами, прежде всего В. Г. Короленко», который, можно понимать, будто бы возражал учёному-эксперту политиче-

скими аргументами, а не этнографическими. И весьма любопытно, как это обосновывается: «*К этнографической экспертизе И. Н. Смирнова немного **прислушивались*** (выдел. при цит. – В. В.) *только во время второго разбирательства дела* (когда не было серьезного противостояния ему со стороны В. Г. Короленко. – В. В.), *в конечном счёте главной оказалась медицинская экспертиза*». И уж совсем удивляют следующие рассуждения диссертанта: «*Поскольку исход дела зависел от судебной власти и присяжных заседателей, то, **что бы ни утверждал И. Н. Смирнов*** (выдел. при цит. – В. В.), *мултанцы были бы осуждены или оправданы независимо от его мнения*». Неужели так легкомысленно рассуждал и сам эксперт-профессор? Конъюнктурно игнорируя научную сторону дела? Клевеща на современный ему удмуртский народ? Конкретные люди, возможно, да, были бы оправданы и освобождены. А весь удмуртский этнос? Исходя из чего, эксперт-этнограф в своих обобщающих утверждениях позволял себе ссылаться не на факты, а на всякого рода небылицы, если он не фальсификатор? А ведь для чего-то он это делал.

Литература

Буя М. И. В. Г. Короленко в Удмуртии. 2-е изд., с уточ. Ижевск: Удмуртия, 1995.

Дело мултанских вотяков, обвинявшихся в принесении человеческой жертвы языческим богам / Сост. А. Н. Баранов, В. Г. Короленко и В. И. Суходоев; под редакцией и с примечаниями В. Г. Короленко. [М.]: Тип. «Русск. вед.», 1896.

Короленко В. Г. Собр. соч.: В 10 т. Т. 9: Публицистика. М.: Госиздат худож. литературы, 1955.

Короленко В. Г. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10: Письма. М.: Госиздат худож. литературы, 1956.

Короленко В. Г. Письма // Мултанское дело: история и современный взгляд: Материалы научно-практической конференции / УИИЯЛ УрО РАН; сост. В.М. Ванюшев. Ижевск, 2000.

Пахомов Ю. В. Иван Николаевич Смирнов (1856–1904), историк, этнограф, общественный деятель: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 1994.

Cheloveknauka.com/ivan-nikolaevich-smirnov-1856-1904-istorik-etnograf-obschestvennyu-dejatel.

4.5. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ УДМУРТСКОГО НАРОДА

(Удмуртская правда. 2013. 30 июля)

Владимир Галактионович Короленко остался в памяти народов России как великий писатель-гуманист. Не менее велик его вклад в человеколюбие, внесенный, в частности, в ходе Мултанского процесса. Он, украинец и поляк по происхождению, стал национальным героем удмуртского народа. Как только удмурты получили возможность свободно выразить писателю коллективную благодарность за его безграничное мужество и доброе сердце, они сделали это сразу же. Делегаты Первого Всероссийского съезда удмуртов в 1918 г., заслушав сообщение о событиях судебного процесса, послали в Полтаву на имя В. Г. Короленко приветственную телеграмму и приняли решение опубликовать на удмуртском языке книгу с его статьями о Мултанском деле. В декабре 1921 г. делегаты второго съезда удмуртских работников просвещения, узнав о смерти Владимира Галактионовича, стоя исполнили похоронный марш, послали телеграмму соболезнования его родным, вышли с предложением перевести некоторые его произведения и опубликовать на удмуртском языке, а вновь созданным учреждениям культуры присвоить имя Короленко.

Деятельный и принципиально честный образ В. Г. Короленко воссоздается во многих публикациях в Удмуртии. Среди них особое место занимает основанный на множестве документов и выдержавший два издания монографический труд М. И. Буни «Короленко в Удмуртии». В Глазовском пединституте, носящем имя В. Г. Короленко, сложилась основательная школа короленковедения, нашедшая адекватную расшифровку в вышедшей недавно коллективной монографии «Горизонты короленковедения». Живой образ В. Г. Короленко предстает в произведениях литературы и искусства послевоенных лет (роман М. Петрова «Старый Мултан»; картины А. Сенилова «В. Г. Короленко в ссылке в Удмуртии», П. Ёлкина «В. Г. Короленко и Г. Е. Верещагин в годы Мултанского процесса», документальный двухсерийный телевизионный фильм Л. Вахитова и В. Ванюшева «Мултанское дело»; ряд спектаклей на сценах Удмуртского драматического, Русского драматического театров в Ижевске и городского драмтеатра в Сарапуле). Русскому драмтеатру в Ижевске в 1961 г. присвоено имя В. Г. Короленко. Перед его зданием на ул. К. Маркса установлен бюст национального героя удмуртов.

Однако в последние годы со стороны Министерства культуры Удмуртии и его учреждений наблюдается незаслуженное охлаждение к памяти этого великого человека. Музей в селе, названном его именем, являвшийся филиалом Республиканского краеведческого музея, переведен в статус филиала Кизнерского районного краеведческого музея и теперь из-за недостатка финансирования прозябает, не получает развития. Русский драматический театр в Ижевске, перебравшись в другое здание, отказался от имени писателя.

Названный выше бюст перед зданием театра им. Короленко долгое время находился в неприглядном состоянии. Благо, в день рождения Владимира Галактионовича, 15 июля, люди, оставшиеся не известными, почистили бюст, возложили к его подножию красные гвоздики и венок с надписью на ленте *«С благодарностью от удмуртов»*. Вслед за этим исполком ассоциации «Удмурт Кенеш» на своем заседании обсудил вопросы о сегодняшнем состоянии памяти Короленко в Удмуртии и также торжественно возложил цветы к подножию памятника.

Общественность беспокоит, что имя выдающегося писателя, публициста и гуманиста как бы в насмешку оставлено по сути уже закрывшемуся театру, который, кстати сказать, совсем недавно поставил на своей малой сцене антикороленковский по духу спектакль «Мултанское дело». Сценарист Ирина Широбокова и режиссер Фёдор Шевяков, судя по рекламной публикации Елены Романовой, *«посмотрели на знаменитую историю свежим взглядом и поставили свой «опыт исторической реконструкции»*. В чем же он заключается, этот «опыт»? *«...перед нами предстаёт громкая история обвинения крестьян Старого Мултана в человеческом жертвоприношении, – продолжают характеризовать создатели свою работу. – Мы сами в зале суда – видим глаза судьбы, прокурора и адвоката, слышим перешептывания присяжных, мы тоже стали присяжными заседателями. И вот оно, выяснение истины (!? – В. В.): не где-то в прошлом, в 1896 году, а у нас на глазах»*. А вот и суть «истины», того «жареного», которым театр заманивает зрителя: *«В 1892 году Россия была потрясена ритуальным убийством с отрезанием головы и выниманием внутренних органов. Зритель тоже поражен этими жуткими фактами, излагаемыми прокурором Раевским (актер Михаил Солодянкин). Уже после первой речи прокурора всё ясно: вотяки со своими языческими обрядами однозначно виновны – длившееся 4 года следствие это доказало! ... Роль Михаила*

Солодянкина становится главной в этом спектакле, – подчеркивается в публикации. – *Его прокурор ярок, энергичен, артистичен и четко видит свою цель*». Всё верно. Раевский-Солодянкин носится по сценическому пространству, как орел, завораживая зрителей и убеждая их в правоте обвинения. На его фоне «размываются», как аморфные фигуры, сторонники защиты. Теряется образ Карабчевского, который в реальной сцене суда, по словам А. Баранова, «высокий, с могучей фигурой, с гривой густых волос, «аки лев рыкающий», накинулся на жалкие доводы обвинителей, беспощадно разбивая их один за другим». Исчезает знаменитая речь Короленко, которая, по воспоминаниям присутствовавших на реальном заседании суда, «лилась плавно, без заминки, вдохновенно. В каждом слове чувствовалось горячее убеждение, глубокая искренность... Все были во власти речи Владимира Галактионовича». Вместо этого в спектакле лишь туманные намеки на что-то: «Но почему так раздражён *уставший* (подч. при цит. – В. В.) Короленко (актёр Александр Мустаев)? Что за странный гуманизм заставляет писателя противостоять очевидным фактам?».

По искажению реальных фактов, по ложному изображению фигуры главного организатора всей защиты спектакль театра им. Короленко, к сожалению, приобрёл антикороленковский характер. Весь процесс показывается в духе, противоположном устремлениям Владимира Галактионовича. Если его лозунгом была знаменитая фраза «Света, как можно больше света в это темное дело», то здесь методично напускается туман на уже проясненные обстоятельства дела. На фоне форсированного образа Раевского плюс множества «свидетелей», несущих всякую клевету на обвиняемых, эмоциональные акценты спектакля явно перетягивают на сторону обвинения. Не слишком ли ретивый шаг в направлении разрушения установленных истин?

Всё это оскорбительно для живой памяти народа. На прошедшем в апреле этого года собрании Союза писателей Удмуртии было решено обратиться в самые высокие властные структуры по этому поводу. Исполком ассоциации «Удмурт Кенеш» также намерен не оставлять без внимания эти вопросы. Надо надеяться, что коллективными усилиями мы добьемся исправления несправедливого положения дел. Память о добрых делах Владимира Галактионовича Короленко жива в сердцах народов Удмуртии.

5. НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ В ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЕ

5.1. ДИНАМИКА СООТНОШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО (ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО) В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ УДМУРТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(Вопросы развития национальных отношений: по материалам автономных республик: сб. ст. / НИИ при СМ УАССР; отв. ред. Г. К. Шкляев. Устинов, 1985. – С. 3–28)

Вопросам соотношения национального и интернационального в литературе посвящено немало трудов Г. Ломидзе, М. Пархоменко, Ч. Гусейнова, Ю. Суровцева, В. Оскоцкого, Р. Бикмухаметова и других видных советских учёных. Актуальность этой проблемы обусловлена самой жизнью. Нашу страну населяют более 100 наций и народностей, около 80 из них имеют свою письменную художественную литературу, лучшие достижения которой, приобретая интернациональное звучание, вливаются в фонд советской многонациональной культуры. Для правильной ориентации в руководстве культурными процессами в стране важно постоянно следить, в каком сочетании находятся, с одной стороны, национальные корни многоцветного богатства советской культуры, и с другой – её интернациональная устремленность, общечеловеческий гуманистический пафос. Эти процессы исследуются как в масштабах всего многонационального искусства слова, так и в рамках отдельных национальных литератур.

Вопросы национального и интернационального в удмуртской литературе в последние годы всё большее место занимают в трудах А. Уварова, А. Шкляева, А. Зуевой, А. Ермолаева, Ф. Ермакова, З. Богомоловой, автора этой статьи и других литературоведов и критиков республики. Они находят место в работах А. Власенко, В. Дементьева

и других московских критиков, а также некоторых зарубежных исследователей.

Работа над историей удмуртской литературы и постоянный научный интерес к соотношению национального и интернационального в ней в разные периоды её развития позволили составить общую ретроспективу их динамики. Движение этих двух диалектично взаимосвязанных сторон художественного творчества довольно сложное – не только прямолинейно поступательное, при которой в равной мере усиливались бы и национальное своеобразие, и интернациональная устремленность искусства слова удмуртов, но порою и зигзагообразное, с некоторыми нарушениями их гармонического сочетания. Характер и качественное содержание национального и интернационального зависят не только от уровня художественного развития удмуртской литературы в тот или иной период, но во многом и от состояния общественно-политической мысли, в частности от идейно-эстетической ориентированности литературно-художественной критики. Литературно-критическое направление, в свою очередь, «не возникает сразу из ничего, оно всегда имеет родословную, причём эта родословная уходит не только и подчас не столько в прямо ведущие к ней традиции и опыт, а ветвится, коренясь в близлежащих сферах, испытывая воздействие в первую очередь самой общественно-исторической обстановки» [2].

Историю развития удмуртской литературы условно возможно разделить на семь этапов. Первый из них вмещается во временные рамки с 1775 г. по конец XIX в. В 1775 г. вышла первая грамматика удмуртского языка, подготовленная под руководством В. Г. Пуцек-Григоровича и изданная Российской Академией наук в Санкт-Петербурге. В 1889 г. было опубликовано первое оригинальное стихотворение на удмуртском языке – «Сизый, сизый голубочек...» («Чагыр, чагыр дыдыке...») Г. Е. Верещагина. Между этими двумя событиями было время, когда создались предпосылки для возникновения удмуртской письменной художественной литературы. В тот период вышло немало книг на удмуртском языке, в основном религиозного содержания.

В истории удмуртской национальной культуры дооктябрьского периода наблюдаются две параллельно идущие линии. Одна из них – линия традиционной культуры удмуртского народа, берущая начало в глубокой древности, другая связана с плодотворным воздействием освободительного движения русского народа и русской прогрессивной

культуры. В обеих из них можно обнаружить и национальную, и интернациональную стороны. И всё же в традиционной культуре преобладает национальное начало, а воздействие русской литературы – это плоды интернациональных связей удмуртской культуры с инонациональной.

Во второй половине XIX века в результате активизации общественной мысли среди народов Поволжья и Приуралья эти линии соединились и в творчестве талантливого сына удмуртского народа Г. Е. Верещагина – широко образованного, эрудированного человека, знавшего русскую классическую литературу, хорошо изучившего этнографию, фольклор родного народа. Уже в его стихотворении «Сизый, сизый голубочек...» обнаруживается двуединая основа зарождения удмуртской литературы: с одной стороны – опора на фольклор родного народа, с другой – на традиции русской классической литературы [4].

С творчества Г. Е. Верещагина в искусстве слова удмуртского народа начался качественно новый этап – время его активного письменного развития. Тотчас появился в нём и феномен двуязычия: первый удмуртский литератор создавал свои произведения и на родном, и на русском языках. Значительная часть творческого наследия Г. Верещагина, а также произведения И. Михеева, И. Яковлева, М. Можгина, Кедр Митрея, К. Герда, Михаила и Максима Прокопьевых, И. Шкляева легли в основу второго этапа истории удмуртской литературы, временные рамки которого обозначаются концом XIX в. и Великой Октябрьской социалистической революцией. Это был период зарождения удмуртской письменной художественной литературы как системы.

В дооктябрьской удмуртской литературе сложилась довольно устойчивая русскоязычная традиция. Двуязычие в литературном творчестве – особый вопрос, довольно сложный, на котором подробно останавливаться здесь нет возможности. Хочется привести лишь один пример, показывающий актуальность проблемы. Можно ли к данной национальной литературе отнести произведение, созданное на ином языке? Вопрос этот подчас вызывает дискуссии в литературоведении. После выхода в свет книги «Расцвет и сближение» автора данных строк большое письмо прислал вашему покорному слуге, уважаемые читатели, народный поэт Осетии, доктор филологических наук Н. Г. Джусойты. Дело в том, что многократно опираясь на его суждения о национальном и интернациональном в литературе, высказанные в публикациях,

удмуртский литературовед в своей книге нашел необходимым косвенно спорить с точкой зрения осетинского коллеги на двуязычие в литературном творчестве. В основном одоббив книгу, осетинский поэт и литературовед в письмах пытался убедить оппонента в том, что произведения, написанные на русском языке, нельзя относить к удмуртской литературе. Они обменялись несколькими письмами, все ближе подходили их позиции и, наконец, они согласились с тем, что произведения удмуртских литераторов, созданные на русском языке на заре становления удмуртской литературы, отрывать от неё нельзя. Это действительно так: и по жизненному материалу, и по художественным особенностям они тесно связаны с творчеством удмуртских литераторов на их родном языке, в них проступают характерные черты удмуртской литературы периода её становления [5].

Двуязычным в своём творчестве был не только Г. Верещагин, но и ряд других удмуртских литераторов, творивших в последующие годы: И. Михеев, Кедр Митрей, К. Герд, в определенной степени – М. Петров, который вместе с А. Дмитриевой перевёл свой роман «Старый Мултан» (1954 г.) на русский язык, Г. Красильников, в 1960–1970 гг. создавший, по сути, русские варианты почти всех своих произведений, написанных сначала на удмуртском языке.

На наших глазах происходит интересное явление, внешне схожее с явлениями дореволюционного периода, хотя внутреннее содержание их, конечно, разное: некоторые удмуртские литераторы, начав писать на русском языке, набирая творческую силу, постепенно возвращаются к родному языку или создают произведения на двух языках. Примеров можно привести немало, назовем хотя бы молодых литераторов – поэта В. Владыкина и прозаика К. Куликова.

Почему первые удмуртские литераторы в своём творчестве нередко обращались не к родному, а к иному, в частности к русскому языку? Некоторые литературоведы объясняют это тем, что в царское время на удмуртском языке невозможно было печататься, и писатели создавали произведения на том языке, на котором можно было их публиковать. Да, это обстоятельство имело значение, но, думается, дело не только в возможностях публикаций. К примеру, Г. Верещагину, по воспоминаниям венгерского академика Б. Мункачи, предлагали опубликовать его стихи, но он «их не продал» [6]. Почему? Трудно с уверенностью ответить сейчас на этот вопрос. По-видимому, Г. Верещагин не стремился

к публикации своих художественных произведений. Преобладающее большинство их так и осталось в рукописи, их постепенно публикуют уже нынешние литературоведы. Следовательно, трудности с книгопечатанием на удмуртском языке не имели существенного значения при выборе Г. Верещагиным языка художественных произведений. То же самое можно сказать и об И. Михееве. На волне революционного подъема 1905–1907 гг. демократическое движение вырвало у царского правительства право более широкого книгоиздания на языках нерусских народов, однако И. Михеев в те годы свой рассказ «Три года дьявола возил» (1907 г.) написал и опубликовал на русском языке. Эти факты приводят к мысли, что, создавая родную литературу и не имея достаточного национального опыта, первые удмуртские литераторы обратились к примеру русской классической литературы. А перенести опыт художественного творчества на другой язык не так-то просто. Национальный язык в художественном творчестве – не только средство прямой информации в номинативных рамках слов. В каждом национальном языке, в частности уже в самом словообразовании, присутствуют элементы художественного творчества, складывается своя образная система, которая несёт дополнительную информацию о характере и манере мышления народа – носителя языка. Освоение художественного опыта инациональной литературы – явление сложное, требующее трансформации образной системы одного языка в другой. Это, конечно, не сразу стало под силу первым удмуртским литераторам, и, создавая удмуртскую литературу, они, довольно свободно владеющие русским языком, языком классической литературы, попросту обратились к нему.

Речь идёт о первых шагах в создании художественной литературы в таких её жанрах, как стихотворение, поэма, рассказ, повесть... Обращение Г. Верещагина, И. Михеева, И. Яковлева и других первых удмуртских литераторов к русскому языку в социально-экономических и этнографических очерках, публицистических статьях – дело несколько иное. Здесь первостепенное значение имело стремление авторов довести свою мысль до широких кругов общественности, обратить внимание читателей на проблемы, волнующие нерусские народы России.

Художественное творчество удмуртских литераторов на русском языке от произведения к произведению всё более наполнялось удмуртским материалом и удмуртским национальным мироощущением, национальной системой художественных средств. Это также подтверждает

мысль о том, что первые удмуртские литераторы с помощью русского языка создавали свою национальную литературу.

В поэмах «Скоробогат-Кашей» [7] и «Загубленная жизнь» [8], написанных на русском языке, Г. Верещагин пишет о русских героях, обращается к русскому читателю. В произведениях заметно стилевое влияние поэзии А. С. Пушкина, в сатирическом изображении отрицательных жизненных явлений ощущается типологическая общность с романом М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». В поэме «Загубленная жизнь» автор широко использует библейские притчи, тем самым выходя за пределы традиций и русской литературы. Всё это – плоды межнациональных связей, влияния инонациональной культуры на творчество Г. Верещагина. Но и в этом произведении у повествователя обнаруживается удмуртский национальный взгляд на изображаемое, особенно в его лирических отступлениях. В поэме используется, например, притча о пчеле, осе и шмеле, которая имеется в архиве Г. Верещагина среди удмуртских фольклорных материалов, записанных им самим из уст народных сказителей. В стиле поэмы проявляется влияние удмуртского языка. Например, слово «родители» повествователь заменяет прямой калькой с удмуртского языка – «мать-отец» (на удм. – «анай-атай» или «мумы-бубы»). Такие примеры удмуртского национального начала в поэме не единичны. Тем не менее, произведение в основном адресовано русскому читателю и изображаются там русские герои.

В рассказе И. Михеева «Три года диавола возил» героями являются уже удмурты. Подзаголовком этого рассказа («Легенда казанских вотяков») автор подчеркивает, что опирается на фольклор удмуртского народа. Здесь богато используются удмуртские побывальщины. Повествователем и одним из основных героев является удмурт, в рассказе изображаются быт и нравы удмуртского народа, обличается угнетение удмуртов царским чиновничеством и церковными деятелями.

Постепенно нарастают удмуртский материал, удмуртское мироощущение в повести «Дитя большого века» (1911 г.), в трагедии «Эш-Тэрек» (1915 г.) Кедр Митрея, в поэме К. Герда «Над Шошмой» (1915–1916 гг.), написанных также на русском языке. В повести «Дитя большого века» Кедр Митрей писал, что он хочет создать «вотскую трагедию в вотском духе» [9]. Осуществляя этот замысел, в трагедии «Эш-Тэрек» он показывает времена родового строя. Основой произведения является легенда, записанная Кедр Митреем в удмуртской

деревне. А в основе поэмы К. Герда «Над Шошмой» лежит марийская легенда, имеющая свои варианты в удмуртском фольклоре.

Следующим, довольно сильным каналом воздействия русской литературы на формирующуюся удмуртскую литературу, явились переводы с русского языка. Переводчики обращались к русскому оригиналу для того, чтобы восполнить пробел в удмуртской литературе, то есть обращались к тому опыту, в котором была потребность, но который в силу определенных причин удмуртские литераторы ещё не имели. Существенное значение для развития удмуртской литературы имело то, что переводчики проявляли интерес к демократической струе русской национальной культуры, переводились всё более актуальные в социальном плане произведения. Г. Верещагин перевёл «Сказку о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, по мотивам русской сказки написал поэму «Богатырская одежда» («Батыр дйсь») на удмуртском языке; И. Михеев и И. Яковлев, составляя книги для чтения, обращались к притчам, коротким рассказам из народных книг К. Д. Ушинского и Л. Н. Толстого. Это также способствовало созданию своей национальной литературы. Обращение Г. Верещагина к фольклорной основе иноязычной литературы показывало самую первоначальную стадию развития родной литературы. Далее, Михаил Прокопьев переводит (1904 г.) стихотворение «Раздумья селянина» русского поэта демократического направления А. В. Кольцова, ещё позднее И. Шкляев делает доступным для удмуртов революционный гимн парижских коммунаров «Марсельезу» (1905–1906 гг.) и, наконец, Максим Прокопьев переводит международный пролетарский гимн «Интернационал» (1917 г.).

Идентичный путь насыщения социальными мотивами проходит удмуртская литература дооктябрьского периода и в произведениях, написанных на родном языке. В стихотворении «Сизый, сизый голубочек...» и далее в пьесах Г. Верещагина, созданных на родном языке, показывалась ещё патриархальная невозмутимость удмуртского общества конца XIX века. Во многих пьесах присутствует религиозно-нравственная морализация. То же мы видим и в пьесе И. Михеева «Не кради» («Эн лушка», 1906 г.), созданной на удмуртском языке. Произведения, написанные удмуртскими писателями в последующие годы, уже поднимают актуальные вопросы демократизации и революционного переустройства общества. К ним относятся баллада «Беглый» («Беглой», 1909 г.) М. Можгина, многие стихотворные произведения,

в том числе поэма «Война» (Ож) К. Герда, и как бы на вершине, куда привела эта линия развития литературы, находится его стихотворение «Золотое солнце взойдет» («Зарни шунды жужалоз», 1917 г.), написанное в канун Великой Октябрьской революции и ставшее гимном удмуртской интеллигенции того времени.

Качественно новый этап развития удмуртской литературы начинается после Великого Октября. Характерной чертой этого, третьего периода, длившегося до конца 1920-х гг., является то, что от полуфольклорных и подражательных произведений был сделан решительный шаг вперёд по пути формирования метода социалистического реализма. Общие цели обновления жизни с опорой на народную власть, стали огромной объединяющей силой. Советская власть ввела в общее русло литературы народов России художественное слово национальных писателей, такое различные уже и потому, что они являлись своеобразным зеркалом, отражавшим эстетические идеалы более ста наций и народностей с различным общественно-экономическим укладом, находившихся на разных ступенях исторического развития. Народы многонациональной страны учились друг у друга, развивая свою национальную культуру.

В начале 1920-х гг. в удмуртской литературе главенствующее положение занимала поэзия, прежде всего – поэтическое творчество К. Герда, Ашалчи Оки и литераторов ярко публицистической направленности Д. Майорова и И. Дядюкова. К. Герд, неутомимый экспериментатор в литературе, пробовал, как звучит удмуртский язык в классических формах стиха. Он создал стихотворения не только традиционной формы, привычной для удмуртских поэтов того времени, но и триолеты, сонеты, рондо и другие произведения классических, твёрдых форм стиха. Его стихотворение «Ветру Уйшора» – лучший триолет во всей удмуртской литературе по сей день. Кстати, в оригинале оно («Уйшор төл») написано не в форме триолета, – строфы представляют собой обычные четверостишья с перекрестной рифмовкой, но переведённое на русский язык самим поэтом с использованием опыта русской литературы, оно вылилось в классическую форму стиха и получило большую звучность и экспрессию. По сути, К Герд создал новый вариант этого стихотворения на русском языке. Благодаря повторам следующих строк, несущих основные мысли и чувства стихотворения, оно зазвучало как заклинание: *«Суровый ветер стран Уйшора, оставь, покинь страну мою... Мои хлеба ты заморозил, но сердца*

пыл не умертвил... Леса глухие выжгу снова, посею вновь свои хлеба... Суровый ветер стран Уйшора, оставь, покинь страну мою... [13].

К. Герд продолжал традиции двуязычия удмуртской литературы. Многие свои стихотворения на русский язык он перевёл сам. Пока мы имеем единственную книгу его стихов на русском языке – сборник «Лирика» (Ижевск, 1965). Все произведения, вошедшие в книгу, переведены с удмуртского языка самим автором. К. Герд перевёл и издал на русском языке стихотворения Ашальчи Оки («О чем поёт вотячка», М., 1925), способствовал распространению поэзии многих других удмуртских писателей через союзные издания, имел широкие связи с советскими и зарубежными деятелями науки и литературы. Всё это способствовало укреплению интернациональных, общечеловеческих основ удмуртской литературы.

Развитие прозы в рассматриваемый период ознаменовалось появлением первого романа на удмуртском языке: в 1929 г. Кедр Митрей издал книгу «Тяжкое иго» («Секыт зйбет»). Роман, несомненно, зародился в удмуртской литературе под воздействием русской и советской классики, он явился плодом ускоренного развития национальной культуры в условиях Советской власти. Несомненно и то, что инациональное воздействие нашло благодатную почву в результате саморазвития удмуртской литературы. Самим ходом становления и роста она созрела к этому времени для создания такого концептуального произведения, как роман. Появление его было вызвано необходимостью реалистического осмысления исторического пути народа к национальному и социальному освобождению. В сочетании внутренней потребности и инационального воздействия ярко проявились национальная основа и интернациональная устремленность в самом процессе развития удмуртской литературы.

В 1920-е гг. в русской советской литературе и критике довольно сильно было воздействие эстетики Пролеткульта, вульгаризаторски толкующей сущность пролетарской культуры. В стремлении создать чисто классовое «пролетарское» искусство с установкой на техницизм («Изобразительное искусство нового мира будет производственным искусством, или его не будет вовсе» [14]), Пролеткульт объявил войну и классической литературе, и фольклору, – словом, всему творческому наследию предшествующих поколений. Известно, как настойчиво и последовательно боролся В. И. Ленин против «сверхреволюцион-

ной» теории Пролеткульта. С большим пристрастием прочитал он статью одного из активных руководителей Пролеткульта В. Плетнёва «На идеологическом фронте», напечатанную в 1922 г. в газете «Правда» и сделал многочисленные пометки. «Творчество новой пролетарской классовой культуры – основная цель Пролеткульта», – писал В. Плетнев. Двойной чертой подчеркнул В. И. Ленин слова «творчество новой» и «основная», а на полях против этого предложения сделал саркастическую пометку: «ха-ха!» [15]. Подчеркнув слово «только» и «его» в предложении В. Плетнёва «Задача строительства пролетарской культуры может быть разрешена только силами самого пролетариата, учёными, художниками, инженерами и т. п., вышедшими из его среды», на полях газеты В. И. Ленин пометил: «Архифальшь» [16].

2 октября 1920 г. в речи на III Всероссийском съезде РКСМ В. И. Ленин подчеркивал необходимость преемственности в развитии культуры. «Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, – говорил он, – не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это всё сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества. Все эти пути и дорожки подводили и подводят, и продолжают подводить к пролетарской культуре...» [17]. 8 октября того же года В. И. Ленин, видя, что руководство Пролеткульта упорствует в своих левацких, по сути дела сектантских устремлениях, написал проект резолюции для принятия на проходившем в то время Первом Всероссийском съезде Пролеткульта. «Марксизм завоевал себе своё всемирно-историческое значение как идеологии революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал всё, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры, – говорилось в проекте резолюции [18].

В 1920 и 1921 гг. ЦК РКП(б) дважды принимал специальные решения по Пролеткульту, стараясь поддержать в его работе здоровое начало, связанное с деятельностью рабочей интеллигенции, критикуя теоретические взгляды руководителей этой организации. Однако отдельные деятели Пролеткульта не желали расставаться с прежними

взглядами. Результатом такого упорства явилась и названная выше статья В. Плетнёва.

В начале 1920-х гг. теоретические установки Пролеткульта не успели дойти до Удмуртии и оказать своё отрицательное воздействие. Поэтому в удмуртской литературе мы имеем поистине народные, напевные, лиричные стихотворения Ашальчи Оки и К. Герда тех лет. Поэтика их произведений, пробуждающих читателя к активной жизни в обществе, была основана на народной образности и явно шла в разрез установкам Пролеткульта.

В 1926 г. в Ижевске была создана Всеудмуртская ассоциация революционных писателей (ВУАРП, впоследствии – УдАПП), вошедшая в состав РАПП (Российской ассоциации революционных писателей). РАПП, по сути, откололась от Пролеткульта и стала влиятельной самостоятельной организацией. Инициатором создания её в 1920 г. стала группа «Кузница», которая боролась против догматических установок Пролеткульта, провозгласив «полную свободу в выборе творческих методов». Однако *«теоретическая платформа «Кузницы» во многом оставалась в рамках Пролеткульта с его вульгарно социологическими представлениями о путях развития новой послеоктябрьской культуры»* [19]. Такая ущербность взглядов инициаторов организации руководителями РАПП не была поправлена. Их требования «одемянивания» поэзии, попытки пополнить отряд писателей за счет «призыва ударников в литературу», лозунги «Ударник – центральная фигура литературного движения», «Союзник или враг» отнюдь не способствовали объединению лучших литературных сил, созданию среди них творческой атмосферы и правильному отображению в их творчестве нелёгких путей социалистического обновления жизни.

Первым председателем ВУАРП был избран К. Герд. Однако вскоре он был не только отстранён от руководства этой организацией, но и исключён из её рядов. Причиной послужило резкое неприятие критиками ВУАРП романтической устремленности поэзии К. Герда, опоры её на национально-фольклорную образность. Критика ВУАРП сторицей восполнила «упущения» Пролеткульта начала 1920-х гг. в Удмуртии. Её инерцию ещё долго не могли полностью сбить ни Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г., подвергшее резкой критике сектантские перегибы РАПП, ни даже Первый съезд советских писателей (1934 г.),

положивший начало качественно новому единению национальных литератур нашей страны. Руководство ВУАРП пустило в ход термин «гердовщина» и под видом борьбы с буржуазным национализмом зачастую пыталось искоренить из литературы саму национальную основу, отрицало лирику как выражение личных переживаний человека, с особой яростью атаковало пейзажную лирику К. Герда, Ашалычи Оки.

Можно привести немало примеров, показывающих, как во второй половине двадцатых годов К. Герд, может быть, даже в ущерб традиционной национальной основе, следуя определенным установкам объединения «Кузница», куда он входил в годы учебы в аспирантуре, создавал произведения подчеркнуто пролетарского характера: «Марш обороны», «Мугоркультура», «Ты поднимайся выше!», «Аэроплан» и другие. Показательно стихотворение «Удмуртский язык» («Удмурт кыл»), в основе которого, несомненно, лежит любовь к родному, национальному, вместе с тем в произведении в равной степени звучит не совсем проясненная идея интернационального единения языков. В ряду других языков мира находится и удмуртский язык. Язык родного народа, утверждает поэт, является необходимейшим условием утверждения новой жизни. Понимание необходимости национальной основы в культуре, и в то же время, её интернациональной устремленности ярко проявляется во многих произведениях К. Герда.

Ошибкой многих критиков, писавших о К. Герде в двадцатых-тридцатых годах (да и некоторых нынешних), является то, что они зачастую оценивают его творчество без учёта эволюции мировоззрения этого незаурядного и, безусловно, развивавшегося литератора; они ставят рядом и измеряют одной меркой произведения, написанные в разные периоды. Отголоски такого подхода обнаруживаются, к сожалению, ещё и в книге «Расцвет и сближение» автора этих строк. К разным периодам творчества К. Герда нужно подходить по-разному. В начале творческой деятельности его мировоззрение ещё не было пролетарским. В 1918–1920 гг. он установил тесные связи с коммунистами, в частности с Т. К. Борисовым, И. А. Наговицыным, стоявшими во главе национально-государственного строительства удмуртского народа. Сотрудничество с ними не могло не сказаться на характере творчества К. Герда. Если раньше в его поэзии проявлялся национальный романтизм, порою – противопоставление своего народа иным, он жаловался на социальную инертность удмуртов, на своё одиночество в попыт-

как разбудить их, то теперь он показывает реальные силы, способные улучшить жизнь народа, воспеваает борцов, не жалеющих себя ради справедливости на земле и счастья людей, которые в борьбе за новую жизнь сами обновляются, растут («У дороги», «Матери», «Комсомолка», «Окыльна-секретарь» и др.). В творчестве К. Герда всё более утвердилось социалистическое мировоззрение.

К концу двадцатых годов, может быть, под влиянием объединения «Кузница» или активной критики со стороны ВУАРП, К. Герд всё больше начинает отказываться от напевной ритмики стиха, от народной образной системы, опирающейся на традиционное сопоставление человека и природы. В его стихотворениях появляется лозунговость. Многие произведения этого периода построены как призывы быстрее решать актуальные проблемы дня. Однако и эти произведения не были приняты ВУАРП, хотя они соответствовали его теоретическим установкам. Критики стали утверждать, что К. Герд тут не искренен, что он притворяется, дескать, истинная сущность его творчества – в воспевании кулачества или, во всяком случае, – в попытке увести читателя в пейзажную и интимную лирику от жгучих проблем современности.

В подобной критике К. Герда и «гердовщины» участвовали и те писатели, которые вскоре отошли от позиций ВУАРП. Общеизвестно, что главной книгой М. Петрова стал роман «Старый Мултан» («Вуж Мултан», 1954 г.), в котором интернациональный пафос писателя и его положительных героев органично сочетается с интересом к истории родного народа, с удивительным поэтическим миром трудящихся-удмуртов. Тем более показательно, что в 1935 г. М. Петров выступил со стихотворением «Кружева счастья» («Шуд чильпет»), в котором противопоставил «поэзию созидательного труда» будто бы пустой и никчемной поэзии, основанной на фольклорной образности, которую вуарповская критика называла «искусством для искусства».

*Чёртлы-а асьмелы Чучибей, Чачабей,
Ал вылаз мед нуллоз Ашальчи.
Асьмеос колхозын кизёмы виль чабей,
Мон ужын быдэсмет кылбурч [20].*

К черту ли нам Чучибей, Чачабей,
Пусть их носит на коленях Ашальчи.

Мы посеём в колхозе новую пшеницу,
Я поэт, выросший в труде.
(Подстрочный перевод автора статьи).

Так писал М. Петров, саркастически пародируя «мотыльковость» поэзии Ашальчи Оки (и не только её, конечно), отвергая её обращение к традиционным образам и именам. Под стихотворением имелись сноски: «Чучибей, Чачабей – древние имена»; «Ашальчи – буржуазная националистка».

Представление о том, что национальная и многонациональная основа советской литературы мешает её интернациональному единению, жило не только в сознании критиков ВУАРП. *«...осознание необходимости сближения в творческом и организационном плане наталкивалось на противодействие пролеткультовцев, напостовцев, рапповцев, возглавлявших процесс объединения, но претендовавших на единоличную власть, на подчинение других (и организаций, и литератур) себе, своим организациям, не говоря уже о сопротивлении буржуазных националистов, – пишет Р. Бикмухаметов, анализируя общесоветский процесс развития критики. – Непонимание, а подчас и неверное толкование национального и интернационального в литературном процессе было одной из серьёзных причин, тормозящих сближение литератур».* В качестве примера учёный приводит «печально известную книгу» В. Ваганьяна «О национальной культуре» (1927. г), *«который, – как с возмущением отмечала Н. К. Крупская, «представляет себе путь к интернациональной культуре через изживание национальных культур»* [21]. Были и такие критики, что пытались *«объявить антисоветскими те творческие силы в республиках, которые заботятся о развитии национальных литератур как социалистических»* [22]. Анализируя состояние трактовки вопроса о национальном и интернациональном в литературе в те годы, Р. Бикмухаметов приходит к выводу, что *«существовала и тенденция вообще исключить из обсуждения вопрос национальный как изначально националистический», выводя при этом зачастую «за скобки национального» русскую литературу, «что искажало всю систему её взаимоотношений с другими литературами, нарушало общее развитие литератур народов СССР»* [23].

Попыткам «изживания» национального из литературы теоретически положил конец А. М. Горький своим авторитетным выступлением

на Первом съезде советских писателей в 1934 г. Он обратился к многообразию национальных литератур, сказав, что советская литература – это не только произведения, созданные на русском языке, за её состояние такую же ответственность несут многие писатели, пишущие на других языках нашей страны. С другой стороны, он призвал писателей обратиться к неисчерпаемому, чистейшему роднику – фольклору. Великий пролетарский писатель указал на наши богатейшие возможности по сравнению с буржуазным Западом, где фольклор по сути уже потерян, где декадентствующие теоретики и художники выдумывают какое-то «новое», не имеющее глубоких корней в народе искусство.

Окрыленные этим выступлением А. М. Горького, удмуртские писатели начали творить, основываясь на фольклоре, на народной истории. М. Коновалов создал роман «Гаян» (1936 г.), отображающий социально-освободительное движение удмуртов и других народов Поволжья и Приуралья совместно с русскими трудящимися под водительством Е. И. Пугачева. Литературовед А. Зуева в одной из своих статей [24] показала, что основой поэтики романа «Гаян» является волшебная сказка. Опираясь на сказку в своей композиции, М. Коновалов создал реалистическое произведение. В реалистической струе романа писатель спорит со сказочной поэтикой, зачастую пародирует её, однако в основе композиционного формирования этого произведения лежит сказка. Это произведение М. Коновалова явилось крупным вкладом в родную литературу.

Г. Медведев по свежим следам колхозного движения создал небывалое в удмуртской литературе эпическое полотно – роман-трилогию «Лозинское поле» («Лёзя бесмен»), 1932–1936 гг.).

Предвоенное десятилетие, составляющее четвёртый этап истории удмуртской литературы, характеризуется, таким образом, крупными достижениями в реалистической прозе. Это было время утверждения удмуртской литературы на позициях социалистического реализма, время широких интернациональных связей с другими национальными литературами страны, учёбы друг у друга, у русской и мировой классики с помощью взаимных переводов, взаимопосещений, встреч на различных семинарах, проводимых Союзом писателей СССР. В лучших произведениях 1930-х гг., как никогда до этого в истории удмуртской литературы, органично сочетались её национальная основа (реалистически глубокое изображение народной жизни с конкретным национальными реалиями, развитие лучших традиций выразительных средств род-

ной литературы, фольклора) и интернациональная устремлённость (изображение братского единения народов; пафос социалистического единения трудящихся независимо от темы произведения; результаты учебы удмуртских писателей у инонациональных, что проявлялось в развитии жанров и других компонентов поэтики произведений).

Однако рецидивы вуарповской критики всё ещё давали о себе знать. Наступление на национальную основу удмуртской литературы практически продолжалось. Критика наступала не только на К. Герда, Ашальчи Оки, но и на Кедр Митрея, М. Коновалова, Г. Медведева. Под предлогом борьбы с буржуазным национализмом они были отстранены от литературы. И всё же дух Первого съезда советских писателей, дух единения национально многообразных литератур нашей страны неуклонно пробивал себе дорогу в художественной практике. Молодые писатели Ф. Кедров и П. Блинов, которые не успели включиться в литературную полемику в начале тридцатых годов и потому не имели ещё прямых оппонентов и могли работать более спокойно, создали свои первые крупные произведения. В 1940 г. вышли повесть «Катя» Ф. Кедрова и роман «Жить хочется» («Улэм потэ») П. Блинова, написанные в духе той же традиции, которая началась ещё в дооктябрьской литературе и продолжала крепнуть в тридцатые годы. Органичным сочетанием национальной основы и интернациональной устремленности характеризуется трагедия «Камит Усманов» (1941 г.) и поэма «Саний» (1939 г.) И. Гаврилова, написанные на основе фольклорных материалов, собранных самим писателем, а также многие его пьесы тех лет.

К произведениям, созданным во время Великой Отечественной войны, составляющим пятый этап истории удмуртской литературы, предъявлять жесткие требования в художественном плане трудно. Писатели воевали и своим словом, и боевым оружием. Здесь важно подчеркнуть следующее обстоятельство. Военная пора для многих писателей, естественно, оказалась новой, непривычной для изображения, хотя, конечно, у литературы был уже кое-какой опыт художественного воссоздания гражданской войны в нашей стране. Как и в первые годы формирования удмуртской национальной литературы, писатели снова обратились к опыту, с одной стороны, – родного фольклора (фашисты изображались даже в виде многоголовых змей и других чудовищ), с другой – к опыту русской литературы о Великой Отечественной войне (заметна переключка стихотворных писем с фронта И. Гаврилова,

М. Петрова с подобными произведениями К. Симонова, А. Суркова и других советских писателей).

В послевоенное десятилетие, составляющее шестой этап истории удмуртской литературы, утверждение гармоничных соотношений национального и интернационального в литературе прошло также не безболезненно. В годы войны содружество наций, национальных культур было общепризнано. У М. Петрова, Т. Шмакова, С. Широбокова, других поэтов-фронтовиков есть ряд стихотворений, показывающих содружество представителей многих национальностей в общей борьбе против фашистских оккупантов, участие литовцев, казахов, белорусов, украинцев и людей других национальностей в личной судьбе лирических героев-удмуртов. Но в первые годы после войны атмосфера несколько изменилась. В удмуртской литературе в те годы появились такие значительные произведения, как стихотворения «Великому русскому народу» Т. Шмакова, «Россия» С. Широбокова, где авторы от имени своего народа низко кланяются русскому народу за то, что он сплотил вокруг себя многие народы в нерушимый союз свободных республик. Нельзя не согласиться с таким верным пафосом этих стихотворений. В то же время в творчестве удмуртских и многих национальных писателей этого времени есть какое-то умаление национальных корней искусства, культуры своих народов. На первый план выступают образы Москвы, Кремля, Красной площади... Сборники «В едином строю», «Песня, ставшая книгой», «Всегда вместе», выпущенные в Москве в юбилейные для Советской власти годы, представляют собой по сути дела антологии произведений писателей всех союзных и автономных республик и областей. Они позволяют заметить, что динамика соотношения национального и интернационального, характерная для удмуртской литературы, отражает (конечно, с некоторыми нюансами) общее движение их сочетания и в советской многонациональной литературе, в том числе и в первое послевоенное десятилетие.

Решительным шагом в преодолении такой однобокости в удмуртской литературе стал роман М. Петрова «Старый Мултан» (1954 г.), главной темой которого является совместная борьба удмуртского и представителей русского народов против произвола царских карательных органов.

В поэзии на пути утверждения диалектического сочетания национального и интернационального в удмуртской литературе в эти годы многое сделал М. Покчи-Петров. В стихотворениях о друзьях, с которыми вместе

учился в Москве, он связывал родной край, Удмуртию со многими странами, с борьбой многих своих иностранных друзей за социальную и национальную свободу и независимость. Есть у него стихотворение «Дор» («Родной дом» или «Родина»), где малая родина олицетворяется нашей великой страной. Корнями любви к великой Родине является любовь к родному дому, к матери. Это теперь уже ставшее хрестоматийным стихотворение является одной из значительных вех в истории удмуртской литературы в трактовке сочетания национального и интернационального, частного и общего в жизни как отдельного человека, так и народов.

Литература 1960–1980-х гг., составляющая седьмой этап истории искусства слова удмуртов, характеризуется значительным шагом вперёд во всех родах и видах литературы, разнообразием тематики и жанров. Творчество Г. Красильникова, добившегося наибольших успехов в прозе, Ф. Васильева, благодаря своей активности и острому ощущению проблем своего времени поднявшегося до такого уровня, на котором ранее из поэтов, пожалуй, стоял только К Герд, и многих других удмуртских писателей этого периода (Т. Архипова, С. Самсонова, Н. Байтерякова) стало известно далеко за пределами родной республики. Интернациональное звучание их произведений достигалось не только тематикой, но, главным образом, – уровнем их художественных обобщений. Возрастала национальная основа литературы. Писатели сознательно обращались к народным истокам как в этике, нравственном отношении к жизненным явлениям, так и в художественных средствах, выявляя в национальном интернациональную сущность. Тем не менее и в эти годы диалектическое сочетание национального и интернационального в трактовке культуры народа давалось не без трудностей. Свидетельством тому и эволюция творчества Г. Красильникова, большого и талантливого художника слова. Такого широкого распространения произведений в нашей стране ни один из удмуртских писателей до него не имел. Все его романы, повести, рассказы, получив интернациональную значимость, по несколько раз выходили не только в Ижевске на родном и в собственных переводах на русском языках, но и в Москве и в других городах, некоторые из них и за рубежом. Талант писателя, идущий от народа, заключал в себе национальное художественное мировосприятие. Это ярко проявилось в диалогии «Олексан Кабышев», в многочисленных рассказах. Большой силы интернационального, общечеловеческого звучания добился писатель в романе «Начало года» («Арлэн кутсконэз»),

1965 г.). В произведении, сложном по поэтике, автор сумел дать возможность выразить себя собственным голосом почти всем персонажам – и положительным, и отрицательным, отчего роман становится полифоничным, многоголосым и приобретает огромную реалистическую силу. Такой сложной поэтики ещё не было ни в одном психологическом романе удмуртских писателей. И всё же, на мой взгляд, в романе «Начало года» общечеловеческое звучание проблем добра и зла Г. Красильников подчеркивает некоторым сознательным отказом от ярких национальных реалий, от экскурсов в культурно-историческую память удмуртского народа, отчего роман становится несколько камерным. Впоследствии, в частности в рассказе «Уходящий пусть уходит» («Кошкисе мед кошкоз»), который вобрал в себя многие художественные искания Г. Красильникова, он снова приходит к сознательному отражению национального мировосприятия своего героя, активно включается в словотворчество и образотворчество по народному образцу и духу, в ёмком и чётком слове отражая народный опыт жизни. От этого произведение, поднимающее проблемы выбора человеком жизненной позиции, места его в семье, в трудовом коллективе, ничуть не теряет интернационального, общечеловеческого звучания, приобретает лишь большую конкретность и силу убедительности.

В этот период писатели в своём творчестве сознательно возвращались к народным истокам. В качестве примера назовём повесть «Гора ветров» («Тёл гурезь», 1978 г.) Р. Валишина, талантливого писателя, но, к сожалению, не успевшего до конца реализовать свои богатые возможности. По манере письма повесть Р. Валишина во многом перекликается с произведениями Ч. Айтматова в том отношении, что в герое закладывается исторический, нравственный и художественный опыт своего народа. В сложном духовном облике героев Р. Валишина своеобразно сочетаются фольклорное восприятие мира с трезвой, реалистической оценкой действительности, требующей от человека широкого диапазона душевных чувств, вбирающих не только личные заботы и тревоги, но преломляющих боль и радости человечества.

Возвращение – так хочется охарактеризовать эволюцию творчества Ф. Васильева. Начав со стихов, выражающих общие заботы советских людей, он всё больше наполнял свои произведения конкретным нравственным и художественным опытом своего народа, сознательно обращаясь к традиционным обрядам, поверьям, пословицам, поговоркам,

загадкам и другим видам словесного творчества и освещая их огнём тревог и забот современного мира. Используя стихотворные строки Ф. Васильева «Лучше всех дорог на свете та, которая домой!» и «Замкнув дорогу, с думою какою на склоне дня вернёшься ты домой?», русский поэт О. Поскрёбышев в воспоминаниях об удмуртском собрате по перу справедливо писал: *«Мне кажется, не будет ошибкой сказать, что становление поэта, его мужание было постоянным, всё более раздумчивым «возвращением домой». С годами в его стихах всё увереннее начинают звучать поэтически переосмысленные мотивы народного творчества, оснащённые скопленной за века поэтикой. «Я кланяюсь моей удмуртской песне и моему родному языку». Это ли не возвращение домой? И разве не возвращение домой, в тяжёлую пору детства – его всё более пристальное внимание к военной теме, к людям деревни в годы войны! И разве не прекрасное и благодарное возвращение домой – стихи о матери и обо всём, что связано с самым дорогим на земле человеком!..»* [25].

Поэт возвращался к истокам не с пустыми руками, а обогащённый знанием современной жизни, опытом других краев и народов.

*В любой чащобе
Лишних нет деревьев,
И если даже вырубить кусты,
То и тогда леса лишатся древней
Естественной и дивной красоты, –*

писал поэт, подводя свою мысль к выражению необходимости органического сочетания национального и интернационального в жизни каждого народа и всех народов нашей страны вместе.

*Как согревает чье-нибудь участие,
Когда лихой беды наступит срок,
Так человек
Тогда бывает счастлив,
Когда он на земле не одинок.*

Это стихотворение, ставшее поэтическим символом нашей республики, завершается строфой, с афористической точностью выражающей наше общее «чувство семьи единой» и гордость каждого из нас за то, что он составляет её частицу:

*Хватает Волге широты и сини,
Но с Камою она ещё сильнее.
И для меня бы
Не было России
Без маленькой Удмуртии моей.*

(Перевёл В. Савельев).

Интернациональное звучание литературы по-своему проявляется и во взаимном притяжении творчества удмуртских и инонациональных писателей, в том числе и русских литераторов республики. Не только литературоведы и критики, русские по национальности (З. Богомолова, Н. Кралина), которые анализируют явления литературы подходят со знанием культуры и удмуртского и своего родного народа, не только русские переводчики (В. Семакин, О. Поскрёбышев, Н. Кралина, Г. Иванцов, В. Емельянов, А. Демьянов), в выразительных и изобразительных средствах родного языка передающие идейно-тематическое содержание, национальную образную систему произведений удмуртских писателей, но и русские прозаики и поэты в собственных сочинениях не могут быть свободными от постоянного ощущения контакта с удмуртской литературой, шире – со всей культурой, самобытным укладом жизни, исторической памятью народа. В произведениях Д. Бор-Раменского, В. Семакина, О. Поскрёбышева и других русских писателей история Удмуртии, её народ, сегодняшние свершения и проблемы изображаются как неделимая часть России и ее истории в конкретном национальном проявлении. В русской поэзии Удмуртии – особенно в творчестве О. Поскрёбышева, В. Семакина – ощущается переключка с поэтическим словом удмуртского народа не только в тематике, но и в манере образного восприятия мира, в системе художественных средств. С другой стороны, высокая страстность их творчества не могла не оказать определенного воздействия на идейно-тематическую направленность сегодняшней удмуртской поэзии.

Таким образом, соотношение национального и интернационального в удмуртской литературе в разные триоды её развития проявлялось неодинаково. Динамика их сочетания зависела от художественного уровня литературы. Но не только. В этом аспекте художественного творчества, как и во многих других, непременно отражалась и политическая, и эстетическая атмосфера в стране.

Литература

1. Подробнее см.: *Ванюшев В. М.* Расцвет и сближение. – Ижевск, 1980. С. 129–170.
2. *Бикмухаметов Р. Г.* Орбиты взаимодействия. – М.: Советский писатель, 1983. С. 10.
3. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14–15 июня 1983 года. – М.: Политиздат, 1983. С. 76.
4. Подробнее см.: Внутренние и межнациональные связи удмуртской литературы и фольклора. – Ижевск, 1978. С. 77–82.
5. См.: Об истоках удмуртской литературы. – Ижевск, 1982. С. 65–86.
6. Подарок Мункачи / Сост. А. Н. Уваров. – Ижевск, 1983. С. 48.
7. Вопросы своеобразия жанров удмуртской литературы и фольклора. – Ижевск, 1983. С. 97–142.
8. Рукописный фонд НИИ при СМ УАССР, ед. хр. 599.
9. *Кедра Митрей.* Избранное. – Ижевск, 1965. С. 199.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1953, изд. 7, ч. 1. С. 559.
11. Там же.
12. О политике партии в области художественной литературы. Резолюция ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 года. – В кн.: О партийной и советской печати. Сб. документов. – М.: Правда, 1954. С. 347.
13. Уйшор (удм.) – север или полночь.
14. *Плетнёв В.* На идеологическом фронте. – Правда, 1922, 27 сентября.
15. В. И. Ленин о литературе и искусстве. – М.: Художественная литература, 1979. С. 448.
16. Там же. С. 453.
17. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41. С. 304, 305.
18. Там же. С. 337.
19. Краткая литературная энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1966, т. 3. С. 878.
20. Молот, 1935, № 2, 53-тй б.
21. Цитируется по: *Бикмухаметов Р. Г.* Указ. соч. С. 27.
22. *Пригодий М.* Октябрь и советская литература. – Киев, 1977. С. 176.
23. *Бикмухаметов Р. Г.* Указ. соч. С. 27–28.
24. *Зуева А. С.* Сказочный эпос и становление романного жанра. – В кн.: Внутренние и межнациональные связи удмуртской литературы и фольклора. – Ижевск, 1978. С. 30–46.
25. Восхождение. Статьи, воспоминания о Флоре Васильеве. – Ижевск, 1984. С. 138.

5.2. ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ МЕДАЛИ. НАЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НАРОДОВ УДМУРТИИ

(Феномен Удмуртии: в 9 т. М.; Ижевск: Удмуртия, 2003. Т. 5. С. 267–272)

В июне этого года Указом Президента Российской Федерации утверждена Концепция государственной национальной политики. Составлен проект Концепции национальной политики Удмуртской Республики. Комитет по делам национальностей при Правительстве Удмуртии уже приступил к разработке Государственной программы по реализации тех документов. «Национальное развитие и межнациональное сотрудничество народов Удмуртии» и «Удмуртская диаспора: проблемы и пути их решения» – так называются две научно-практические конференции, проводимые Комитетом. Они призваны выявить наиболее значимые проблемы, которые должны быть учтены программой. Действительно, предложений высказано немало.

В примерной схеме проекта Государственной программы национального развития и межнационального сотрудничества народов Удмуртии на 1997–2000 гг., составленной Комитетом, раздел о культуре один из самых обширных. Он охватывает вопросы о профессиональном и народном художественном творчестве, средствах массовой информации, библиотечном, музейном, книгоиздательском деле, об изучении, развитии и широком использовании национальных языков, об охране памятников истории и культуры и ряд других.

Коснусь некоторых, наиболее волнующих меня проблем.

В октябре 1996 г. исполнилось 145 лет со дня рождения первого удмуртского учёного и писателя Г. Е. Верещагина. Приурочив к этому сроку, я написал статью о его уникальном творческом наследии и предложил одной из республиканских газет. «Что ты? – сказал мне редактор, весьма уважаемый мной человек, – мы теперь печатаем только официальные материалы или... за деньги».

Обескуражил меня даже не сам отказ – мало ли что бывает?! – а его причина. «Но это же... Верещагин... первый... первый...», – пытался я смягчить сердце редактора. Но он был неумолим. Думалось: неужели то, о чем говорил недавно А. А. Волков (а говорил он, что московские средства массовой информации продажные, заплати – и сможешь в них

печатать всё, что захочешь, а не заплатишь – ничего не опубликуют), – неужели всё это приходит теперь в Удмуртию, и даже в те органы печати, которые учреждены самим Госсоветом?

Между тем редактор мотивировал свой отказ, приводя огромные цифры долга редакции связистам и полиграфистам. И хотелось его понять. Думалось: до чего мы дошли, если даже правительственные средства массовой информации вынуждены руководствоваться в своих публикациях не идейными соображениями, а идти на поводу у тех, у кого кошелек потолще?! С другой стороны, думалось, другие государственные издания Удмуртии находятся в таком же нелегком положении, однако ни в одной из них с меня ещё не требовали денег за публикации. Так или иначе, факт весьмастораживающий. Ведь статья, предлагаемая мною, находится как раз в русле обсуждаемых проблем. Исследование и пропаганда творчества первого удмуртского учёного и писателя среди русскоязычного читателя напрямую соотносится и с национальным развитием, и с межнациональным сотрудничеством народов республики.

Создавая общественное мнение, средства массовой информации могут и помочь, и помешать реализации добрых замыслов. На памяти немало публикаций, которые отнюдь не способствовали улучшению межнациональных отношений в республике. Среди них и недавняя статья депутата Госсовета, председателя Общества русской культуры М. Кокорина, как бы в насмешку названная «От противостояния к сближению». Таким публикациям присуща одна характерная черта: их авторы, искажая исторические факты, превратно толкуя и даже недобросовестно цитируя печатные источники, прямо-таки наускаивают на своих иноязычных оппонентов, в данном случае – на удмуртских деятелей науки и культуры. Им кажется, что таким путем они возвышают другую, русскую нацию. Общеизвестно, что национальный экстремизм никогда еще никого не возвышал. В. Г. Короленко и вся демократическая русская интеллигенция в конце XIX в. возвысилась в глазах всего мира не противопоставлением одной нации другой, а отвержением такого противопоставления, защитой правды и справедливости, разоблачением преднамеренных наветов на удмуртов в пресловутом Мултанском деле.

Мы с удовольствием можем назвать и сегодняшних русскоязычных деятелей, которые, живя в Удмуртии, своим творчеством активно спо-

способствуют развитию удмуртской национальной культуры. Среди них такие, как композитор Е. Копысова, музыковед А. Голубкова, литературовед З. Богомолова, писатели О. Поскребышев, Н. Кралина, А. Демьянов и ряд других, переведивших произведения удмуртских авторов на русский язык и значительно расширивших круг их читателей.

Что касается деятелей культуры удмуртской национальности, то они все двуязычны, многие из них творят и на родном, и на русском языках и, конечно, с опорой не только на родное национальное духовное наследие, но и на русскую и мировую культуру.

Особо следует сказать о литературно-художественном журнале «Луч», выходящем в Ижевске на русском языке. При учреждении его, кроме всего прочего, была поставлена задача пропаганды литературы и вообще культуры коренного народа республики. Нельзя сказать, что у редакции уже сложилась четкая система в этой работе. Однако нельзя и отрицать того, что уже сделано. Появился ряд материалов археологического, этнографического направлений, немало переводов произведений удмуртских писателей. Особенной тщательностью и выверенностью отличаются поэтические переводы главного редактора журнала В. Емельянова. Сейчас, когда книгоиздание очень затруднено и невозможно рассчитывать, что кто-то захочет впустую переводить произведения удмуртских авторов, это очень ценно.

В составляемой программе, по-видимому, следует наметить целенаправленные циклы публикаций в газетах, журналах, по радио и телевидению об истории, материальной и духовной культуре не только удмуртского и русского населения республики, но и татарского, марийского, чувашского, бесермянского, показывать добрые дела представителей других народов, создавать произведения об их интернациональном сотрудничестве. Предложить редакциям составить перспективные планы таких публикаций на несколько лет и финансировать их. Когда-то мы работали по таким планам и имели реальные результаты. Однако потом понятие об интернациональном воспитании было несправедливо осмеяно. Теперь вся наша страна пожинает печальные плоды. Из тех добрых начинаний сохранились еженедельные радиопередачи шести республик Урало-Поволжья «Между Волгой и Уралом». В последние годы усилились связи между писателями Удмуртии и Чувашии. В Чебоксарах выпущены произведения удмуртских и русских авторов Удмуртии в переводах на чувашский

язык. Издана также антология удмуртской литературы на чувашском языке. Сейчас готовится к изданию антология чувашской литературы на удмуртском языке в Ижевске. Эти усилия, несомненно, требуют поддержки со стороны Правительства Удмуртии. Заслуживает всяческого поощрения активное стремление к взаимоузнаванию и сотрудничеству финно-угорских народов, в семью которых входят и удмурты.

Мы должны смотреть в глаза и такой беде, как опасность закрытия многих средств массовой информации. Газеты и журналы имеют мизерные тиражи. Библиотеки не имеют средств для подписки. В новых условиях государство должно найти выход для спасения разваливающейся системы культуры. Должно быть непреложным законом проведение бюджетной подписки во все библиотеки республики на все газеты: «Удмуртская правда», «Известия Удмуртской Республики», «Удмурт дунне», «Зечбур!», на журналы «Кенеш», «Инвожо», «Кизили», «Вордскем кыл», «Луч». Нельзя терять ни одного издания. Непреложным законом должно быть обеспечение всех библиотек республики книгами, выпущенными государственным издательством «Удмуртия». Сейчас же о вышедших книгах даже библиотекари годами не имеют представления.

По договоренности с руководством государственных образований татар, марийцев, чувашей мы должны предусмотреть обеспечение населенных пунктов, где они компактно проживают в Удмуртии, газетами, журналами, книгами на их родных языках.

В условиях повального разрушения прежней системы гонорарной оплаты, издание и распространение произведений художественной литературы требуют особого внимания со стороны Правительства Удмуртской Республики. Сегодня писателю невыгодно себе же в убыток создавать новые сочинения, также как художнику писать картины, композитору – музыку, театральным работникам – ставить спектакли. Созданные произведения не издаются: государственное издательство на грани развала. Изданные труды оплачиваются мизерно. Ни через комплектующие, ни через торгующие организации не находят путей к читателю. Зачем писать?

На этом фоне весьма заметными становятся далеко не выверенные ни в художественном, ни в морально-этическом плане книги, выпущенные в частном порядке.

В программе следует предусмотреть изучение спроса, потребностей на произведения того или иного характера и направления, государственные заказы на их создание, издание и распространение, также как и на научные исследования в области культуры. Необходимо поддерживать талантливых авторов, создающих свои произведения без заказов. Такая же практика должна восторжествовать и в плане духовного обогащения народа произведениями изобразительного, музыкального, театрального и других видов искусства. Надо помнить, что разъедающий индивидуализм делает ставку прежде всего на бездуховность.

Необходима продуманная политика языкового строительства. В республике уже несколько лет действует специальная программа по развитию языков. Однако реализуется она с большим трудом, так как во многих аспектах упирается в отсутствие кадров и недостаточное финансирование.

В Удмуртии, особенно в северных районах, сохранились своеобразные пласты местных диалектных говоров русского языка, как, впрочем, и других областей русской национальной культуры. Целесообразно для изучения их привлечь, кроме местных учёных, силы Института русского языка и других центральных институтов РАН.

В программе должны занять свое место исследования особенностей бесермянской культуры, а также диалектных особенностей языков татар, марийцев, чувашей, компактно проживающих в республике. В их говоре, несомненно, выявляются следы межнационального общения с коренным народом Удмуртии. Эту программу необходимо координировать с научными центрами государственных образований этих народов, а может быть, и выполнять главным образом их силами.

Говоря о языковом строительстве, нельзя обойти вниманием терминологическую комиссию, созданную при Госсовете. Она работает, в частности, над восстановлением первоначального, истинного смысла исторически сложившихся топонимов. Это правильно. Язык – это средство общения не только современников, но и разных поколений, разных исторических эпох. Русские неповинны в том, что не поняли глубинного значения таких воршудных топонимов, как Эгра, Порга, и по своему разумению (или неразумению) закрепили их в документах веселым словом Игра или весьма беспокойным – Пурга. Однако почему мы сейчас, составляя программу взаимоузнавания и сотрудничества народов, должны оставлять неверное толкование названий, так

много значащих для исторической памяти, самосознания удмуртов? Хочется предложить комиссии ускорить работу в первую очередь над восстановленными названиями населенных пунктов, т. к. они должны постепенно закрепляться во вновь создающихся официальных документах, бланках и печатях, особенно в связи с реализацией статуса удмуртского языка как государственного.

Думаю, что все эти и другие аспекты должны быть учтены при составлении проекта Программы. Центральное место в ней должны занимать проблемы всестороннего национального развития удмуртского народа и его сотрудничества с другими народами, т. к. Удмуртская Республика – единственное государственное образование в мире, где возможно комплексное решение проблем его судьбы и будущего.

Ни один народ, в т. ч. и коренной для Удмуртии, не может полноценно развиваться без сотрудничества с другими. Поэтому мы вправе сказать: национальное развитие народов и их межнациональное сотрудничество – понятия неделимые. Как не может быть полноценного национального развития без сотрудничества, так и не может быть межнационального сотрудничества народов без свободного национального развития каждого из них.

5.3. КОШМАРЫ «ДЕЛА СОФИН» ИЛИ НЕУДОВЛЕТВОРЕННЫЕ ИМПЕРСКИЕ ЗАМАШКИ?

(К изучению жизни и творчества Кузубая Герда: сб. статей / УИИЯЛ УрО РАН; сост. и отв. ред. В. М. Ванюшев. – Ижевск, 2000. Вып. 3: Кузубай Герд и финно-угорский мир. С. 158–172; Феномен Удмуртии: в 9 т. – М., Ижевск, 2003. Т. 3, кн. 2. С. 694–698)

Широко известны идеи губернизации Российской Федерации, культивируемые, в частности, директором такого солидного научного учреждения, как Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, В. А. Тишковым, идеи, по сути, ведущие к ликвидации самой федеративной системы государственного устройства путем лишения нерусских народов страны результатов их этнополитического

самоопределения и образования автономий. Думается, есть и в этом учреждении трезвые головы, осознающие, что путь, на который ориентирует их директор, чреват серьезнейшими осложнениями. Однако, как видно, есть и такие, которые готовы толкать руководство государства на авантюрные шаги, надеясь на то, что российский народ – это быдло, что его можно повернуть куда угодно, лишь надо действовать нагло и решительно. К сожалению, зачастую так и поступают с нами. И мы оправдываем их надежды. На что же, если не на это, рассчитана статья «Великая Суоми стремится к Енисею» научного сотрудника того же самого института И. Аверина, напечатанная прошлой осенью в газете «Век» (№ 39, 8–14 октября)? Вся она наполнена страстью пробудить у руководства государства желание принимать жесткие меры всё в том же направлении – прижать будто бы рвущиеся к свободе нерусские народы, в частности финно-угорские. *«Мусульманский юг России – не единственное слабое звено федеративной системы страны, – хватает быка за рога автор статьи в самом начале её. – Окончательно ослабленный Центр побуждает автономии других регионов Российской Федерации к самоопределению и поиску политических ориентиров за её пределами. Сравнительное спокойствие здесь угрожает вылиться в не менее сложную кризисную ситуацию, – начинает он пугать Центр. – Как правило, претенденты на самостоятельность ориентируются на близкие для себя в этническом отношении государства». И далее: «Наиболее характерны в этом смысле автономные образования народов финской группы в восточной части европейской зоны России – Мордовия, Марий Эл, Удмуртия и Республика Коми. Выбор их симпатий объективно пал на страны, находящиеся в числе геополитических недоброжелателей России. Это – Венгрия (член НАТО), Эстония (кандидат в члены НАТО) и становящаяся всё более претенциозной Финляндия, где отчетливо звучат призывы к созданию «Великой страны Суоми от Ботнического залива до Енисея».*

Здесь всё свалено в одну кучу – и правда, и полуправда, которая, как известно, опаснее лжи. Да, Центр слаб. Ему некогда заниматься регионами. Он занят дележом высокооплачиваемых постов и общенародного, общегосударственного имущества. Регионы оказались в положении утопающего, которому предоставили высочайшее дозволение спасать самого себя. И они действительно пытаются предпринимать отчаянные попытки сделать это. Так нет же, и этого, оказы-

ваается, делать, мягко говоря, нежелательно. Вишь ты, нашлись еще «претенденты на самостоятельность!» А на кого надеяться тем же финно-угорским народам, кроме как на тех, которые хотя бы из чувства этнического родства готовы им оказать помощь в развитии национальных культур, на которые, как известно, российский Центр давно уже махнул рукой? И виноват ли кто-либо в том, что Венгрия нынче член НАТО, а Эстония – кандидат в члены НАТО? Если да, то кто? Тот же российский Центр или финно-угорские народы России? И откуда господин научный сотрудник услышал «отчетливые призывы» к созданию «Великой Суоми от Ботнического залива до Енисея»? Из официальных документов государственного руководства Финляндии или от каких-нибудь экзальтированных крикунов-экстремистов, подобных которым с избытком хватает и в России? И какое отношение к этим призывам имеют удмурты, марийцы, мордва, коми? И откуда взял этот господин, что названные им народы ищут «политические ориентиры» у «геополитических недоброжелателей России»? И почему при этом никто ему по-дружески не сказал: «Опомнитесь! Надо же осознать, что выходит из-под Вашего пера!» Да услышаны ли вообще такие призывы откуда-нибудь? Уж не плод ли это воображения, разгоряченного ума? Не зловещая ли тень времён сталинского тоталитаризма, в частности «Дела «СОФИН», некогда инспирированного, сотворенного в недрах карательных органов, в соответствии с которым был уничтожен выдающийся сын удмуртского народа, талантливейший поэт, драматург, прозаик, педагог, общественный деятель Кузубай Герд и вместе с ним были репрессированы, уничтожены многие представители интеллигенции, лучшая часть генофонда финно-угорских народов России? Не эта ли тень не даёт покоя воспаленному воображению некоторых нынешних политиков, мучает их как ночные кошмары, и они пытаются вытащить её из небытия, превратить в реальность? И господин научный сотрудник «научно» обслуживает их имперские замашки? И делает это великолепно неуклюже!

Как же пытается он пристегнуть удмуртов, мари, коми, мордву к призывам о создании «Великой страны Суоми от Ботнического залива до Енисея»? Это, оказывается, предельно просто, как дважды два четыре. Пожалуйста! *«Близкие к русским в культурном и антропологическом отношении православные мордва, марийцы, удмурты и коми ранее никогда не отличались «политическим темпераментом».*

До образования автономий они не имели собственной государственности. «Перестройка» дала резкий импульс этническому самосознанию и национально-государственному строительству. Особенно активна в этом процессе молодежь. Были сформированы марийское объединение «У вий», удмуртские организации «Шунды» и «Удмурт кенеш», «Комитет возрождения коми народа» и др.

Итак, «перестройка», т. е. ослабление давления Центра на регионы, виновата в росте этнического самосознания народов, а они сами – в использовании этого момента и в создании национальных объединений – и конечно же, не в целях собственного спасения, а для создания «Великой страны Суоми от Ботнического залива до Енисея».

Правда, к счастью автора статьи и за ним стоящих, есть ещё силы, мешающие таким стремлениям народов. Например, внутренний раскол титульных наций. В Удмуртии это будто бы противостояние между удмуртами и бесермянами. *«Их политические элиты требуют раздела территорий»*. Вот уж поистине «великое видится на расстоянии»! Мы, живущие в Удмуртии, о таком противостоянии и подумать ещё не могли и никогда не сможем.

Даже политическая инертность сельских жителей, по мнению автора статьи, является благом. Её он, наряду с высоким процентом русских от общего числа населения названных национальных республик, относит к «важному стабилизирующему фактору». И естественно, по его мнению, русские, по-видимому, должны мешать работе этих национальных объединений, в деятельности которых автор статьи видит ряд недозволенных действий. Среди них – и стремление учиться политической борьбе, чтобы не проигрывать во время выборов, и попытка узаконить знание языков как квалификационных требований при замещении определенных должностей, и желание народов получать в фонд развития этноса определенную долю доходов, получаемых от природных ресурсов своих территорий. **На наш взгляд, все эти требования закономерны. Они находятся в рамках и Конституции Российской Федерации, и международных правовых норм.** У автора статьи другое мнение. Пусть! В народе в таких случаях говорят: чёрного кобеля не отмоешь добела. Дело в другом. Дважды два оказалось не четыре, а нуль, пшик! Ведь все приведённые факты действий национальных движений в республиках говорят об одном – о стремлении утопающих регионов России, не надеясь на игнорирующий их нужды Центр,

взять свою судьбу в собственные руки, а попытки пристегнуть их к призывам к созданию «Великой страны Суоми от Ботнического залива до Енисея», что подчеркнуто и заголовком статьи, – пустое сотрясение воздуха. Или лучше сказать: раздувание мыльного пугала-пузыря. Вдруг кто-нибудь примет его за действительную угрозу! Или хотя бы воспользуется им в качестве повода к репрессиям. Такое уже было. Почему бы не попробовать спровоцировать ещё раз?

«При самом неблагоприятном стечении обстоятельств Россия может быть рассечена от Ледовитого океана до казахских степей «урало-волжской зоной дестабилизации», куда войдут тюрко-мусульманские Чувашия, Татарстан, Башкортостан и финноязычные Марий Эл, Удмуртия, Республика Коми (с меньшей вероятностью Мордовия)», – завершает рисование своего пугала И. Аверин. Кто знает, что может случиться в будущем? Если же этому суждено быть, то «самым неблагоприятным стечением обстоятельств» могут стать жесткие меры со стороны Центра по отношению к автономным образованиям народов России, спровоцированные подобными публикациями «Века» и других изданий.

Источник: Герд. 2000. 16 марта.

5.4. БЫРЕММЕС ВОЗЬМАСА УЛОМЫ-А?

(Удмурт дунне. 2009 ар, 31-тй июль)

ЮНЕСКО калык куюпо огазеяськонлэн чакламезя, удмурт кыл пыре бырисьёсыз пöлы. Сыче ивортон бугыртэ калыкмылэн азьлапал сюресэз сярись сюлмаськисьёсты. Отын но татын вераськоньёс жутскыло. Вал таچه чектоньёс но: та верамлы пумит кариськоно! Кылмы бырон сярись ивортонэн соглаш луымтэмес гожтыса, элькун кивалтйсьёсмы Москвае нимысьтыз вазиськон мед ыстозы! Башкирьёс, пе, сыче вазиськон келязы ни.

Талы пумит кариськисьёс но сюризы. Мар, пе, сётоз Москвае вазиськон? ЮНЕСКО ивортйз ук кылдэм югдурез гинэ!

Зэм но, сюлэмшуглы туж бадзым муг. Та ивортон вылэ иньяськыса, мылкыд карисьёслэн луэ ни кылмес «неперспективной» шуэмзы. Со

кыл сьоры ватйськыса ик, «визьмоос» кӧня гуртӕсмес быдтйзы! Удмуртӕс гуртӕсынӕс уло бере, кӧня калыкмы улон но ужан интытӕк кылиз! Удмурт кылмес но сыӕе ик адӟонэ уз-а вуттэ?

Анай кылмес утӕн, дышетон, кун улонэ паськытӕс пыӕатон сярсыс кылпум потэ ке, ӕемысь кылйськом: коньдон ӧвӧл. Зэм, коньдон ноку мултӕс уг луы. Но со котьку сюре тужгес кулэ ужрадлы. Шаерамы удмурт кылэз, озыы бере, удмурт калыкез но, утӕн тужгес кулэосыз пӧлы уг пыры-а?¹

Пырак верано ке, удмурт калык син азямы быре. Гуртӕсын удмурт пиналӕс куспазы ӟуч сямен верасько ини. Соос-а нылпиоссӕс удмурт кыллы дышетозы на? Нош гурт ке ӧз, город-а вордоз-будэтоз удмуртӕсты?

Бен, городын но та уж мед быдӕсьяськысал. Нош со понна асьмеос ик, удмуртӕс, сайканы, ӟутйськыны кулэ, «неперспективной» шуисьӕслы маза сӕтытӕк. Удмуртлыкмес утӕыны тыршисьӕс юнме шорыс уг шугьясько. Тани мар гожтэ Ижкарыс А. Назарова мыным но Россиясь Наукаосья академилэн история, кылӕа но литература Удмурт институтысьтыз куд-ог музон ужасьӕслы ыстэм гожтэтаз, кылмес быронлӕсь утӕыны ӧтӕыса: *«Тӕй ваньды туж даноесь, гажаноесь, визьмоесь, тӕйледыз элькунамы тодӕсьтӕмез ӧвӧл. ЮНЕСКО-лэн ивортонэз пумысен тӕйлад сӕлэмды вӧсь луэ, дыр. Кыл ке быре, быре культура но ачиз этнос. Одӕг арскын гинэ та калэ ӧм вуэ. Тужгес но ӟучомины кутским 90-тӕй арӕсысен. Соку гуртӕсын но удмурт классӕс пытсаськызы, кытын ке кутскизы факультатив амалэн дышетыны.*

Валамон ни вал, – гожтэтсэ азьланьтэ А. Назарова, – таӕе югдур кылмес быдтонэ вуттоз. Нош асьмеос шып нукумы, кивалтӕсьӕсмылэн шонер сюрестӕй валтэмзылы оскыса. Дышетонӕа но наукаа министрстволэн отӕтӕсьыз али но чебересь. Но школаосын анай кылмес дышетон ласянь югдур умой пала уг воштӕйськы. Татын бадӟым янгышез удмурт интеллигенцилэн, «Удмурт кенеш» огазаяськонлэн но. Соос ӧз турттэ яке ляб ужазы, вылӕй кивалтӕсьӕс азе кылэз утӕн пумысен чурытӕсь куронӕс ӧз пунктэ. Тӕйлад институтты но ваньзэ ӧз лӕсьты, дыр, – пыкылэ гожтэтчи. – Но кыл быриз ке, институтлэн кулэз

---

¹ Калыкез утӕн ке ӧвӧл, мар меда вань на кунлэн солӕсь но кулэ, бадӟым ужез? Зэмлыкӕа чаклано ке, калыкез утӕн – солэн Законӕсын чаклам нырысетӕй быдӕсьяно ужез ук. Зэм ӧвӧл шат со? [Будӕтӕй на книгаге дасякум. – В. В.].

быроз. Со мында жеч ужъесты архиве кылэзы. Соин ик удмурт кылэз выльысь жот-жот ужатоно.

Орточо удмурт съездъёс, финн-угор конгрессъёс, – азыланьтйське гожтэт. – Марлы отын уг кутйсько кылэз утён понна чурывтэсь куронъёс? Яке соос уг быдэсьясько? Шоддо асьмелэсь лябмес, соин ик уг быдэсьяло. Табере бёрдыса-а пукомы ини, кылмы быре шуыса? Кылэз утён понна дасяно юн программа. Элькунын ке валан өвёл, вуоно Москваозь. Та уж борды басьтйськыны кулэ вань финн-угор калыкъёс. Удмурт кылэз одно ик дышетано, предмет карыса, нылли садъёсын но, школаосын но. Тазы ужало бигеръёс, башикръёс но асьсэды гажась мукет калыкъёс. Ём ке быгатэ та югдурез интыысьтымиз вырзъытыны, пилем копейка дун – удмурт интеллигенцилы».

Вераны кулэ, Нациосын ужан политикая, Дышетонъя но наукая министерствоослэн вань сыче программаоссы. Мукет ужпум – кызы соос быдэсьясько. Чэпак али соосты выльдо. Асьмеос отчы чектонъёсмес сётыны кулэ. Малпасько, «Удмурт дунне» газетлэн редакциез пумит уз луы со дэсланъёсты люканы но та пумысен вераськон ортчытыны.

Мон аслэсьтым чектонъёсме вакчияк тазы гожтысал. Кыл ужаны кулэ. Ужасьтэм кыл быре. Кыл быре – быре калык. Сое утён – аслаз калыклэн но, кунэзлэн но уез. Удмурт кыл кунамы, зучез сямен ик, кун кыл бере, анай кылынымы вераськыны мед быгатомы кытын мылмы потэ – тужгес вылй кенешъёсын но. Со понна удмурт кылэз элькунысьтымы вань калык валаны ке но кулэ. Сыче мед луоз кылэз дышетонъя азылапаллы программа. Нош со быдэсмытозь, удмурт сямен вераськемез валасьтэмъёслы кылысь кылэ берыктйсьёс мед луозы.

Малпасько, та уж асьмелы быдэстонтэм өвёл. Уката ик Н. Н. Мусалимовез «Удмурт кенеше» төро быръеммы бере огазеяськон та уж борды со жот-жот басьтйське ни кадь. Шөдйське, солэсь куаразэ кыло Нациосын ужан политикая министерствоын но. Удмурт кылэз жокатыны, зйбыны турттйсьёслы шумпотыны ум сётэ. Удмурт калыклэн но солэн культураезлэн кужымзы бадзым ай.

6. ОПАЛЕННЫЕ ВРЕМЕНЕМ

6.1. ВИНОВЕН, ПОТОМУ ЧТО ТАЛАНТЛИВ

(Театральная жизнь. 1990. № 3. С. 24–25)

Кузубай Герд. Личность ярчайшая, талантливая, имевшая громадную притягательную силу. Поэт, этнограф, фольклорист, педагог – его кипучей энергии хватало и на то, чтобы разбудить к активной общественной жизни своего соплеменника-удмурта, организовать литературное движение, детский дом в голодные 1921–1922 гг., издание учебников для детей, музейное дело у себя в автономной области, поддерживать связи с М. Горьким, В. Брюсовым, содействовать публикации произведений удмуртских писателей в Москве, пробуждать интерес к удмуртской культуре со стороны венгерских и финских писателей, учёных... Многие десятилетия всё это, как и богатейшее творческое наследие Герда, было предано забвению. Полагалось, если и вспоминать об этом человеке, то непременно со знаком минус, как о родоначальнике «гердовщины» – что означало «эстетство», «искусство для искусства», «увод читателя в пейзажную лирику», позже – «кулацкое направление в литературе», «буржуазный национализм».

Кузьма Павлович Чайников (Кузубай Герд) родился 2(14) января 1898 г. в деревне Покчивуко (русское название – Большая Докья) ныне Вавожского района Удмуртской АССР в бедной крестьянской семье. Закончил Кукарскую учительскую семинарию (1916 г.), Московский литературный институт имени Брюсова (1926 г.), аспирантуру в Научно-исследовательском институте этнических и национальных культур народов Востока (Москва, 1929 г.), работал в учреждениях народного просвещения, в Удмуртском комиссариате при Наркомнаце РСФСР, в краеведческом музее, совпартшколе... И ещё учась в Кукарке, начал научно-собираТЕЛЬскую и литературно-художественную работу.

В течение всего лишь 10–15 лет опубликовал на удмуртском, русском, венгерском, финском, немецком языках 125 статей по разным вопросам культуры, выпустил 23 собственные книги (среди них особенно хочется выделить сборники стихов «Крезьчи» – «Гусяря», 1922 г.; «Сяська-яськись музъем» – «Цветущая земля», 1927 г.; «Лёгетъёс» – «Ступени», 1931 г.), 3 сборника народных песен, 16 книг в переводе с русского на удмуртский язык. На основе удмуртского фольклора и литературы создал оригинальные учебники для национальной школы. Из уст народа записал многие тысячи песен, загадок, сказок...

Кузубай Герд стал одной из первых в среде удмуртской интеллигенции жертв сталинских репрессий. Вся «вина» этого редкостного талантливого человека состояла именно в том, что был он талантлив, был энергичен, видел и стремился раскрыть духовные потенции своего народа.

В архивах КГБ хранится «дело Герда», состоящее из нескольких томов. По нему были арестованы кроме самого Герда еще более двадцати человек – общественные деятели, творческие работники. Несмотря на многократные просьбы, исследователи до сих пор не получили доступа к этому «делу». Недавно племяннице Кузьмы Павловича Р. Кувшиновой были выданы из него несколько фотографий и материалов из переписки Герда. В 1989 г. Роза Андреевна опубликовала их на страницах республиканских газет Удмуртии. Среди них оказалось и письмо Кузьмы Павловича жене Надежде Антоновне и дочери Айно, отправленное из Нижнего Новгорода в Ижевск 12 мая 1932 г. Это была последняя весть от Герда с воли: на следующий день, 13 мая, его арестовали. Да и письму не суждено было дойти до адресата. Оно было перехвачено и тоже арестовано.

«Дорогая Надя и Ая! – писал Герд. – Вынужден неожиданно для себя выехать (пегзыны)¹ по направлению к Москве. Если смогу, деньги переищу. Мой адрес пока неопределенный, поэтому письма не пиши. Если очень будешь нуждаться, тогда продавай вещи. К моему архиву никаких посторонних лиц не допускай, так как могут исчезнуть документы и книги, имеющие для меня большое значение. За архивы в других пунктах – не беспокойся. Мою переписку ни одной бумажки не уничтожай, а сложи всё к месту. Ценные книги из библиотеки пока не продавай, сделай ремонт трубы, иначе будет пожар. Приведи в порядок

¹ Пегзыны (удм.) – скрыться.

изгородь и сад. Это письмо 4-е или 5-е, теперь не помню. Я не хотел тебе писать, но пишу. О том, что я уехал – пеэзи из Нижнего, никому не говори. Порви все знакомства и разговоры с кем бы то ни было, лучше съезди в Подчуйло¹ к Андрею² на 1–2 месяца. Отдохнешь у них. Поцелуй за меня Аю. Привет моим друзьям. Ваш Кузубай».

Как сложилась дальнейшая судьба Герда, мы почти ничего не знаем.

Недавно сотрудница Удмуртского республиканского краеведческого музея Р. Мартынова в личном архиве И. Наговицына нашла письмо, написанное ему Гердом 23 октября 1934 г. и высланное в Москву из заключения. Вот что писал опальный поэт.

«Глубокоуважаемый Иосиф Алексеевич!

Надеюсь, что письмо Вы не сочтете актом, унижающим Вас. Пишу, чтобы напомнить о своем существовании. Здоровье мое довольно ухудшилось, и я крайне обеспокоен тем, что мой рукописный архив громадных собраний удмуртских песен, загадок, сказок, моих ненапечатанных произведений и т. д. погибнет бесполезно, т. к., возможно, моя жена в силу отъезда из Ижевска весь мой архив, обременяющий ее, оставила где-нибудь на произвол судьбы. Я обращаюсь к Вам с просьбой: не сможете ли Вы принять какие-либо меры, чтобы этот архив и ценная библиотека о вотяках³ каким-либо образом были спасены и хотя бы переданы куда-нибудь в научные учреждения. Кроме того, у меня у московских знакомых остался архив фонографических записей удмуртских песен, мелодий на 300-х валиках. Всем этим я просил бы Вас содействовать сохранению собранного мной материала, т. к. он ценен. Заниматься творческой литературной работой я лишен возможности из-за здоровья. Считал бы величайшим счастьем, если бы смог увидеться лично с Вами и объяснить по ряду вопросов, хотя бы в течение нескольких минут. Надеюсь, Вы не откажете в моих просьбах. До боли жаль, что оторван от своей любимой педагогической и литературной работы.

С уважением к Вам К. Герд.

Адрес: г. Кемь Мурманской ж/д Карельской АССР, о. Соловки. Кремль. III труд/колонна. Кузьма Павлович Герд».

---

¹ Очевидно, имеется в виду Покчивуко.

² Андрей – брат Кузубая, отец Розы Андреевны.

³ Об удмуртах.

Иосиф Алексеевич Наговицын в то время работал народным комиссаром социального обеспечения РСФСР. С Гердом его связывали близкие отношения в годы их совместной работы по налаживанию жизни недавно созданной Удмуртской автономной области (И. Наговицын был тогда председателем облисполкома). И Герд, очевидно, был вправе рассчитывать на помощь Наговицына. Однако Иосиф Алексеевич, сам в то время обложенный со всех сторон, по-видимому, ничем помочь не смог. Впоследствии, уже в 1980-е гг., часть московского архива была обнаружена у В. Недзвецкой, работавшей в 1920-е гг. библиографом: под угрозой страшного наказания она хранила этот архив. Из 300 валиков, о которых пишет Герд Наговицыну, нашлись только тридцать. Да и их расшифровать уже не удалось. Время съело бесценные сокровища.

Герд не зря беспокоился и за ту часть архива, которая осталась в Ижевске. Часть его бумаг оказалась арестованной органами государственной безопасности, часть растащена «друзьями», а те, что остались в деревне, были – из чувства страха – уничтожены родными. Роза Андреевна вспоминает, как несколько ночей, тайно, скрываясь от людей, родные Герда топили его бумаги в реке Вале. Многие неопубликованные произведения Герда, о которых он успел сообщить в печати, как и тысячи собранных им произведений народной словесности, не найдены до сих пор.

Переписка Герда с родственниками прекратилась в 1937 г. И родные предположили, что его не стало. К тому же, как вспоминает Роза Андреевна, в 1937 г. к Надежде Антоновне на квартиру зашел какой-то незнакомый человек и, ничего по существу не сказав, ушел... Обнаружили, что он оставил помазок для бритвы. Подумали: забыл. Через пять лет любопытный племянник Надежды Антоновны раскрутил помазок – там было обнаружено письмо Кузьмы Павловича. Как вспоминает Кувшинова, Герд писал: *«Надя, сходи к главному прокурору, меня заставляют подписать документы о том, в чем я совершенно не виноват. Невыносимые издевательства: сажают на электрический стул, кормят супом с червями»*.

Письмо по краям изъело мылом (так как помазком пользовались), весь текст разобрать не смогли. Напуганные постоянными преследованиями, письмо тогда, в 1942-м, родственники зарыли в землю, но после реабилитации Герда, через 15 лет, найти не смогли.

В 1957 г. Надежда Антоновна пыталась узнать о судьбе мужа после того, как он был выслан. *«Пишу, Андрюша, тебе как самому близкому человеку для Кузубая и для меня, – обращалась она к брату Кузьмы*

Павловича, – и хочу поделиться печальной новостью, которая меня ошеломила и удивила, на днях сообщили из паспортного стола по телефону, что Кузубай умер в 1941 году, но где, неизвестно – не сказали. Вот и вся новость – неожиданная печальная. Я как-то всё еще надеялась встретиться когда-нибудь, думала, что он жив, хотя бы перед смертью, да попадаемся, а оказывается, 16 лет лежит уже в земле. Как-то тяжело на душе, жалость страшная к нему не дает покоя, вот и решила поделиться с вами своим горем». Однако это сообщение по телефону было ложным.

В 1988 г. я участвовал в праздновании 100-летия со дня рождения классика марийской литературы Сергея Чавайна в Йошкар-Оле. На глазах собравшейся публики изменили дату его смерти на памятнике, установленном несколько лет назад: узнали, что Чавайн был уничтожен не в 1942 г., как преподносила до этого официальная версия, а в 1937-м. Такая же «метаморфоза» произошла и с датой смерти Герда. Очевидно, это был общепринятый трюк: гибель жертв сталинизма относить к годам войны: авось спишется за счет гитлеризма. Вот что пишет по этому поводу Роза Андреевна.

«В октябре минувшего (1988-го. – В. В.) года я поехала в Ленинград, чтобы продолжить дело отца и двоюродной сестры – Айно. В Ленинграде в ЗАГСе мне дали свидетельство о смерти Герда – Чайникова Кузьмы Павловича – с той же датой: «2 ноября 1941 года». Тогда я, для верности, оставила заявление в КГБ, хотела узнать правду. Прошло два месяца, и наконец из КГБ г. Ленинграда пришел ответ, что Герд – Чайников Кузьма Павлович расстрелян 1 ноября 1937 года.

По данным прокуратуры Удм. АССР, его расстреляли в Соловках».

Не скоро и не гладко проходило восстановление доброго имени Герда после XX съезда КПСС, принципиально осудившего нарушения законности в годы культа личности. Слишком сильна была инерция мышления, выработанная десятилетиями. Слишком сильны были еще люди, боровшиеся против Герда и придуманной ими гердовщины. Герд был официально реабилитирован в 1958 г. – лишь через два года после известного постановления ЦК партии «О преодолении культа личности и его последствий». Потребовалось еще пять лет для того, чтобы подготовить и издать посмертно его книгу «Кылбуръёс но поэмаос» («Стихотворения и поэмы»). Но и после этого работа по возвращению наследия Герда народу велась крайне медленно. Механизм торможения особенно активно работал в годы застоя. Я имею в виду прежде всего те силы, которые

выразили себя, в частности, в книге «В Союзе братских народов», выпущенной в 1972 г. в Ижевске под редакцией тогдашнего второго секретаря обкома партии Е. Никитина. «Его творчество и особенно общественно-политическая деятельность, – писалось в ней о Герде, – протекали под флагом национализма... чем дальше развивалась революция, тем глубже он утопал в болоте национализма. На этапе социалистических преобразований, когда происходило размежевание социально-классовых и политических сил, Герд объективно стал рупором, выражающим идеологию и интересы эксплуататорской верхушки удмуртов». Без тени попытки доказать верность своих выводов и опровергнуть мнения оппонентов эти слова писались уже после того, как были вновь опубликованы произведения Герда, было написано и напечатано немало литературоведческих статей, посвященных творчеству поэта-патриота, поэта-интернационалиста.

Изучение наследия Герда продолжается. В 1985 г. в Москве был издан сборник его стихотворений и поэм «Ступени», в 1988 г. в Ижевске – монография Ф. Ермакова «Удмуртский поэт и учёный». Мы должны вернуть народу всё богатейшее творческое наследие Кузедбая Герда, издать книгу памяти, воспоминаний об этой ярчайшей фигуре в истории культуры народа.

6.2. ПРОБУЖДАЮЩАЯ СИЛА ПОЭЗИИ: КУЗЕБАЙ ГЕРД И АШАЛЫЧИ ОКИ = *КЫЛБУРЛЭН САЙКАТЙСЬ КУЖЫМЕЗ:* *КУЗЕБАЙ ГЕРД НО АШАЛЫЧИ ОКИ*

(Кузедбай Герд и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Ижевск, 31 марта – 2 апреля 2008 г. / Национальная библиотека Удмуртской Республики. – Ижевск: Информационно-издательский центр «Бон Анца» 2008. – С. 19–24)

Думается, сегодняшние юбиляры, Кузедбай Герд и Ашалычи Оки, нам не простят, если на пленарном заседании данной конференции не прозвучит ни один доклад на удмуртском языке, наряду с русским конституционно объявленным государственным в нашей Республике, на котором они и сами, прославленные поэты, создавали, как уже здесь сказано, художественные ценности общемирового уровня. И потому я

нахожу своим гражданским долгом выступить на родном и мне, и многим из вас, дорогие участники конференции, удмуртском языке.

Кузедбай Гердэз Ашалычи Окитэк син азе пуктыны луоно ик, дыр. Зэм, солэн быдэстэм жеч ужъёсыз пöлын яркыт адзисько удмурт нылкышнолы возьдаськемзэ вормыны, сюлэмаз тымиськыса улэм мылкыдъёссэ кылбуръёсы кисьтыны но дауръёслы кылымон вераны дйсьтонзэ сайкатэмез но юнматэмез. Но Гердлэн со сяна но трос пöртэм вормонъёсыз но, куректонъёсыз но вал. Нош Ашалычи Окилэн лыдзисъёс доры вуэм сюресэз люконтэм герзаськемын Кузедбай Гердэн.

*Та кырзанъёсме –
Шур тулкымъёсме,
Та кылбуръёсме –
Турагайёсме
Туж кема люкай,
Туж кема гожъяй.
Удмурт гуртъёстй
Люкаса ветлй,
Паськыт тэльёстй
Кылзыса калги, –*

гожтйз Герд егит дыръяз ик ини «Мынам кырзанъёсы» кылбураз [Герд 2001: 13], аслэсьтыз, гожъяськон мылкыдызлэсь инъетсэ возьматыса. Инъетэз солэн – чебер, жин вазись удмурт инкуазь но бöрдйсь, куректйсь удмурт калык вал. Калыклэсь секыт улонзэ ас сюлмаз басьтыса, кылбурчи, чеберлыклен законъёсызъя, инкуазь кадъ ик жингрес чуръёс кылдыгъяз... Юнме гинэ-а со кылъёсысь калык кылылйз аслэсьтыз ватыса возем кадъ лушкем гуръёссэ, шарае поттылйз шудлы осконзэ. Со укуата но кужым сётылйз аслыз кылбурчины но:

*Кöт жöж луымон
Крезьме шуккисько –
Куанер калыкез
Весь сайкатйсько.*

Со сайкатэм калык пöлысь ик висъяськиз Ашалычи Оки – нырысетйез удмурт нылкышно кылбурчи. Нырысетй гожтэмъёсыз пöлын ик

вал солэн 1919-тй арын кылдытэм «Тон юад мынэсьтым» кылбурез. Со но возьматэ Гердлэсь зеч шөдэмзэ: удмурт калыклэн дунневаланаз котырысьтыз жингрес инкуазь соин асэныыз чөш улэ. Ашальчи Окилэн героез пайме марлы тон гожъяськод шуыса юасьлы. Марлы нош уд гожъя, мылкыдъестэ куараен уд лэззы, котырысь дунне но котьку аслэсьтыз куаразэ сётыса улэ ке! Гердлэн крезезлэн жингыртэмез улсын сайкам калык дйсьтйз ини ымзэ усътыны, аслэсьтыз куаразэ шарае поттыны. Мылкыдъессэ вераны со, инкуазь кадь ик, эриксэ шөдйз. Бен, со куараын калыпөл улонлэн секытэз но шөдйськытэк өз кылы. Ашальчи Окилэн «Сюрес дурын» кылбурысьтыз героез ассэ, быдэс выльтырзэ адже котырысьтыз инкуазысь. Соин ик куре чыжы-выжыюсызлэсь тōды кызьпуэз но, зег пōлысь чагыр сяськаез но, возь вылысь чияльс турынэз но, гурезь улысь чылкыт ошмесэз но утыны-возыны. Ваньмыз со радьямын кадь калык кылосысь басътыса. Но та – фольклор гинэ өвөл ини. Макем вылие лобзыса жутйське быдэсакыз кылбур искусстволэн муратйсь, огъясь законъёсызья кылдытэм берпум чурьёсыз вылын:

*Гурезь улысь
Чылкыт ошмес –
Уно бōрдэм
Синвуосы!*

[Ашальчи Оки 1998: 40].

Аслэсьтыз геройлэсь сяна, уг-а верало та чурьёс быдэс калыкмылэсь, уката ик нылкышноослэсь, ортчем сюрессэс?! Ашальчи Оки выль кужым, огъясь пуштрос пыртйз калык образёсы. Со бордын солэн кылбуранэзлэн калык инъетэз но, ноку вунонтэм чеберлыкез но.

Кузубай Гердлэн уно кылбурьёсаз пырак, публицистика амалэн верамын калыклэн эксэй улын курадземез но, нюръяськыны кужымез быремен жōлмаса кадь улэмез но, сое сайкатыны, жутскыны өтемез но, ас улонзэ аслыз лэсьтыны дышетэмез но. Сайкатйсь, азылань өтись мылкыдъёс бордын таизлэн кылбурчилэн кужымез. Мон уг шуиськы, Гердлэн кылбуранэз публицистикалы сётскемын. Лэчыт публицистика мылкыдын шокась кылбурьёсыз но солэн мур чеберлыко амалэн гожтэмын. Басътэ ай, шуом, «Азыланьгур» кылбурзэ ик.

*Жуг, барабан!
Сёт, барабан!
Вай,
        барабан,
                азьланьгур!
Сьод тушмон – вань!
Вуж улон – вань!
Пур сое!
        Кеся!
        Весяк
                пур!
[Герд 2001: 311].*

Кытын луоз на талэсэ юн публицистика мылкыд?! Кыльёсыз гинэ но кычөөсэ! Тушмон, жуг, пур! Со куспын ик татын сокем юн чеберлыко гожтон амальёс! Ритмика, куараен шудоньёс, пөртэм сямо берытскылоньёс... Литература кылдытэ улонлэсэ кылсуредзэ, со суредзэ лыдзисэ «адзе» кылъёс пыр син аяз пуктыса гинэ. Нош татын суредам учырез асьмеос, син азямы пуктэм сяна, крезьгурез кадь, пырак кылйськом но ини. Ахзыланьгур – со марш. Ум-а кылйське барабан жугтыса азылаь вавышгьясь калыклэсэ куаразэ?! Виль улон лэсьтэмлэсэ виль мылкыд сётэмзэ таё ик кылйськом «Липетчиос», «Ужлэн крезьгурез, «Турнасьёс» но музон кылбурьёсысьтыз. Юн шөдйське со «Завод» поэмаяз но.

Ашальчи Окилэн куараез мукетгес. Эриксэ шөдэм ни кадь удмурт нылкышноез бордысьтыз уг на мозмыты даурьёсын пачкатыса возем калыклы пычатэм шөман, кыче ке но өлексэ интылэн ялан вöсь луэмез. Туж капчи, шулдыр мылкыдо суредъёс но солэн героелзэсэ сюлэмзэ ём дыръя чутрак вандыса лэзэ. Сое Алексей Ермолаев туж ёч возьматэ «Лулы мынам» кылбур вылын.

*Лулы мынам
Возь бубулы ке но –
Марлы меда
Бурдыз сөсырмемын?*

*Сюлмы мынам
Чебер кырезь ке но –
Марлы меда сиез чигиськылэм?*

*Мылкыд мынам зарни манет ке но –
Марлы меда
Жилы борды со думылэм?*

[Ашальчи Оки 1998: 26].

Тодмо удмурт критиклэн чакламезя, Ашальчи Оки сузен омыръяно кадь шудо луэмзэ ноку но шөдылымтэ. Кин ке но азын мар ке но понна янгышгес луэмзэ, ялан вужерегес кыстйськыны тыршонзэ быдэс улытозяз бордаз возем. Сое Алексей Афанасьевич оскымон возматэ Ашальчи Окилэн «Чыртывесь=Ожерелье» бичетэзлы азыкылаз [Ашальчи Оки 1998: 26].

Зэм, 1924–1925-тй арьёсы гожтэм квлбурьёсаз шөдйське ини Ашальчилэн революцион валче улонэз воштон удысын өтись мылкыдёсыз. Удмурт нылкышноослэн нимынызы со «Вай кидэ!» кылбураз лыдзисезлы пырак вазиське: ми тонэ гажаськом,

*Ми понна уй-нунал тыришькод ке?
Милемыз азылане өтиськод ке,
Сьöd тэлысь милемыз югытэ
Поттыны дугдытэк тыришькод ке <...>*

*Нош югыт сюресмес чоктаса,
Дышетскон ужспуммес пыкиськод ке,
Нылкышно уж луоз гур дурын,
Аракы пöсьтонын шуискод ке,
Ми тонэ уй-нунал каргаськом,
Тушмонлы ми тонэ понйськом!*

[Ашальчи Оки 1998: 130].

Ашальчи Окилэн кылбураназ куддыръя шөдйськыны кутско Кузубай Гердлэн куараосыз. Кылсярысь, та чурьёс ик ваче верасько кадь Гердлэн «Окульна секлетар», яке «Виль кышноос», «Комсомолэ оло пырид?» но куд-ог музон гожтосьёсыныз. Со юнме шорысь өвёл. Гердлэн авторитетэз Ашальчи азын бадзым вал. Соос быгатйзы дуньяны ог-огзэс. Соос огъёзо ке но вал, Гердлэн опытэз но, кусыпъёсыз но ятыргес вал бере, со юрттйсь кизэ мычиз нылкышно юлтошезлы. Кузонысь университетын дышетскон дыръяз Ашальчи малпаз люкаськем кылбурьёссэ нимаз кнгаен поттыны. Ним сётйз солы «Чыртывесь» шуыса. Удмуртиысь Наркомпросысь комиссия сое эскерем но пунктэм: поли-

тикалэн чакламезя, та книгаез поттыны уг яра. Тымиськем ужез ёрьяны юрттйз Герд. Нырысь ик, книгагэсь нимзэ воштыны чектйз. Согы «Сюрес дурын» йырьян сётыса, отчы политика мылкыд пыртйз. Кыкетйез, Удмуртйысь тодмо кивалтйсьёслы Тофим Борисовлы, Иосиф Нановицынлы но Александр Медведевлы вазиськиз кигожтослы жечен лыдьясь кылъёс гожтыны курыса. Куинетйез, ачиз ик гожтйз бичетлы туж шуныт азыкыл. Со гинэ ма? Шөдйське, со ачиз ик радъяз бичетэз. Сое валаны луэ бичетлэн люкетъёсызья: «Вуж улон», «Пинал мылкыд», «Виль улонлэн аяз». Сыче радъян амал туж укша Гердлэн аслаз «Крезчи» но «Лёгетъёс» бичетъёсысьтыз люкетъёслы. Сыче-сыче будэтонъёс-воштонъёс пыртыса гинэ нырысетй удмурт нылкышно кылбурчи Москваысь Центриздат пыр ниамз книгаеныз 1925-тй арын дунне вылэ потйз.

Солэсь но бадзым уж быдэстйз Герд та кылбуръёсыз ик зуч кылын лыдзыны быгатйсь вань калыкъёс доры вуттон понна. Огласянь, Ашалычи Окилэн кылбуранэзлэсь вань лулзэ-сюлэмзэ, пуш дуннезэ шөдыса, мукет ласянь, удмурт улонэз тодйсьтэм лыдзисьёслэсь психологизэс, тодон-валан радлыксылэсь азинскон нюжаоссэс лыдэ басытыса ужаз Кузубай Герд кылбуръёсты зуч кылэ берыктон бордын. 1928-тй арын «О чем поёт вотячка» нимын, Гердлэн азыкылэныз Глаз карын печатласькиз Ашалычи Окилэн таиз книгаез.

Ашалычи Окилэсь кылбуръёссэ уно мурт берыктылйз ни зуч кылэ. Соос печате потылйзы Россиясь финн-угор калыкъёслэн кылъёсынызы но, финн, эстон, мадьяр кылъёсын но. Мынам тодэмея, Герд кадъ быгатыса берыктйсьёс өз на сюрылэ.

2004-тй арын Петер Домокош тодмо финно-угроведлэн дасямезья но солэн азыкылыныз Венгриясь Сомбатхей карын потйз Ашалычи Окилэн кык – удмурт но мадьяр – кылъёсын кылбур бичетэз. Асьме кылын со нимаське «Малы шып улэ удмурт нылкышно?» шуыса. [Ashalcsi Oki = Ашалычи Оки 2004]. Мадьяр кылэ берыктэм та удысын уно жеч ужъёс быдэстэм мурт – Анна Бедэ. Отчы пыриллям Ашалычи Окилэн лыдзисьёслы тодмо луэм вань куамын сизыым кылбурез но Шандор Канядилэн «Ашалычи Оки сярысь балладаез». Мадьяр кылэз уг тодйськы бере, Петер Домокошлы оскыса верасько: берыктйсь шөдэм удмурт нылкышнослэсь сюлэм дуннезэ, быгатэм сое Венгриясь лыдзисьёслы чеберлыко амалэн усьтыны.

Та чебер но лякыт быдэстэм книгаез лэсьтйсьёс пусйиллям, асьсэлэн ужазы соос Алексей Ермолаевлэн Ашалычи Окилэсь кылбуръёссэ удмурт кылын гинэ өвёл – зуч кылэ берыктэмъёссэ но люкаса, «Чыртывесь =

Ожерелье» нимын 1998-тй арын поттэмеэ вьлэ иньяськызы шуыса. Ермолаев даньяськылоз вал солэн ужезлэн сыҕе иньет луэменыз. Со зэмзэ но даньяськымон. Нырысетй удмурт нылкышно кылбурчилэсь гожьямьёссэ ньыльдон ар жокатыса возем бере выльысь калыке берыктон бордын ваньмызлэсь вазь басьтйскиз Пётр Поздеев. 1968-тй арын со поттйз Ашальчи Окилэсь «Мон тодам вайисько» бичетсэ. Нош дас ар ортчыса, со но Алексей Ермолаев азыланьтйзы ужзэс – ҫош люкам книгаязы соос, кылбурёсты сяна, пыртйзы на Ашальчи Окилэсь егит дыряз но 1950-тй арёсы гожтэм веросьёссэ но гожтэтьёссэ. Нырысетй удмурт нылкышно кылбурчи сайкытак усьтйськиз туалы лызисылы но. Нош 1998-тй арын поттэм кык кылын книгаз Ермолаев ашальчиоведениын вьль вამыш лэсьтйз. Нырысь ик, со Ашальчи Окилэсь гожтэтьёссэ иньет кариз солэсь гожьяськон мылкыдъёссэ но сюресъёссэ эскеронлы. Кыкетйез, котькуд кылбурлэн оригиналэныз артэ пуктйз солэсь зуч кылэ берыктэм кык, куинь, куддырзя нош ньыль но, вить но вариантъёссэ. Отысь ик туж умой адзйськиз, берыктйсьёс пöлысь нокин Гердэз ортчыны öз на быгаты шуыса.

Сыҕе шöдскымон вამышьёс лэсьтэмын ке но ини, малпасько Ашальчи Окилэсь гожьямьёссэ утчан, вöлмытон но эскерон удысын трослы тырмыт öм на ужалэ шуыса.

Нырысь ик юан кылдэ: зэмзэ ик-а куамын сизыым гинэ кылбур гожтыса вуиз нырысетй удмурт нылкышно гожьяськысьмы? Зэм ик-а 1925-тй арын потэм «Сюрес дурын» бичетсэ сазнам бераз со одйг кылбур но öз ни гожты? Ҷем дырзя статьяосысь пумитаськод таҕе кылъёсты: «1920-тй аръёслэн пумазы со номыр но öз ни гожья». Солы оскыны но кызыбы но уг луы. 1931-тй арозь ке но, Гердэз, но сое ассэ но кысканы кутскытозязы гожьяськытэк улыны со но кызыбы но öз быгаты, малпано. Бератаз со тодаз вайылйз: куке солэсь кылбуран ымзэ пытсазы, уйвöтъясаз со курадзыйлз кылбуръёс гожьяса. Озыен, 1931-тй арозь, «ымзэ пытсатозязы», со гожяз на! Со сярый ачиз ик вера Н. П. Кралины 1956-тй арын ыстэм гожтэтаз но. «1931-тй арысен мон номыр öй гожья ни», – пырак ивортэ со [Кралина 1990: 25].

Нош 1925-тй арысен 1931-тй арозь быдэс куать ар ук! Нырысетй кылбурез печате потэм дырсен (1918-тй ар) нырысетй книгаез печатласькытозь мында ик. Мар гожяз со та виын? Кытчы пыризы гожьямьёсыз? Куалектыса, ваньзэ ик-а ачиз быдтйз? Кин ке эшгёсыз, тодмосыз кие маиз ке кылемын-а? Оло, эскерись органъёслэн архивъёсазы?

Та ласянь нокин тырмыт öз утчаськы на кадь али...

Чик эскеремын өвөл Ашальчи Окилэн но агаезлэн, Айво Ивилэн гожъяськон, литература, удмурт улон пумысен кенешонъёссы, мал-паськемъёссы. Нош соос, осконо, Окилэн дунневаланаз шödйськытэк ноказы но öз кыле.

Мар тодэмын, со но калыке мур пычамын öвөл на. Выльзэ шöдон калыке наука пыр гинэ уг пыча, тодос татын инъет гинэ луэ. Тодонзэ калыке вöлмытон понна капчиен лыдзöн книгаос, радио но телеверанъёс кулэ. Тужгес но шонер сюрес – школа. Зеч уж малпамын – арысь аре «Удмуртия» кун издательство поттылэ школаысь библиотекаослы чаклам серие пырись книгаос. Отчы марлы ке но чемгес шедё повестьёс но романъёс гинэ. Марлы та серие пыртоно öвөл вылэм, шуом, Гердлэсь но Ашальчи Окилэсь кылбуранзэс, веросьёссыс но?

Докладэлэн нимыз борды берытскыса, вермае потэ: Ашальчи Оки ачиз но литература удысын сайктйсь кужым луиз ини. 2007-тй арлэн пумаз асьме доры вуиз Любовь Фёдорова доцентлэн выль книгаез. Нимаське со «Удмурт нылкышно кылбуретлэн тулкымъёсыз» шуыса [Фёдорова 2007]. Отчы сюремын, Ашальчи Оки бордысен кутскыса, али Писательёслэн огазеяськоназы пырыны дасяськись егитъёс дорозы ог кызь нылкышно гожъяськисьёслэн кылбуръёссы. Нылкышно кылбурчиос шöдскымон кужым сёто туалалэ удмурт литературалы. Соослэн выжыоссы мертчемын Ашальчи Окилэн кылбуран дуннеяз.

Литература

Ашальчи Оки. Чыргывесь = Ожерелье: Кылбуръёс. Стихи / Ашальчи Оки; сост. и вступ. ст. А. Ермолаева. – Ижевск: Удмуртия, 1998. – 152 с. – На удм. и в пер. на рус. яз.

Герд К. П. Люкам сочинениос: Куать томен. 1-тй т.: Кылбуръёс, поэмаос / Кузубай Герд; люказ, азыкыл гожтйз но валэктонъёс сётйз Ф. К. Ермаков. – Ижевск: Удмуртия, 2001. – 352 б.

Кралина Н. П. К вопросу об изучении творчества Кузубая Герда / Н. П. Кралина // Кузубай Герд и удмуртская культура: сб. статей / отв. ред. А. Г. Шкляев. – Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1990. – 184 с.

Фёдорова Л. П. Удмурт нылкышно кылбуретлэн тулкымъёсыз / Л. П. Фёдорова. – Ижевск: Удмуртия, 2007. – 352 б.

Asalcsi Oki. Miért hallgat az udmurt nõ? = Ашальчи Оки. Малы шып улэ удмурт нылкышно? <...> / Ашальчи Окилэн кылбуръёсыз Бедэ Анналэн берыктэмезья; сузьетэз люказ но азыкылзэ гожтйз Петер Домокош. – Szombathely, 2004. – На удм. и в пер. на венгер. яз.

7. РУКА ОБ РУКУ СО ВРЕМЕНЕМ

7.1. НЕ РАССТАВАЯСЬ С РАССКАЗОМ

(Счет предъявляет время: сб. статей. – Ижевск, 1977. С. 147–165)

В 1975 г. в московском издательстве «Современник» вышел сборник рассказов Г. Красильникова «Зелёные бусы». В него вошли лучшие короткие прозаические произведения, переведённые с удмуртского языка на русский самим автором, за исключением рассказа «Уходящий пусть уходит», переведённого В. Ерёминим и названного: «Пусть уходит». Чуть раньше, в 1971 г., в издательстве «Удмуртия» Г. Красильников выпустил книгу рассказов на удмуртском языке под названием «Уходящий пусть уходит» («Кошкисез мед кошкоз»). Именно о них и пойдёт речь в этой статье.

Рассказ – короткий повествовательный жанр. Жизнь показывается в нём не так широко и всесторонне, как в повести, тем более в романе. И «поддается» он легче, чем сложные, большие жанры, начинающим, малоопытным литераторам. Не удивительно, что все или почти все удмуртские прозаики начинали свой творческий путь именно с рассказов. Но многие из них, «освоив» повесть, роман, уже не обращались более к этому жанру, считая его пройденным этапом. Иначе смотрел на него Г. Красильников. В течение всего литературного творчества он никогда не расставался с рассказом. В 1953 г. писатель впервые пришёл к читателю со сборником рассказов «Обыкновенный день» («Огшоры нунал»). Вторая его книга так и называлась – «Рассказы» («Веросьёс»). Затем он написал повести «Старый дом» («Вуж юрт»), «Остаюсь с тобой» («Тонэн кылисько»), которые в авторском переводе писателя были тотчас замечены всесоюзной критикой и сделали имя удмуртского писателя известным читающей публике страны. Жанр повести был освоен. Однако книги, в которые наряду с названными повестями писатель неизменно включал и рассказы

(«Старый дом». Повесть и рассказы. М.: «Советский писатель», 1959; «Остаюсь с тобой». Повесть и рассказы. Ижевск, 1961), и сборники рассказов «Доброе имя» (М.: «Советская Россия», 1961), «Начало года» (М.: «Советская Россия», 1967), подготовленные к изданию параллельно с повестями, показывали, что Г. Красильников продолжал совершенствовать мастерство новеллиста. Позднее писатель закончил дилогию «Олексан Кабышев», создал глубоко психологичный роман о человечности и силе гуманизма «Начало года» («Арлэн кутсконэз»). Но последним прозаическим произведением, подготовленным и изданным им самим, был всё же рассказ – «Уходящий пусть уходит». Г. Красильшков показал, что и в небольшом произведении, в рассказе, можно глубоко раскрыть внутренний мир человека, его мысли, желания, радости, огорчения, надежды и что внутренний мир человека – лучшее зеркало, отражающее борьбу противоречивых сил окружающей жизни.

Рассказы Г. Красильникова часто становились как бы экспериментом, пробой пера перед созданием больших полотен. З. Богомолова в книге «О творчестве Геннадия Красильникова» отмечает: как только вышло постановление Центрального Комитета партии об усилении связи школьного обучения с жизнью, писатель, прервав другую работу, горячо взялся за создание повести «Остаюсь с тобой». Как он мог так быстро переключиться на новый материал, на новую тему? Оказалось, что постановление задело его за «живое», подняло такие проблемы, над которыми писатель думал ещё раньше. И материал будущей повести был для него не так уж чужд, неизвестен. Об этом говорят его рассказы «Невеста» («Дусым»), «Доброе имя» («Анют»), «Третий лишний» («Куинетйез мултэс»), героями которых, как и повести, являются сельские труженики. Одни из них, благодаря коллективному труду, уже твёрдо встали на ноги, почувствовали себя хозяевами в колхозе, другие всё ещё ищут своё место в жизни. Как раз ту же тему ощущения своего «законного места в жизни» более глубоко разрабатывает писатель в повести «Остаюсь с тобой», как бы обобщая накопленные по капелькам наблюдения за процессом обновления послевоенной деревни и раздумья о ней. Перед созданием большого произведения писатель в рассказах провёл «разведку» характеров людей обновляющейся деревни, их взаимоотношений. Доярка Анна Балашова из рассказа «Невеста» под своим же именем вошла потом в названную выше повесть. Предсе-

датель колхоза Арсентий Ильич из рассказа «Ненароком» («Пыртос») очень похож на председателя Алексея Кирилловича Захарова в той же повести. А героиня рассказа «Маша» («Укно пыр»), сохнувшая над бумагами в отделе райисполкома и мучительно решающая вопрос, ехать ли ей в колхоз для работы по специальности агронома или остаться в чистеньком райцентре, – разве она не напоминает Алешу Курбатова, главного героя повести «Остаюсь с тобой», который проходит сложный путь поисков себя, пока не находит своё «законное место» в родном колхозе? Подобные «эскизы» находим и к другим большим полотнам писателя. Герой романа «Олексан Кабышев» («Тёлсяска») Васька Лешак (Чупыргы Вася) впервые предстал перед читателем в рассказах «Сон Чупыргы Васи» и «Чупыргы Вася и мунчо кузё». В период создания романа «Начало года» писатель «встретился» с некоторыми героями будущей книги и познал их характеры в рассказах «Человек редкой души» («Мурт сюзэм»), «Начало года» («Арлэн кутсконэз»). Несмотря на то, что рассказы помогали писателю осмысливать большие, романские проблемы, все они художественно законченны, цельны и имеют самостоятельное значение. При таком постоянном внимании к рассказу весь путь творческого развития писателя не мог не отразиться в поэтике его коротких повествовательных произведений. В книгах рассказов этот путь даже более заметен, чем в крупных произведениях: здесь под одним переплетом оказываются вещи, созданные в разные периоды творчества.

Известный советский литературовед и прозаик Л. Якименко отмечает, что в современной советской прозе происходит процесс её субъективизации, т.е. в изображении жизни всё большее место занимает личностной, оценочный момент, исходящий из точки зрения или самого писателя, или его героев. Г. Красильников шагал в ногу со всей советской литературой. Герои многих его произведений показаны «изнутри», через их внутренний мир – через их восприятие окружающего, через их мысли и чувства. То, как писатель постепенно осваивал мастерство психологического анализа, хорошо отобразилось в его рассказах. В первых книгах («Обыкновенный день», «Рассказы») главное место занимают события. Писатель сам повествует: вот что случилось с моими героями! Их внутренний мир, надежды, сомнения и т. д. оставались как бы в тени. Впоследствии некоторые герои начали «исповедоваться»: в рассказе «Зелёные бусы» печальную историю своей любви расска-

зывает механизатор Курбатов людям, случайно оказавшимся во время сильного дождя вместе с ним под навесом; в рассказе «Оксана» о горячей любви удмурта Антона и украинки Оксаны в вечерних сумерках повествует старик сидящему рядом с ним на завалинке парню. Такие персонажи-повествователи не только излагают суть истории – немалое место в их рассказе занимает их отношение к ней, их размышления по этому поводу, их оценка случившегося. Ради того они и начинают свой рассказ, чтобы высказать свое отношение к истории, излить накопившееся в душе. Так начинался путь усиления субъективного момента в рассказах Г. Красильникова. Следующим шагом на этом пути явились произведения, написанные целиком от имени одного из персонажей. Таковы рассказы «Деда-баба», «Страшный сон», «Меняю фамилию», в которых, естественно, всё повествование окрашено личностным отношением героев-повествователей к жизненным ситуациям.

Пройдя такой путь субъективизации повествования, писатель, обогащённый новым творческим багажом, как бы вновь возвращается к своему прежнему опыту объективной прозы, к «бесстрастному» повествованию от своего имени. Но это возвращение происходит уже на новом художественном уровне: он соединяет объективную и субъективную формы повествования. Внешне такие рассказы выглядят так, будто они написаны от имени лишь самого автора, а по сути писатель часто как бы сливается со своими героями, как бы входит внутрь их и оттуда смотрит на происходящее, их меркой начинает мерять окружающую жизнь, помогая читателю глубоко понять логику их мышления и поступков. Повествование автора часто переходит в несобственно-прямую речь и во внутренний монолог персонажа, в нём четко слышны не только настроение и интонации героя, но часто – и характерные для его речи сравнения, обороты, отдельные слова. В то же время читатель постоянно ощущает присутствие самого автора, его отношение к героям и к тому, что они «пропускают» через свое миропонимание. Ведь здесь писатель уже не просто «цитирует» своих персонажей, как это было в рассказах с героями-повествователями, но излагает их мысли сам, внося в них момент и своего, авторского отношения к событиям. Так усложняется структура повествования, появляется как бы двух- и трехэтажность в оценке окружающего мира, обогащается внутреннее содержание произведений: уже в самой переключке интонаций автора и персонажей часто бывает заложен конфликт. Таковы рассказы «Маша»

(«Укно пыр»), «Камешек» («Ваментул»), «Невеста» («Дусым») и многие другие. Особенно характерным в этом отношении является «Пусть уходит», произведение, базирующееся на результатах многолетних творческих поисков.

В этом рассказе Г. Красильников развивает тему, широко представленную в его предыдущих работах. Впервые он пришёл с нею ко всесоюзному читателю двадцать лет назад, когда журнал «Дружба народов» (1957, № 9) напечатал его повесть «Старый дом». Это была тема скопидомства, индивидуализма и собственности. Рассказ – не роман и не повесть, здесь нет возможности всесторонне раскрыть связи собственника со средой, породившей его, с почвой, в которую глубоко ушли его корни. Дом Кирилла Васильева в рассказе описан не так обстоятельно, как «гнезда» Зои и Макара Кабышевых, Гироя Самсонова в дилогии («Старый дом», «Олексан Кабышев»). В данном случае автора интересовали не подробности быта, не вещи, которые характеризуют хозяев, а сам хозяин, Кирилл Васильев, его психология, его миропонимание. Кирилл – не отсталый и даже не рядовой колхозник. Он принадлежит к тому кругу людей, которые в предыдущих произведениях Г. Красильникова как раз противостояли всему косному в деревне, в том числе и заразе собственности. Кирилл – первоклассный механизатор. И всё же именно он является прямым наследником «старого дома». Профессия механизатора, как бы говорит писатель, сама по себе не застраховывает от психологии стяжательства. Олексан Кабышев, родившийся и выросший в «старом доме», не оттого внутренне ушёл из него, что стал механизатором. Он преодолел инерцию «старого дома» благодаря тому, что потянулся к людям, что товарищи помогли ему найти себя в коллективе. Не будь этого, даже став механизатором, как его жена Глаша – учительницей, он остался бы во власти традиций «старого дома». Подтверждением этой мысли является жизненная позиция Кирилла Васильева, которая предстает как возможный вариант судьбы Олексана Кабышева.

Симптомы болезни индивидуализма в рассказе предстают уже несколько в измененном виде, потому что и протекает она уже в другой, обновленной среде. Однако основные признаки её те же, что и в повести. Макар Кабышев, герой повести, с пустыми руками домой не возвращался. Если в колхозе плотничал – тащил обрубок бревна или, завернув в фартук, приносил кучу щепок. *«В хозяйстве для всего место*

найдётся. Вода с крыши по капельке падает, а кадку доверху наполняет». Не с пустыми руками возвращалась и его жена Зоя, работавшая на птицеферме. А как быть Кириллу, механизатору, который не имеет дела ни со щепками, ни с комбикормом? Целое лето на тракторе он копал траншею для водопровода. Конечно, всем будет хорошо с водопроводом, особенно женщинам. И Кате, его жене, не придётся по нескольку раз в день торить тропку, ходить под гору к источнику. Но почему он, Кирилл Васильев, сделавший доброе дело для всей деревни, не должен соблюсти и свою особую выгоду? Водопроводная колонка по плану должна была быть поставлена метрах в ста пятидесяти от его дома, напротив ворот Мартына Капитонова. *«Хо, Мартын не какой-нибудь царь, ходит в простых пастухах, поносит воду и со стороны, ноги пополам не переломятся»**¹. Неужто Катя, да и сам Кирилл, работавший на установке водопровода, будут ходить за водой к Мартыну? И Кирилл самолично нарушает установленный заранее план, в ущерб соседям ставит колонку против своего дома. Это уже не щепки, не обрубок бревна – тут шаг понаглее и порешительнее! На ту те «волну», что и Кирилл, настраивается Катя. Она пришла в его дом, прославившись на общей, колхозной работе. Её уважали, восемнадцатилетнюю девчонку колхозники избрали членом правления. Теперь она заботы мужа о своём доме, как, бывало, и Макар Кабышев от своей жены Зои, принимает с радостью. *«Нет, Кирюша, не устала я. Теперь с водой легко. Два шага всего-то»*, – с благодарностью говорит она мужу.

«Макар даже наедине редко баловал сына лаской, лишь иногда проведёт корявыми пальцами по мягким волосам мальчика... – говорится в повести «Старый дом». – ...Зато в минуты гнева не знал Макар жалости». Без любви вырастил Кабышев сына. И потому Олександр рос замкнутым, недоверчивым к людям. Так, по-видимому, росла в семье Самсоновых и Глаша, которая и позже, живя в доме мужа, не научилась ни радоваться, ни горевать открыто, вместе с людьми. Таким растит своего сына Петю и Кирилл. *«В детстве их не надо только лишнего жалеть, а там поймут, людьми станут, – рассуждает он, когда семилетний Петя, увидев, как отец с силой пнул его щенка, заплакал. – ...Растёт мальчик, ничего-о, человеком станет, если пойдёт*

---

¹ Здесь и далее предложения, фразы, отмеченные звездочкой, даны в подстрочном переводе автора статьи. – В. В.

в отца, свою дорогу найдёт...»* Члены семьи Кирилла – новые возможные жертвы той болезни, которой заражён он сам. Потом за них придётся бороться, как в своё время боролись за Олександра, за Глашу. Хорошо, если эти люди найдут свою дорогу от «старого дома», как Олександр. А если нет? Если в какой-то форме повторится в них судьба Макара? Этот вопрос беспокоит писателя, и он готов вычеркнуть Кирилла из колхоза, из семьи: уходящий пусть уходит! Лишь бы не было его «душка» здесь.

Рассказ как бы вскрывает изнанку, нутро Кирилла, показывая собственническую природу его индивидуализма. Этой цели подчинены и приёмы внутреннего монолога, которые мастерски использует писатель. Приёмы эти, как уже говорилось, мы встречаем и в других произведениях Г. Красильникова. В рассказе «Пусть уходит» он не только умело использует уже освоенный опыт, но и обогащает его. Произведение почти целиком построено на внутреннем монологе. Сразу после небольшого вводного абзаца, где автор представляет нам своего героя, он оставляет читателя один на один с Кириллом, предельно откровенным, не подозревающим чьего-то чужого присутствия. И мы следим за его мыслями. Автор проводит нас через все события, окрашенные взглядами Кирилла на жизнь, на людей. Правда, в переводе В. Ерёмкина такое своеобразие произведения несколько стёрлось; повествователь в переводе гораздо чаще и резче прерывает неторопливые размышления Кирилла, делая конфликт между героем и повествователем более явным, очевидным (в оригинале конфликт подан гораздо тоньше и глубже).

Средства внутреннего монолога в этом рассказе кажутся особенно уместными и плодотворными: Кирилл, мучительно размышляя, пытается оправдаться перед собой, всё больше саморазоблачается. С помощью внутреннего монолога совершается движение рассказа: развивается сюжет, обрисовываются люди, с которыми Кирилл мысленно спорит, разносторонне освещается фигура самого героя. В правлении колхоза Кириллу сказали, что он индивидуалист. Кирилл оскорблён. Он снова и снова возвращается к «жесткому» слову правленцев, чтобы доказать себе, что он не индивидуалист, и всё больше раскрывается перед нами именно в этом качестве. Самовольно установил колонку у своего дома? А у кого было особенно и спрашивать? Не у Мартына ли Капитонова, колхозного пастуха?! Катя, здоровая, молодая, выбо-

жит через калитку, нажмёт на ручку колонки – свежая, холодная вода мигом наполнит ведро. Хорошо! И правильно. Катя – жена механизатора. Котныр кенак, старая женщина, с трудом тащится от своего дома к колонке и с ещё большим трудом – обратно, с водой. Тоже правильно! Она – жена Мартына Капитонова, пастуха. А дизельный трактор с пастушьим кнутом кто сравнит? Что важнее? Ясно, трактор! Чтобы прокопать траншею сверх договора, довести до своего дома, Кирилл работал всю ночь, при свете фар. За эгоизм, за самовольное использование колхозной техники в личных целях его обсудили на заседании правления, оштрафовали и на полгода отстранили от трактора. И сделали, конечно, «неправильно». Во-первых, Кирилл *«сам копал, сам трубы тянул, никого не нанимал. Это ясно?»* Во-вторых, говорят, *«сам для себя персональный водопровод проложил. Ну, а если и так? Неужели не заслужил?»* Неужели он и этим не может выделиться среди соседей? Обидели человека, по рукам и ногам стукнули. Ни на что не посмотрели, *«словно до этого дня и не работал Кирилл в колхозе. За такой пустяк начисто зачеркнули все заслуги»*. Его, опытного механизатора, на полгода лишили права работать на тракторе. *«Поработай, говорят, рядовым, если хорошо себя покажешь, снова вернёшься на трактор. Хо!.. Может, его, классного механика, определите в подпаски к Мартыну Капитонову? Или грузчиком – мешки таскать? Нет, Кирилл пока ума не лишился. Вы ещё придёте попросите: возвращайся, мол, Кирилл, на машину, плохо у нас с кадрами, не хватает работников, зло не держи на нас, ошиблись мы, слишком строго обошлись с тобой...»* Но никто к Кириллу не пришел, и он совсем перестал выходить на работу, ушёл в районный центр, устроился кочегаром в больнице: сколько ни делай добра людям, они, видно, не понимают!.. *«Тебе, Васильев, как вернулся из армии, дали новенький трактор. Ты неделями не стоял на ремонте, как другие механизаторы»*. Нашли чем упрекать! Он, классный механизатор, разве стал бы, как другие, валяться под машиной, ремонтировать её?! Кирилл – исключительный человек. Как этого не замечают? *«В правлении сидят люди понятливые, слова лишнего не скажут, а с Кириллом говорили совсем как с дитём»**.

Когда Кирилл вернулся из армии, первым женихом был в округе. Многие девушки тайком вздыхали по нему. *«О, тогда только моргни, любая девка с радостью пошла бы за него замуж... И красивее Кати были, а он не погнался за красотой, не синицу – воробья выбрал»*.

Что ж, Катину красоту не на базар везти». «Будь ты хоть куколкой, если в кармане пусто, кому ты мила?» А Катя работящая, всего достигла трудом. *«Семья у них не маленькая, отца нет, а кроме Кати ещё трое младших. И всё-таки сумели на Катины трудодни новый дом построить».*

Потому Кирилл ценил её. *«И хоть не было между ними пылкой любви, Кирилл всегда жалел жену, старался чем-нибудь помочь ей. И водопровод он протянул к дому тоже для того, чтобы Кате было полегче. Жалко было смотреть, как она, согнувшись под тяжестью ведер, поднималась по крутой тропинке из оврага».* Ничего не поняли люди!.. В больнице Кирилл сошёлся с другой женщиной, с Одок. *«Смотри, узнает Катя, выдерет тебе волосы...»* – смеялась она. О, разве Катя посмеет? Она должна благодарить судьбу, что из золы попала в кадку с мёдом. Хорошо, такой умелый муж у неё. При другом мужчине была ли бы столь беззаботной её жизнь?.. Кирилл исключительный во всех отношениях. Его нельзя равнять с остальными. И позволено ему должно быть гораздо больше. Впрочем, все его претензии сводятся лишь к одному: *«Если сам о себе не позаботишься, кто о тебе порадеет?»* Позвольте ему позаботиться о себе так, как он считает нужным. Другого он и не требует.

Катю Кирилл действительно ценил. Но не как человека, а на свой манер – как полезную для себя вещь. В день свадьбы *«под одеялом Кирилл положил правую руку на Катину плечо, и она задрожала, как молодая лошадь, впервые очутившаяся в упряжке»**. Точность этого образа, отсутствующего, к сожалению, в переводе, подтверждается всем содержанием рассказа. Катя, действительно, как лошадь, впряглась в большое, хлопотливое хозяйство Кирилла. Не зря Одок на шутовское предложение Кирилла выйти за него замуж спросила: *«А сколько будешь платить?»* Она знала, что жена Кирилла – скорее лишь прислуга. Далее о Кате сказано: *«Шмелем-пчелой не тронутый, ветрами не облаканный, дождями не погнутый цветочек Кирилл взял и прикрепил себе к петлице»**. Вот именно – взял и прикрепил! Не человек она, а полезная и приятная вещь. И потому надо её беречь, как, скажем, новые хромовые сапоги – не ползет же Кирилл зря в них в грязь, будет жалеть. Свои! А если при случае он и сменит их на кирзовые, на те, что вот уже полгода оставляют узорчатые следы на дороге к райцентральной больнице, пусть хромовые не ревнуют: значит, так нужно хозяину.

В небольшом произведении писатель смог добиться богатого содержания. Он умело, экономно организовал весь материал его. Рассказ насыщен удмуртскими пословицами и поговорками. Разведённая женщина Одок о себе говорит: *«Одна голова, две ноги»**. Она же на просьбу Кирилла зайти к нему в кочеварку отвечает: *«Лошадь сама идёт к овсу!»** Реплика Одок, как и многие другие метафоры, сравнения у Г. Красильникова, хорошо «прилажена» к тексту. В оригинале перед этой репликой сказано: *«Подойди-ка, красавица, конфету-пряник дам! – засмеялся Кирла, что заржал»**. Это «ржанье» и вызывает поговорку о лошади и желанном для неё овсе. Пословицы и поговорки в рассказе не выставлены напоказ, а полномерно работают по основную идею, на раскрытие характеров персонажей. После того как Кирилл закончил работу с водопроводом, к нему пришёл бригадир, и вот как он говорит: *«Колхозный трактор за собственный принимаешь, что ли? Шире своих ног шагаешь, парень»**. Или вот бухгалтер больницы, поняв, что Кирилл – скряга, говорит ему: *«Ну, Васильев, ты – курт кӧжы, железный горошек, оказывается»**. «Железный горошек» в образном разговорном удмуртском языке и есть скряга. Русские говорят: «Зимой снега у него не выпросишь», а удмурты такого человека называют «чурит», т. е. «твёрдый, жёсткий», или ещё острее – «чурит куртчем», буквально: «закусил жёстко, твёрдо», так просто не возьмёшь, дескать, от него. О мужчине около сорока лет удмурты говорят, что у него пора, когда стылый металл в силах раскусить («кын курт куртчон дырыз»). В рассказе, в частности, так самодовольно думает о себе Кирилл. Всё это не национальная атрибутика, а естественная атмосфера быта, образ мышления и чувств народа, создающие неповторимый национальный колорит рассказа. Спустя два месяца после возвращения Кирилла из армии в его доме зазвучали свадебные песни. Гости, как бы желая проломить половицы, плясали, до безголосья пели, вспоминает Кирилл. Тонко, не нажимая на этнографические подробности, писатель намекает на свадебную обрядовую песню удмуртов, в которой дружки невесты в доме жениха поют: «Прыгнем в пляске и проломим переводы под полом».

«Живой как жизнь», – сказал К. Чуковский о языке народа. Он не стоит на месте, постоянно развивается. Это учитывает Г. Красильников и сам включается в словотворчество. Он не ограничивается употреблением пословиц и поговорок из слова в слово, во многих местах их чуть-

чуть переиначивает, исходя из необходимости точнее передать нужную мысль произведения, другой раз, опираясь на опыт народа, сам создает меткие, острые афоризмы. «*Эх, улон-муньбылон*», – думает, например, Кирилл о своем безрадостном положении («улон» – «жизнь», «му» – «земля», «ньюлон» – «проглотить»). Об Одок он думает: «*Выходила она замуж, но то ли друг для друга не подошли, то ли чего-то не поделили. Хм, хлеб с калачом не соединишь. Только кто знает, который из них хлеб, а который калач...*»* О ней же: «*Эх ты, вдова, выпавшая из упряжки одинокая оглобля!*»*

Хорошо организуют произведение, придают ему мелодическую цельность своеобразные повторы, я бы сказал – «внутренние рифмы». В самом первом абзаце, где писатель представляет нам Кирилла, засыпающего уголь в печь кочегарки, написано: «*Спустя некоторое время уголь накалился и, подобно разбуженному шмелиному гнезду, зажужжал*»*. Через несколько страниц вновь встречается этот образ: Катя – «*шмелем-пчелой не тронутый цветочек*»*. Думается, это не случайное совпадение, так же как не случайно повторяется и образ упряжки – первый раз, когда речь идёт о замужестве Кати, второй – Одок. Писатель старается сконцентрировать внимание читателя на минимуме изображения предметного мира, но рассмотреть его всесторонне, во многих связях, строя на этом свои рассуждения, философию. Вот и здесь предмет метафорического изображения тот же – шмель, а появляется он второй раз в ином плане, чем в первом случае. Целый процесс возникновения афористического образа на основе повторов прослеживается на следующем примере. Кирилл рассуждает: «*Деньги – они слепые, к умелым рукам ластятся*»*. Спустя некоторое время, к нему в кочегарку приходит сменщик, тугоухий Олексей агай, о котором Кирилл думает: «*Глухой есть глухой, лежащий на печи валенок, и тот, наверно, лучше слышит*»*. Проходит ещё несколько часов – Кирилла вызывают в правление колхоза. Он полагает, что правленцы признают свою ошибку – «зря обидели!» – и со злорадством думает: «*Вот как жизнь обрачивается... Посмотрим, сказал слепой, послушаем, сказал глухой*»*.

Этот приём также характерен для творческой манеры Г. Красильникова. На подобном развитии образа, например, построена повесть «Остаюсь с тобой». Кажется, писатель использовал здесь опыт зрелого М. Горького, выразившийся, в частности, в предельно продуманном архитектурном построении романа «Дело Артамоновых».

Сознание порочности дела этой династии российских капиталистов, смутно-смутно появившись, неотступно звучит в устах, мыслях разных людей, в разное время, по-разному, набирает силы, чтобы потом, в конце книги, разлиться полноводным потоком и разрешить конфликт. Так звучит мысль о месте в жизни в повести «Остаюсь с тобой». Она как бы становится одним из действующих лиц. Нам интересно следить за ней, видеть, как она в борьбе, споре, сомнениях растёт, крепнет, самоутверждается. Мысль, выраженная в заголовке рассказа «Уходящий пусть уходит», проходит такой же путь развития. Сначала, будто нечаянно, появляется фраза, высказанная сменщиком Кирилла Алексей агаем: «*Уходишь, ладно, иди*», заронившая, как искру, смутное чувство тревоги в героя; потом эта мысль вновь и вновь появляется немного в иной интерпретации, в ином окружении; и наконец, в правлении колхоза Кириллу четко и ясно говорят: «*Решил уходить, уходи, силой держать не будем... Держаться за тебя мы не собираемся, как говорят, уходящий пусть уходит. Вот так, Васильев!*» Вот, оказывается, чего подсознательно боялся Кирилл, что тревожило его, почему безобидная фраза Алексей агая так запала ему в душу! Но и это не всё. Судьба Кирилла, вытекающая из предыдущих его поступков, последовательна и неумолима. Идёт Кирилл, чуть развенчанный в своих глазах, из правления домой: оказывается, в деревне могут обойтись и без него, значит, его место там, в котельной больницы. Заходит во двор и слышит голос жены: «*Ладно, что уж теперь, ушёл – так ушёл. Уходящего не удержишь... Найдём другого...*»* Нет, не о муже говорит Катя, а о щенке, которого пнул Кирилл и который убежал; Петя заливается слезами, и теперь приходится успокаивать его. Но в душе Кирилла эти слова находят подготовленную почву, попадают точно в цель. Он невольно принимает их на свой счёт. И не без основания. Мы знаем, почему. Знай и Катя о связях мужа с Одок, может, она адресовала бы их прямо Кириллу. А может, она сделает это в будущем? Так или иначе, писателем проведена проекция, и мы воспринимаем её как реальность.

Не только сюжетом, но и формой рассказа, его архитектурной Г. Красильников выразил свою мысль. Как в скульптуре линии, очертания фигуры раскрывают её идею, пафос художника, так и здесь движение самого *материала*, из которого строится рассказ, – движение слова, своеобразная ритмическая организация его становится средством выражения содержания. Писатель показал человека, его крах,

движение вниз. Все ниспадающие линии образа Кирилла берут начало от одного видимого нам поступка – установки им колонки у своего дома, поступка, обусловленного эгоистическим расчетом, и печать этого губительного шага несёт каждая линия, показывающая его дальнейшее падение. В том месте, где изображено обсуждение Кирилла на заседании правления и наказание за самовольный поступок, они могли изменить свое направление. Руководство колхоза пыталось дать почувствовать Кириллу, что он движется не туда, но тот всё надеялся: это не всерьёз, «обидчики» ещё спохватятся и извинятся перед ним. Лишь после второго разговора в правлении он пожалел о своём поступке.

Рассказ «Пусть уходит» – произведение об ответственности человека за себя, за свой поступок. Совершив однажды действие, направленное против окружающих людей, и не осознав свою вину, человек неминуемо обречён на дальнейшее падение. Самовольный поступок Кирилла родился не на пустом месте. Механизатор шёл к нему из дня в день, И руководство колхоза, как ни странно, не мешало ему, а помогало. Кирилл считал себя исключительным, имеющим право на большее, чем остальные, – правление, общественные организации закрепляли в нём такое сознание, выделяли его среди других, вручали премии, грамоты. Выдавай только продукцию на-гора, а что у тебя за душой – нас не интересует! Таким образом, рассказ даёт материал для разговора не только об ответственности человека, но и об ответственности за человека. В переводе В. Ерёмина Кирилл совершает ещё один проступок – в порыве гнева ударяет Мартына Капитонова. Но и такое усугубление вины его вряд ли до конца оправдывает позицию правленцев. Оно не лучшим образом сказалось и на качестве рассказа. Более тонкий, нравственный конфликт, который является основой произведения, заслоняется конфликтом, вызванным уголовно наказуемым поступком. Осуждать Кирилла и оправдывать тех, кто с ним конфликтует, стало гораздо легче. Но легкий путь здесь вряд ли самый верный. Литература судит людей судом нравственным. И хорошо, что этот суд беспощаден к людям и в тех случаях, когда их проступки не подпадают под статьи уголовного кодекса. Сила рассказа Г. Красильникова в том и заключается, что здесь драматические коллизии возникают на основе проступка «незначительного», ранее как бы не замечаемого нашими писателями.

Во время второго разговора в правлении Кириллу пытаются помочь выбрать правильный путь: *«Ты, Васильев, без разрешения ушёл*

в райцентр. Где ты там работаешь? В котельной больницы? А где ты вырос? В котельной? А в детстве где жил, кто тебя хлебом кормил, котельная? Когда учился в школе, матери одной трудно было, кто тебе покупал одежду? А ушел в армию, кто заботился о твоей престарелой матери? Может, опять котельная?» Но звучит этот разговор довольно странно. В нем слышится некоторое противопоставление райцентра и колхоза. Такая позиция правленцев, кажется, совпадает с авторской и выглядит совсем не случайной. В повести «Старый дом» Микта Иван, ушедший, как и Кирилл, из колхоза в райцентр, прямо сравнивается с дезертиром с поля боя. «*А что делают с дезертирами? Расстреляли, как паршивую собаку!*» – подытоживает сравнение человек, рассказавший о случае во время Великой Отечественной войны. Микта Ивана, который просился обратно в колхоз, оттолкнули, как ненужную вещь.

Причины ухода людей из колхоза занимали Г. Красильникова не менее, чем проблемы собственнического индивидуализма. Но если к вопросу о болезни собственничества Г. Красильников подходил как истинный исследователь, то в трактовке мотивов ухода из деревни он кажется несколько односторонним и прямолинейным: остаются хорошие, уезжают плохие. Можно, пожалуй, даже сказать, что и здесь он видит только эгоистический расчёт. Такими чертами характера наделены ушедшие Микта Иван и Коля-учетчик в повести «Старый дом», Рая Березина и Юра Черняев в повести «Остаюсь с тобой», Кирилл Васильев – в рассказе «Пусть уходит». А ведь уход уходу рознь. Почему деревня не может проводить своего питомца на промышленную стройку, на учёбу, чтобы человек получил, скажем, профессию ученого-физика, химика и т. д. для работы в городе? Трудно во всех случаях ухода из деревни в качестве причины видеть лишь нравственный изъян человека. Случай с Кирлой наиболее прост: персонаж в данном случае соблюдал лишь свою выгоду. Ну, а во многих других случаях? Это проблема не только вины «уходящего», но и «вины» самих объективных обстоятельств, здесь необходимо серьёзное писательское размышление. И в этой связи вызывает несогласие та лёгкость, с какой автор решается на несколько категорическое осуждающее обобщение: «Уходящий пусть уходит!»

Так этот рассказ, как бы подытоживающий творческий путь Г. Красильникова, избрал в себя и сильные, и слабые стороны его художественных исканий.

7.2. СВОЕОБРАЗИЕ ТАЛАНТА – МНОГООБРАЗИЕ ПОИСКОВ: К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФЛОРА ВАСИЛЬЕВА

*(Вопросы истории и поэтики удмуртской литературы и фольклора:
сб. статей / НИИ при СМ УАССР. – Ижевск, 1984. – С. 62–68. –
Публикуется в сокращении)*

1. Традиции и новаторство в поэзии Флора Васильева

Флор Иванович Васильев (1934–1978) – один из наиболее известных удмуртских поэтов в нашей стране. Писать и публиковаться он начал в 1950-е гг., когда в удмуртской литературе происходил процесс ломки «риторической гладкописи» и утверждения поэзии мысли, активной, динамичной формы стиха. Опираясь на традиции Михаила Петрова, Игнатия Гаврилова, а позже – Кузубая Герда, Ашальчи Оки и других удмуртских поэтов старшего поколения, вместе с Николаем Байтеряковым, Александром Белоноговым и другими современниками он своим творчеством определил главные тенденции развития национальной поэзии.

*Пусть стихотворная строка
порой суха,
порой строга –
о ней напрасно говорят,
что нужен пышный ей наряд.
В дороге дальней ни к чему ей ожерелья и сережки.
Ее встречают по одежке, но провожают – по уму [1], –*
(Перевел Я. Серпин)

писал Ф. Васильев в начале 1960-х гг., выражая общую устремленность удмуртской поэзии тех лет.

Талантливый сын своего народа, Ф. Васильев преодолевает региональную замкнутость и выходит на всесоюзную арену. Складываются творческие связи его со многими поэтами нашей страны: успешно сотрудничал он с поэтами-переводчиками О. Поскрёбышевым, Э. Балашовым, Т. Кузовлевой, А. Жигулиным, Я. Серпиным, Е. Храмовым; дружеские отношения связывали Флора Васильева с Мустаем Каримом, Кайсыном Кулиевым, Борисом Укачиным, Яковом Ухсаем и другими писателями, творящими на различных языках народов России.

В 1960–1970-е гг. Ф. Васильев достойно представлял удмуртскую поэзию в советской многонациональной литературе, определив специфику своего поэтического восприятия мира. *«Лёг – и к василькам щекой приник, / Встал – и головой в ракетном громе»* [2], – вот масштабы, которыми измеряется человек в его стихотворениях. Поэзия Ф. Васильева сочетает в себе высокую патетику, взлет романтической мечты о времени, о космосе, о человеке, и элегическую тональность, раздумья о смысле жизни, о добре и зле.

Поэт писал на удмуртском языке, однако его стихи читают в самых разных уголках нашей необъятной Родины в переводах на русский и другие языки народов СССР. Произведения Ф. Васильева знают и в народной Венгрии. Поэт хорошо представлен в таких книгах венгерского профессора Петера Домокоша, как монография «История удмуртской литературы» (Будапешт, 1975), антология поэзии восточных финно-угров «Медвежья песня» (Будапешт, 1975).

При жизни поэта вышло 13 сборников его стихотворений (7 на удмуртском и 6 на русском языке). «Река и поле» (М., 1978, на русском языке) и «Ойдо вераськом» («Давай поговорим», Ижевск, 1980, на удмуртском языке), самые емкие и значительные по содержанию, подготовленные к печати самим поэтом, появились после его трагической смерти в результате автомобильной катастрофы. Ныне ему исполнилось бы 50 лет. Вышли также посмертные книги стихотворений «Дороги», «Вкус солнца». Многие стихотворения остались в записных книжках и в настоящее время друзьями поэта готовятся к публикации.

Поэзия Флора Васильева пробуждает в людях высокие нравственные чувства, доброту, стремление быть там, где трудно, где ты всего нужней. Все, кто знал поэта, могут сказать, что таким был он и в жизни – добрым, чутким, отзывчивым. И во взаимоотношениях с людьми, и в творчестве он всегда оставался самим собой. Отсюда берет начало горячая убеждающая сила его поэтических строк.

2. Цвет и цветовая символика в поэтике Флора Васильева

Богата и разнообразна поэтическая палитра Флора Васильева, которая еще ждет своего всестороннего изучения. Лирик по своему мировосприятию, Ф. Васильев сумел с наибольшей силой выразить совре-

менное национальное, эстетическое, нравственное самосознание своего народа, диалектически соединив любовь к родной деревне, отчему краю и его культуре с ощущением болей и радостей всего мира. Его лирический герой, чутко улавливающий богатые оттенки вечной борьбы добра и зла, решительно встает на сторону добра. Используя глубоко традиционные для удмуртской народной поэзии приемы очеловечивания природы, поэт с новых, современных позиций решал вопросы взаимоотношения человека и окружающей среды, поднимая их на большую нравственную высоту. *«Природа несуетно учит доброте, – писал поэт в предисловии к сборнику, не случайно названному «Река и поле» (1978). – И буду рад, если своими стихами в самой малости смогу передать эту доброту другим, помогу людям быть чуть-чуть лучше»* [3].

С изображением и очеловечиванием природы тесно связана такая особенность поэтики Ф. Васильева, как «рисование красками», показ многокрасочного богатства природы, а через нее – многообразные переживания человека, что, по сути, восходит к традициям устно-поэтического творчества родного народа. В удмуртских народных песнях, поговорах, поговорках и в других малых формах народной поэзии встречается удивительное богатство многосложной цветовой гаммы. Еще в 1941 г. Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд отмечали обилие *«цветовых эпитетов, необычайно характерных для удмуртской народной поэзии»* [4]. Достаточно вспомнить популярную и в наши дни песню «Лымы тӧдьы» («Снег белый»), где лирическая героиня сравнивает с собой (со своей одеждой, глазами, щеками, губами и т. д.) цветное богатство окружающей природы и приходит к выводу, что человек еще ярче, красивее.

Исследователи установили связь между множеством цветowych эпитетов устно-поэтического творчества с изобразительным искусством удмуртов: *«В удмуртском устно-поэтическом творчестве в словесный образ включается «цвет», «узор» декоративного искусства»* [5]. Анализ стихотворения Ф. Васильева «Укно вадьсысь шупу вылын...» («На калине под окном...», в сб. «Нош ик тон сярысь», с. 110) убедительно показывает, что образы красногрудых снегирей и красных ягод калины в сочетании с белым фоном снега вору́т напоминают цветовую гамму и узорную линию, красочно вытканного мастерицей-удмурткой, полотенца-чалмы [6]. Искусствовед К. М. Климов ставит вопрос о необходимости рассматривать народное искусство еще более широко: *«В свою очередь сами произведения народного декоративно-приклад-*

ного искусства чем-то напоминают песни» [5], – пишет он и приводит слова вятского писателя и этнографа Всеволода Лебедева о вышивке северных удмуртов: «Когда взглянешь на этот холст, чувствуешь, что кто-то запел на нем песню, и эта песня осталась» [5] Нельзя не согласиться с итоговым утверждением К. М. Климова о том, что «мотивы вышивки, узорного ткачества с их ясным, четким орнаментом и цветовым строем сопоставимы с мерным ритмическим складом устно-поэтических жанров и песенными мелодиями» [5].

В этой статье мы ставим более скромную задачу – на ряде примеров рассмотреть, как в творчестве Ф. Васильева преломляются особенности «цветового» видения мира, воплощенные в прикладном и поэтическом искусстве удмуртского народа.

Уже в довольно раннем сборнике «Тон сярэсь» (1966), в стихотворении «Быдэс бусы...» («Всё поле...») встречается обилие красок осенней природы: золотым зерном она вливается в склады, уставшее солнце неспешно продолжает свой путь в потускневшем небе, свадебные мелодии, словно белые лебеди, плывут из деревни в деревню, красные гроздья рябины через изгородь тянутся к улыбающимся людям. Такой же яркой палитрой написана природа в стихотворении «Сйзыл» («Осень») и во многих других произведениях поэта. И здесь, как мы убедились, поэт продолжает традиции своего народа.

Однако для устно-поэтического творчества удмуртов характерно не просто обилие цветовых эпитетов – многие цвета здесь имеют свои символические значения. Для примера приведем народную песню «Тодьы но тэркы...» («Белая тарелка...»), записанную нами в 1979 г. при исполнении ее уроженкой дер. Арбайка Алнашского района Черновой Валентиной Николаевной.

*Тодьы но тэркы
Лемлет дуρο –
Кельше со
Эмезь ой но бичаны.*

*Тодьы но тэркы
Ой съод дуро –
Кельше со
Сутэр ой но бичаны.*

*Белая тарелка
С алой каймою –
Подходит она
Собирать малину.*

*Белая тарелка
С черной каймою –
Подходит она
Собирать смородину.*

(Подстрочный перевод).

Здесь еще нет открытого символического смысла цвета. Но это лишь зачин – первая половина характерного для удмуртских народных песен частичного параллелизма, как правило, изображающая картины природы. Во второй половине закономерно появляется человек:

*Тõды но кышет
Лемлет дуру –
Кельше со
Пинал ой но нылъёслы.*

*Белый платок
С алой каймою –
Подходит он
Молодым девушкам.*

*Тõды но кышет
Ой събд дуру –
Кельше со
Пересь ой но кышнолы.*

*Белый платок
С черной каймою –
Подходит он
Для пожилой женщины.*

Символическое значение алого и черного цветов очевидно. Алый – знак молодости, здоровья, хорошего настроения и т. д. Черный – знак отцветшей жизни. Значения этих символов устойчивы и в других народных песнях:

*Љужзэ дйсай – бездылйз,
Вожзэ дйсай – бездылйз,
Бератаз мон събдзэ дйсай –
Пинал дауры ортчиз [8].*

*Желтое надела – выцвело,
Зеленое надела – выцвело,
В черном платье я пошла –
Моя молодость прошла.*

(Перевела Н. Лихова).

По узорам изделий (тканых ковров, вышивок, вязаных чулок, ва-режек и т. д.), выполненных удмуртскими народными мастерицами,

легко заключить, что любимые цвета удмуртов – белый, черный, красный. Удмурты любят сильные, яркие, контрастные тона. Ф. Васильев художественно осмыслил эту особенность психологии народного творчества. Говоря о неброских красках окружающей природы, он писал:

*Растелет толшор¹ свою белую простынь.
Привык инвожо² только к скромным цветам.
И каждый удмурт
Одевается просто,
Но яркие краски нравятся нам.*

*Как грудь снегиря,
Расцветает рубашка.
Зеленая роцца – зеленый айшет³.
Бегут васильки и белая кашка
По поясу милой, что в праздник надет.*

(Перевел Э. Балашов. – «Река и поле», с. 72).

Белый, черный, красный цвета чаще всего встречаем и у Ф. Васильева. Как и народное декоративно-прикладное искусство, поэт не обходится без зеленого, желтого, синего, голубого и других тонов цветовой гаммы. Но они употребляются народными мастерицами гораздо реже, как бы для отделки изделий, выполненных основными, сильными тонами. В поэтике Ф. Васильева, как и в народном творчестве, выстраивается такой ряд символических значений цветовой гаммы: белый – светлое, радостное в жизни, вера в торжество справедливости и добра; черный – тяжелая, темная сила, стремящаяся уничтожить эту веру; красный – борьба за светлое, против черного; зеленый – сила роста, жизни; желтый – богатство, ценность, самое дорогое и близкое сердцу.

Важно отметить, что цветовые эпитеты приобретают символическое значение в творчестве Ф. Васильева по мере совершенствования его мастерства, его поэтики. Связь цветовых эпитетов с народной символикой ощутима в таких сборниках, как «Нош ик тон сярысь» (1969), «Гажан дыр» (1971), «Куар усён толэзе» (1976), в том числе в посмертном

---

¹ Толшор (удм.) – январь.

² Инвожо (удм.) – июнь.

³ Айшет (удм.) – передник.

«Ойдо вераськом» (1980). Правда, и в ранних стихах поэта цвет иногда употребляется в символическом значении, но эти символы скорее всего были почерпнуты не из народной эстетики, а из литературы или символической агрибутики сегодняшней жизни. Так, в сборнике «Шунды доры» (1963) напечатано стихотворение «Яратйсько гордэз» («Люблю красное», с. 15), где поэт говорит о своем пристрастии к красному маку, красным гроздьям рябины, освещенному красным солнцем небу, каштановым волосам любимой. Венчает этот ряд бьющееся на ветру и ведущее нас вперед красное знамя. Ради него и написано стихотворение. Революционная символика образа определяет его идейно-художественный пафос.

Однако и первые книги поэта: «Шунды доры» (1963), «Тон сярысь» (1966) – свидетельствуют о том, что народное понимание цветовой символики жило в поэте уже тогда. Правда, выразилось оно не в стихах, а в художественном оформлении книг самим автором. Поэт хорошо рисовал, после окончания педучилища, где, конечно, были уроки изобразительного искусства, некоторое время работал учителем в сельской школе. Взгляд живописца, несомненно, способствовал и развитию поэтического мышления Ф. Васильева. По-видимому, в начальный период своего творчества он испытывал более сильное эстетическое воздействие прикладного искусства, а не устно-поэтического творчества, во всяком случае – в плане понимания символических значений цветовой гаммы.

Белый, черный, красный – основные цвета удмуртского народного прикладного искусства – и составляют ту палитру, которая использована автором при оформлении им книг «Шунды доры» и «Тон сярысь». Обложки находятся в заметной цветовой гармонии между собой, хотя контрастность их оформления также бросается в глаза: фон обложки, то есть преобладающий цвет оформления, у первой книги – черный, у второй – белый.

Судя по заглавию книги «Шунды доры» («К солнцу»), черный цвет обложки – символ неизвестности, тьмы в наших познаниях. Красный шар солнца в верхней части рисунка и написанные внизу красным инициалы автора символизируют здесь борьбу против черного, это знак стремления познать неизвестное, одолеть темные силы жизни. Таков пафос и всего сборника. Между тремя красными цветовыми пятнами на черном фоне прочерчены белая линия горизонта и белый силуэт космического корабля, один конец которого касается горизонта, а другой – солнца. С белыми силуэтами переключаются выведенные белым остальные

буквы имени поэта. В самом оформлении звучит идея борьбы светлого с темным, которая с большей силой проявится потом в творчестве поэта.

На титульном листе сборника «Шунды дорь» – другой любимый цвет удмуртов – желтый, во многих последующих стихотворениях Ф. Васильева воспетый как цвет солнца, хлеба, италмаса и золота. На белом фоне в центре листа – желтый круг с расходящимися лучами, а внутри него также желтым выведено название сборника «Шунды дорь». В левом верхнем углу черными легкими буквами написано имя автора.

Заглавие «Тон сярсь» («О тебе», 1966) связано по смыслу с первым («Фаиналь» – «Фаине») и последним («Гажанэлы» – «Любимой») стихотворениями сборника. Книга посвящена умершей в 1964 г. первой жене поэта, которой он при ее жизни и после посвятил немало стихов. В сборнике переводов на русский язык «Лирика» (1967) Ф. Васильев собрал некоторые из них в единый цикл и назвал его «Именем твоим» с посвящением Фаине. В цикл вошли пять стихотворений, основным пафосом которых является борьба смерти и жизни, торжество вечно обновляющейся живой природы и доброй памяти о человеке. Стихотворение, замыкающее цикл, написано раньше остальных, 15 декабря 1963 г., когда Фаина была еще жива, однако, по-видимому, уже в предчувствии ее смерти.

*Сётысал мон нимдэ тынэсьтыд
Италмас кадь чебер сяськалы.
Дыр вуиз ке, шунды си улын
Со куасьмоз но, вуноз зеч нимыд.*

*Дать бы твое веселое имя
Цветку – прекрасному, как италмас.
Но вянут цветы под лучами сквозными
В мареве знойном в полуденный час.*

(Перевел Я. Серпин).

Заканчивается оно такими словами:

*Мон сётй ке нимдэ кырзанлы,
Со отын жингыртоз вунытэк.
Бусыын но, цехын но калык
Кырзаса данъялоз зеч нимдэ.*

И стройное зеленое дерево, и звезда на темном небосклоне – ничто не вечно, ничто не сможет сохранить имени любимой так, как это делает добрая песня, запавшая людям в душу:

*Но если в песню вошла ты
И если
Людям она дорога и близка –
Негромкая песня, сердечная песня
Имя твоё сохранит на века!*

Ощущение торжества жизни над смертью передает и художественное оформление удмуртского сборника «Тон сярись». Белый фон обложки подчеркивает неиссякаемую веру в доброе, хорошее в жизни, победу светлой памяти над забвением. Эту же мысль усиливают очертания женского лица на фоне черного прямоугольника в верхней части обложки. Внизу черными буквами набран текст: «Флор Васильев. Кылбуръёс но кырзанъёс», – а между этими черными цветовыми пятнами – большие красные буквы «Тон сярись» («О тебе») как символ борьбы за светлое. Титульный лист книги и клапан суперобложки оформлены сочетанием тех же красок – белой, черной и красной.

От черно-бело-красной строгости несколько отступает колорит обложки сборника «Нош ик тон сярись» («Снова о тебе», 1969). Правда, любимые цвета удмуртов – черный и красный – здесь тоже есть, но преобладающим является желтый фон. Это несколько необычно: по традиции народного прикладного искусства желтый применяется для отделки, для достижения облагораживающего оттенка. Желтый фон придает обложке мажорный, радостный вид. Этот сборник также посвящен Фаине, что подчеркивается названием и деталями оформления, в частности, силуэтом женской головы в верхней части обложки. По-видимому, поэт своим оформлением передает некоторое смягчение прежней трагедийной строгости в воспоминаниях о любимой и еще больше подчеркивает торжество жизни над смертью. Однако титульный лист сборника «Нош ик тон сярись» выдержан всё в том же традиционном черно-бело-красном колорите.

По-праздничному нарядна обложка книги «Лирика» (1967), где на белом фоне оранжевым написано название, черными некрупными буквами – фамилия и имя автора, по всему листу попарно разбросаны

зеленые силуэты елей, а в верхнем правом углу – прямоугольник цветной фотографии с изображением колоска ржи на фоне пурпурного диска солнца.

Вся эта гамма красок богато представлена и в поэтическом творчестве Ф. Васильева, которое подтверждает символическое значение тех или иных тонов, намеченных в художественном оформлении книг.

Ранее других, пожалуй, наметилось смысловое противопоставление белого и черного цветов. Еще в книге «Тон сярсь» (1966) белое приобретает четкое значение веры в прекрасное, лучшее:

*Под белой березой,
Пробив сугроб почерневшего снега,
Вырос белый цветок подснежника –
Белая звездочка земли.*

(Подстрочный перевод.)

Так начинается стихотворение «Тодьы кызьпу улэ...» («Под белой березой...») из того же сборника. Повторяющийся эпитет «белый» здесь употреблялся в значении доброго, светлого начала жизни. Во второй строфе это смысловое значение развивается: белый подснежник – разведчик лета, добрый нрав у этого цветка, потому, радуясь его появлению, словно солнечные лучи, ярко улыбаются в ответ ему хвоинки сосны. В стихотворении «Сяськаос-а Чупчи возь вылэ пазьгемын...» («Цветы ли разбросаны по лугам вдоль Чепцы...») рисуется радостная картина весеннего пробуждения природы, и как итог также появляется символический белый цвет – словно крылья лебедей, к солнцу прикасаются милые и звонкие мелодии песен гуляющих девушек.

Смысловая нагрузка этих образов еще довольно проста, но в них – начало будущего сложного переплетения тропов и глубинного осмысления социальных явлений, которое сформируется в творчестве поэта. Например, в стихотворении «Ваське, ваське лымы пыры...» («Падают, падают крупинки снега...»), в сб. «Куар усён толэз», с. 219), построенном на многократно повторяющейся звонкой рифме «тодьы» – «додьы» («белый» – «сани»), естественно, создающей общее светлое настроение, возникают полутона, отражающие сложности жизни и заставляющие задумываться.

Ощущением нелегких путей самоутверждения светлого начала в жизни наполнено и стихотворение «Белый снег» (перевод Э. Балашова, в сб. «Река и поле», с. 229).

*Белый снег.
Молодая пороша.
Белый пух
На остылой земле.
Хорошо,
Когда всё по-хорошему,
И земле хорошо быть в тепле.*

Поначалу утверждается традиционное символическое значение белого. Но уже вторая строфа раскрывает, как нелегко дается белому снегу его доброе дело. И всё же он несет в себе светлую надежду. Стихотворение и заканчивается, вызывая такое настроение:

*Будто лебеди
Белыми стаями,
На земле
Собирается снег.
Словно светлое счастье
Оттаяло,
Словно выпал
На землю
Рассвет.*

Здесь воедино сплелись и точно схваченные детали картины поздней осени – поры первого снега – и житейское осмысление этого явления, и очеловечивание природы, и художественное исследование нравственной сути с помощью усложненного параллелизма, и радостно-тревожные ощущения в связи с первым снегом. В воссоздании этой сложной гаммы чувств и настроений главную роль играет символика белого цвета.

На протяжении своего творчества Ф. Васильев неоднократно возвращается к идеям и образам первоначальных стихотворений, постепенно усложняя и углубляя их, наполняя новым социальным смыслом (это относится и к образам белого снега, белых цветов гречихи, черемухи, несущих в себе символическое значение светлого). В буквальном

переводе на русский язык сложное слово «сьёдчабей» («гречиха») звучит как «черная пшеница»:

Сьёдчабейлэн ой сяськаез   Цветы гречихи («черной пшеницы»)
Сьёд уг лу, тёдды луэ,—   Бывают не черные, а белые, —
(Подстрочный перевод)

поет народ, обыгрывая несовпадение внешнего вида явления и его названия. У Ф. Васильева ощущение такого несовпадения тоже постоянно присутствует: белое торжествует, несмотря на то, что где-то рядом есть черное («Сьёдчабей, сьёдчабей сяськая...»;– «Гречиха, гречиха цветет...», в сб. «Нош ик тон сярьсь», с. 47) «Выжыкыл вераса-а, вылды...» – «Может, слагая сказки...», в сб. «Куар усён толэзе», с. 200).

Притягательная сила белого цвета в поэзии Ф. Васильева – в постоянном (явном или скрытом) споре его с черным. Еще в сборнике «Тон сярьсь» поэт противопоставил эти цвета:

*Так быть или не быть?
Стоят друг перед другом
Свет дня и мгла ночей.
А на весах эпохи
Смерть спорит с жизнью...*

(Перевел В. Савельев, в сб. «Лирика», с. 10).

В споре участвует вся природа, но разрешается он в пользу жизни благодаря вмешательству человека-борца: он кладет на чашу светлого начала жизни свое сердце.

Ф. Васильева порой упрекали в некоторой абстрактности символических решений нравственных проблем добра и зла. Да, в его творчестве немало символических образов. Современность стихотворений, построенных на таких образах, не в реалиях жизни, а в пафосе нравственной устремленности.

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал, —*

полтора века назад великим русским поэтом написаны эти строки, но каждый из нас понимает, что их пафос всегда современен. Добрые тра-

диции гуманизма, заложенные классиками отечественной и мировой литературы, продолжал и Ф. Васильев:

*Не черните,
Люди,
Белый снег.
Потемнеть пора придет и снегу.
От напраслин
Гибнет человек,
А от сплетен горько человеку, –*
(Перевел Э. Балашов).

Или:

*Белый снег, белый снег.
Словно белый снег,
Белый заяц.
Чистые у него думы.
Он пулей летит,
Длинные уши прижав...*
(Перевел С. Щипачев).

Поэт создает картину светлого, доброго начала в жизни, многократно повторяя эпитет «белый» («Тодьы лымы. Тодьы луд кеч...» в сб. «Гажан дыр» с. 154; «Заяц» в сб. «Река и поле» с. 162). Во второй строфе стихотворения возникает контрастное противопоставление «белый» – «черный»: «черное дуло ружья», «черный дым». И белый, словно чистый снег, заяц лежит на белом снегу. Столкновение белого и черного выявляет полярные силы. Эти цвета бескомпромиссны. Подобную же символику их противопоставления можно увидеть в стихотворении «Коньбы вуон толэзь педлон...» («Месяц ноябрь на дворе...»).

*Тодьы но сьод буёл педлон,
Сйзъыл пöяськыны уни секыт.
Котькудйзлы, вылды, сьйче вакыт
Туж зеч тодмо: кин – эи, нош кин тушмон.*

*Белый и черный цвета, на улице,
Осенью обманывать уж нелегко.*

*Каждому, по-видимому, в такое время
Становится ясно: кто друг, а кто – враг.
(Подстрочный перевод).*

При этом Ф. Васильев следует традиции: в народном художественном мироощущении появление черного рядом с белым оценивается как возникновение ущербности, разрушение цельности светлого, благородного. «*Лулуу пуэн пуэсь уд лу, кучо валэн валэсь уд лу*» («*Имея ольховые дрова, не будешь с дровами, имея пегую лошадь, не будешь с лошадью*») гласит удмуртская народная поговорка. Или – «*Кочолэн пиез кучо ке но, мусо потэ*» («*У сороки дитя пестрое, и то кажется ей милым*»)! Чернобелая пестрота воспринимается как нечто неполноценное.

Между «белым» и «черным» в поэзии Ф. Васильева стоит красный цвет – символ борьбы. «Белое» без «красного» порою не только беспомощно против «черного», но само кажется холодным, как, например, в стихотворении «Палэзь» (в сб. «Тон сярысь», с. 25 – «Рябина» в сб. «Лирика», с. 51, в переводе В. Савельева звучит несколько иначе). Покрывший деревья белый снег вряд ли спас бы их от холода, если бы не красные, как горящие угли, гроздья рябины, вобравшие в себя жар летнего солнца.

Активно, страстно вторгается красный цвет головки клевера в борьбу между светом дня и темнью ночи в стихотворении «Клевер йырез жуатэм шат майсы...» («Зажег ли шмель головки клевера...», в сб. «Куар усён толэзе», с. 186). Они не гаснут даже ночью. Но тьма не хочет сдаваться – крыльями заслоняет она луга. И борьба разгорается с новой силой:

*Клевер йыръёс горд эгыр кадь пишто,
Пасяло ни уйлэсь бурдъёссэ,
Клевер йыръёс зардонэз, дыр, отё
Утьыны возь выллэсь чеберзэ.*

*Головки клевера горят как красные уголья,
Они дырявят уже крылья ночи.
Головки клевера, видно, призывают на помощь зарю,
Чтобы спасти красоту лугов.*

(Подстрочный перевод).

В этой иносказательной картине драматической борьбы добра и зла ярко утверждается определенная смысловая значимость красного цвета в поэзии Ф. Васильева. В следовании традиционной цветовой символике народного искусства проявляется романтическая окрыленность его поэзии.

Однако и в народном творчестве, и в поэзии Ф. Васильева цвет несет не только раз и навсегда закрепленную смысловую нагрузку. Порою даже в качестве символа он может приобретать совершенно другие значения. Так, у многих тканых узорных ковров удмуртских мастериц основа черная. Можно предположить, что это образ черной земли, а красные, зеленые, белые, желтые узоры на ней – переливы луговых цветов. Такая интерпретация вполне возможна. Земля черная, но она приносит добрые плоды. В таком повороте художественной мысли цвет несет обобщающий образный смысл и в то же время предметно обусловлен:

*Сьӧд музьем – шудо-буро музьем,
Секытэсь жэутско отын шепъёс...*

(В сб. «Куар усён толэзе», с. 28).

*Черная земля – счастливая земля,
Тяжелые поднимаются на ней колосья...*

(Подстрочный перевод).

Поэт понимает, что жизнь богаче определенных символов, она не вмещается в их тесные рамки. Он своим творчеством показывает, что один и тот же цвет может быть наполнен различным содержанием: *«Пусть не будет черной душа человека, пусть будет светлой она, как вода родниковая»*. Он подвергает пересмотру и достоинства символического значения чистоты и добра белого снега: *«И свежий снег всегда бывает белый, сверкает белизной, а сам холодный»*. Такие сопоставления с явлениями природы нужны поэту для художественного исследования души человека.

Цветовая символика придает национальное своеобразие удмуртскому народному творчеству и поэзии Ф. Васильева. Однако это не означает, что она является исключительной принадлежностью удмуртского художественного сознания. Можно отметить точки соприкосновения поэзии Ф. Васильева с поэзией других национальных литератур, например,

с творчеством башкирского поэта Мустая Карима. Пониманием сложности смысловой нагрузки определенных цветов наполнено его стихотворение «Белое и черное» («Время – конь крылатый», М., 1970, с. 80).

*Цвет горя черен, черен, как земля,
Приходит, наши волосы беля.
Земля, она сама черным-черна,
Но белизну цветов поит она.*

Такие сопоставления по законам усложненного психологического параллелизма приводят к выводу о непростых отношениях человека с миром:

*Коль одного тебя гнетет беда,
Не говори, что вся земля седа.*
(Перевела И. Снегова).

До сих пор мы подробно говорили о роли основных, самых сильных цветов в творчестве удмуртских мастериц и профессионального поэта. Неосновные, отделочные тона также нередко встречаются у Ф. Васильева, особенно желтый и зеленый.

*Лудысь вуэм юос выллем,
Тулкымъяське гурысь чуж тыл.
Оло, шунды люкет кылле,
Гурын пазя тылсиосын.*

*Будто спелые хлеба на полях,
Волнуется в печи желтый огонь.
Может, это кусочек солнца
В печи раскинул ясные лучи.*
(Подстрочный перевод).

Так начинается стихотворение, построенное на обыгрывании поэтом смысловых значений желтого цвета («Лудысь вуэм юос выллем...» в сб. «Куар усён толзее», с. 168). В первой строфе с помощью сравнений представлен ряд образов, соединенных на основе сходства в цвете. Во второй строфе дается более глубокое объяснение, почему эти

реалии поставлены в один ряд: кипящая сталь похожа на спелые хлеба цветом, а солнце – и жаром своим. В третьей строфе уже возникает этическая характеристика: все эти реалии похожи друг на друга тем, что приносят человеку счастье.

В качестве примера символического значения жизни, которое несет на себе эпитет «зеленый», можно привести стихотворение «Зеленые листья...» («Река и поле», с. 188). Поэт рисует безотчетную радость молодости, которую символизирует зелень листвы:

*Зеленые листья
Спросонок
Целуются с утренним солнцем,
И радостным полнятся светом
Не на день –
На целое лето...
Не знают они,
Что веселье
Огнем обернется...*

(Перевел Э. Балашов).

Во многих произведениях Ф. Васильева богатая цветовая гамма окружающей жизни представлена во всей своей совокупности в символическом значении основных и вспомогательных цветов. Так, в стихотворении «Чыртывесь» («Бусы», в сб. «Нош ик тон сярысь», с. 73) поэт обосновывает с помощью цветовой символики свою жизненную философию активной поддержки светлого, доброго:

*Весь борды мон весь сузьыйлысько,
Чыртывесь пумен мон люкасько.
Гордъёссэ мон бырийсько трогес,
Улонлэн яркыт со жардонэз.*

*Бусинки на нить одну к другой
Я нанизываю – для родной.
Красных взял побольше я не зря:
Это нашей жизни свет – заря.*

(Перевел О. Поскрёбышев).

Так с самого начала подчеркивается символическое значение цвета.

*Їужъёссэ уг вунэтійськы мон,
Ю-няньмы угось данъяськымон.
Бырийсько тёдъыоссэ нимаз –
Сьодъёссэ зеч возъматон понна.
Сьодъёссэ кулэ нош бичаны –
Медаз вун шушез улонамы.
Быдэсме ини чыртывесе,
Улон шуд мыным но зеч усе.*

*Желто-золотым я тоже рад –
Так хлеба под солнцем сплошь стоят.
Черные не стоило бы брать.
Да нельзя о черном забывать.
Белые я нанизал на нить,
Чтоб цвет черных резче оттенить.
Все цвета, как в радуге, сошлись –
То ли бусы это, то ли жизнь.*

Поэзия Ф. Васильева развивалась на основе тесной связи различных видов искусства родного народа. Нет сомнения, что ритмическая, звуковая и интонационная организация его стиха родственна не только устно-поэтическому творчеству, но и песенной мелодике удмуртов. Изучение этих связей – задача будущих исследований.

Поэтические сборники Флора Васильева, использованные при написании статьи

Васильев Ф. И. Шунды доры: кылбуръёс / Флор Васильев. – Ижевск, 1963. – 84 б.

Васильев Ф. И. Тон сярсы: кылбуръёс но кырзанъёс / Флор Васильев. – Ижевск, 1966. – 88 б.

Васильев Ф. И. Лирика: стихи / Флор Васильев; пер. с удм. – Ижевск, 1967. – 128 с.

Васильев Ф. И. Нош ик тон сярсы: кылбуръёс но кырзанъёс / Флор Васильев. – Ижевск, 1969. – 143 б.

Васильев Ф. И. Гажан дыр: выль кылбуръёс но кырзанъёс / Флор Васильев. – Ижевск, 1971. – 215 б.

Васильев Ф. И. Куар усён толэзе: выль кылбуръёс / Флор Васильев. – Ижевск, 1976. – 298 б.

Васильев Ф. И. Река и поле: стихи / Флор Васильев; пер. с удм. – М.: Современник, 1978. – 296 с.

Васильев Ф. И. Ойдо вераськом: выль кылбуръёс / Флор Васильев. – Ижевск, 1980. – 224 б.

Примечания

1. *Васильев Ф.* О себе // Река и поле. – М.: Современник, 1978. – С. 6.

2. *Васильев Ф.* Река и поле. – М.: Современник, 1978. – С. 36.

3. Там же. – С. 163.

4. *Гиппиус Е. В., Эвальд З. В.* К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни. / Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд // Записки УдНИИ, вып. 10. – Ижевск, 1941. – С. 66.

5. *Климов К. М.* К вопросу о связи фольклора и народного декоративного искусства удмуртов / К. М. Климов. // Внутренние и межнациональные связи удмуртской литературы и фольклора: сб. статей. – Ижевск, 1978. – С. 70.

6. *Ванюшев В. М.* Как яркий узор на чалме. Об одном стихотворении Флора Васильева / В. М. Ванюшев // Народное искусство и художественные промыслы Удмуртии: сб. статей. – Ижевск, 1980. – С. 126–129.

7.3. ОБРАЗ ВОЙНЫ И ОБРАЗ АВТОРА В ПОЭЗИИ МИХАИЛА ПЕТРОВА, НИКОЛАЯ БАЙТЕРЯКОВА И ФЛОРА ВАСИЛЬЕВА

(Патриотизм – духовный потенциал Великой Победы: материалы Респ. научн.-практ. конф., посвящ. 70-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Ижевск, 29–30 апр. 2015 г.) / Под общ. ред. А. Е. Загребина, В. В. Пузанова. – Ижевск, 2015. С. 72–84)

Многонациональная Россия вместе с дружественными народами мира отмечает 70-летие со дня окончания Великой Отечественной войны советского народа. За годы второй мировой войны погибли десятки миллионов людей из нашей страны. Память об этих жертвах неизбежна. Она зафиксирована в многочисленных документах. Поистине незаживающей болью кричит она в произведениях литературы и других видов искусства. Среди них очерки, рассказы, повести, стихотворения и поэмы таких прозаиков и поэтов Удмуртии, как Михаил Петров,

Игнатий Гаврилов, Михаил Лямин, Филипп Кедров, Степан Широбов, Юрий Шаврин, горячие строки которых рождались на полях сражений, в самом пекле войны. Спустя лишь немало времени после войны нашла свое русло философская лирика о военных годах Николая Байтерякова, тоже участника войны. Флор Васильев и выдающийся русский поэт Удмуртии Олег Поскрёбышев, в 1960–1970-е гг. создавшие целую эпоху в поэзии нашей республики, по своему возрасту еще не могли быть призванными на фронт. Они относятся к числу «детей войны», как называют теперь поколение родившихся в 1928–1945 гг. У них своя ипостась отображения военных лет.

* * *

Сила писательского слова в борьбе против нашествия гитлеровских фашистов на наши города и села была не менее грозная, чем сила оружейного огня. Как мощную океанскую волну всколыхнули весь советский народ слова Василия Лебедева-Кумача в первые же месяцы войны: «Вставай, страна огромная, / Вставай на смертный бой / С фашистской силой темною, / С проклятою ордой!». Они стали как будто своеобразным камертоном и для поэтической симфонии военных лет одного из талантливых соиздателей многонациональной литературы России, удмуртского многогранного писателя Михаила Петровича Петрова (1905–1955). На своем военном пути от Москвы до Кенигсберга в составе 49-й стрелковой бригады, созданной в Удмуртии, а затем 208-й дивизии Михаил Петрович воевал не только боевым оружием, но и писательским словом, неотступно фиксируя и зверства фашистов, и «ярость благородную», вскипавшую в его груди от увиденного и услышанного. Его очерки и рассказы, такие как «Уй čоже» («В течение ночи»), «Тудву вырзон дырья» («В половодье»), «Вить кышкасьтэмьёс» («Пятеро бесстрашных»), «Кыйкар» («Змеиное логово»), «Зангари сяськаос» («Васильки»), и другие, наполненные яркими деталями событий, явились своеобразными оперативными репортажами с полей битвы. Не случайно первый из них («Уй čоже») был выпущен в Ижевске в виде отдельной книги еще в 1943 г. Остальные, по-видимому за недостатком времени для редактирования, оставались в рабочих тетрадях писателя и оказались опубликованными уже после Победы, в 1945–1948 гг. Многие из тех событий, зафиксированных и обдуманых прозаиком, видно, стали основой лирики поэта-бойца Михаила Петрова, в собранном виде

увидевшей свет в 1946 г. в его книге «Сильтёл пыр» («Сквозь ураган»), в которой идейно-стилевое обобщение, философская мысль и чувственные переживания занимают уже главенствующее положение.

Какими же предстают образы войны и самого поэта в лирике военных лет Михаила Петрова?

Первое. Война – это разрушения, бесчинства, издевательства врагов над нашими людьми. Лирический герой видит весь ужас войны своими глазами. Ему больно говорить об этом. Он обращается к себе и ко всем защитникам наших ценностей: нужно отомстить за невинных людей! В стихотворениях «Нимтэм шур» («У реки Безымянной»), «Тй понна» («За вас»), «Тон лобзы, мынам кырзанэ!» («Лети, моя песня!») и некоторых других с глубокой скорбью повествуется о гибели детей, матерей, стариков, оказавшихся в оккупации, дается клятва ответить врагу жестоким ударом:

*Тон вера, кызьы куинь арес нуныез
Тушмон ыбыса погыртйз.
Тон вера, кызьы пурьсытам пересез
Капка юбое со ошиз,
Кызьы со зарни шепаськись луд вылэз
Шимес такырлы пөрмытйз.*

(«Тон лобзы, мынам кырзанэ!»)

Ты видела, песня: в горящем селе
Ребенок, как спящий, разбросил ручонки,
А дед у крыльца задохнулся в петле
Над крохотным трупом внучонка.
Ты видела, песня, как лютей злодей
Растапывал золото наших полей.

(«Лети, моя песня, лети!», перевод В. Семакина).

Второе. Война обострила чувство ответственности людей, вынудила, помогла им еще более сплотиться, объединиться в одно непобедимое целое. В дни тяжелых испытаний ещё сильнее стала дружба народов СССР, на фронтах бок о бок с русскими сражались грузины, узбеки, украинцы, татары, удмурты и др. Общность интересов, единые цели и стремления закалили межнациональные связи наших народов. Благородная, простая и сердечная дружба на фронте находит отраже-

ние в стихотворении «Вунонтэм эшъёс» («Друзьям»). В общении между собой удмурт, казах, грузин яркими красками рисуют красоту своих родных краев, и патриотизм каждого народа сливается во всеобщую любовь к советской Родине, обостряя желание борьбы за независимость страны. Лирический герой гордится великой дружбой, взаимной поддержкой и выручкой, которые сыграли большую роль в победе над врагом, и эта дружба передана задушевными словами:

*Огпол бой дыръя милемыз шур дурьсь
Землянка улэ пачкатйз.
Казах зуч пиен поттйзы кор улысь,
Ой вала, кудйз зыгыртйз.*

Не слышал я разрыва мины,
Упал, землю оглушен.
Не знаю, русским иль грузином
Я был от гибели спасен.

(Перевод В. Семакина).

Третье. Реалии войны противостественны для нормальной цветущей жизни.

*Ой, кытчы-о мынэ лудъёстй котыръясь
Малпанэ кадь пумтэм кузь сюрес?
Ой, кинлы-о кырза лыз инмын тюрагай,
Кин кылоз монэн чош со гурез?*

Ой, куда же, куда вслед за думой моей
По полям путь-дороженька вьется?
Турагай заливается песней над ней, –
Кто на голос его отзовется? –

начинается одно из стихотворений поэта (в переводе В. Семакина «У кургана»). Щемящее душу противоречие обрисованной картины заключается в совмещении, с одной стороны, поющего жаворонка в синем небе, ржаного поля с цветущими васильками и, с другой – окопа, вырытого на нем лирическим персонажем, бойцом, конечно же, с оружием в руках, для встречи нежеланных «гостей». Среди этого

синего шелка цветов уже похоронены, оказывается, одиннадцать наших героев.

Четвертое. Война – это вынужденный отрыв от родных мест, тоска по ним, по родной деревне. Природа запада не всегда по душе поэту. Лирический герой задыхается среди огороженных колючей проволокой чужих садов и полей. Сердце его как бы заключили в клетку. Оно рвется домой, в просторы колхозных полей и цветущих лугов. Герой верит, что скоро Победа, и предстоит реальная, а не во сне, встреча с родными («Мёзмон» – «Тоска»).

Поэтические произведения М. Петрова о войне в подавляющем большинстве случаев построены как монологи лирического героя. Яркой самобытностью среди них выделяется стихотворение «Кык эшъёс» («Два друга»), близкое по своей поэтике к очеркам и рассказам писателя о бесстрашных, богатых на выдумки бойцах, особенно – разведчиках. Два друга, Багров и Шатров, ночью в тылу врага оказались в затруднительном положении: скоро рассвет, а они еще не добыли «языка». На ум пришла мысль: использовать мирную профессию Шатрова, родившегося на берегах Камы и работавшего до войны имитатором в цирке. Два друга, успешно применив свою приманку на фрица (имитацию куриного кудахтанья), счастливые, с «языком» и вовремя вернулись к своим. Удмуртский поэт здесь, как и известный собрат по оружию, автор «Василия Тёркина», использовал форму устных солдатских баек, просмеивавших ненавистных врагов.

Образ поэта проявляется не только в том, о чем он пишет, но и в том, как он это делает.

Стихотворение «Тон лобзы, мынам кырзанэ» («Лети, моя песня!») написано в перемежку четырехстопным и трехстопным усеченным амфибрахийем, в форме обращения к собственной лире. Требования темы и замысел автора, кажется, только в этом размере и могли быть выражены наиболее полно, исходя из внутренних возможностей удмуртского языка, в котором в большинстве случаев ударным является конечный слог слова. В глаголах повелительного наклонения ударение падает на первый слог. Учитывая эту особенность, в нечетных строках перед риторическим обращением «мынам кырзанэ» («моя песня») поэт использует односложное указательное местоимение «тон» («ты») и затем уже – ударные глаголы повелительного наклонения «вёлмы» («растекайся»), «лобзы» («лети»), «вёлды» («распространяй»), «вера»

(«говори»), «пөрмы» («становись»), «жужа» («восходи»). Отсюда исходит большая выразительная сила стихотворения. Усилению экспрессивности содействуют повторы этих риторических обращений (синтаксическая анафора) и местоимения «тон» (лексическая анафора) в каждой строфе, также как лексическая эпифора «мынам кырзанэ» («моя песня») в нечетных строках первой и третьей строф.

*Тон вёлмы, тон лобзы, мынам кырзанэ,
Вирен пылатэм лудьёсы.
Тон вёлмы, тон лобзы, мынам кырзанэ,
Тылын сутылэм гуртьёсы.*

Лети, моя песня, пари, как орёл,
Над нашей землей, опаленной войной,
Над пеплом сожженных фашистами сел,
Над всей необъятной страной!

(Перевод В. Семакина).

К сожалению, перевод в данном случае не полностью соответствует оригиналу. Исчезла система повторов, отчего во многом теряется эмоциональная сила текста.

Перекрестная рифмовка этого стихотворения с чередованием коротких и длинных строк и нарастанием действия (прием градации) также усиливает взволнованность. Трагизм растет от первой мысли до конечной – враг не только убивает людей, но всё кругом превращает в пустырь. Для углубления переживания лирического героя введены также лексические и синтаксические повторы в начале и середине стиха («Тон вёлмы, тон лобзы» – «Ты растекайся, ты лети»).

Поэзия М. Петрова военных лет – это живой голос из самого горнила войны. Она присутствует в стихотворных строках в самых конкретных картинах со своей жестокостью, страданиями и в то же время – радостями малых побед, надеждой на успешное завершение этой тяжелой, опасной работы и возвращение в родные места, к родным людям, мирному труду. М. Петров в этом отношении похож на таких удмуртских поэтов, как Степан Ширококов и Филипп Кедров.

Сразу после войны М. Петров приступил к созданию поэмы «Кырзан улоз» («Песня не умрет»), посвященной как раз Филиппу Кедрову, героически погибшему во время войны. Ещё в 1946 г. были

написаны несколько строф, навеянных фронтовыми событиями. В начале 1947 г. был опубликован в газете «Советской Удмуртия» отрывок из поэмы, а в 1950 г. тщательно обработанная поэма вышла отдельной книгой.

Лирико-эпическое произведение сочетает в себе два сюжета: первый представляет эпическое повествование о фронтовом пути героя, а второй – лирические переживания субъекта речи, воспоминания о прошлом его друга-поэта. М. Петров, описывая боевой путь Кедрова, много места уделяет сражению под Витебском, где он пал героической смертью.

Автор поэмы резко выделил ведущие черты своих героев. В образе Ф. Кедрова особо подчеркнуты жажда священной мести врагам за честь Родины, за гибель советских людей и нежное, ласковое отношение к матери, к родной стороне. Особенно трогательно дан образ матери Ф. Кедрова. Счастье героини омрачилось в годы войны: погиб старший сын Пётр, а младший Филипп находится на фронте, но она верит, что он вернется невредимым, и эта вера придает ей силы. М. Петров обобщает в этом образе величие материнства. А образ поэта-фронтовика Филиппа Кедрова ассоциируется с образом сказочно-былинного батыра, его жизнь – с песней, пропетой во славу родине. Этот образ сочетает и высокий героико-гражданский пафос, и интимные чувства человека на войне.

Для передачи настроения героев поэт использует разные размеры стиха. Почти все воспоминания Ф. Кедрова, мысли и переживания матери, фронтовые события оформлены усеченным четырехстопным анапестом (/ - I / - - I / - - I / - - I), который содействует плавности изложения:

*«Чалмиз пулемёт. Шулзектэм тушмонъёс
Кизэс жэутыса потыло блиндажысь...*

Смолк пулемет. Осоловевашие враги

С поднятыми руками выходят из блиндажа...

(Здесь и далее, если не оговорено,
перевод подстрочный. – В. В.).

Для выражения резкой смены событий отдельные слова выносятся в строку, придавая слову большую предметность. Используя разговорную интонацию и разговорный словарь, поэт достигает простоты и выразительности. Воспоминания о радостной жизни изложены двустоп-

ным анапестом (/ - / - / - /): «Вазь чукна учыос / Кырзало садъёсын, / Кырзало нэнэлэн / Бакчаысь льёмпуаз» («Рано утром соловьи / Поют в саду, / Поют на черемухе в материнском саду»), выражающим на фоне усеченного четырехстопного стиха более подвижный, мажорный тон, а завершающая часть поэмы написана одностопным дактилем (/ / -): «Кёл, поэт!» «Спи, поэт!») и полным четырехстопным анапестом (/ - / - / - / - / - / - /: «Тынэсьтыд кёлондэ ми утём, кылбурчи» («Твой сон будем беречь мы»), что придает тексту торжественное звучание.

В поэме в духе народной символики изображена гибель героя – Ф. Кедрова: «Каллен мыкырскиз вуж беризь: / Чигиз выжытйз ик, пограз бамалысь» («Медленно склонилась древняя липа: / Переломилась у корня и обрушилась со скалы»). Как рухнула вековая липа, так и свалился герой-поэт, сраженный вражеской пулей.

Значение поэмы – в воспевании боевого духа народа, веры в неиссякаемые силы его. М. Петров типизирует обстановку периода войны, в образах Кедрова и его матери обобщает единство интересов народа, фронта и тыла, разных поколений людей, прославляет героический подвиг фронтовиков и самоотверженную работу тружеников тыла. Образ воина-поэта Филиппа Кедрова во многом перекликается с образом лирического героя поэмы. И не только. С образом биографического автора, т. е. самого Михаила Петровича Петрова тоже. Как интертекст, параллельно с биографией героя поэмы Кедрова всплывают в восприятии читателя тяжелое детство самого автора, обрисованное, в частности, в его довоенной поэме «Ортчем вамыш» («Былое»), а также тяга к армейскому служению Родине, поэтическое осмысление своего места в бурной социальной жизни.

Теплота взаимоотношений этих двух личностей возрастает от восприятия образа матери Кедрова, тети Анны, в поэме тесно перекликающегося с тем колоритом описания ее душевных переживаний, который наиболее полно и красочно, «в живом дыхании» представлен в письме Михаила Петрова матери Филиппа Кедрова («Гожтэт» – «Письмо»), написанном вскоре после гибели поэта.

Поэт, автор поэмы, и его герой, тоже поэт, как бы переплелись в едином образе. Именно это ощущение подтолкнуло вашего покорного слугу, дорогие читатели, к написанию баллады «Юг тыльёс» («Свет огней»), опубликованной в свое время и в оригинале, и в переводе на русский язык Владимиром Емельяновым.

* * *

Деятнадцатилетним парнем в 1942 г. ушел на фронт Николай Семенович Байтеряков (1923–1927). Увидеть ужасы войны в 18–19 лет – это потрясение на всю жизнь. Николай потерял на войне отца. Пережить это было ему очень трудно и больно.

Писать о Великой Отечественной войне он начинает только спустя некоторое время после Победы, хотя первые стихотворения его появились еще до войны. Для того, чтобы осознать образ этого жестокого времени, ему потребовалось время. Ему для поэзии уже не нужны были конкретные факты, как М. Петрову или, скажем, С. Широкову. Для Н. Байтерякова философия войны – и в памяти сердца, и в нравственном поведении человека в мире, им отвоеванном, философия, которую ещё К. Симонов выразил в своей фронтовой лирике: победа в равной степени принадлежит как живым, так и мертвым. Жизнь и смерть, ответственность перед своим народом – вот что тревожит поэта. В произведениях Н. Байтерякова не стреляют, не вешают, а всё больше возникает внутренних психологических коллизий. Поэт хорошо знает жизнь, чувствует и понимает характер и мысли человека. И в этом сила его стихотворений, этим они притягивают к себе читателя.

Лирический герой его – обобщенный образ защитника Отечества, который в недалеком прошлом был тружеником-крестьянином. Став воином, он получает высокое звание солдата. В поэтическом анализе Н. Байтерякова уживаются воспоминания о прошлом и раздумья о днях текущих.

Для поэта война – это боль утраты родных и друзей. Лирический герой винит себя в том, что он остался жив, а его отец и друзья погибли. Стихотворение «Тыныд, атай!» («Тебе, отец») – это обращение героя к погибшему отцу. Сын-победитель докладывает отцу о том, что вернулся домой. Присягает верности добрым делам, начатым старшими поколениями.

*Вазиськисько тыныд, атай,
Мон пöсь окопысь бертй быдэс.
Мар ке малпад вал тон, атай,
Быдэсьяськом ми со ужез.*

Обращаюсь к тебе, отец,
Я целым вернулся из горячего окопа.
Что ты задумывал, отец,
Мы исполняем это дело.

«Наследство» погибших приобретает нравственную окраску долга и ответственности:

*Сюлмаськемдэ тодско, атай,
Мон ож лудысь бертй быдэс.
Я тод, я тод туннэ, атай:
Мон быдэстй мытэм уждэ.
Нош тон ачид кошкид малы?
Шаед-гуэд кытын тынад?
Луысалыз ке амалы,
Ожмаськысал кык мурт понна.*
(«Оже бырем атаель»)

Я понимаю твои тревоги, отец,
Я целым вернулся с полей войны.
Знай же ты, знай сегодня, отец:
Я выполнил тобою начатое дело.
Но почему же сам ты ушел?
И где твоя яма могильная?
Если бы я мог,
То сражался бы за двоих.
(«В бою погибшему отцу»).

Война – это душевная боль, слезы матерей воюющих солдат. Лирический герой как бы наблюдает за женщинами со стороны. Он видит их слезы, сопереживает им.

*Кемалась ти кошкиз ож лудэ,
Нош тополь весь возьма но возьма.
Сад улын кышномурт куректэ,
Садэтий нош ветлэ югыт май.*
(«Топольёс»).

Как давно ты ушел на войну!
Трудно ждать им и горько не ждать.
И стоит у печали в плену
Под деревьями старая мать.

(«Тополя», пер. О. Поскребышева).

Как продолжение этому стихотворению звучит следующее:

*Ох, тие, ох, тие! Ёргие!
Пурысьтай мон, тонэ возьмаса.
Кытын тон?! Шай вылдэ сяськаен,
Лыз но горд сяськаен мерттысал...
(«Анныкей»).*

Эх, сынок, сыночек ты мой милый,
Столько лет не знаю: где ты.
На могилку б я посадила
Синие и алые цветы...

(«Анныкей», пер. Г. Иванцова).

Известен реальный прототип героини этого стихотворения. В родной деревне поэта была такая же старая, поседевшая женщина, которая ждала и не дождалась сына с войны, а после ее окончания, когда в деревне поставили памятник погибшим воинам, постоянно приходила к нему и разговаривала с сыном как с живым.

Война – это разлучница. Это горе вдов и сирот. Сильной, мужественной показана героиня в стихотворении «Оген кышномурт» («Одинокая женщина»). Лирический герой, как будто даже немного завидуя, повествует о непреходящей, настоящей любви.

*Дас кык ортчиз. Ортчоз дас вить.
Аръёс кошко. Нош тон огнад.
Бырем муртэ нокин уг вить –
Ож тыл пушкы быриз солдат...*

Всё ждешь его.
И жизнь так минет.
Давно закончилась война,

Давно на волосы пал иней,
А ты одна. Одна. Одна!
(Перевод О. Поскрёбышева).

Эти короткие предложения, следующие друг за другом, настраивают читателя на неминуемую беду. И она объявляет о себе.

*Секут ивор – тóдды кагаз.
Курыт малпан каръяськемын:
Уз ву! Уз ву! Ноку уз берт...*

И, словно камень, похоронка
Тебя гнетет который год,
Твердя то шепотом, то громко:
«Не жди солдата – не придет!»
(Перевод О. Поскрёбышева).

Критика высоко оценила поэму Н. Байтерякова «Солдатъёс ке кошко» («Солдаты вернутся»), переведенную на русский язык в разное время Г. Пагиревым и Г. Фроловым. Эта поэма о солдатских вдовах, о великом подвиге женщины-труженицы во время войны. И горе, и сила народа показаны через образ Марьи, потерявшей на фронте мужа, оставшейся верной его памяти, одолевшей вместе с осиротевшими односельчанами все тяготы военных лихолетий.

В поэме одинаково звучны и событийные, и психологические моменты. Вызывая ассоциативный ряд в восприятии читателя, поэт умело использует фольклорные реминисценции. Сочетание минорных и мажорных песенных ритмов и настроений уже в самом начале поэмы, затрагивая тему осмысления итогов прошедшей войны, создает драматическую коллизию, выражает внутренний конфликт героев, их душевную неуспокоенность, вызванную памятью о погибших.

*Пыд улын зукырто выж пулъёс,
Зукырто, зукырто, зукырто,
Войнаысь бертйзы солдатъёс,
Солдатъёс кырзало но экто.*

Под ногами скрипят половицы,
Скрипят, скрипят, скрипят,
С войны вернулись солдаты,
Солдаты поют и пляшут.

Эта строфа перекликается с одной из предшествующих, в которой иначе звучит лишь последняя строка: «Солдаты поют и плачут». А плачут они от того, что многие их товарищи не вернулись с полей войны. И тут же сами себя успокаивают: хватит плакать, и без нас много плачущих, не для этого мы одолели фашистского зверя, вернулись домой, как сказочные богатыри.

Небольшая вступительная часть звучит как увертюра ко всей поэме, полной драматизма, противоречивых чувств. Окончание войны здесь показано как огромное счастье, добытое кровью и потом, и как ощущение огромного горя, жгучей боли утрат, однако такой боли, которая рождает будущих героев.

Поэма экспрессивна. Смена настроений героев и повествователя часто выражается и изменением ритмики и строфики даже в пределах одной главы.

Наряду с песней и другими малыми жанрами фольклора, в качестве средства лиризации повествования, раскрытия психологии героев, их многосложных связей поэт умело использует внутренний монолог. Марья, оставшись одна, под впечатлением праздника встречи солдат после войны, идет на луга и мысленно обращается к погибшему мужу, вспоминая об их довоенных встречах, и будто слышит рассказ Степана о его последнем сражении под Смоленском. Внутренний монолог переходит в диалог, приобретая особую экспрессивность и драматизм. Он заканчивается вопросом Марьи, ждать ли Степана, ведь она все равно не верит в его гибель, и ответом Степана: да, надо ждать, потому что он вернется с попутным утренним ветром и выпадет на поля зерном обильного урожая.

Средства лирики занимают главное место и в раскрытии художественной идеи поэмы «Солдатлэн данэз» («Солдатская слава») Н. Байтерякова. В ней поэт, побывавший с экспедицией по местам сражений и гибели отца, продолжает начатый в стихотворениях диалог с ним. Образ Семона, человека от земли, труженика и солдата, встает как пример верности своим идеалам, живущим в роду испокон веков. На полях сражений он выполнял свою нелегкую работу солдата так же честно,

старательно, как он обрабатывал у себя в хозяйстве землю и сеял хлеба, т. е. добывал основу основ самой человеческой жизни. Лейтмотивом поэмы звучит мысль: «Нам прошлое забыть – великий грех».

* * *

Автору данных строк было пять лет, когда началась война. Не изгладилось из памяти то, как с щемящей надеждой, что отец там, на фронте, жив и здоров, ждали писем от него, и то, как наша не учившаяся в свое время в школе мама поздними зимними вечерами, придя с нелегкой колхозной работы, у коптящей керосиновой лампы выводила на бумаге корявые буквы. Письма на фронт обычно под диктовку мамы писала наша старшая сестра-школьница, но отец просил в письмах, чтобы хоть несколько строк своей рукой написала и наша мама... Не забыть, с каким аппетитом с голодухи мы, четверо «детей войны», по весне ели приготовленные мамой крахмальные лепешки из собранной нами на прошлогоднем колхозном поле гнилой картошки...

Флор Васильев был старше меня на два года. И его наблюдения за жизненными обстоятельствами тех лет оказались более глубокими. Вот как рисует поэт свои воспоминания военной поры в стихотворении, в переводе Татьяны Кузовлевой начинающемся словами «Иголкой в груди / Покалывают годы...»:

...Вот-вот вернется мама с огорода
С картошкой в переднике своем.
Мы, сыты
Лишь похлебкой из крапивы,
Ходили к огороду по траве,
Всё лето ожидая терпеливо
Сиреневых листочков на ботве.

Ромашки, наклонившиеся над дорожкой, гвоздики вдоль дорог не интересовали героев стихотворения – они ждали цветения картошки, потому что знали: «Ведь за цветеньем – созреванья срок». А картошка – это уже не похлебка из крапивы. Картофель – второй хлеб, говорят в народе. В те годы для голодных детей он был, пожалуй, важнее хлеба. Ведь хлеб колхозники сеяли, выращивали, жали, молотили и отправляли на фронт, в города. И картошка на своем огороде спасала

их жизни. Так цветы картофеля в стихотворении Ф. Васильева стали своеобразным мерилем жизнестойкого времени.

В багровых зорях догорали дали,
И мы, вконец усталые, тогда,
По письмам с фронта
Дни свои считали,
А по цветам картофеля – года.

Написанное в 1968 г. и вошедшее в оригинале в четвертую книгу «Нош ик тон сярсы» («Снова о тебе», 1969) уже созревшего, популярного поэта это стихотворение положило начало вдумчивому осмыслению им пережитого народом в нелегкие военные годы. В том же году написано и вошло в сборник «Гажан дыр» («Пора любви», 1971) стихотворение, в переводе Владимира Савельева начинающееся словами: «Как эхо в сосняке, / В моем усталом сердце / Звучат / Военных лет / Глухие голоса». Поэтом прочувствовано и переводчиком дословно передано удивительно точное сравнение. Выросший в лесном краю северной части Удмуртии человек будто через протяжные отголоски лесного эха воспринял призывы автора «книги про бойца», Александра Твардовского, выстраданные и высказанные еще сразу после окончания великих испытаний: «Прошла война, прошла страда, / Но боль взывает к людям: / Давайте, люди, никогда / Об этом не забудем! <...> Пускай всегда годину ту / На память нам приводит / И первый снег, и рожь в цвету, / Когда под ветром ходит». Призывы советского классика заново актуализированы удмуртским поэтом.

В наши дни, в течение последних шести-семи лет активисты разных краев России (в т. ч. и Удмуртии) обращаются к руководству страны с настоятельными требованиями уделить внимание и оказать социальную поддержку «детям войны», справедливо утверждая, что они детства не знали. С десяти-пятнадцати лет на колхозных полях, у заводских станков вместе с матерями и дедами ковали общую Победу. Теперь все они, оставшиеся в живых, пенсионеры. Здоровье подорвано с детства. Впоследствии именно это поколение и «штурмовало космос», и двигало другие направления развития страны. Флор Васильев, оказалось, и об этом размышлял уже раньше. «Мальчишки, мы тогда / До срока повзрослели, / Держались / Мужикам воюющим под стать. / Трудились день за днем, / Неделя за неделей, /

Стремясь / От матерей / В работе не отстать», – писал он. И далее, как и названные выше активисты, будто обращаясь к нашим руководителям:

Без детства
Нашу жизнь
Едва ль понять вам в целом...
Недаром,
Дорожа минутою – не днем,
Мы, к делу приступив,
Свершаем по два дела,
Надеясь всякий раз,
Что после отдохнем.

Как знать, не это ли вечное стремление «свершать по два дела» и погубило его. Ведь ему не исполнилось еще и сорока пяти лет, когда он погиб.

Поэт радуется каждой травинке, неизбежному, вечному обновлению природы. «Тропа походная в бурьяне, / Окопов раны заросли. / Трава зализывает раны / В местах заброшенных земли», – начинается другое стихотворение, написанное в 1970 г. и переведенное на русский язык Эдуардом Балашовым. Однако, как сказано в стихотворении, «Неизвлеченные осколки / Земля хранит в своей груди». Так тема войны естественно вплетается в сквозную линию всего поэтического творчества Флора Васильева – в процесс изображения вечной борьбы добра и зла. Осколки зла, войны, продолжают напоминать о себе:

Трава то нежная, то злая,
Тупая боль в ее корнях.
И, ничего не понимая,
Она желтеет на глазах.

Лирический герой Ф. Васильева не ограничивается наблюдением за борьбой добра против зла. Он сам включается в нее. «Я – / Грузчик твой, / Век!» – объявляет он послевоенному времени.

Я выгружаю
Твои вагоны.
Твои вагоны
Нагружаю я.

На моих плечах
Плывет богатство.

И далее:

Я выгружаю
Печаль
И нагружаю
Радость.

Потому что он знает:

Хотя на свете прибавилось радости,
Но и печаль еще властвует
В мире.
Ее нельзя бросить в море,
Как я бросаю ящики,
Наполненные войной.
(Пер. автора).

Поэт не может освободиться от горестных мыслей, навеянных войной. То как бы ненароком всплывают образы, связанные с военными событиями, то целиком обуревают они его («Однажды добрым летним утром...», «Огонь войны погас давно...», «Упал на холодную озимь...» и др.). Поэт основывается не только на своих личных воспоминаниях, его постоянно наталкивают на эту тему окружающие люди. «Приехал к матери поэт / Из города на малый срок. / Война-то будет или нет? Что говорят о ней, сынок?» – начинается одно из его стихотворений в переводе Евгения Храмова. Прибывшего из города на побывку домой в деревню паренька, также как отслужившего свой срок в армии и вернувшегося в село к родным, они с тревогой расспрашивают о том же. В оригинале стихотворения («Меми доры лыктїз поэт...») Ф. Васильев связывает этот сюжет со своими биографическими данными:

Я тоже сижу дома (в деревне).
Это – самый счастливый день.
Один вопрос в глазах матери:
– Будет ли еще война, сынок?

Предстоит более полно раскрыть разноплановую реализацию темы войны в поэзии Флора Васильева. Она занимала его немало. Но сегодня хочется еще остановить внимание лишь на стихотворении, ставшем широко известным и в оригинале («Ивортэк ышем муртлэн верамез»), и в переводе на русский язык Эдуардом Балашовым («Монолог пропавшего без вести»). Оно написано, как отмечает автор, 21 марта 1970 г. Это была уже пора широкого поэтического дыхания Флора Васильева. Вольно или не вольно здесь удмуртский поэт вновь будто встал рядом с Александром Твардовским. Есть у этого классика советской поэзии довольно развернутое стихотворение «Я убит подо Ржевом». Как и многие его поэтические произведения, довольно простое по форме, написано усеченным анапестом, четырехстрочными строфами с перекрестной рифмой. Одно необычно в этом стихотворении: оно написано от имени погибшего воина – в форме ролевой субъектной лирики. Художественный образ, утверждают теоретики, это то, что было, или то, что могло быть в тех или иных обстоятельствах. Понятно, убитый воин ничего сказать уже не может. А что бы он сказал своим сослуживцам, если бы мог? Что его интересует из случившегося после того, как он выпал из общего строя? Прежде всего он сообщает о себе: убит подо Ржевом.

Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки, –
Точно в пропасть с обрыва –
И ни дня, ни покрывки.

И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.

Был человек и исчез, растворился. Но в сознании погибшего воина, оказывается, не всё так просто. Я, говорит он, и там, где корни слепые ищут корма во тьме, где «с облачком пыли / Ходит рожь на холме», и в петушином крике поутру, и даже в машинах, рвущих воздух на шоссе... Словом, он теперь везде, во всём проявлении жизни на земле. Он только не может знать, что случилось после того, как он погиб. Его интересует, взяли ли наши тот город, в сражении за который он выпал из общего строя. Не достиг ли враг Дона? Не добрался ли проклятый и до

Волги? Выражает свою надежду: вы, оставшиеся в живых, победили, без этой веры как нам, погибшим?

Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мертвых проклятье –
Эта кара страшна.

Флор Васильев много читал. Особенно интересовался поэзией. Попалось ли ему под руки это стихотворение А. Твардовского? Или удмуртский поэт своим опытом лирических размышлений сам вышел на форму повествования погибшего? Так или иначе, интертекст налицо. Он возникает из сходности отображаемых событий. Удмуртский поэт, как и русский коллега, использовал форму субъектной ролевой лирики, но стиховая структура здесь иная – верлибр, как в оригинале, так и в переводе.

Пал я на поле боя.
Только увидел, как
Вдруг опрокинулось небо,
Легла под меня земля, –

как и у Твардовского, рассказом о том, что случилось с ним, начинается повествование субъект речи. Как сквозь сон рассказывает он о пленении его врагами, об их зверствах над ним и о том, что в его глазах вновь и вновь возникали видения родных краев.

Черный улегся ветер –
Сами открылись глаза:
Плыли в бездомном небе,
Как лебеди, облака.
И тишина такая,
Словно в деревне моей,
Где поутру жаворонки,
Словно родники, журчат.

Он не может сказать, живой он или нет. Для палачей, пленивших его и замучивших, он умер, сгорел в адском огне войны, а для своих, родных? Он допускает, что могли подумать разное. Ему больше всего хочется сказать:

Знайте, что я не предал
Отчей, своей земли, –
Той, где большое небо,
Небо в белых цветах,
Где поутру жаворонки,
Как родники, журчат, –

четвертый раз повторяя слова, сшивающие главные мысли всего повествования пропавшего без вести.

Видишь на братской могиле
Вечный огонь горит.
Знай,
Что в его пламени
И моя пламенеет жизнь, –

может быть, и ко мне, и к тебе обращается он, дорогой читатель.

Стихотворение русского классика написано в 1945 г., с ощущением всей жгучей боли военных лет и с обращением от имени погибшего к своим боевым товарищам. Время создания стихотворения Флора Васильева иное. В первые послевоенные годы было недоверие к пропавшим без вести. Дескать, не известно, куда они подевались. Лишь спустя некоторое время поняли, какой грех берем на себя, считая их всех трусами и предателями. Дыхание тех лет вобрало в себя произведение Ф. Васильева, включая в себя и главное содержание всего его поэтического наследия – последовательную борьбу добра против зла.

* * *

Так три разных поэта, с разных временных и индивидуально творческих позиций рассматривают вопросы памяти о годах Великой Отечественной войны. В этом, несомненно, сказывается специфический идиостиль каждого из них. Но они едины в главных мыслях: чудовищны зверства фашистов, напавших на нашу страну; многонациональный советский народ не дрогнул, а поднялся как единый кулак в защиту своей независимости; этот подвиг незабываем, он вновь и вновь возникает в нашей памяти, вызывая жгучее неприятие к самому понятию «война»; жертвы войны вызывают жгучую боль, но боль, рождающую будущих героев.

7.4. НЕЗАМЕЧЕННЫЙ ПОДВИГ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ: ВКЛАД АЛЕКСЕЯ ЕРМОЛАЕВА В ОСВОЕНИЕ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ФЛОРА ВАСИЛЬЕВА

(Третьи Флоровские чтения: материалы международной научно-практической конференции. – Глазов, 2009. С. 7–10)

Передо мной четыре издания (*Флор Васильев*. Кылбурьёс, 1995; *Флор Васильев*. Стихотворения, 2003; *Флор Васильев*. Кытын ке но бõрдэ тылобурдо = А где-то плачет птица, 2004; *Алексей Ермолаев*. Указатель к изданиям стихотворений Флора Васильева, 2004), куда вошло почти всё поэтическое творчество нашего юбиляра, а также библиографические указатели его стихотворений – бесценный исследовательский труд библиофила-исследователя, текстолога Алексея Афанасьевича Ермолаева. О них в основном и пойдет речь [3; 4; 5; 8].

Предисловие к одной из этих книг исследователь заканчивает весьма ёмкими словами: «*В лице Флора Васильева удмуртская земля родила гения*» [4, с. 19]. И ему невозможно не верить, потому что так, как он, никто ещё до сих пор не вбирал в себя и не осмысливал поэзию Флора Васильева, знаковой фигуры литературы Удмуртии 1960–1970-х гг. В последние годы жизни поэта не проходило ни одного месяца без того, чтобы он не представлял Удмуртию своими стихами в центральных журналах и газетах. Тысячными тиражами расходились по всей многонациональной стране его поэтические книги. Переводчики охотно сотрудничали с ним. Это было видно, как говорится, невооруженным глазом. Было видно, но отнюдь не осознано и тем более не осмыслено должным образом. Вскоре после трагической гибели поэта в 1978 г. автор данных строк выступил по радио Удмуртии с докладом о месте поэзии Васильева в истории удмуртской литературы. Тогдашний очень влиятельный барометр официальной оценки литературных явлений в Удмуртии Андрей Сергеевич Бутолин при первой же встрече после этого упрекнул меня: «*Слушал твоё конъюнктурное выступление. Пройдёт 3–4 года, и ты поймёшь, насколько необоснована твоя похвала*». Прошло тридцать с лишним лет, и мы всё заметнее ощущаем правдивость слов не Бутолина, а Ермолаева о гениальности поэта. Хотя, правду сказать, осознание этого приходит очень медленно. Это видно и на примере официальной неволебованности подвига Алек-

сей Ермолаева, столько труда вложившего в собирание, издание, литературоведческое осмысление, систематизацию и библиографическое описание поэтического наследия Флора Васильева.

А. А. Ермолаев был очень чуток к дарованиям начинающих поэтов. Не ускользнул от его приветливого взгляда и молодой Флор Васильев. Ещё в 1963 г., после выхода первых книг «Ворекъяло кизилюс» («Сияют звёзды», 1960) и «Шунды доры» («К солнцу», 1963) поэта, он охарактеризовал его творчество, озаглавив свою статью о Ф. Васильеве в журнале «Дружба народов» словами: «Мир светлых образов» [6]. А после безвременной смерти Фаины, первой жены Флора Ивановича, семья Ермолаевых стала надёжной опорой поэта. Трагическая гибель Ф. Васильева в 1978 г. поистине приковала всё исследовательское внимание литературоведа к творчеству друга. По черновым записям в блокнотах, по автографам, сохранившимся на клочках бумаги, он стал расшифровывать и собирать неопубликованные стихи поэта. Многие из них впервые увидели свет в книге Ф. Васильева «Улытозам мон улонэз кырзай» [1], составленной А. Ермолаевым и выпущенной в 1984 г. Она положила начало последующей кропотливой работе исследователя над творчеством Флора Васильева.

Составленный Алексеем Ермолаевым сборник Флора Васильева «Кылбурьёс» (1995) стал уникальным уже и по своему объёму – он содержит около восьмисот пятидесяти страниц, включает пятьдесят один с лишним печатный лист стихотворного текста. В него вошла почти вся поэзия такого общественно активного, плодovitого автора, как Флор Васильев. Уникальность издания этим далеко не исчерпывается. В нём каждое из 1 667 произведений – независимо, публиковалось оно до этого или оставалось в рукописях, – выверено по оригиналу, (хочу особо подчеркнуть) датировано и пронумеровано. Стихи, вошедшие в семь прижизненных изданий сборников автора на удмуртском языке, расположены так же, как он их скомпоновал. Остальные около девятисот стихотворений, выявленные исследователем в периодических изданиях или в блокнотных записях, нашли свой порядок по времени их создания. Это огромный, кропотливый труд собирателя. Каждый человек, который когда-либо занимался историей художественных текстов, думаю, согласится, если скажу, что таким образом сборник стал основательно проработанным конспектом новых исследований поэзии Флора Васильева в самых разных направлениях. К сожалению, до сих пор им

всерьёз и с благодарностью воспользовалась лишь Вера Григорьевна Пантелеева при написании кандидатской диссертации и монографии «Поэтический мир Флора Васильева: национально-семантические особенности стиля», выпущенной Удмуртским институтом истории, языка и литературы УрО РАН в 2000 году.

Книга, подготовленная А. Ермолаевым, явилась и своеобразным указателем. Из такого огромного количества стихотворений читателю нелегко было найти необходимое. Исходя из этого, составитель снабдил книгу не только обычным разделом «Содержание», но и алфавитным списком произведений, отмечая при этом, под каким номером следует искать каждое из них в данном однотомнике.

Таким образом, каждое из 1 667 стихотворений Флора Васильева, помимо названия, получило и свой определённый номер. Это оказалось удачной находкой текстолога для дальнейшей работы, в частности при составлении подобного сборника поэтических строк Флора Васильева в переводах на русский язык, выпущенного под названием «Стихотворения» в 2003 г. В него вошло 870 стихотворений удмуртского поэта, переведённых русскими коллегами и увидевших свет не только в сборниках Ф. Васильева, но и в периодике, а также около 20 стихотворений на удмуртском языке, найденных А. Ермолаевым после выхода книги «Кылбурьёс». Кроме всего прочего, данный однотомник также имеет большую ценность в качестве указателя. После каждого переведённого стихотворения проставлена дата написания оригинала, а также номер, присвоенный ему в сборнике «Кылбурьёс». В дополнение к этому создан особый раздел «Алфавитный указатель переводов и оригиналов стихотворений», в котором во главу угла поставлены русские названия произведений. Для заинтересованного читателя были создана возможность легко найти оригинал каждого переведённого текста как в однотомниках «Кылбурьёс» и «Стихотворения», так и в прижизненных сборниках поэта.

Из-за болезни всё меньше оставалось сил у литературоведа, взвалившего на себя груз главного васильевоведа. *«История текстов Флора всё ещё исследована недостаточно, – сетовал он при наших встречах. – Ещё не все стихотворения опубликованы и в оригинале. Многие произведения его переведены двумя, тремя, а то и большим числом русских поэтов, а в сборник «Стихотворения» вошло только по одному переводу»*. А. Ермолаев взялся за устранение такого пробела. В 2004 г.

он издал двуязычный сборник «Кытын ке но бõрдэ тылобурдо – А где-то плачет птица», куда включил 62 стихотворения Ф. Васильева на удмуртском языке, переведенных на русский язык несколько раз, по два, три, а то и по четыре перевода к каждому из них. Книга ценна не только для переводоведов, постигающих способы адекватной передачи всего многослойного содержания лирики в переводческой деятельности, но и для рядового русскоязычного читателя. Имея перед собой несколько переводов одного и того же произведения, он будет более точно представлять оригинал.

И, наконец, скажем ещё об одном труде исследователя, объединяющем три рассмотренных выше издания. В 2004 г. он выпустил небольшую по объёму, но бесценную для васильевоведов брошюру «Указатель к изданиям стихотворений Флора Васильева (по алфавиту удмуртских оригиналов)». Приводя удмуртские названия произведений, составитель указывает и страницы сборников поэта, в которых они были опубликованы, и их номера, закреплённые в одномомнике «Кылбурьёс», и страницы в сборнике «Стихотворения». Читай, исследуй, сопоставляй, выверяй, цитируй поэзию любимого поэта по любому изданию!

Очень жаль, что указатель издан на скудные средства автора крошечным тиражом – всего 100 экземпляров. А должен он быть в каждой библиотеке республики! Думается, будет справедливо, если мы сегодня в резолюции конференции обратимся к Министерству культуры Удмуртии с рекомендацией осуществить полноценное издание этого труда в количестве, достаточном для достойной работы библиотек по пропаганде поэтического наследия нашего юбиляра.

Следует сказать об обидной недооценке властных структур огромного вклада Алексея Афанасьевича Ермолаева в изучение и пропаганду поэзии Флора Васильева. Кроме составления названных сборников и указателей, им написано немало статей, являющихся основой основ сегодняшнего васильевоведения. Здесь, прежде всего, следует назвать основательную работу «Тернии и звёзды поэта», увидевшую свет в периодике и помещённую почти в самом конце последней книги критика и литературоведа «Заметки непостороннего», изданной в 2005 г., куда вошли самые заметные его статьи, а также публицистика по вопросам национального и интернационального в литературе и жизни [7]. Создаётся впечатление, что вся предыдущая часть книги является

философской, фактологической и эмоциональной подготовкой интерпретации подлинной сути поэзии Флора Васильева самим исследователем, к раскрытию восприятия её некоторыми другими читателями, осмыслению художественных основ появления такого феномена, как Флор Васильев, в истории удмуртской литературы. Остро заинтересовавшие литературоведа стороны творчества Кузубая Герда, Кедр Митрея, Игнатия Гаврилова, Гая Сабитова, Михаила Покчи-Петрова, поэзии и прозы 1960–1970-х гг., а также осмысление «бушующих страстей» в духовной жизни многонациональной страны, с одной стороны, и безмятежной «тиши» в «предперестроечные» годы в нашей республике – с другой, проносятся перед читателем и составляют тот фон, на который невольно проецируется творческое наследие Флора Васильева, освещаемое страстно в полемике с теми, кто воспринимал его иначе. Раскрывается полемичность поэзии Флора Васильева. Крупными мазками воссоздаются и стремление поэта уйти от риторической гладкописи поэзии первого послевоенного десятилетия, и неприятие старшими товарищами разговорной интонации его стихов, и постепенное осознание продуктивности верховенства мысли в них – вначале московскими коллегами и переводчиками, а лишь потом в Удмуртии. *«Творческая жизнь Флора Васильева проходила сложно»*, – убедительно звучит вывод исследователя [4, с. 17].

Книгу можно воспринять и как своеобразную историю удмуртской литературы. Ценность её заключается в индивидуальном прочтении явлений родной литературы человеком, болеющим за неё, точно чувствующим точки роста и торможения, стремящимся бескомпромиссно честно поведать о том другим, создать таким образом общественное мнение о писателях и их произведениях и даже воздействовать на ход развития словесного искусства своего народа. *«Я всю жизнь занимался только удмуртской литературой, определением её места среди русской и многонациональной литератур, – писал он в «Раздумьях перед книгой» <...> – Старался развить вкус и интерес к родной литературе своего народа»* [7, с. 12–13]. Именно с этой точки зрения книга интересна для истории удмуртской литературы и литературной критики. Что касается изучения и пропаганды поэтического творчества Флора Васильева, то здесь А. Ермолаев совершил прямо-таки исследовательский подвиг, к сожалению, официально не признанный при его жизни.

Союз писателей республики выходил с ходатайством о присвоении Алексею Афанасьевичу Ермолаеву Государственной премии Удмуртской Республики за эту книгу, однако поддержку свыше не получил. Полагаю, что мы должны найти способ, чтобы восполнить и это упущение.

Список литературы

1. *Васильев Ф. И.* Улытозям мон улонэз кырзай: кылбуръёс / Ф. И. Васильев; люказ но азыкылзэ гожтйз А. Ермолаев. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 280 б.
2. *Васильев Ф. И.* Тихие строки: стихи / Ф. И. Васильев; сост. А. Ермолаев; пер. с удм. – М.: Сов. писатель, 1988. – 320 с.
3. *Васильев Ф. И.* Кылбуръёс / Ф. И. Васильев; люказ, поттыны дасяз, азыкыл, валэктонъёс гожтйз А. Ермолаев. – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 848 б.
4. *Васильев Ф. И.* Стихотворения / Ф. И. Васильев; сост. авт. предисл. и указателя А. Ермолаев; пер. с удм. – Ижевск: Инвожо, 2003. – 664 с.
5. *Васильев Ф. И.* Кытын ке но бёрдэ тылобурдо = А где-то плачет птица: стихи / Ф. И. Васильев; состав. и вступ. ст. А. Ермолаева; на удм. и в пер. на рус. яз. – Ижевск: Удмуртия, 2004. – 208 б.
6. *Ермолаев А. А.* Мир светлых образов / А. А. Ермолаев // Дружба народов. – 1963. – № 11. – С. 282–283.
7. *Ермолаев А. А.* Заметки нестороннего: статьи, рецензии об удмуртской литературе; публицистика / А. А. Ермолаев. – Ижевск: Инвожо, 2005. – 60 с.
8. Указатель к изданиям стихотворений Флора Васильева (по алфавиту удмуртских оригиналов / сост. А. Ермолаев. – Ижевск: Инвожо, 2004. – 48 с.

7.5. ПИСАТЕЛЬ УЛЭ АСЬМЕМЫН ЧОШ

(Удмурт дунне, 2001. – 18-тй сентябрь)

Тани али гинэ учки мон кык видеофильм. Одейгаз возматэмын, кызы 1996-тй арын Пётр Константинович Черновез сйё-дано каро ас гуртоосыз, Алнаш ёросысь Сизьгуртын улйсьёс. 60 аресэныз зечкыласа зыгырьяло, чупало, тау каро. Сюлме пычамон книгаос гожтэмез, Алнаш пал музъемез но калыкез котыр ласянь суредамез, вордйськем палзэ но гуртсэ ас ужъёсыныз данэ поттэмез понна. Мукетгес мылкыд кыкетйаз

фильмын – ГТРК-ысь тодмо журналист Владимир Алашеев вераське Пётр Константиновичен солэн повестьёсыз но веросьёсыз, гожъяськон дуннеез сярысь. Зйб-зйб гинэ вераськон мынэ. Дыртытэк сэра югыт дунне, вордйськем шаер, адямилэн но котькуд калыклэн вашкалае кошкись выжыосыз, вуоное мертаськем ужъёсыз сярысь кенешон.

Ог-огзэс макем узырмыто та фильмёс! Нырысетйез шундыё гужем нуналэ лемлет легезпу сяска кадь пиштэ ке, кыкетйез возматэ легезпулэсь выжыоссэ – сое, мар чотын такем льоль гомало сяскаос. 1999-тй арын Пётр Чернов ортчытйз гожъяськон удысын ужаны кутскемезлэн ньыльдон ар тырмемезлы сйзем жыт. 1959-тй арын, Москваысь М. В. Ломоносов нимо кун университетысь журналистика факультетэз йылпумъяса, «Комсомолец Удмуртии» – «Удмуртиысь комсомолец» газетлэн редакцияз ужаны кутскиз уга. Соку ик жот-жот басытйськиз литература борды, зырдыт мылкыдын жутылыз удмурт культураез азинтон ужпумъёсты. МГУ-ысь тодмо профессорёс пыр басытэм тодонъёссэ, дунне бергамез валамъёссэ асьме улонамы пычатны тыршиз. Ваньмызлы ик өз кельше сыће тыршонъёс. Йыр-куръяськисьёс пöртэм могзетьёс кылдытязы. Дырын-дырын соос лябзылызы, но пумозяз өз төлзе та улонысь кошкытозяз ик. Та пумысен туж трос гожтыны луысал. Оло нош солэн вань ужан вакытэз, повесть бöрсы повесть кылдытъян аръёсыз пыр потйзы со могзетьёс но йыр-куръяськонъёс. Но со – нимысьтыз бадзым тема.

Нош али мон со жытэ гожтэм кассетае басытй но Пётр Черновлэсь аслэсьтыз верамзэ кылзйсько. Со маде гожъяськон öрезлэн кык ошмес синъёсыз сярысь. *«Нырысетйез ошмес, – шуэ со, – кудзэ мон быдэс улонам юыса шокасько, со – вордскем шаер, анай-атай юрт, выжыосы, Алнаш палъёс. Со ваньмыз шöдйське гожъямъёсам. Мон туж яратйсько (азыло но, тужгес но мöйымон вакытам) Алнаш пал калыкез. Куд-ог критикъёс (тужгес но егитъёсыз) монэ пыкыло: произведениосад укыргес юн шöдйсько улонысь пырак басытэм материалъёс. Нош мон соослы паймисько. Со критикъёс мынэсьтым öжыт дышетскемын öвöл кадь, мынэсьтым öжыт лыдзйськемын-а, мар-а меда. Басытэлэ али мукет литератураосыз но. Мон уг вера зуч литературалэсь азыло вакытсэ. Басытом асьмелы матысь дырез: Солженицынэз, Тендряковез, Нагибинэз... Мон тужгес яратйсько соослэсь сыће ужъёссэс, кудъёсыз гожтэмын мечак улонысь учыре пыкиськыса. Солженицынэз гинэ но басытэлэ – солэсь «Куликово поле», «Матрёнин*

двор», мукет произведениоссэ. Тендряковлэн сы́че гожтэмез вань, кызы Хрущёв лэсьтiз писательёсын туж бадзым пумиськон, соосыз сюдiз-утялтiз, Москва доры поттаса. Верос быдэсак со учыр вылын гожтэмын. Озы ке но, очерк уг шуы, верос сое шуэ писатель. Сы́чегес ик амалэн гожтэмын мынам «Чагпурт выр дорын шыд сиён» повесте.

Нош кыкетiез ошмес – со Москваысь университет. Ми дышетским ёош – мынэсьтым ог арлы азылогес мынэ вал Алексей Афанасьевич Ермолаев, мон бере одiг арлы кылыса, мынэ вал Василий Михайлович Ванюшев. Кызы шодiськиз Москваысь университет мынам гожтосъёсам – соиз сярись та эшъёсы жечгес вералозы, дыр».

Та жытэ вераськиз Алексей Афанасьевич Ермолаев но. Москваын дышетскемзы сярись тросгес мадиз Ижевске вуыса ужаны кутскемзэс. Москваын дышетскыкумы, шуиз со, отын туж огыр-бугыр вал.

Мон, та учырёсты гожтiсь, университетэ 1955-тi арын пырем мурт, сое ачим но адзи: ёапак кутскиз уга историе «хрущёвская оттепель» нимын пырем вакыт. Университетысь журналистика факультетамы но куаш! вазиз. Студентъёс вылысьтыз вылаз ортчытъязы митингъёс – куд-ог дисциплинаосты, соосты нуись доцентъёсты, профессорёсты палэнтныны, улонлэн куронъёсызлы тупась выль лекция курсёс но практикумъёс будэтыны курылiзы...

Ижевске вуим но, шуэ отiяз Алексей Афанасьевич, татын улон но тын-тын кынем му кадь, номыр воштiськемын ёвёл. Ми, Москваын дышетскем сямен, шуэ со, кутским татын соиз сярись но, мукетыз сярись но кылпум потгылыны. Нырысь ик ёсутiмы удмурт кыллэн стилистикаез сярись вераськон. Чернов монэ умоен лыдъяз, мон пала кариськыса гожтiз, нош мукетъёсыз милемлы чылкак пумит: вот, пе, тi сы́че адымиос, номырзэ уд валаське. Уг малпаськы вал удмурт кыллэн стилистикаез пумысен но милемыз сокем лек пумиталозы шуыса. Вал олокы́че но учырёс. Одiг пол ми Черновен телевидение пыр вераським. Одiг арскын удмурт литературалэн азинскемез сярись. Азинскон сокем ик зол ёз поты милемлы, ми озы ик верам – сокем ушъяськытэк, данъяськытэк. Со бере, кык нунал улыса, «Советской Удмуртия» газетын одiг бадзым профессорлэн пiчияк статьяез потэ: вот, сы́че-сы́че адымиос удмурт литератураез уг гажало, ваньзэ съодмаса кушто! Озы ми Черновен валче пырымы удмурт литературае. Ми сое съодмасьёс луимы».

Ермолаевен верам сы́че учырез жеч тодiсько на мон но. Ачим но со передачаын вал уга. Ачим но со «съодмасьёс» пёлы ик пыртэмын

вал. «Куинь эшгёс» шуыса тышкаськылйзы милемыз со дырысен. Удмуртиысь Писательёслэн союззылэн кивалтйесез, туж гажано классикмы Геннадий Дмитриевич Красильников но одйг докладаз, милесьтым нимёсмес вераса, өз-а шуы: «С кистенем выходят на писателей!» Алексей Афанасьевич таизэ вунэтэм ни, лэся. Нош мынам пушкам кема улйз на. Алексей Афанасьевич вераз на музон учыртьёс сярись но, кудьёссэ, П. Черновлэсь нюръяськон сюрессэ чаклаку, нокизыы но вунэтыны уг луы. *«Чернов газетын ужакуз, статьяос но очеркгёс сяна, куддыръя гожъя вал литература сярись но. Сое мон одйг пол гинэ ой вера кадь ини. Верало на эшио. Мон солы вожъяськисько вал. Берло со критической статьяос гожъямысь дугдйз но ачиз проза борды басьтйськиз. Солы но, мыным но шуо вал уга: «Критика гожъян – со номыр но өбёл, тон ачид писатель кариськыса гожъя ай!» Мон со борды ой басьтйськы, нош Чернов басьтйськиз, прозаын но быгатэмзэ возьматйз».*

Зэм, Алексей Афанасьевич та сярись чем гинэ тодаз вайылэ. Куке но, тазыы ик вераськыкуз, таёе кылгёссэ но кылэме вань: *«Чернов гожъяськон сюрессэ воштэмен, прозалы удалтйз, нош критика тросэ ыштйз шуыса малпасько».*

Мон таин быдэсак соглаш. Аслэсьтыз малпангёссэ чик ватытэк, шонерак вераны дйсьтэмез сяна (кудйз туж но туж кулэ критикаын), солэн «пуш» сингёсыз лэчытэсь вал, кудгёсыныз со быгатылйз писательёслэн гожъямысьтызы «писпу сёррысь быдэс тэлэз адзыны».

Тодэ лыктэ Москваысь вуэм егит журналистлэн П. Черновлэн Семён Александрович Самсонов сярись статьяез: «Удачи и просчеты журналиста и писателя» шуыса нимаськиз со. Печатламын вал «Удмуртиысь комсомолец» газетын. «Удачи» понназ Семён Александрович тау шуиз, нош та чабыштэмлэн яраез, «просчеты» понна котыз жожлуиз кадь, оло нош вожзэ но поттйз. Соку со ассэ пыд йылаз йыг-йыг султэм писателен лыдья вал ини уга. Бератаз Семён Самсонов зэмзэ но удмурт классикгёс пёлы пыриз, нош со шекгёссэ, кудгёсыз пусьемын вал статьяын (произведениосызлэсь куд-ог интыоссэ радтэм нуйтылэ, сюжетэз шорсюлэм луись конфликт котыре котыку ик уг бинялтылы), пумозяз вормыны таки өз быгаты. Оло нош өз но тыршы вормыны, критиклэсь таёе пусьетсэ мултэсэн лыдгяз. Озыы ке, туж жаль.

«Милям улон-вылонамы <...> трос вал, – азьлангйз Алексей Афанасьевич Пётр Чернов сярись веранзэ. – Вал милемлы пумит трос тышкаськонгёс, вал куддыръя матысь шигёсмылэн милемыз вузан учыр-

ёссы но. Сое предательство шуо. Сы́чеен но ми пумиськылйм. Мон али нокинлэсь но нимзэ уг вера. Вал сы́че учырёс, соизлы гинэ оске. Чернов соосты тодэ, мон но тодйско, ваньзылы вератэк но яралоз.

Тодам лыктэ сы́че но учыр. Чернов нырысетй повестьсэ гожтйз. Вайиз издательство. Издательствоын ужасьёс но издательствоен кивалтйсь аядми, Писательёслэн союзэнызы кивалтйсь аядми, ваче вераськыса, повестез поттонтэм шуизы, сое тышкаськызы. Ми сое поттыны өм быгатэ со вакытэ. Со потйз трослы, ог дасо арлы бере кыльыса. Кызь вить арлы, шуэ тани Чернов ачиз. Мон лыдъяса ой улы.

Тйни озьы, Пётр Черновлэн но, мынам кадъ ик, сюресэз вольыт гинэ ой вал, – йылпумъя Алексей Афанасьевич веранзэ. – Милемыз туж трос выризы чалтчытъяны, но кызьы ке но та дырозь ми улйськом. Туж мылкыд кареме потэ Черновлы азьланяз но, ваньзэ вормыса, азьлань вამыштыны».

Писательлэн улонэз капчи өвёл. Пётр Константинович ог кызь книга поттйз. Сомында текстёсты гожтыны гинэ но көня дыр но кужым кулэ. Нош писательлэн ужез – жёк съёрын гожъяськон гинэ өвёл. Котькытын мед луоз со, котьмар мед кароз – со котьку ужа, лэсьтэ аслэстыз, оло нош, Инмарен пусьем ужзэ. Валаны тырше аядмиез, солэсь мукетёсыныз кусыпёссэ, улон радзэ, солэсь асьме пёлын, обществоын интызэ. Ваньзэ сое пуж пыртй кадъ шертыса поттэ аслаз идеальёсыз, зечсэ но уродзэ валанэз пыр, котькудйзлы тупамон дунъет утча. Сюлэмаз пырем геройёсыныз ас понназ кенеше но, оло, даллаше но ини. Вуоно лыдзисьсэ син аяз пунктэ. Солы вазиське. Солэн пуш дуннеяз пырымон суредёсты тодаз вае, куке но кылэмзэ-адземзэ, нош чем дыръя ноку луылымтэ учырёсты ас йырысьтыз поттыса кисьтэ.

Нокы́че писательлэн но улонэз капчи өвёл. Уката ик со улонлэсь пыдэссэ ик бугыртйсь философ ке. Пётр Черновлэн туалала суредёсты возьматон мертэтёсьыз сы́чеесь вал.

Бен, нокы́че писательлэн улонэз капчи өвёл. Уката ик гожтэм кылызлэсь кужымзэ зеч шөдэ ке. Соку ини со, оло, писатель гинэ өвёл – хирург но. Соиз гинэ пöртэмез: солэн кияз скальпель интыын – кыл. Шедьтйд-а вандыны кулэзэ? Öд-а лэзьы шырзыса мултэссэ? Тынад кылыд сюрс но сюрс аядмиос борды оло нош выльысь кутскыса йотскылоз ук! Со бордын но писательлэн ужезлэн секытэз. Пётр Чернов вазь шөдйз гожтэм кылызлэсь кужымзэ. Та ласянь солы, оло, нырысь ик юрттйзы гожтэм чурёсызлы пумитьяськисьёс.

Писательлы уката но секыт, шедьтэм идеальёссэ туннэ ик, али ик ас котырысьгыз улонэ пачкатыны тырше ке. Пётр Чернов сы́че вал. Со өз чидалля ноқы́че удысысь кырыж-конгыльёсты. Ассэ жалятэк султылыз соослы пумит. Куддыръя, оло, мултэсгес пöсекъяз, ассэ ачиз но туж вöсь карылыз. Соин но, дыр, туж вазь жуаз, быриз. Берпум нуналозяз го́жъяськыса, нюръяськыса. Удмуртиысь Писательёслэн союззылэн туалыа төроез Егор Егорович Загребин алигес Пётр Черновез буре ваён жытын шуиз: *«Россиысь кык муртэ гинэ, Сахаровез но Черновез мон тодысько, кудьёсыз ас идеальёссы понна пурт кадь чурит султылызы. Телевизор пыр калык адзиз, кызы Сахаровез, тыбыраз донгаса, чыжаса, трибуна съорысь улязы. Бератаз, кулэм бераз гинэ, тросэз сое шонере поттызы ини. Пётр Черновен озыи ик уг-а луы? Со но донгасъёсты но чыжасъёсты чидано луиз. Тросэз пöлысь – мынэсьтым но. Мон но солэсь шуккетъёссэ басьтылы. Сахаровез но, Черновез но кема чо́же, котькудиз ас сяменыз тодаз возэз. Кин кызы будиз, кытын но малэсьтиз, мае жечен но уродэн лыдыз – со бордысь потозы тодэ ваёнъёс но. Чернов огласянь гинэ ноқызы но пыкылыны луонтэм вал: со ноку но ас дулызлэсь-сюлмызлэсь кырыже өз кожылы. «Тон шонер өвөл, Егор, – шуиз со правленимылэн берпуметий кенешаз, кудаз со ветлиз. – Мон уг ни лыкты тон доры. Тон кутскид пöяськыны». Котькуд ужпумъя со жот-жот юан пуктылиз: тон озыи-а, тазыи-а? Со пала но, та пала но өз шонаськылы. Нош мон өжытак шонаськылыны яратысько. Сотэк ужан интыям коньдон но уз вуы ни. Нош мон, шуэ Чернов, сы́че өвөл. Со оло нош сю пол шонер вал. Быдэс улытозямы ас идеалмы понна сы́че чурит сылыны ваньмы ум быгатыське. Нош со быгатиз.*

Котькы́че дыръёс вал милям кусыпъёсамы. Вуылым ог-огмес адземпотостэм каронозь. Озыи ке но, со гожтиз мон сярысь «Егит дыр кырзанъёс» книгаяз. Ойдолэ, эшъёс, – вазиськиз Егор Егорович Ижысь Кузубай Герд нимо гимназиын буре ваёнэ люкаськем калыклы, – Пётр Чернов сярысь тодэ ваёнъёсын книга потом. Котькудиз мед гожтоз, чик ватытэк, сюлэмаз мар вань. Мон но гожто одно ик. Чебермаса гинэ уг гожты. Гожто озыи, мар вал зэмзэ».

Отяз Егор Егорович мынэсьтым но нимме поттылиз. Оло, умой өвөл ачид сярысь верамъёсты го́жъяны, но калыкын уг-а шуо: кырзаньсь кылзэ уд кушты. Нош та «кырзан» мон сярысь ой вал – Пётр Черновлы сйземын вал со: *«Куке вуизы Алексей Афанасьевич, Пётр Константинович, Василий Михайлович Москваысь, соос Удмуртиысь*

калыкез югдытонэз ас киязы басьтйзы, кыче ке выль омыр вайизы. Мон соосыз «шестидесятникъёс» шуысал. Али но трос калык дышетске Москваын но, мукет бадӟым городъёсын но. Кытчы пыро соос? Малы соослэн асьме доры берытскемзы сӱче ик жечен уг ни шӧдӱськы? Сӱче тулкым, кудӱз вуиз та адымиосын, мон тодӱмъя, ӱй вал ни».

Та кылъёс пумысен «палӱнысен адзисъкегес» шуомы-а, мар-а ини. Но Пётр Черновлэн но эшгӱсызлэн Москваын дышетскыса бертӱмзы – тулкым ик вылӱм, шӧдске. Соинтӱк-а сокем кушетскыса пумитазы соосыз куиньназӱс ик? Мыным но трос гинӱ пыд пуктӱсьёс вал. Но али мон сярисъ вераськон уг мыны – Удмуртиисъ калык писатель Пётр Константинович Чернов сярисъ.

Писательлэн улӱмез но шокамез книгаосаз кылӱ. Но книга ымтӱм. Со шып гинӱ кылле жажыын. Со вераськыны, серекъяны, бӧрдыны кутске, асьмеос сое лыдӱку гинӱ. Котькуд писатель кадъ ик, Пётр Чернов но асьмелы луонлык кельтӱз мылпотӱммыя соин вераськыны. Жажыисъ книгаез басьты но усъты сое! Только писатель асьмелӱсь верам кылмес уг ни кылы. Кылдӱм юанӱсьмылы номыр выльзӱ уг ни вера, туж трос веранозӱ но, гожтонозӱ но, оло, сӧбраз нуиз ке но.

Озы ке но, ӱжит-а солӱн асьмелы гожтыса кельгӱм кылъёсыз? Выльысъ но выльысъ лыдӱкумы ум-а быгатӱ тодыны, валаны выльзӱ, кудзӱ асьмеос синйылтыгӱк кельтӱськеммы азыло лыдӱкумы? Ойдо-лӱ та яратоно писательмес но асьме пӧлын улытомы! Ялан лыдӱомы солӱсь гожъямӱссӱ. Малпаськом соос пумысен. Асьмелӱн но музон муртӱёслӱн улонӱнызы ӱошатом. Улонӱз мургес валаны дышетском. Со понна гожтӱмын но соос. Соосты калык полы вӧлмытом. Со сярисъ мукет муртӱёслы вералом.

Пётр Черновлы сӱзем книгаос но поттомы шуыса оскисъко. Алнашысъ гу вылаз солы тупамон памятник но пуктом. Игорь Николаевич Семёновлы тау! Аслаз Кун Кенешисъ кужыменыз со юрттӱз та ужлы чаклам коньдонӱз Минфинисъ мозмытыны.

Озы ке но, калык писательмылӱн улонисъ кошкемез дырысен ар тырмиз ини, нош памятник ӱвӧл на. Кияз коньдон вуыса выльысъ, Писательлӱёслӱн союззы та ужез Пётр Черновлӱн пал кылем кышноез, Валентина Николаевна вылӱгес куштӱз. Мар меда шуысал Пётр Константинович Егор Егоровичлы та выллем учыре, со ачиз улӱп луысал ке? Пурт кадъ чурыг сямыныз жеч кылъёссӱ кисьтысал меда? Оло, маке но вера но ини?

Писатель улӱ асьмемын ӱош.

7.6. LYRIC PLOT OR THE FORM CONTENT OF THE CROWN OF GUY SABYTOV'S SONNETS

*(EUREKA: Social and Humanities. 2016.
Number 2. P. 46–50)*

Abstract

On the example of the crown of sonnets “Шунды но жужа но...” (“Sun sets – sun rises”) by Guy S. Sabytov is considered the form and content ratio of lyric composition. There was revealed that the main content of analyzed text is the approval of the idea of eternity, immortality of good deals, kind, talented people. Poet created the double verbal memorial – for the untimely died friend poet and director M. Pokchy-Petrov and for himself. The image of the first of them as an object of representation is created not only by mentioning the concrete features of his biography but also by the “reflected light” of his perception by the other. The image of second of them as an object and subject of representation is drawn on the base of his empathy to the first one. The form of the crown of sonnets favors the successful disclosure of such structure of its content.

1. Introduction

Udmurt literature as the writing verbal memorial of the several nations of Ural-Povolzhye and Northern Caucasus by definition of the philosopher of literature, professor, R. F. Yusufov [1–2] is referred to phenomena of ethnic culture with the late literature genesis. Whereas the world literature already has in its base the thousand years of development, the system of genre diversity of verbal art of the aforesaid interregional community became to form only in XIX century. Through the Russian literature and under its influence there were formed the distinct forms of poem. Sonnet, triolet, rondo, rondel appeared, for example, in Udmurt literature in the oeuvre of diversely talented poet and scientist Kuzebay Guerda (Chaynikov Kuzma Pavlovich) in 1920 years. The sonnet is the most stable form in the further history of Udmurt poetry. The elements of distinct forms of poem that are repeated in the structure and content bearing psychological and philosophical load began to appear also in poetic compositions of the big genre. It was demonstrated, for example in the poem by Michael Petrov

“Italmas”(1946), that generated even the term “iltmass strophe” because of singularity of its rhythm-strophe organization; this term is used in Udmurt literary criticism [3]. Possibly it favored the appearance of lyric-philosophical poem – the first crown of sonnets in Udmurt language [4], in which the radio-journalist and poet-songwriter Guy Sabytov practically confessed to the friend, poet and director Michael Pokchy-Petrov untimely gone to another world.

The poem was perceived rapturously[5]. The colleges’ success inspired many Udmurt poets. N. A. Atnabaeva in candidate thesis “Sonnet genre in Udmurt” [6] along with consideration of the ways of development of this poetic form analyzed more than ten crowns of sonnets by eight authors and divided it into idea-thematic groups. Then she specially appealed to the experience of the crowns of sonnets – dedications in Udmurt and closely related Komi and Mordovia literatures [7]. The author of publication writes in abstract: “There are considered the general development tendencies of this genre, civic orientation of composition. The organizing center of the crown is the destinies of famous persons of national culture: in Udmurt poetry it is poet Ashalchi Oki and dramatist Michael Pokchy-Petrov, in Komi literature – classic of Komi poetry Ivan Kuratov, in Mordovian – the genial sculptor Erzya. There are considered not only the dominating images but also event-sense elements connected with it” [7].

There is in general the work on “inventory” and primary analysis of sonnet creation of Udmurt (and several neighboring) poets. It is undoubtedly needs continuation, first of all, in aspect of internal structures of compositions, of connections between the different elements of its form and content that is necessary for more deep understanding of not only idea-thematic but also theoretic history of national literature.

2. Aims and tasks of this research

Well known phrase: form of art composition is its content. Author of these lines wanted to demonstrate on concrete examples how this principle is realized in the crown of G. Sabytov’s sonnets that is to demonstrate the very process of materialization of the content sides by its formal data. This aim is ambivalent. From the one side it presupposes the small but important concrete problem on the way of creation of theoretical history of national literature;

from the other one it solves the educational-pedagogical problem: directs the teachers of national literature on the searches of internal core mechanisms of materialization of emotional-intellective sides of art texts content.

3. On the ways of theoretical history of Udmurt poem or destruction of dogmatic claims in literature education

For a long time in Soviet literary education was accepted that plot is typical only for epic and dramatic genres of literature. Few years ago, when the author of this article worked at the faculty of Udmurt philology of UdGU he was warn: “don’t talk students about “lyric plot”, they will repeat it”. Surely it was impossible to accept this absurd claim. Even in 1920-th the famous theoretic of literature Boris Viktorovich Tomashevsky (1890–1957) introduced the notion “lyric deploy” which was further identified by the words **“lyric plot”** in the works of Y. N. Tynyanov, D. O. Lichachev, B. E. Egorov, B. O. Korman and others.

In the early 1930-x B. V. Tomashevsky was accused in formalism and his school was forgotten. But now, as N. D. Tamarchenko notes, “the series of books by Tomashevsky enter into the active fund of modern literary criticism” [8]. His “Poetics” helps us to open the content of form of such deep lyric composition as the crown of Guy Sabitov’s sonnets “Шунды но жужа но...” (In English translation, “Sun sets – sun rises”). In particular, to make an amendment in author’s reasoning about it. “*I want to say the few words about the crown of sonnets*” – he writes in introduction to this book “Joy”. – *I tried to fix in it the image of young talented poet, my unforgettable friend Michael Pokchy-Petrov, to talk about his short but bright life*” [9]. The author of poem obviously succeeded in psychological drawing of the image of young talented poet, tragically death in his very blossom. As to “talk” about his short but bright life, it can be accepted only conventionally. The lyric character of the crown of sonnets based not on construction of fable line of the described person life activity but on formulation and development of lyric hero’s feeling does not favor it. “*The fable motives are seldom in lyric poetry, – B. V. Tomashevsky writes – the more often are the statistic motive deployed in emotional lines. Whereas poem talks about the some action, step of hero the motive of this action is not interlaced in causal-temporal chain and is devoid of the fable tension that needs the fable solution.*– Scientist give also the next analogy”[10].

The poem is dialogical. Lyric hero permanently appeal to the picture of died friend, talented poet and theater actor Michael Pokchy-Petrov, which bright memory it is dedicated to, reminding the several facts of his life activity to declare his joy, hope, anxiety, sorrow about one or another event. These feelings form the content of composition. So, the subject of speech (lyric hero who is in fact equal to the author of biography) became the subject of description. As B. V. Tomashevsky writes, in process of lyric deployment often takes place “*The conscious mixture of object and subject. Poet talks about external phenomena as about his internal feelings, mixing up his internal impressions with external images*” [10]. It was said exactly as about Gay Sabytovs crown of sonnets. For example in eight sonnet, reminding days of being in Moscow with M. Pokchy-Petrov when they were students, author writes: “*Быдэс страна – мынам вордскем доре, / Москва, Москва – мынам яратонэ! / Мед котькытчы вуттоз улон сюрес - / Уг кушты мон, дуно шаер, тонэ!*” [4], (“*My country, you is all within me – my native world! / Moscow, Moscow – my holy! / My native stars upwards / I am not in sorrow...*” [9]. In this words we can hear the voice of G. Sabytov’s own feelings and aftersounds of the M. Pokchy-Petrov lyric consciousness expressed especially in his famous poem “Дор” (“Motherland”), and in the text this notion successively expands from the images of mother, native vilage, region, Udmurtia to the Moscow and the whole USSR.

Lyric hero (of the author of composition) is described as the true friend, citizen-patriot of our Motherland, poet-philosopher able to raise the personal facts of biography of described personage to the generalizing heights placing in focus of attention not so much the real details but its emotional value. “*Тон дуннее лыктон зоро сйзбыл / Шундыё май, дыр, вал анаедлы: / Тулыс сямен, вож вожектүз узьым, / Кырзан жинграз чебер Вало дурын*” [4], (“*you was born in the fall/ In your honor for the mother’s sake/the winter crops were green in leas / the songs was splattering above the Vala river*” [9]. This is the beginning of the sequence of most important events of M. Pokchy-Petrov life activity that are in fact presented in enumerating form and the content is intensified not by the details of past but by the emotional attitude of author. At the same time there is underlined the mutual revelations of the author and hero, especially when they were in Moscow: “*Ом ватылэ сюлэм малпанъёсмес, / Сюлэм осьёс вал вёлак усьтэмын. / Син пиштэмья валам мылкыдъёсмес – / Кезьыт я пось туннэ тыныд, мыным?»* [4], (“*We did not hide the feelings from each other, / divided daily*

bread between us, / And knew by eyes without explications, / About sun or snow in our hearts" [9].

The major order of the lyric plot gradually changes to the dramatic and then to the tragic one. «Тон жсог жутскид улон тубат кузя, / Шумопоттыса гажась ас эшъестэ. / Жигнгра кырзан тынад кылъёсыдыя, / Калык лыдзе кылбур-малнанъестэ» [4], ("you swiftly went on hill by your own way / You worked and blossom like the garden, / Your poems sounds just like waves, / And songs on poems jingled like ryes" [9], – it is the beginning of the last sonnet, and it is finished with the following lines: "Огнад дырря гинэ сюлмыд вузэ - / Оло, шодскод сюресэдлэсь пумзэ" [4] ("But you just hide the pain in bosom, / as if you feels the end of blossom" [9].

So, the tonality of feeling changes at lyric deployment. But neither dramatic, nor tragic effect beats down the main idea direction of the plot but on the contrary intensifies it by overcoming the negative situations.

Analyzing the internal structure of form and content relations in lyric texts B.V. Tomashevsky comes to the conclusion: "There is the typically three-parted construction of lyric poems, where theme is given in the first part, it develops by the side motives or is canceled by contradiction in the second part, the third one gives the emotional conclusion in the form of maxim or comparison <...>" [10].

The first motive or theme, as B. V. Tomashevsky puts it, sounds in the very beginning lines of the G. Sabytov's crown of sonnets: «Сүйез-данэз өвөл ни сонетлэн, / Өз пыры со удмурт поэзие. / Туэ, шуо, крезез кылбурчилэн / Мед золтэмын луоз мукет сиен» [4], ("No former respect to the sonnet, / His star was frozen by sunset, / All say: it's time for songs and poems, / In gusli find new music's land" [9]. But in the very first sonnet this motive, in words of Tomashevsky, is "pushed" by contradiction: «Кылзүйськытэк сьче индылонлэсь, / Мон турттүйсько тани та вуж кабе / Тэрытыны аслам сюлэмылэсь / Косэмъёссэ, чик ватытэк, кабен» [4], («Reminding the another's claim, / I don't want to follow, I want to put in older frame, / Heat of my heart, dictate and sorrow" [9]). This contradiction (disobedience by the common opinion) in result finds its intensive development in thoughts and feelings of lyric hero and finishes in the last sentence addressed to the image of M. Pokchy-Petrov: «Вesяк дырлы басьтүз ке но кулон, / Өз люкы асьмеды бугрес улон!» [4], (Despite the death that crossed the way, / we stay together till this day!" [9]). Its essence is in affirmation of eternity, immortality of good actions, good deals, kind, talented people.

The theme of life eternity and good deals goes through all the composition from the title, this important component of its form – composition. According to researchers, *title* as the part of form of composition “*is in fact the author’s interpretation of the text*” [11]. The meaning of the title of the crown of sonnets “Шунды но жужа но...” (“Sun sets – run rises”) is connected with the common understanding of the eternal life circle presented especially in the Udmurt folk song of the same name and is deployed already in the initial thinking of the lyric hero about the preceding generations of people who created the base for M. Pokchy-Petrov creative actions. Until in the eight sonnets he personally ‘meets’ the image of described personage and begins to empathize with its joy and sorrow. «*Кыче со шуд – та дуннеын улон! Лыктим – асьмеды дась нянь, юрт, дйськут, – is just said in the second sonnet. – Выжыосмы юн тыришллям толон – / Лэсьтйськон тйр туннэ кыззы уд кут!*» [4], (“*What happiness – to live in world, / The parents made this world for us, / We must to say the kindly words, / It’s time to show them how we trust*” [9]).

The crown of sonnets perfectly fitted for Guy Sabytov’s expression of the good memory about his friend. Because the structure of this genre is full of obligatory numerous repetitions that fasten the form and content of composition. The sonnets “remember” each other, the main one collects the main lines of it all.

«*Всяк дырлы басьтйз ке но кулон, / Ёз люкы асьмеды бугрес улон!*» (“*Despite the death that crossed the way, / we stay together till this day!*”) – we also want to repeat this final sentence of the composition. Guy Sabytov created by his crown of sonnets the immortal verbal monument not only for Michael Pokchy-Petrov but also for himself. As painter would say, he created the “double portrait”. The first of them was represented by the separate facts of Pokchy-Petrov’s biography in the soffit light of lyric hero’s feelings, the second one was described by the lyric deployment that is the flow of author’s empathies with his friend-poet.

We could finish the article by this major tonality. But we obligatory must remember the final lines of the penultimate sonnet from this crown. «*Керттй венок. Ёз буйга нош сюлэм. / Сйез-данэз ёвёл ни сонетлэн*» [4], (“*I made the crown but did not calm my soul / there is not respect to sonnet in this world*”). Poet-philosopher G. S. Sabytov was substituted here by the human Guy Sabytovich Sabytov, the close friend of Pokchy-Petrov, he probably hoped that creating the crown of sonnets he calms his heart. But the feeling of loss turned up unbearable for human!

4. Conclusions

N. A. Atnabaeva made the first but very serious step in study of generation and development of sonnet creation in Udmurt poetry. But her beginning needs continuation. In Udmurt literary criticism there are many theoretically skilled researchers. We want to believe that they will study this problem. Moreover in the plans of philological sector of URI of RAS for the next three years is set the aim of creation of collective thesis on the questions of theoretical history of Udmurt poetry. We want to hope that teachers-methodists will be interested in the article and use it for enrichment of the methods of literary education, especially in the sphere of lyric composition poetics.

References

1. Jusufov, R. F. (1996). G. E. Vereshhagyn na kul'turologicheskoj karte Rossyy. Izhevsk: Prosvetytel'. Udmurtskaja pravda, 10 oktabria.
2. Jusufov, R. F. (2005). Istoryja lyteratury v kul'turofylosofskom osveshheny. Moscow, 345–383.
3. Vanjushev, V. M. (1983). Svoeobrazye razvytyja udmurtskoj poemy. Svoeobrazye razvytyja udmurtskoj lyteratury y fol'klora. Izhevsk, 74–96.
4. Sabytov, G. S. (1975). Shundy no zhuzha no... (Sonet'esles' venok). Myhayl Pokchy-Petrovez bure vajiysa. Jaratys'ko. Kyylbur'es no kyyrzan'es. Izhevsk, 18–32.
5. Vanjushev, V. M. (2008). Y vot sonetu vnov' pryshel pochet... Hudozhestvennaja slovesnost' fynno-ugorskyh narodov: ot ystokov k sovremennosti. Joshkar-Ola, 29–35.
6. Atnabaeva, N. A. (2004). Zhanr poemy v udmurtskoj poezyi. Izhevsk, 191.
7. Atnabaeva, N. A. (2015). Venky sonetov – posvjashhenyja v udmurtskoj y blyzkorodstvennyyh komy y mordovskoj lyteraturah. Fylogicheskiye nauky. Tambov. Voprosy teoryy y praktyky, 1 (2), 26–29.
8. Tamarchenko, N. D. (2002). «Poetyka» B. V. Tomashevskogo y ee sud'ba: B. V. Tomashevskij. Poetyka. Moscow, 5–21.
9. Sabytov, G. S. (1973). Solnce zahodyt – solnce vstaet. Venok sonetov. Svetloj pamjaty druga, poeta Myhayla Pokchy-Petrova. Radost'. Venok sonetov, Styhy. Pesny. Izhevsk, 5–16.
10. Tomashevsky, B. V. (2002). Poetika. Moscow, 334.
11. Vykulova, V. S. (2015). Konceptual'no-poetycheskij smysl ynterteksta «Pykovej damyy» A. S. Pushkyna v odnoymennom rasskaze L. E. Ulyckoj. Tambov Vestnyk Tambovskogo unyversyteta: Gumanytarnyye nauky, 4 (144), 148–153.

7.7. ТОЧКА РОСТА

О рассказах и коротких повестях Вячеслава Сергеева

(Малые жанры прозы в литературах народов Поволжья и Приуралья: сб. ст. / АН СССР, Урал отд-ние, Удмурт. ин-т истории, яз. и лит.; отв. ред. Л. Д. Айтуганова, Т. И. Зайцева. – Ижевск, 1989. – С. 106–120)

Вячеслав Сергеев входит в число тех литераторов, которые составляют молодую смену удмуртских прозаиков. Ему нет ещё и тридцати лет. Закончил филологический факультет Удмуртского государственного университета, работал в редакции газеты «Советской Удмуртия», Удмуртского радио, в бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей Удмуртской АССР, служил в армии... И везде всматривался в жизнь, наблюдал характеры людей, их жизненные пути и взаимоотношения. Эти наблюдения, освещённые идейно-эстетическим идеалом молодого художника слова, и стали основой его произведений.

Писать В. Сергеев начал рано, ещё учеником средней школы. Печатаł небольшие рассказы в газетах, в журнале «Молот», в коллективном сборнике молодых авторов. В последние годы выпустил два сборника – «Жыт куараос» («Вечерние голоса», 1986) и «Лыдыя, лыдыя, кыке...» («Считай, считай, кукушка...», 1988).

Точка роста – термин биологический. Он означает самую верхинную часть побега или корня растения, за счет которой оно растет. Называя так статью о творчестве молодого прозаика, надеюсь, что из довольно хрупких ещё ростков созидания им нового шага удмуртской литературы впоследствии может вырасти прочная ветвистая крона. Думаю, что в современной молодой удмуртской прозе он является именно такой «точкой». С другой стороны, пытаюсь найти точки роста самого молодого прозаика: в чём его сила, какие качества его творческой работы должны, на мой взгляд, совершенствоваться и крепнуть?

В. Сергеев выпустил две книги. Между ними много общего. Но заметна и большая разница. И потому хочется начать по порядку.

* * *

Всё здесь молодо: и темы, и восприятие мира. Это, пожалуй, самая явственная, чётко осознаваемая мысль, которая возникает после прочтения первой книги В. Сергеева. В таком качестве её заключены

и плюсы и минусы. «Незначительный» по силе конфликта материал подан здесь укрупнённо, как бы через увеличительное стекло. Такое восприятие мира – характерная черта детства и юности. Молодым ещё не с чем сопоставлять мир «мелочей», кроме как со своим идеалом. Не потому ли так трагично воспринимают они то, на что умудренные опытом смотрят с философской рассудительностью? А эти «мелочи» зачастую и есть нравственное начало жизни. Известно, что молодые – нравственные максималисты. Или всё до конца верно, правдиво, нравственно – или без остатка фальшиво, ложно, аморально. Как чёрное и белое. Как белый свет и небытие. Как сама жизнь и смерть. Нравственного компромисса они, как правило, не принимают. Оттого так однозначны их позиции. Оттого бедны их чувства по своей переходности от одного оттенка к другому. Они контрастны. Но оттого же и трагически сильны они, вызванные даже «мелочами».

Все эти качества психологии молодого человека свойственны восприятию мира героями и повествователями рассказов В. Сергеева. Они наивны во многих своих «философских» решениях конфликтов, возникающих в жизни: у них ещё слишком мал жизненный опыт, чтобы решить их мудро, глубоко, во множествах связей и оттенков. Но эти решения по-юношески чисты, эмоционально страстны.

Характерная черта этих рассказов: конфликты в них нравственные. Героев и повествователей беспокоит их внутренняя неуравновешенность («Андрюша, милый», «Стыдно», «Подснежники для матери»), несоответствие между реальной сущностью человека и отношением к нему со стороны других людей («Неудачник»), столкновения между наглостью и совестливостью («Непродажные мелодии»), между «традиционной» заданностью и искренностью чувств и поступков («Расставание»)… За событийностью автор не гонится. Его беспокоит внутренний мир человека. Правда, в этом также, наряду с плюсами, есть и минусы. Характеры героев многих рассказов не могут полнокровно раскрыться из-за неразработанности сюжетов. Конечно, человек раскрывается в мыслях, в своём суждении о себе и об окружающем мире, на чём и фиксирует своё основное внимание молодой прозаик. Но не меньше, а порою и больше человек раскрывает себя в действии, в своих поступках, в том, что и как он делает. В этом отношении, пожалуй, с положительной стороны выделяются лишь рассказы «Вечерние голоса», «Кристя», «Стыдно» и «В последний вечер», в первом

из которых присутствуют даже элементы детективного сюжета. Недаром и образы героев этих произведений (Пужей агай, Крестя, ворожейка Настя, Онись) относятся к числу наиболее ярких и запоминающихся характеров в книге.

Другая, радующая нас, читателей, черта книги заключается в том, что автор видит и показывает детали, из которых складывается общая картина жизни, касается ли это предметного мира или движения души человека. В этом, на мой взгляд, обнаруживаются «точки роста» художественного мастерства молодого автора. Рассуждать о жизни (и верно, мудро рассуждать) может каждый умный человек. Для художника этого мало. Он должен найти такие зримые черты характеров и обстоятельств, которые бы выразили самую их суть. Это и есть художественная типизация жизненных явлений. И здесь немаловажную роль играет точность найденных слов для обрисовки ситуации. Молодой автор во многих местах своей первой книги обнаруживает такие способности... Старик Орткемей рассказывает молодому литератору о своей жизни. Тот записывает за уважаемым человеком, и такая картина возникает в его воображении: «...Утро. Высоко-высоко летит журавль. Один. Летит, будто большими крыльями ласкает вершины деревьев. Завидуя, вслед ему гогочут гуси, а затем торопятся к своим кормушкам» (1, 86)¹.

Этот небольшой отрывок рассказа по своей образной ёмкости и художественной завершенности приближается к стихотворению в прозе.

В рассказе «В последний вечер» повествуется о том, как восьмидесятилетний дед Ондырьян, снимавший с вершины дерева рой пчёл, свалился, сильно ушибся и вот уже умирает. Так рисует автор эту ситуацию: «*Переливаясь красной-красной кровью, солнце катится за лес Бидали. На бороде дедушки сверкнули тщедушные («начар») лучи и потерялись. Стемнело. Агай² встал и включил электрический свет. Дедушка будто встрепенулся – пришёл в себя. Медленно, с большим трудом открыл глаза, голосом будто из какой-то глубокой ямы сказал: – Дышать тяжело. Кажется, умираю...*» (1, 37).

Когда прочитываешь весь этот отрывок, убеждаешься, что слова «кровь» и «тщедушные лучи» здесь совсем не случайны, они содержат в себе подтекстное значение. Повествователь применил их со-

---

¹ Здесь и далее подстрочные переводы выполнены автором статьи.

² Агай (удм.) – старший брат.

знательно, чтобы с их помощью вызвать ситуационную ассоциацию. В сопоставлении кроваво-красного заходящего солнца, заходящего дня и умирающего человека содержится дополнительное художественное содержание, которое, как в лирике, заключается в переживании, в эмоциональной загрузке читателя. Сопоставление природы и человека на этом не завершается. Агай включил электричество, т. е. искусственный свет, после того, как естественный свет дня ушёл. И дед обретает сознание. Но это уже не сама жизнь в полнокровном её понимании, а тоже словно бы искусственное возвращение к ней, чтобы сказать о приближающейся смерти.

Вся эта символика (заходящее солнце, угасающий день, умирающий человек) приобретает особую силу оттого, что картина жизни выписана реалистически точно. И даже по-бытовому просто. Осознаёшь, что самая обычная жизненная ситуация может быть так символична.

Видение жизненных ситуаций через характерные детали придаёт убедительную художественную силу лучшим рассказам В. Сергеева.

Охрана природы, заступничество за неё стали темой ряда рассказов молодого прозаика. И не удивительно, что, ставя на одинаковый уровень природу и человека, он придаёт первой черты характера второго. Очеловечивание природы у В. Сергеева идёт как бы из глубины веков. Оно – в нравственном начале самой природы человека. Об этом говорит хотя бы и тот факт, что наравне с собою, с человеком, ставят «братьев наших меньших» прежде всего пожилые люди, те, кто является высшим авторитетом для повествователей произведений В. Сергеева – молодых людей. Иными словами, те люди, которые, по представлениям молодых повествователей, бог знает когда ещё родились, а может, и вообще никогда не родились, а жили вечно?¹ И всегда были такими же пожилыми и мудрыми. Они предстают в глазах молодых как сама извечная мудрость народа. Таков Пужей, дед Сергея, из рассказа «Вечерние голоса», со всей решимостью и упорством заступившийся за медведя и вставшего против браконьеров. Не зря, видно, он носит имя по древним традициям своих предков. «Пужей» в переводе с удмуртского – «Олень». Подобные языческие имена среди удмуртов встречались часто. Такова и Кристя, одинокая (так и хочется сказать: древняя) семидесятилетняя

¹ «Сколько же было ей лет, – думает повествователь рассказа «Стыдно» о ворожейке. – Очень много. Трудно сказать, наверное, и сама она не знала». – С. 80.

женщина, не только заступившаяся за воронью семью, поселившуюся на дереве за её подворьем, но и приютившая, лечившая, вскормившая оставшегося одиноким, как и она сама, ворону-самца (самку его застрелили соседи Кристи) и подружившаяся с ним. Как она ждала его ежедневного появления сначала на крыше сарая, а потом и во дворе, у оставленной специально для него кормушки, как грустила, когда он исчез, перестал прилетать! А ведь эта птица принесла ей немало горя: поклевала молодые побеги на её с таким трудом обработанных и засаженных грядках. Посмотрите по тексту, как она горевала, когда увидела этот разор! И обратите при этом внимание на то, как очеловечивает исклеванные молодые побеги на грядках, какие проклятья шлёт на голову не известных пока ей разорителей, тех, кто сделал больно «одушевленным» росткам, кто не пожалел её труда: *«Осто, божье-хранитель, за какие грехи мне такое наказание? Сколько сил вложила в работу... Лежала бы ноги вверх... Как, наверное, мучились зелёные росточки. Они ведь тоже имеют душу... С какими думами: от злости или от нечего делать – ввели в такой изъян! Да не найдёт этот разоритель нигде себе удачи, да не вытерпит он ни холода, ни жары...»* (1, 23). Клянёт разорителей и жалеет она одинаково и себя, и свои посадки.

Но как резко изменила Крестя своё отношение к разорителю, когда тот стал известен и когда увидела несправедливость по отношению к нему. Её соседи разорили гнездо с малыми птенцами, оно упало с вершины высокого тополя на землю, и птенцы разбились. Она видела, как металась ворона, пытаясь защитить своих детей и как сама стала жертвой жестоких человеческих рук. Это и перевернуло душу пожилой женщины. И старая ворона стала восприниматься ею совсем не птицей, а таким же, как она сама, разумным существом, имеющим нелегкую судьбу. Села она прямо на лужайку посреди двора Кристи, старая, измученная, с оголившейся от выпавших перьев шей, полная горя и тоски в глазах. Тут Крестя невольно сравнила её с собою. Вспомнила свою непростую дорогу жизни, по которой шла и в лаптях, и в чибриках, и в галошах, представила радости первых встреч с мужем, семейное ликование по поводу рождения детей, неизбывную тяжесть похоронок, свой плач в голос по ночам, когда один за другим погибли на фронте муж, сыновья... И стала ухаживать за вороной как за человеком. Так они и подружились. Крестя изливала птице свою душу, и ворона будто её понимала. Женщина иногда укоряла её: *«Сколько лет на одном огороде*

живём, а ты толком и не залетала ко мне в гости. Только и знаешь, что лук рвать, – упрекала ворону Крестя. Будто поняв значение слов, птица опустила клюв. Видно, вспомнила, как озоровала. Затем обошла кругом, клюнула тарелку и, тяжело взмахивая крыльями, улетела» (1, 26).

Как много поучительного в этой короткой истории дружбы пожилой, одинокой женщины и одинокой измученной птицы! Однако в рассказе нет ни намека на назидательность и нравоучение. Просто изложена история, увиденная зорким и типизирующим взглядом художника. Такая манера письма, конечно же, является «точкой роста» будущего большого мастера прозы.

Художник видит мир через конкретные проявления, через предметы, движение души человека, через детали. Их взаимоотношение и составляет тот предмет, который его интересует, о котором он хочет поведать миру. Гуманизм, человеколюбие, утверждение добра на земле – основной пафос советской литературы, наследующей традиции русской и мировой классики. Сострадание не только человеку, но и живой природе – такова нравственная позиция и рассказов В. Сергеева.

Не хотелось бы, чтобы у читателей создалось впечатление, будто я не вижу слабых сторон первой книги молодого прозаика. Их, конечно, немало. О некоторых из них я уже писал выше. Хочется сказать ещё о так называемых новеллах, занимающих немалую часть сборника. Может быть, автору уже сегодня стыдно за то, что он их включил в книгу. Хоть и обозначены они таким жанром, многие из них представляют собою блокнотные записи литератора, которые могли бы пригодиться для созревания замыслов полноценных художественных произведений. В публикации их видна спешка молодого прозаика. Можно бы проанализировать, например, неразработанность характеров и обстоятельств в ряде явно несильных рассказов. Однако не надо забывать, что я ищу «точку роста» молодого прозаика. И потому разговор о его первой книге хочется завершить словом одобрения поиска оригинальной композиции в рассказе, который называется «Написание рассказа». В книге он занимает всего четыре с половиной страницы. Не скажешь, что и здесь полно раскрыты характеры. Однако как бы нечаянное столкновение разных человеческих судеб живёт в рассказе напряженно, словно отражение окружающего мира в свернувшейся капельке росы. С одной стороны, судьба слепого старика Орткемея, до конца дней своих не потерявшего оптимистического духа молодости,

как бы повторившего своей жизнью судьбу всей страны. Это за ним записывает повествователь – молодой литератор. Его жизнь метафорически представляет в виде журавля, летящего высоко в небе. С другой стороны – отец повествователя, который бросил семью, когда сын был еще маленький. Спившийся, опустившийся человек. Отец и сын не виделись уже лет десять. Встретились случайно. Им не о чём говорить, хотя сидят они, как добрые люди, за одним столом в ресторане.

Противостояние судьбы Орткемея и отца повествователя происходит не напрямую, и даже, кажется, не в сознании повествователя. Явный характер приобретает оно уже в сознании читателя, благодаря всей структурной организации произведения. Рассказ состоит из семи коротких частей. В нем параллельно идут три сюжетные линии, обозначающие три характера: двух названных выше героев и самого повествователя. Неотступные мысли последнего, обдумывающего рассказ об Орткемее (в том числе и во время натянутого разговора с отцом в ресторане) объединяет разнородные части произведения.

Рассказ, на мой взгляд, интересен как экспериментальный опыт молодого прозаика. Поиски оригинальной композиционной структуры им продолжены и во второй книге.

* * *

Широко, легко и глубоко дышит. Так охарактеризовал манеру письма молодого прозаика поэт В. Романов, написавший внутреннюю рецензию на второй сборник В. Сергеева. В этих словах, конечно, есть значительная доля аванса молодому прозаику. Однако не скажешь, что они не имеют под собой основания, если иметь в виду всё те же «точки роста».

Прежде всего: о чем пишет В. Сергеев?

В этой небольшой книге, куда вошли три короткие повести и восемь рассказов, встретим картины гражданской и Великой Отечественной войн, повествование о буднях советских солдат неподалеку от границ с Афганистаном в совсем ещё недавние дни; познакомимся с туркменами, грузинами, татарами, с эстонцем... И всё же сердцевиной книги является стремление молодого человека, родившегося и выросшего в удмуртской деревне, познать свой край, свой и другие народы нашей страны. Все произведения книги объединяют мысли, наполненные этим нелегким стремлением. Думают, размышляют, сравнивают, сопоставляют автор, повествователи, герои. Вспоминают о прошлом.

Кажется, автор совсем и не стремится рисовать картины былого. Его волнуют сегодняшние дела и люди. Но что делать, если в героях с неодолимой силой живёт память о пережитом? Как, например, воспоминания старика Оддока из рассказа «Без коня не вернусь».

Тяжелы мысли Оддока. Надвигавшуюся лому в костях в непогоду он, кажется, перенёс бы куда легче, если бы не воспоминания, которые с болью отдаются в его сердце. Через несколько строк повествователь вновь напоминает нам, читателям, о тех же мучительных мыслях героя. *«Два дня разных лет, два дождливых дня приходят на память старику Оддоку»* (2, 191). Следуя за мыслями пожилого человека, сидящего на крыльце родного дома, мы третий раз приходим к тем же, непростым памятным дням: *«Дождь всё идёт. Вот-вот снова проснутя воспоминания, которые живут, никогда не покидая его. Оддок старается перевести мысли на другое, напевает даже песенку себе под нос. Однако прошедшие дни в такую дождливую погоду ещё ярче встают перед глазами, их, словно пыль, водою не смоешь»* (2, 192). И начинаются воспоминания о том, как Пиля, брат Оддока, во время гражданской войны, чтобы не отдать белым с таким трудом добытого копя, ушёл с ними, чтобы потом вместе с конём сбежать; о том, как в годы Великой Отечественной войны два брата, раненные, нечаянно оказались в одном госпитале и как рассказывал Пиля о своём нелегком жизненном пути, начатом тогда ещё, в годы гражданской войны, спасая коня. Эти воспоминания и составляют и душу, и тело рассказа.

Радует умение автора легко переходить от сегодняшних дел к картинам прошлого. Воспоминания героев начинаются как бы с самых незначительных деталей, с таких, как дождливые дни в этом рассказе. Так расширяется диапазон дыхания произведений.

В рассказы и повести врываются характеры и обстоятельства разных времен. Они обогащают и углубляют произведения.

Иногда и сам повествователь вдруг обрывает линию фабулы, ухватившись за какую-то деталь. Начинает расширять наши знания о ней. Образуется нечто вроде микросюжета. Затем снова своим ходом течет основное русло фабулы.

В повести «Гористый путь» показано, как паренек-удмурт, сержант Петров, и его товарищи на тяжело гружённых тягачах преодолевают южные горные перевалы по извилистым дорогам, пролегающим над пропастью ущелий. Всё здесь увидено глазами Петрова. Он и является

повествователем – всё замечает, взвешивает, сопоставляет, размышляет. Когда начался нелёгкий спуск с перевала, позади его тягача послышался сигнал. Что это? Неужели что-то неладно с машиной Станислава Тайского, идущей вслед за прицепом Петрова? Так быть не должно. У Танского всегда всё в порядке. Золотыми руками назвал его сам комбат... С такой мысли Петрова и начинается более обстоятельный рассказ о Тайском. Затем читатель вновь возвращается на нелёгкую дорогу в горах. Вот тогда-то он понимает, зачем нужен был микросюжет о Танском. Более обстоятельные знания об этом солдате-водителе так были ему нужны! Ведь из-за неисправностей в тормозной системе тягача Танского впоследствии путники оказались в очень затруднительном положении.

Глубже понять тяжесть дороги через перевал помогают и воспоминания Петрова о его встречах с пожилым туркменом. Бердымурат-мерген, в годы гражданской войны сражавшийся в этих местах против Джунаида-хана и его басмачей, проливших немало невинной крови местных жителей, поведал солдату-удмурту, почему этот перевал живёт в его памяти тяжелыми воспоминаниями, почему ущелье в тех местах называют Нора Шайтана. В его повествовании переплелись в один узел и легенда, и реальность, и давно прошедшее, и сегодняшний день. *«Закрыли мы его в Норе Шайтана»,* – рассказывает старый охотник о Джунаид-хане. – *«Но поднялся сильный ветер. Впереди не видно, чтоб даже сделать шаг – хоть глаз выколи. Кони храпят, спотыкаются. Вместе с джигитами прыгают в ущелье. Кажется, с ума сошли они тогда,* – продолжает рассказ Бердымурат-мерген, – *трое наших парней навсегда потерялись в тумане»* (2, 126). Солдату-удмурту с интересом спрашивает у старого туркмена. Потеряв басмачей в тумане, молодые красные джигиты вернулись домой. *«А на тех шакалов, оказывается, посыпались камни. Может быть, сам Шайтан рассердился»,* – вспоминает Бердымурат-мерген о басмачах. Петров не унимается, напоминает собеседнику о народной молве насчет того ущелья: говорят, там живёт какая-то душа, хозяйка тех мест. *«Не знай. Я не видел, – отозвался старик после долгих раздумий. – А сказать, что нет, язык не поворачивается. Страшное это место. Туда, по правде сказать, и зверь не заходит. Может быть, души тех негодяев так мучаются. Не знай, сынок, не ведаю»* (2, 127).

Таким образом и здесь раздвигаются горизонты истории. Расширяется русло сюжета.

Два отступления от главной линии повествования (воспоминания повествователя о недавних разговорах с Тайским и пожилым туркменом) в конце концов не просто вливаются в русло главного сюжета, но и как бы сталкиваются в нём, подводят к событиям, ставшим кульминационным моментом в повести. *«Дымбыр-жон! Что-то толкнуло наш тягач назад. Лбом торк! стукнулся об оконное стекло...*

– Товарищ сержант, Танский толкнул нас.

– Пятнадцатый тягач, мать вашу... что случилось? – Слышится в шлемофоне.

Тормоза не держат. Стукнулся об четырнадцатый. ...Значит, так. Волосы встали дыбом. Тягач с тяжёлым грузом, пролетев вниз, догнал нас и захлебнулся. А ведь и у нас немало груза. Удержат ли мои тормоза две многотонные машины?

«Нора Шайтана заиграла с нами, – промелькнуло в моей голове... А скорость тягача всё растёт и растёт. Так мы вдвоём скоро догоним тринадцатый тягач и все полетим в ущелье...» (2, 138).

Так углубляется сюжет за счет микросюжетов, которые, столкнувшись в главном русле повествования, приобретают дополнительную значимость, создают подтекст.

Такие параллели, создающие подтекст, встречаются и в повести «Во сне падает снег». И там, казалось бы, обыденная, житейская деталь (солдату, попавшему в госпиталь в Туркмении, пионеры приносят яблоко) является толчком для воспоминаний повествователя об удмуртской деревне, родных краях, о старике Митрее, сторожившем колхозный яблоневый сад, а через него – о двух братьях, Миколке и Феде, об их жизненном пути, обернувшимся трагедией. Житьё-бытьё солдат неподалеку от границ Афганистана – и картины удмуртской деревни... Они сами по себе расширяют дыхание повести, показывая сосуществование совершенно разных ситуаций в сознании одного человека, повествователя. Кроме этого, и здесь мы видим своего рода «тень», параллель: с одной стороны, девушка-удмуртка Нина, доведшая до самоубийства от всей чистой души любившего её Федю, с другой – туркменка Карина, девушка с мягким и добрым сердцем, старающаяся понять и поддержать солдат, отправляемых «за реку», в Афганистан, где идёт война. В их внутреннем облике есть что-то и схожее, и различное. Эти два образа, сходясь в сознании повествователя, а затем и читателя, создают подтекст. Они образуют

своеобразный мост, по-своему связывают картины удмуртской деревни и жизнь солдат у афганских границ.

Повесть, роман... В широком русле произведений этих жанров создаются большие возможности для реализации художественной фантазии писателя. В эту книгу включены короткие повести. И в них, по-своему компануя структуру произведений, автору легче придать им оригинальный ритм и настроение. Труднее приходится в этом отношении в рассказах из-за их малого объема. Однако вошедшие в книгу произведения этого жанра показывают: автор и здесь поработал творчески. Рассмотрим для примера лишь завершающую часть рассказа «Из-за изгороди».

Работающий в городе Арки, обидевшись из-за того, что профком выделил ему путёвку не на юг, во время отпуска приехал в деревню, к родителям. Все думы его сводятся к одному: надо в деревне как-то отдохнуть.

«Петухи не то пропели, не то ещё нет – с соседнего двора послышался пронзительный голос:

– Кирло, Кирло, куда же ты подевался, лоханка с ногами?

Тонкий пронзительный голос соседки Офимьи как будто режет – лезет в ухо, подушкой не укрогься» (2, 178).

Так в первое же утро как будто начинаются помехи задуманному отдыху Арки. Но он не торопится портить своё настроение. *«Арки был вынужден встать, – читаем далее. – Он решил сегодня утром сходить на рыбалку. Рыба ждать не будет, её надо подцепить, пока она голодная» (2, 178).*

В коротеньком отрывке рассказа одновременно и параллельно развивается действие в трёх-четырёх планах. Перемежаясь, лишь в нескольких предложениях вновь и вновь появляются перед нами Арки, его родители, соседи, просыпающаяся природа, летом рано приступающие к работе труженики села... Каждый из них подает всё новые голоса, невольно свидетельствуя, что жизнь течёт, время не стоит на месте. *«Только-только на востоке начало алеть. С крыши медленно выветривается дремлющий туман. Воздух легкий, дышать хорошо» (2, 178).*

Деревня просыпается. Вроде бы ничего не мешает доброму настроению Арки. Деревня и окружающая природа живут своей жизнью, Арки – своей: *«Найдя прислонённые к изгороди удочки, Арки стал их разматывать.*

Щебечут ранние птички, кузнечики также давно уже проснулись. Но Арки недосуг их слушать, одна из лесок запуталась – мучается» (2, 178).

С этой запутавшейся лески и начинается, по-видимому, появляться и постепенно крепнуть желание тотчас уехать обратно в город из-за обиды приехавшего сюда, в деревню, к родителям Арки. Хотя сам он ещё не осознает, как в течение лишь нескольких минут шаг за шагом отторгли его от себя деревенские картины и голоса, признали чужим его, приехавшего сюда с единственной мыслью - об отдыхе. Рано проснувшиеся птички, где-то в конце деревни тарахтящий трактор, разговор соседей, поданный очень умело, по капелькам, вперемежку с другими голосами деревенского утра (жена настаивает, чтобы муж, инвалид войны, надев ордена и медали, пошёл к председателю и просил дрова, а тому стыдно), натужный кашель отца, бряканье матери кухонной посудой – всё это, словно многожильная и многоцветная нить, тянется будто параллельно с приготовлениями Арки к рыбалке. Но так кажется лишь на первый взгляд. Постепенно видишь: многоцветная нить идёт наперерез настроениям Арки. Он и сам, наверное, смог бы своими действиями стать одной из жил этой нити: помочь однорукому соседу заготовить дрова, починить готовые развалиться ворота и этим пособить отцу... Эти дела также подают свои «голоса». Но Арки приехал отдыхать! Голоса просыпающейся деревни уже портят его настроение. *«А с плохим настроением на рыбалку идти не хочется».* И потому рассказ о совестливости человека, о его чувстве долга и ответственности перед другими людьми на этом резко завершается: *«День обещает быть душным. Тяжело даже дышать. Арки начал искать повод уехать в город» (2, 182).*

Все подобного рода параллели и отступления создают многосубъектность восприятия мира, оригинальную неординарность в сюжетном построении произведений. Характерной в этом отношении является, на мой взгляд, повесть «Считай, считай, кукушка...».

* * *

Произведение почти целиком построено на воспоминаниях. Они здесь не просто выстраиваются в ряд, а порою, как концентрические круги, входят один в другой. Они, словно бурав, углубляются в слои жизни, раскрывают различные временные пласты.

Повесть начинается с небольшого раздела «Предисловие», где показан повествователь, молодой человек, Василий, как проясняется впоследствии, по своему внутреннему облику очень близкий к автору. Василий возвращается домой, «в далёкую маленькую деревушку». Здесь же начинаются его воспоминания детства, тех времён, когда ему было двенадцать. Они и являются главным содержанием повести. Через воспоминания раскрываются конфликты и характеры.

На первый взгляд, кажется, что повесть сосредотачивается вокруг образа Сергея Ильича. Она построена на материале его жизненного пути. Картина за картиной Василий вспоминает, как встретился с Сергеем и как с ним расстался.

...Двенадцатилетний Вася, сын деревенского медика Анастасии Ильиничны (Палэзь Насыти) и механизатора Ладимера, летней ночью спит в кеносе. Около полуночи просыпается от удивительных звуков. Кто-то на улице играет на баяне чудесную мелодию. Перед глазами подростка проплывают по-сказочному красивые картины.

А играл, оказывается, сосед, Сергей, некогда уехавший из деревни на учёбу и в течение многих лет не приезжавший в родную деревню. Сейчас он вернулся в отчий дом, в котором живёт его старший брат Пужей Микта. Вернулся умирать. Незадолго до этого его оперировали в Москве, ничего не вырезали, зашили обратно, сказав, что всё будет в порядке.

Жизненный путь Сергея Ильича заставляет задуматься. Он – отличный музыкант, самодеятельный композитор, создал немало полюбившихся народу песен, выпустил даже сборник стихов. Однако дарованный ему природой талант он не сумел реализовать сполна. Довольствовался легкими победами. Пока был голос, пел. Написанные им новые песни продавал ресторанному оркестру. В его составе сам играл на баяне. По его собственным словам, начал выпивать, гулять. По-видимому, из-за такой беспорядочной жизни неизлечимо заболел.

У Сергея и раньше от такой жизни беспокойно было на душе. Однако о себе, о не совсем удавшейся судьбе он глубоко задумался, лишь приехав в отчий дом умирать. Но эти мысли не сломили его, а, может быть, с новой силой пробудили в нём доброе сердце. От всей души он тянется к деянию добра. Сквозь годы теплом повеяла на него любовь юных лет – он вновь встретил Палэзь Насыти, ставшую теперь

соседкой, почувствовал ее к нему равнодушие. Сын Насьти и Ладимера, Вася, по-дружески привязался к Сергею, готов был, как богу, поклоняться ему, прилежно учился у него играть на баяне. Таким образом, Сергей нашёл здесь верного ученика. Нашли силы объясниться и понять друг друга Ладимер и Сергей, давно потерявшие взаимопонимание из-за Насьти. Значит, и здесь свалился тяжелый камень с плеч Сергея.

Всё это радостью вошло в последние дни Сергея Ильича

Здесь, в родной деревне, Сергей сумел найти мелодию песни, которую, может быть, искал всю жизнь, – ту самую, что услышал Вася летней ночью. Сергей посвятил её себе. В ней он раскрыл наполненные большими и прекрасными мечтами годы своей юности, не совсем удавшийся жизненный путь. Дал себе слово: ноты этой песни никому не отдаст, лишь сам будет играть в минуты грусти и раздумий.

Однако в родной деревне его ожидали и нелегкие испытания. Они явились не случайно. Все они, как и радости, связаны с характером Сергея, с людьми, с которыми ему приходилось иметь дела.

Первое из этих испытаний заключалось в том, что брат Микта встретил его, словно врага. Он решил, что Сергей приехал требовать свой пай с отцовского подворья. Попытки Сергея убедить, что это не так, не действовали. Микта откровенно презирал брата, считая, что он лентяй, привык жить налегке. Самое болезненное в таком отношении для Сергея заключалось в том, что он и сам не совсем был доволен своей жизнью. Но оценивали её братья по-разному. Микта упрекал Сергея за то, что занимался музыкой и литературой, Сергей себя за то, что не весь отдался этим видам искусства.

Второе испытание Сергея связано с тем, что он не смог отказать себе вновь пережить увлечение юности. Увидев, как лихо справляется Вася с конем, решил прокатиться на нем. Жеребец сбросил с себя незнакомого и обессилевшего от болезни человека. Сергей слёг в постель.

Третье испытание добило Сергея Ильича. И оно было связано с отдельными шагами на его жизненном пути – с тем, что он когда-то продал свой талант ресторанному оркестру. К нему, уже лежавшему в постели, приехал Кучыран (не зря, видимо, носил такое прозвище, в переводе с удмуртского языка означает «Сова»), руководитель ресторанного оркестра. Просил Сергея вернуться к нему. Если не может

этого сделать, хотя бы продать новую песню. Обещал хорошо заплатить. Услышав отказ, схватил со стола ноты новой песни Сергея, посвящённой себе, почти бегом вышел из дома и на стоявшей под окном машине уехал в город. Сергей понял своё бессилие что-либо предпринять против Кучырана. Оскорбленный таким наглым унижением своего достоинства, Сергей почувствовал резкое ухудшение здоровья и вскоре умер.

На такой печальной истории построена повесть. Но её содержание не исчерпывается этой историей. Повесть интересна по форме, несущей на себе немалую содержательную нагрузку.

Облик Сергея освещается пучками света, льющимися из разных источников. Разными глазами смотрят на него и по-разному оценивают Микта, Насыти, Ладимер, Кучыран... Непростое отношение к своей жизни со стороны самого Сергея. Неодинаковый взгляд на него Василия – двенадцатилетнего и взрослого, того времени, когда он повествует о судьбе Сергея. Всё это, с одной стороны, делает полнокровнее образ Сергея, с другой – раскрывает тех, с кем этому человеку пришлось иметь дело в жизни. Правда, характеры названных выше героев раскрыты не разносторонне, многие из них пока лишь намечены.

Выделяется из них образ героя-повествователя Василия. Казалось бы, в сюжетном ходе произведения он занимает не так уж много места. Однако в понимании всей многосложности взаимоотношений героев, а вместе с этим и идейно-эстетического содержания произведения этот образ играет ведущую роль. Он объединяет различные структурные пласты произведения: и повествование о судьбе Сергея, и другие воспоминания взрослого Василия о временах его подросткового возраста, и те части повести, которые названы «Предисловие» и «Послесловие».

Несмотря на небольшой объем, особое место занимает в повести отступление с воспоминаниями о писателе Валишине. Они берут начало от реплики Сергея о том, что в его библиотеке остаются интересные книги, среди них – «Старый дом», «Люблю тебя». Затем Сергей добавляет: *«Недавно с большим желанием почитал Валишина. Растёт ведь, растёт. Какой язык, а мысли какие глубокие! Каждое слово на месте. Большим человеком станет. Хорошо!»* (2, 44).

Так кратко упоминает герой фамилию известного удмуртского прозаика. Тем не менее эти слова, оказываясь, глубоко запали в сердце повествователя, двенадцатилетнего Васи. Уже взрослым, повествуя

о судьбе Сергея, он специально отдается своим воспоминаниям о реальном человеке – Романе Валишине. В повести они выделены в самостоятельную часть, состоящую всего лишь из двадцати шести строк. Тем не менее образ Валишина в сознании повествователя встаёт в один ряд с образом Сергея. Оба они для Василия стали учителями. Взрослым он думает о Сергее: «...сгорела твоя чистая и грешная свечка. Ты не пожалел себя. Эта свечка твоя, может быть, осветила и мою жизнь. Ты показал мне дорогу. Ту самую, по которой я не пошёл» (2, 49).

По-другому думает Василий о Валишине. Рисуя единственную встречу с этим писателем, повествователь говорит: «Да, какие глубокие и чистые его рассказы. Прочитав их, и я взялся за ручку. Все думаю: свою книгу, которую, может быть, он и в руки не стал бы брать, принести бы и положить ему на могилу, посвятить ему» (2, 45).

Так в повести переплетаются жизненные пути вымышленных автором героев и людей реальных. Это придаёт произведению своеобразие. Документальный материал как бы придаёт убедительную силу и остальным событиям. Кроме Геннадия Красильникова, Семена Самсонова (через их произведения), Романа Валишина, повествователь называет имя ещё одного невымышленного лица – Виктора, который будто является другом Василия. Те, кто знает друзей самого автора, безоговорочно узнают, что это молодой удмуртский поэт Виктор Шибанов.

Вновь возвращаемся к мысли о близости образов Василия и самого автора. Не только в этой повести, можно сказать, и во всём творчестве чувствуется, что Вячеслав Сергеев старается учиться у Романа Валишина. Недаром, видно, поэт В. Романов, написавший внутреннюю рецензию на вторую книгу В. Сергеева, очерчивая его творческий облик, упомянул имена Геннадия Красильникова и Романа Валишина. Думается, у молодого прозаика немалые потенциальные возможности. Если он и дальше будет трудиться с таким же упорством, хочется верить, сможет сделать новый шаг в развитии удмуртской прозы.

Список литературы

1. Сергеев В. В. Жыг куараос: Веросьёс но новеллаос. – Устинов: Удмуртия, 1986.
2. Сергеев В. В. Лыдья, лыдья, кикые...: Повестьёс но веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1988.

7.8. КЫЛ НО КЫЛБУРЕТ

(«Литература гожтосьёсты эскерон» нимо дышетскон курсъя «Лирикаын кылсуред кылдытон амальёс» темая лекцилы но семинарлы инъет: препринт / Россия Федерациысь дышетон министерство, Удмурт кун университет, удмурт литературая но Россиясь калыкъёслэн литератураоссыя кафедра. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. – 40 б. – Гожтэмын Е. В. Макарова егит кылбурчиен валче. Печатлаське вакчиятыса)

Литературалэн тйрлыкес – кылсуред

Искусство, наука сямен ик, – дуннеез валан кивалтос. Озы ке но, соослэн «ужан» амальёссы пöртэмесь. Наука усьтэ ке асьмелы дуннелэсь «шыкысьёссы» рациональной амалэн, отысь нимаз-нимаз югдурьёсыз, адямиосыз, учырьёсыз (огкылын вераса, вань «чыры-пырыосыз») йырсазын огазеяса но соослэсь огъясь тусбуйзэс гинэ нырысетй радэ поттыса, искусство суредэ ёапак со «чыры-пырыосыз» – сычёен, кычөөсь соос луо улонын. Адами ке со – чылкак нимаз басьтэм мурт, солэн аслаз нимыз (кылсярысь, Гаян), вордскем интыез, аслыз гинэ тупась вылтусыз, солы гинэ тупась сямьёсыз... Но со адями пыр лыдзись адже трос музон муртьёсыз, кудьёссы улон-вылон ёапак та адямилы укшасьгес каре. Лыдзисьлэн йырсаяз озы кылдэ чеберлыко образ.

Озыен, искусство улонэз усьтэ образ пыр. Нош мар меда со – чеберлыко образ? Со – ваньмыз, ма суредамын искусствоын. Искусство огласянь улонэз тодытэ, нош мукет ласянь – «кыкетй дунне» кылдытэ. Со кыкетй дуннеез чеберлыко произведение шуиськомы. Котькуд чеберлыко произведение – нимысьтыз образ ини. Нош солэн пушказ олокöня но полэс сйосыз вань на. Литератураын, шуом, нимаз кыл бордысен кутскыса, быдэс произведенилэн идеяез, концептуальной пуштроез дорозь. Соос пöлы ик пыро пöртэм детальёс, мадён амальёс, характерёс, пöртэм югдурьёс, ваче вуоньёс (конфликтёс), сюжет, композиция но мукетьёсыз.

Чеберлыко произведениез кылдытйсь уг басыты улоньсь маке сюрем сое – быръе сое гинэ, ма тупа солэн малпамезья, тырмисьтэмзэ ачиз но малпаса будэтэ, одйг интыысь адземзэ мукетьёсынын герза... Озы възматэ со улоньсь жечсэ но уродзэ, чеберзэ но шушсэ висьяны

тыршемзэ, соослы ас дунъет сѣтэмзэ. Соин ик чеберлыко образын, дунне суред сяна, одно ик чильпыра со суредлэн котькуд сйезлы авторлэн дунъетэз, этической но эстетической идеалэз пыр поттыса лэземез.

Озы тйни, наука объективной зэмлыкез утча ке, искусство котьку но субъективной луэ. Татын нырысетй интые потэ адямилэн мылкыдыз, суредам дуннеез шоры солэн чапак аслаз синмыныз учкемез.

«Литература но искусство», шуо куддыръя, литератураез искусстволэн радьсытыз поттыса кадь. Со кылйське сыче ик янгыш, кызыы ке янгыш писатель но поэт шуэмзы, малы ке шуоно, кызыы ке поэт – сыче ик писатель (прозаик но драматург кадь ик, чеберлыко произведение кылдытйсь), озыы ик литература – искусстволэн оглюкетэз.

Литература, искусстволэн музон удьсысьсыз сямен ик, котырысь дуннеез валаны но валэктыны тырше **образьёс** пыр. Литератураысь образэз **кылсуред** шуиськом: крезьгурчи кылдытэ ке образ куараослэсь, суредась – буёлъёслэсь, скульптор, шум, – изьёслэсь, гождьськись кылдытэ кылъёслэсь. **Литература – со кыл искусство**. Соин ик **кыл, литературалэн материалэз луыса**, нимысьтыз саклык висъямез кулэ каре. Сое пусйлызы асьёзос гождьськисьёс но, кылсярысь, А. Белый, В. Брюсов, А. Ахматова, О. Мандельштам...

Кызетй даурысь 20-тй арьёсы формальной школае пырисьёс (Б. О. Эйхенбаум, Б. В. Томашевский, В. М. Жирмунский, Р. О. Якобсон но мукетьёсыз) лыдъяллызы ик, чеберлыко литератураысь кыл огшоры вераськоньсь кыл кадь ик луэ шуыса, соин ик, пе, соосты, эскерыку но, ог-огзылэсь висъяны кулэ өвёл. Бёрысь та тодосчиос ик малпанъёссэс воштйзы. Б. В. Томашевский гождтэ: огъя кылын, пе, зэмзэ но пумиське ваньмыз, мар вань поэзиын, ... поэзиез сяна.

Литатуралэн материалэз кыл луэ бере, зэмзэ но, огъя вераськон кыллэсь аспёртэмлыкъёссэ, сямъёссэ, вошъяськон, кутйськон манерьёссэ, вакчияк вераса, лингвистикаын эскероно тодметъёссэ, тодытэк амалзы өвёл гождйсьлэн но, солэсь ужзэ сэрттйсь-пертчйсьлэн но. Озыы ке но, шонер луоз-а чеберлыко гождтосысь кыл шоры лингвистлэн синмыныз гинэ учкон? Тырмыт луоз-а сыче эскерон? Автор, произведение кылдытыкуз, кылъёсты мар ке ивортон понна гинэ уг куты ук, солэн **котькуд кылаз аслаз дунне аджонэз шөдйське**, котькуд кылзэ со ас **мылкыдыныз шунтэ, «улзйтэ» кадь**. В. В. Виноградов пусье, **чеберлыко гождтосысь кыл образной луэ шуыса**. Чапак со образной кылэз висъян ик нимысьтыз тодос кылдонлы инъет луиз. Нима-

зы сое лингвопоэтика, яке литературатодонысь стилистика шуыса. Тодосысь выль удыс кылдонлы аслаз ужьёсыныз нырысь ик юрттйз Л. В. Щерба. Чеберлыко гожтосысь кылэз пыр-поч эскеронлы бадзым саклык висъязы Б. А. Ларин (кудйз пыртйз «**кыллэн эстетической значениез**» валатон), В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Ю. Н. Тынянов, В. М. Жирмунский, М. Б. Храпченко, М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, Л. Я. Гинзбург но мукетьёсыз. Литератураысь стилистика выль удыс луэменыз ик, оло, литературатодонын али бадзым инты басьтэ.

Кылбуретын кыл – бадзымгес

Ойдолэ эскеромы: **кыче меда пöртэмлыкез**, огшоры вераськонэн чöшатонo ке, кылбуретысь кыллэн?

Прозалэн но драмалэн сямен ик, поэзилэн но öвöл аслаз гинэ кыл шыкысез. Кылбуртьёс кылдытйсько со кылъёслэсь ик, кудъёссэ адыми малпам но малпа ог-огеныз вераськон, малпантьёссэ шараян понна. Кылбуретысь котькуд кылэз (авторен малпамын öвöл ке со) шедьтыны луэ кыллюкамысь (словарьысь), кылыны луэ вераськонысь. Но **чылкак одйг кадесь-а соос** – огшоры вераськонысь но кылбуретысь кылъёс? Озы ке, малы, «Тол, люкиськемез потымтэен, туж бöрдуса кошкиз» шуим ке, пумитама одно ик вазись шедёз: «Ма тй чылкак поэт кадъ вераськиськоды ук!». Нош шуысалмы ке огшоры: «Тол но ортчиз» – озы куаретйсьез öй луысал. Маизъя висъяло бен «поэт кадъ вераськон» кылэз? Нырысетй предложениямы но малпанмес кылбур чуре öм эгесалэ ук! А. А. Ермолаев но таё пöртэмлыкез синйылтэм: «Огшоры вераськонын но куддыръя ноку но кылбур гожъямтэ адымиез но «со чылкак поэт» нимало ук. Мукетыз кулытояз даурзэ кылбур пöраса ортчытэ, нош сое поэт шуыны кыл уг берытскы. Озыен, поэзилэн маке но аслаз мукет тодметэз вань, вакчи-вакчи чурен гожъям кылбур сяна.

Сыёе веран вань, – шуэ отйяз А. А. Ермолаев. – Кык кузя, пе, уллань учко. Огез адёе пукись вуэз, мукетыз – уясь кизилиосыз. Тйни со кыкетйез ик, пукись вуысь кизилиосыз адёись ик, калык синмын поэт мылкыдо адыми луэ» [8: 5].

Озыен, **поэт висьяське огшоры югдурысь маке но выльзэ, аспöртэмзэ синйылтны но сое син азе яркыт пуксьымон суреданы быгатэменыз**. Соинтэк-а М. Федотов шöдэ, кызьы «...бусысь тыр

шепѣс/Сюрелась омырен шоқышто...» [16: 138], адѣе, кызыы «...жомал/Нюжтйське лушкеш сэрегѣсысь...» [16: 108], кызыы «...Палэс толэзы учке лушкеш, / Турттэ тонэ шараяны...» [16: 92]. Сыѣе аспѣртэмлыко, олоқыѣе но образѣс пыр дуннеез адѣон **шѣдйськытэк уг кылы кылбуретысь кыл вылын но**. Ю. М. Лотман пусѣе: «**Огшоры вераськонын сярись, поэзын кыл «бэдѣымгес»** [11: 91]. Солэн зэмс валатонэз ноку но кыллэн нимась (номинативной) значениеныз гинэ уг йылпумьяськы, пусѣе В. В. Виноградов но [2: 9]. Нош В. Г. Пантелеева но Л. Н. Колесникова гошто: «Кылбуретысь кыл но огшоры вераськонысь таѣе ик кыл (ваче ѣошатоно ке) пуштроссыя чылкак одйг кадь валатон уг сѣто ни. Угось кылбуре пыртэмез котырѣсыныз туж аспѣртэмлыко герѣамын луэ, соин ик мурдалазэ но секталазэ воштэ, **мурет валатонѣсын узырме**, оглом вераса, **кылсуредлы (образлы) пѣрме**» (кылѣѣсты висьямы ми. – В. В., Е. М.) [12: 55].

Озыен, вылй верамѣсья валаны луэ: **чеберлыко гоштосысь кыл ѣем дырѣя висьяське образной луэменыз, солы луыса ик кылбуретысь кыл огшоры вераськонысьезлы уг тупа ни: солэн валатонэз мургес, паськытгес но бэдѣымгес луэ**. Кылсярысь, учком кык чурѣем калык кырѣанэз:

*Тѣдѣы мамыкез лыз буйтй,
Бѣрдйсь сюлэмме кырѣаса буйгатй.*

Нырысь учкыса, та кык чурѣс куспазы чик но герѣаськемын ѣвѣл кадь, соин ѣжыт паймоно соослэн артэ сьлэмзылы, куспазы запятоен гинэ висьяськемзылы. Нош сакгес чакласа, эшшо но паймоно кылбурчилэн (татын – калыклэн) герѣантэм марѣѣсты ке но куспазы герѣзаны быгатэмезлы. Тани кызыы валэктэ та кык чурѣем кырѣанэз Куѣебай Герд: «*Удмуртлэн природалэсь улэмзэ чакламез но, куруктэмез но та кырѣанын верамын... Мургес бугыртыса, мургес чакласа учким ке, со кырѣан асьмелы туж уно вералоз, сюлэммес но бѣрѣытоз.*

Тани со кырѣан мар вералоз: «Ѣзег бурдысь тѣдѣы мамык музѣем вылэ усиз. Мон сое басьтыса, Ѣзег бурдлэсь медаз мѣзмы шуыса, чебер лыз буѣлэн лызматй. Лыз буѣл кема уз лызэкты: зор ке потйз, мамыклэсь лыз буѣлэз миськоз.

Мынам но сюлмы, яратон муртэн люкиськем берам, Ѣзег бурдысь усем тылы кадь ик, огназ мѣзме. Мѣзмонлы чидатэк кырѣасько но сю-

лэмме буйгатійсько. Буйга ке но сюлмы, солэн буйгамез, лыз буёл кадъ ик, кемалы өвёл. *Өжыт улод, туганэд тодад лыктоз, нош ик сюлмыд чигиськоз, нош ик бёрдны, мёзмыны кутскод*» [5: 64].

Кылбур кыллэн образной луэмез гинэ лэзе та кык (лингвистлэн синмыныз учконо ке) герзаны луонтэм веранъёсты одйг веранэ огазеяны. Со ик кылдытэ **ассоциациос (огез пыр мукетсэ тодэ ваёнъёс)**, пырак верам кылъёс котыре биниськись музон малпанъёс но мылкыдъёс. **Тямыс** кылын гинэ гожтэм малпанлэсь-мылкыдлэсь пуштроссэ валэктон понна К. Гердлэн **сизьымдон тямыс (!)** кыл кутэмез но умой возматэ, кылбуретысь кыллэн валатонэз туж **паськыт** «вёлскыны» быгатэ шуыса. Ма собере, К. Герд но зэмзэ ик валэктйз-а меда ни кырзанлэсь вань мур пуштроссэ? Л. Н. Толстой верамъя, чеберлыко гожтос соиныз ик аспёртэм луэ: солэсь вань мур пуштроссэ валэктыны быгатод асэныз быдэсак произведениен гинэ. Н. К. Гей но гожтэ: **«Искусствоын дунне уг кылдытйськы кылъёс пыр, со улэ кылъёсын»** (кылъёсты висъямы ми. – В. В., Е. М.) [4: 111]. Нош дунне улэ бере гожтосысь кылъёсын, **кызы** соосты мукет кылъёсын **воштод**? Кылъёссэ воштйд ке, озыиен, воштйськоз отысь дунне но! Калыкын но юнме уг шуо, вылды: **кырзанысь кылзэ уд кушты**.

Кыл но контекст (котырысьтыз дунне)

Кылбурчи, кылъёсты гожтосаз пыртэмезлэсь азыло, туж бырйыса, аслыз тупасьёссэ гинэ кельтэ. «Кылбур кылдытыкузы, – гожтэ Е. Н. Дрыжакова,– кылбурчиос утчало кылъёс: адзо соосты, кыло, кутыло, шомъяло но, тужгес тупасьёссэ шедьтыса, ас мылкыдынызы шунто» [7: 39]. **Зэмзэ но, кылбурчи котыкуд кылаз мылкыдзэ но пыртэ, аслэсьтыз пуштроссэ но ватса**. Басьтом **«сяська»** кылзэ. Мар со асьме понна? Чебер йыро будос. Нош кылбурчи понна? Ашалъчи Окилэн куамын сизьым кылбурез пöлысь дас одйгаз (озыиен, котыкуд куиньметйяз!) та кыл пумиське. Но сое пöртэм сямен кутэменыз, **пöртэм пуштрос** ватсаменыз, та кыл уг акыльты. *«Толалтэ сяськаез чик уг лу поттыны»* [1: 46] чуръёсын сяськалэн образэз возматэ улонлэсь берыктонтэм кошкемзэ; *«Тон – мынам сяськае»* [1: 92] чуръёсын – яратоно муртсэ туж вылй дунъямзэ; *«Кыкетй гожтэтам / Мон понй лыз сяська»* [1: 113] – лирической геройлэсь лушкэм яратэмзэ; нош

«Италмас сяськаосы» [1: 59–60] кылбурын сяськалэн образэз возматэ ныллэсь выныз сярысь сюлмаськемзэ, сое яратэмзэ, маин ке но юрттыны тыршемзэ...

Мукет кылбурчиослэсь гожтосъёссэс учкыса но, та радлыкез пумтэм-йылтэм азыланьтыны луоно. Котькудаз ик сяськалэн образэз мар ке но мукетсэ, аслэсьтыззэ вералоз.

Озыен, кылбуретысь кыллэсь быдэс пуштроссэ валаны луэ контекст вылэ инъяськыса гинэ. «Контекст – кыллэсь зэмос пуштроссэ усътон», – шуэ Л. Я Гинзбург [6: 12]. Со куспын ик вератэк кельтыны уг луы тае но: кыллэн котькуд кылбурын аспөртэм луэм пуштроссэз усътйське ке но, **солэн нимась (номинативной) валатонэз уг ышы, уг быры.** Вылйын верам примеръёсын но «сяська» кыл бордаз олокыче но будэтыса кылдытэм валанъёс басътйз ке но, со кыл асьмелы мусо, чебер будосэз возматэ шуыса кылбурчи но, лйдзисъёс но ялан тодазы возё. Озы ке өз луы, кылбурчи ыштоз лйдзисен кусыпсэ, солэн **верамез валантэм кылёз.** Л. Я. Гинзбург шуэмъя, «лирикаын со, **мар сярысь верало дауръёсын, пөлэстйське соин, мар сярысь отын ноку но верамын ой вал на**» (кылъёсты висъямы ми. – В. В., Е. М.) [6: 7].

Укшатон (метафора)

Кызы бен кылбурчи быгатэ кылзэ сыче муромытыны но паськытатыны, кылсуредо карыны? Та удысын бадзым инты басътэ **метафора – кыче ке кыллэсь валатонзэ воштыса, отчы верась муртлэсь мылкыдзэ, дунъетсэ будэтыса сётон амал.** Одыг кыл сьöры мукетсэ «ватон», пöртэм арбериослэсь мар ке но ласянь огкадь луэмзэс синйылтон – метафоралэн инъетэз. Кылсярысь, чебер нылмурт сярысь вералом: сяська! Кырзаны устоез сярысь – учы! (Со куспын ик, кырзаны быгатйсьтэм муртэ учы шуим ке, **мукет троп** пöрмоз – **пропия**). Озы метафора но музон тропъёс пыр верась мурт одйг кылын гинэ но быгатэ ини кылсуред, чеберлыко образ кылдытыны.

Метафораез куддыръя «ватэм чöшатон» шуо. «Та адыми учы кадь» шуим ке, со чöшатон луоз. Нош адыми сярысь «учы» гинэ шуим ке, со ини укшатон. Чöшатон татын ватйськыса кыле.

Татьяна Черновалэсь одйг кылбурзэ быдэсак учкыса потом:

*Мынам синлысьёсы –
Тылобурдо бурдъёс,
Лопыргъяло бамыд бордын.*

*Мынам ымдуръёсы –
Горд узыос,
Курисько ымдуръёсыд борды.*

*Киосы мынам – кызьпу вайёс,
Кыстйсько дорад – тонэ зыгырьяны.*

*Сюлэмы мынам – шунды-ватос,
Котьку дась со
тон понна усътйськыны.*

[17: 96]

Быдэсак кылбур возиське **метафора (укшатон)** вылын. Ассэ но аслэсьтыз мылкыдзэ лирической герой инкуазысь суредъёс пыр возьматэ. Яратонэн тырмем мылкыдыз туж чебер бере, сое суреданы но чебересь укшатонъёс быръе кадъ. Со сяна, **ватэм пуштросысьтыз (подтекстысьтыз)** «лыдзыны» луэ: мон инкуазь (Бурдо. Узы. Кызьпу. Шунды!) бере, нош инкуазь – со улон, озыен, мон тыныд но туж кулэ, тынад уз луы монтэк улэмед. Озы, авторлэн **тропъёсты уже кутэменыз**, кылбурлэн **чеберлыкез но будэ, пуштросэз но муроме**.

Мукет кылбурын лирической герой аслэсьтыз сямзэ, кыче луэмзэ пöйшуръёс пыр возьматэ:

*Мон – съöd кый, кескич зичы но
Шубаме вошгьясь кеч лул,
Мон ик – тигр, зольгыри но
Пырпотонтэм вамен тул...*

[17: 88]

Кызьы вала та чуръёсты лыдзись? «Мон кышкыт, лек, кескич, кышкась, мон ик йöно, кужмо, мон ик мискинъ, вормыны луонтэм вामенэс...» Татьяна Черновалэн лирической героюз, ачиз шоры серемпыр учкыса, кытйяз **ог-огзылы чылкак пумит луись образъёсты** (йöно тигр но – мискинъ зольгыри, кескич зичы но – кышкась луд кеч) огазе биньыса, кылдытэ огъя туж аспöртэм образ – возьматэ аслаз пушкысь-

тыз олокыче но сямъёсты адземзэ. Ваче нюръяськись сямъёс-кужымъёс пöлы со ачиз гинэ öз ни йыромы – сьöраз валтыса, быгатоз кадь мукетьёсызлэсь мылкыдзэс сураны. «*Бишылись лобась-пиштись кадь, / Уйшоре йыромытись*», – йылпумъя ассуредзэ лирической герой.

Кылбурчиослэсь ужъёссэс учкыса, отысь туж трос пöртэм «монъёсты» шедьтыны луэ:

*Мон чын –
Музьем но ин вискын.*
(В. Шибанов)

Мон – шöй гинэ аязд...
(А. Кузнецова)

Мон – турын нюжсы.
(Т. Чернова)

Мон – дыртись таракан...
(Э. Батуев)

Мон – уйвöтэд.
(С. Матвеев)

Алла Кузнецовалэн одйг кылбураз ик:

*Кобла мон <...>
Бжйыр мон <...>
Мон скал но <...>
Мон кут <...>, чонари <...>
Мон кый но, дыдык но, эбек но сяська,
Куштэм пал кышно мон <...>*

[13: 55]

Та огшоры шузияськон но, кылъёсын шудон но öвöл, котькудйз кылсуред кутиське лирической геройлэсь образзэ шöдымонгес, адзиськымонгес карон понна.

Палдурес малпан медам кылды шуыса, йылэтом на, выльйын верам вань примеръёс метафора луо ке но, кылбурчиос кылзэс «бадзымгес», кылсуредзэс шöдскымонгес карон понна метафораез гинэ уже уг кудо

шуыса. Кылбуръёсын чем пумиськыло мукет тропъёс но, кылсярысь, метафоралэн ик ог пöртэмлыкез – **улэпъян (олицетворение)**, лултэм арбериосты лулъян, яке лулоосызлы но, кылсярысь, пöйшуръёслы, адымилэсь сямъёссэ, выросъёссэ сётон. Кылсярысь:

*Вань мöзмонзэ быдтытояз,
Лычсузьымон, лэся, зориз.
Зориз берпум жадъытояз,
Гачол усьытояз зориз.*

[9: 227]

Озы тыни, **кылбурчиос чемысь аспöртэм чöшатонъёсты, метафораосты, музон тропъёсты уже кутö**. Пырак уг верало, верано кылзэс, суредзэс мукетыныз вошто. Озы кылдэ **образ (кылсуред)**, кудйзлэн ке одно ик **кык полэс** луэмез шöдйське: огласянь со, **мае возматö**, мукет ласянь – **мар пыр** (маин чöшатыса, маин ваче пуктыса) **возматö**.

Вöлскем укшатон

Кылбурысь кыл котьку ик мукет, воштэм (переносной) значениен гинэ уг кутйськы, **чемысь кутйськылэ со пырак (номинативной) значениен**, озы ке но кылбурын кылдэ **мылкыдсуред (образ-переживание)**, кудйз ке лирикаын шорсюлэм инты басытэ. Мар чотын? Тани, шуом, Ашальчи Окилэн «Кык гожтэт» нимо кылбурез:

*Мон толон гожъяськи –
Кык гожтэт мон гожтй:*

*Одйгэ гожтэтме
Одйг час мон гожтй.
Кыкетй гожтэтме
Вез уйбыт гожтй.*

*Одйгэ мон гожтй
Тöдъёё кагазэ,
Нош чагыр кагазэ
Мон гожтй мукетсэ.*

*Одйгаз гожтэтам
Мон ой поны сяьска,
Кыкетй гожтэтам
Лыз сяьска мон понй.*

*Одйгээ мон гожтй
Туж капчи мылкыдын,
Мукетсэ гожтэтме
Мон гожтй синкылиен.*

*Огезлэн пумитаз
Мон басьто, дыр, гожтэт,
Кыкетй гожтэтам
Уз, уз лыкты ответ!*

*Одйгээ гожтэтме
Мон гожтй эшелы.
Кыкетй гожтэтме –
Мон уг вера кинлы...*

[1: 114]

Кызы адзиськомы, кылбурын өвөл но кыче укшатонъёсыз (метафораосыз) но, улэпъянъёсыз (олицетворениосыз) но, чошатонъёсыз но. Котькуд кыл аслаз пырак (номинативной) пуштросэныз кутэмын. Лирической герой маде кык гожтэт гожъямез сярысь. Ойдолэ учкыса потомы вань каронкылъёссэ (глагольёссэ): гожъяськи – гожтй – гожтй – гожтй – гожтй – гожтй – ой поны – понй – гожтй – гожтй – басьто – уз лыкты – гожтй – уг вера. Дас ньыль каронкыл пöлысь укмысэз – «гожтй». Нош кылбур гожтэт гожъян сярысь гинэ-а? Шонергес луоз, дыр, та кылбур егит ньылэн лушкем яратэмез сярысь шуим ке. Вань-а кылбурын «яратйсьско», «гажасьско», «мöзмисьско» но со выллем кыльёсыз? Одйг но өвөл. Нош кылбур – яратон сярысь. Татын ини кылбурчилэн быдэс кылдытэм суредэз пöрме **вöлскем укшатонлы (развернутая метафора)** шуонлы). Лирической геройлэн лушкем яратонэз сярысь валан, мукет сямен вераса – **образ-переживание (мылкыдсуред)**, кылдэ кык гожтэтъёсты **ваче чошатон** бордысь но, кыкетй гожтэ-таз **лыз сяьска** понэмысьтыз но, сое (кыкетй гожтэтэсэ) **«Мон уг вера кинлы»** шуэмысьтыз но.

Мылкыдсуредэз возъматон амальёс пöртэмесь

Учком мукет чурьёсты:

*Тонтэк, тонтэк...
Серекъяме жожгес пöрме,
Шумпотонэ – мöзмыт.
Вакчи нунал кузьгес потэ,
Шуныт валес – кезьыт.*

Люза Бадретдиновалэн таёе мылкыдсуредэз кылдэ, **валатонзыя пумит луйсь кыльёсты артэ пуктыса**, соосты жик-жик ваче герзаса. Пётр Захаров туж тунсыко суредэ бушлыкез:

*Учкод тапала – öвöл...
Учкод сопала – öвöл...
Котькытын бусы – вöл-вöл.
Кисьяд но бен – ыр төл.*

[9: 193]

Кызы кылдэ бушлыклен кылсуредэз (образэз)? Нырысь ик со сярись верало «öвöл», «вöл-вöл» (эркын инты), «ыр төл» кыльёс. Соос **ассоциация (одйгез пыр мукетсэ тодэ ваён)** амалэн кылдыто буш интыез шöдонмес. Уно верало татын **трос точкаос (многоточис)** но. Чурез лыдзыса, малпаськод: «Мар öвöл?» Ачид ик валаськод: номыр но!

Та суредлы, оло нош, чылкак пумит луйсь образ кылдытэ Татьяна Чернова:

*Потйсько ураме –
Тöл урме.
Со нуэ кытчы ке мугорме.
Юзыр-кезьыр басьтэ вылтырме.
Котырме
Дынгырес корт эгес котыртэ.
Тöл ыртэ.
Дымбыртэ
Пельдйням но гадям.*

*Со озьы
Даурлэн вирсэрез
Йыгаське улонам.*

[17: 5]

Кылбурез лыдземъя, син азе пуксе огыр-бугыр улон, кудйз дыртэ: азылань, азылань, азылань! Сюрес вылысьтыз вань сюремзэ ас съöraз валтэ, ас кожъёсаз бергатэ, уг буйгалля огдырлы но. Со сярысь вера гожтосысь **кылваньбур** (лексика), кылсярысь, каронкылъёс ик: потйсько, урме, нуэ, басьтэ, котыртэ, ыртэ, йыгаське. Улонлэн жог азинскемез сярысь «верало» **вакчиесь чуръёс**, нош солэн «чурыт» сямыз сярысь – «р» **куаралэн** чурысь чуре, кылысь-кылэ пумиськемез: ураме, урме, мугорме, юзыр-кезыр, выльтырме, котырма, дынгырес, корт, котыртэ, артэ, дымбыртэ, даурлэн вирсэрез.

Лирикаын **кыллэн жингыртэмез**, солэн чурын, строфаын, быдэ-сак кылбурын куараос пыр музон кылъёсын «**ваче вераськемез**» ик ини нимысьтыз чеберлыко дунне кылдытэ, гожтослы аспöртэмлыко пуштрос сётэ. Соин ик змос кылбурчи туж сак шöдыны быгатэ **кыл-куара чузьяськемез**. Нырысь ик, сое асьмеос тодйськом чуръёс пумын жингыртись **куара тупанъёся (рифмаосья)**. Но сакгес лыдзйса, шöдйськод – **чуръёс пушкын но** огкадь куараос чөм дыръя выльысь но выльысь пумиськыло:

*Мон уг бöрды, уг бöрд тон понна,
Саесме куртчыса горд вирозь.
Мон юо кудзытозь горд вина,
Сюлэмын тусбуед шунатозь.*

[16: 98]

Одйг кадьгес кылйсько «бöрд» но «горд» кылъёс, одйг кадь слоген кутско «куртчыса» но «кудзытозь» кылъёс. Нош зол вазись (гласной) куараосты чаклано ке, кылысь кылэ выльысь но выльысь чузьясько «о» но «у» куараос. Озьы кылдэ **куараен шудон, куарагур (звукопись)**.

Куддыръя куара чузьяськон пыр кылбурчи выль валатон кылдытыны но быгатэ:

*Улй-вйлй мон...
Кулэ-а со сярысь?*

*Улын но вылын но вал мон,
Чарлан кадь, выльысь но выльысь.*

[8: 64]

«Улыны-вылыны» но «улын», «вылын» кылъёсты, чузъяськемзылы луыса, Пётр Захаров «чыжы-выжы» кадь карем.. Таچه валанэз юнматыса лэзе кык пол верам «выльысь но выльысь» кужмоятйсь наречие но. **Пёртэм кылъёслэсь «одйг выжызэс» утчан амал** (тае кылукшатон, яке поэтическая этимология шуыны луоз) Пётр Захаровлэн трос кылбуръёс аз куаразэ сётэ. Тани таяз но, кылсярысь:

*Ноку-ноку эн кышка юаны,
Выны.
Юан – со Ю сямен Юа.*

[9: 25]

Нырысь учкыса, со **куара берытсконъёс (звуковые повторы)** кылбурез чебер, жингрес карон понна гинэ кутйсько кадь потэ. Но выльын сётэм примеръёсыя гинэ но валаны луэ ни, со сяна, куара берытскон, куара чузъяськон пырыське вылэм огъя кылсуред, гожтослы пуштрот кылдытонэ но шуыса. «Гожтосысь куара чузъяськонлэсь аспёртэмлыкэс чаклатэк, – шуэ В. В. Кожевникова, – кыле мар ке но пумозяз валамтэез, шодымтэез» [10: 102]. **Куарагур (звукопись), куараукшатон (звукоподражание)** котьку сямен ик кылбурлэн пуштротэныз герзаськемын луэ.

Кылбурын котькуд кыл **ас интыяз** пуктэмын луыны кулэ. Эскерон понна басьтом таچه кылбурез. Со Александр Белоноговлэн «Лобзо куаръёс» сйзыл романсэз:

*Лобзо ниспуосысь чуж-горд куаръёс,
Лобзо-кошко, шоналлыса кизэс.
Кошко кадь соосын шудо дыръёс,
Ышто тэльёс жингрес крезьгуръёссэс.*

*Лобзо усись куаръёс, вазё мыным,
Люкиськонзэс потэ жегатэмзы.
Берпум кылзэс туртто кадь вераны,
Пелям вуэ «Я, зеч лу!» шуэмзы.*

*Лобзо вужмем куарьёс... Нош улонлэн
Пумтэк лыкто югыт нунальёсыз.
Малы меда жожез вань сйзыллэн?
Выдо куарьёс лёгем пытьюсы...*
[3: 100]

Автор быгатэм пөрмытыны чебер но мözмыталэс суред. Мözмон мылкыд кылдэ куарьёслэн но лирической геройлэн ог-огенызы люкиськемзы потымтэысь. Куарьёслэн со мында веранзы вератэк кыле-мын на кадь... Люкиськонэн сэрен сыче жоже мылкыдыз кылдэ лирической геройлэн!... Верамтэ малпаньёс... **Вератэк но шöдытэм мылкыдъёс** герзало лирической героюз но инкуазез... Татысь но ум-а адзиське **вöлкем укшатонэз**? Сйзыл татын – улонлэсь орчемзэ шöдытйсь вакыт.

Нош табере та кылбурез ик (одйг кылзэ но воштытэк) эскером ог-шоры вераськон кыл радья:

«Писпуосысь чуж-горд куарьёс кизэс шоналлыса лобзо-кошко. Соосын кошко кадь шудо дырьёс, тэльёс ышто жингрес крезьгурьёссэс. Усись куарьёс лобзо, мыным вазё, люкиськонзэс жегатэмзы потэ. Берпум кылзэс вераны туртто кадь, пелям «Я, зеч лу!» шуэмзы вуэ. Вужмем куарьёс лобзо... Нош улонлэн югыт нунальёсыз пумтэм лыкто. Малы меда сйзыллэн жожез вань? Лёгем пытьюсы куарьёс выдо...».

Одйг кылзэ но öм воштэ, нош кылбурлэн чеберез но, мур пуш-тросэз но быризы. Веретьёс (предложениос) но ог-огенызы пыр-поч герзаськемын öвöl кадь, сураськем-пожаськем малпаньёс, кожалод. Быриз лирической героюз куарьёсын герзась **ватэм пуштрос (подтекст)** но. Лирической герой палэнэгес султйз, та люкиськонэз сокем сюлэмаз öз басьты ни кадь. Укшатон (метафора) кылиз ке но, **мылкыд-суред лябомиз**.

Озыен, кылбурысь кыльёслэн аспöртэм **радьяськемзы** но, жик-жик ваче **герзаськемзы** но кылсуред (образ), тужгес но мылкыдсуред (образ-переживание) кылдытонэ пырисько. Нош мылкыдсуред, кызы верамы ини, прикалэн шорсюлмыз.

«Зеч поэзиын образ вакчи чурьёсын юн золтэмын луэ но жин вазыса улэ. Соин ик зэмос поэтической произведенилэн пуштросэз отысь кыльёсын верам валатонэн гинэ уг йылпумьяськы. Со мургес

луэ, кылбурлэн вань ёзвиосаз шодйське», – гожтэ А. А. Ермолаев [8: 24]. Нош И. Б. Роднянская шуэ: «Мае кыльёсын вераны уг луы, сое луэ вераны **кылбургур мертэтэн**» (кыльёсты висьямы ми. – В. В., Е. М.) [14: 196]. Ю. Н. Тынянов но та пумысен малпанэ вера: «Сётэм радын (стихын) кыл луыны быгатэ чылкак «пуштростэм» но, мукет сямен вераса, 1) солэн значениезлэн огъя тодметэз кылбуре туж ожит выль ёз пыртэ, яке 2) со куддыръя ритмо-синтаксической радлэн огъя валатонэныз чылкак герзаськемын уг луы. Соин чош ик чурын кыльёслэн куспазы юн герзаськемзы со кыл вылэ но вёлске: номыр но верамын өвёл ке но, мар ке но верамын кадь потэ» [15: 361].

Школаын дышетскон книгаосья ик асьмелы тодмо ини **эпитет – кинэ ке но, мае ке но висьясь тодмет**. Люза Бадретдиновалэн улыын вверам чурьёсаз эпитетёс нимало гинэ висьясь тодметёсыз (соин ик соосыз асьмеос шуомы **нимаса висьясь тодметёс**) – тодьы но сьод буёлёсыз:

*Тодьы-тодьы бозьёс вылын
Тодьы сйньыс, тодьы ыжгон ...
Тодьы-тодьы дунне вылысь
Сьод музеймлы йыбырттыса
Кошкиз песятае...*

Зэмзэ но, боз тодьы, ыжгон тодьы, дунне но югыт, озьыен, тодьы (нош толалтэ зэмзэ но со пырак тодьы), музейм, пыр-пыр сьод өвёл ке но, сьодалэс. Но буёлёсыз нимась валатонэн гинэ-а йылпумьясько та кыльёслэн пуштростёссы? Котькудйз лыдзись шодэ, дыр: уг. Тодьы – тапал дуннелэн, улонлэн пусэз (символэз), нош сьод – сопал дуннелэн, кулонлэн. Тапал дуннелэн со мында югытэз! Лирической герой со кылэз юнме гинэ куать пол кутскыса уг вера. Нош марлы меда аяди одйг гинэ сьодлы (сьод музеймлы) йыбырттыса кошконо луэ? Со юан уката сюлэмшугьяськытэ, матысь аяди («песятае») кошкыку.

Пичи гинэ кылбур. Огшорыесь кыльёс. Но мар быдза мылкыд бугырьяське отын! Кытысь потэ со кужым? Нимаса висьясь тодметёс борды татын итйсько на соослэн ик **укшатон (метафорической)** пуштростёссы.

Укшатыса висьясь тодмет (метофорический эпитет) чѐм кутїське кылбурѐсын. Котькудмылэн пель сѐбрамы жингырто тани таѐе чурѐс:

Сьѐд сутэр синѐстэ <...>
Льѐль сяьска бамѐстэ<...>
Тюрагай куарадэ <...>
Мон тодам ваисько.

[1: 197]

«Сьѐд сутэр» но, «льѐль сяьска» но, «тюрагай» но татын – **эпитетѐс**, синѐслэсь, бамѐслэсь, куаралэсь **кыѐезэс висьясь** кылѐс. Со куспын ик та кылѐс **метафора (укшатон)** но луо: адямилэн синѐсьыз сьѐд сутэрлэсь пѐрмытэмын ѓвѐл ук, соос сьѐд сутэрлы укшало гинэ.

Кылбуретын **кылсуред кылдытон амальѐс** туж трос пѐртэмесь. Ваньзэ соосты валэктыны но уз луы, дыр. Но валамон огез: кылбурын котькуд кыл быгатыса, ас интыяз кутэмын луыны кулэ. Со пуштросэзья но, вылтусызья но, куараезья но, быдзалаезья но... кылбурчилэн малпанэзлы, мылкыдызлы мед тупалоз. Кылбуретын кыл, тодосчиослэн пусьемзья, чеберске ке но, кылбурчи нокыѐе ѐошатонэз но, котырѐса веранэз но калык кылэз но гожтоссэ чеберьян понна гинэ уг малпа. Чебер образѐс кылдытэ со, мылкыдзэ, малпанзэ лыдзїсьлэн сюлмаз мургес пыѐатон понна. Шонергес верано ке, **дуннеез адѐе, кылэ, шѐдэ кылбурчи со образѐс, кылсуредѐс пыр.**

Йылпумьян

Чеберлыко гожтосысь кылэз эскерись тодосэз **лингвопоэтика** яке **литературатодонысь стилистика** шуо. Кылдэмезья со егит на. Оло, егит луэменыз сэрэн но туннэ та ужпум литература тодосын одїгез валтїсез луэ.

Лингвистикаез но поэтикаез ог-огзылэсь чутрак люкыны туж шуг. Гожтосэз (уката ик кылбурез) сэрттыку-пертчыку, ѐемысь эскероно луэ отысь кылтїрлыкез но, кылѐслэсь но кылтэчетѐслэсь герзаськон амальѐссэс но, кылѐсты кылдытїсь куараосты но... Юнме гинэ уг

шуо: лирикаын кыл идейно-композиционной шорсюлэм луэ. Котькуд кыл кулэ каре вöзас мукетсэ, куарая, мылкыдъя, малпанъя солы гинэ тупасьсэ. Кыллэсь катъёссэ эскеронъёс лингвистика вылэ инъяськемын. Но чеберлыко гожтосысь кылэз пыр-поч сэрттон-пертчон котьку герзаськемын луэ одйг муген: кылбурлэсь мур пуштроссэ, авторлэсь малпанзэ, дунне аджонзэ валаны тыршонэн. Со муг ик тужгес но висья чеберлыко гожтосысь кылэз эскерон амальёсты огъя вераськон кыл бордын ужанлэсь.

Кылбурысь кыльёс пушказы пычатыса возё кадъ сое гожтйсь муртлэсь малпанъёссэ, мылкыдъёссэ, дунне валанзэ, суредано югдурлы дунъет сётэмзэ.

Кылбуретысь кыллэн зэмос валатонэз солэн пырак пуштросэныз (номинативной значениеныз) гинэ уг йылпумъяськы. Кылэз, кылбуре пыртыса, кылбурчи улзытэ кадъ: шунтэ сое мылкыдыныз, малпанэзлы, дунне валанэзлы тупась пуштрос сётэ.

Одйг кыллы ик кылбурчи пöртэм кылбуръёсаз пöртэм пуштрос ватса, со пуштрос герзаськемын луэ кылбурлэн огъя малпанэныз. Соин ик кылбуретысь кыллэсь зэмос пуштроссэ валаны луэ со котырысь мукет валатонъёсты, соин герзаськем музон «дуннеез» (контекстэз) лыдэ басьтыса гинэ.

Соин ик ми но та ужмылэсь баджым люкетсэ сйзим куд-ог кылбуръёсты эскеронлы. Соос вылэ инъяськыса, ми валаны тыршим, кызы, мар чотын кылбурчи «улзытэ» кылэз, кызы «паськытатэ», «баджыматэ» солэсь валатонзэ. Эскеронмы возматйиз, чеберлыко гожтосын кылэз «баджыматон», мукет сямен вераса, образ (кылсуред) кылдытон амальёс трос пöртэмесь шуыса. Котькуд выль кылбурын аспöртэм амал шараяське. **Кылбургур (ритм), кылбургур мертэт (метр), куара тупан (рифма), кылваньбур (лексика), куараосты чебер радьян (фоника), кыльёсты ваче герзан (синтаксис), пöртэм-пöртэм берытскылон амальёс (повторъёс), кылбурлэн огъя кылтйрлыкез, мылкыдгурез (эмоциональный тон), пöртэм чöшатонъёс, тропъёс, ваче пуктонъёс, вис каронъёс (паузаос) но трос мукет амальёс ваче пöлэстиськыса кыллы уно полэс пуштрос ватсало, огъя образ, кылсуред кылдыто.**

Вань со амальёс сярись кылбурчи гожтоссэ кылдытыкуз уг но малпаськы, дыр. **Пöртэм амальёсын кылдйсь образъёс пыр дуннеез аджон – солэн огдышем малпаськон öрез луэ.** Нош асьмелы,

лыдзисьёслы, кылбуретлэсь дуннезэ, уно полэс пуштроссэ мургес валан понна, чеберлыко гожтосэз лингвопоэтикалэн сйсьэз пыр поттоно луэ. Макем чөмгес но тыршысагес та ужез быдэсьям, сокем капчиенгес устыськоз аслаз пуш чебереныз, тыргес шумпотон ваёз асьмелы кылбурет.

Уже кутэм гожтосьёс

1. *Ашальчи Оки*. Чыргывесь = Ожерелье: Кылбурьёс. Стихи. Ижевск: Удмуртия, 1998. 152 б. – Удм., рус.
2. *Виноградов В. В.* Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981. 320 с.
3. *Белоголов А. Е.* Котыкыче дырьёс пыртй: Кылбурьёс, сонет тугоко. – Ижевск: Удмуртия, 1992. 152 б.
4. *Гей Н. К.* Художественность литературы. Поэтика. Стилль. М.: Наука, 1975. 346 с.
5. *Герд К.* Вордскем удмурт кыл сярысь // Вордскем кыл. 1992. № 2. 61–65-тй б.
6. *Гинзбург Л. Я.* О лирике. М.: Интрада, 1997. 414 с.
7. *Дрыжакова Е. Н.* В волшебном мире поэзии. М.: Просвещение, 1978. 205 с.
8. *Ермолаев А. А.* Тынад эшед – поэзия: Кылбурет сярысь мадён. Ижевск: Удмуртия, 1989. 64 б.
9. *Захаров П. М.* Вож выж. Кылбурьёс, поэмаос, переводьёс. Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2001. 272 б.
10. *Кожевникова В. В.* Словесная инструментовка // Слово и образ. М.: Просвещение, 1964. С. 102–124.
11. *Лотман Ю. М.* О поэтах и поэзии. С-Пб.: Искусство. – СПб, 1999. 848 с.
12. *Пантелеева В. Г., Колесникова Л. Н.* Кылбур – кыл бурд: Мар сярысь верало Татьяна Черновалэн кылбурьёсыз // Кенеш. 1999. № 9. 55–60-тй б.
13. *Панфилова Е. В.* Кин гинэ өвёл МОН // Кенеш. 1998. № 5. 55–56-тй б.
14. *Роднянская И. Б.* Слово и «музыка» в лирическом стихотворении // Слово и образ. М.: Просвещение, 1964. С. 195–233.
15. *Тынянов Ю. Н.* Семантика слова в структуре стиха // Образцы изучения лирики: Учеб. пособие / Сост. Власенко Т. Л., Черашняя Д. И., Чулков В. И. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1997. Ч. 2. С. 361–364.
16. *Федотов М. И.* Вось: Кылбурьёс. Ижевск: Удмуртия, 1991. 144 б.
17. *Чернова Т. Н.* Тй ой тодысалды...: Кылбурьёс. Ижевск: Удмуртия, 1991. 112 б.

Литературатодоньсы куд-ог удьскыльёслы (терминьёслы)

ӹуч-удмурт кыллюкам

- Ассоциация – огез пыр мукетсэ тодэ вайытон
Глагол – каронкыл
Звукопись – куарагур
Звуковые повторы – куара берытсконьёс
Звукоподражание – куараукшатон
Контекст – котырысь дунне
Лексика – кылваньбур
Лингвистика (языкознание) – кылтодон
Лингвопоэтика – кыллэсь суред (образ) кылдытыны быгатйсь кужымзэ
эскерись тодос
Литературоведение – литературатодон
Метафора – укшатон
Метафорический эпитет – укшатгыса висьясь тодмет
Многоточие – трос точкаос
Наука – тодос
Номинативное значение слова – кыллэн пырак валатонзэ
Образ (в литературе) – кылсуред
Образ-переживание – мылкыдсуред
Олицетворение – улэпьян
Пауза – вис карон
Подтекст – ватэм пуштрос
Поэзия – кылбурет
Поэтическая этимология – чеберлыко кылукушатон
Предложение – верет
Противопоставление – ваче пуктон
Размер стиха – кылбургур мертэт
Ритм – кылбургур
Рифма – куара тупан
Словосочетание – кылтэчет
Словесность – кылос
Содержание – пуштрос
Сравнение – ӹошатон
Филология – кылосбур
Функция – уже кутон кулэлык
Художественное произведение – чеберлыко гожтос
Эмоциональный тон – мылкыдгур
Эпитет – висьясь тодмет
Языкознание – кылтодон

7.9. УЛЫНЫ КУЛЭ!

(Кенеш. 2011. № 7. – 94–95-мй б.)

1.

Мынам мемие, Мария Прокопьевна, аслаз верамезья, жыны тол гинэ школае ветлэм. Озыы ке но, туж визьмо адыми вал. Философ. Улонлэсь курытсэ но, ческытсэ но омырьям мурт. Курытсэ трослы уногес. Солэн философиез, вылтйз гинэ учконо ке, туж огшоры вал. Но малпаськыса валаськод, макем мур, улонэз азыланьтон кужымо философия со. Тужгес но секыт вакытьёсы, чигисьтэм чидан но чигоно кадь дырья (нош сыће вакытьёсыз дас нылпи вордэм, война дырья фронтэ кошкем картэзлэсь ньыль нылпиосыныз кылыса, кускояз лымы коласа тэль корам, нылъёссэ но пиоссэ сисьмем картофка табанен гусьяськытылэм удмурт нылкышнолэн лыдьяса быдтонтэм вал, дыр), сыће дырья мемимы шуылоз вал: «Улыны кулэ». Мар малпалляз та кыльёссэ веракуз со ачиз? Милемыз, вордэм нылъёссэ но пиоссэ будэтон сярись-а? Оло нош вашкала-осмес (пересьёсмес, кызы шуо вал гуртын) тодаз вайыса, туж пыдло кошкись выжы нюжаосты син аяз пуктыса, со сюрес вылысь ассэ но адзылйз: «Пересьёс улйллям, соослы но капчи ой вал, дыр. Озыы ке но, улйллям, асьмемыз но сюрес вьлэ поттыса кельтиллям. Улыны кулэ!»

Сыће, огласянь мōзмыт, нош мукет ласянь вань секытьёсты вормыса улыны кужым пыртйсь малпанъёс лыктйзы, Елена Панфиловалэсь «Мон – улысько!» кылбур бичетсэ лыдзыса.

2.

Та книгазэ Удмуртиысь тодмо журналист Елена Миннигараева, со ик туж аспөртэм «Мумы» повестылэн авторез но кылбурчи Елена Панфилова, куинь люкетэн сазнам: «Мон нылыд тынад, Вакыт», «Нош мон ярато озыы – кызы нокин өз яраты» но «Мон лулзи – Музьемлэн но гадьыз жутйськыз». Лирической геройлэн мертэтъёсызья чаклано ке, соосты тазы ниманы луоно кадь: мон но Вакыт; мон но яратон; мон но Югыт дунне. Котькудйзлэн ик пушказ интыен-интыен амалтэк кадь пызыра кожыса кошкыны луонотэм тема но: мон но кылбуран. Книгалэн нырысетй люкетэз ик усыйське «Лэзь монэ...» кылбурен. Автор вера кылбуран мылкыдъёсызлэсь, висёнлэсь кадь, мозмытскыны тыршемзэ: кōня курадзон, кōня пōечи осконъёс, нош кинлы со кулэ? Но висёнэз сое

уг лэзыы, малы ке шуоно, со кытысь ке палэнысь вуэм төл гинэ өвөл, со – кылбурчилэн аслаз улэп лулыз. Кылбуранлэсь мозмытскыны тыршыса, автор ассэ Югыт дуннелэсь, котырысьтыз улонлэсь, Вақытлэсь, соосын чөш шоканлэсь люкыны тыршылэм. Та бёрсы печатлам кылбураз со ини өпкеле, Вақыт сое пушказ өз басыты шуыса. Со ассэ (валамон ини – кылбуран лулыныз-сюлмыныз валче) быдэсак Вақытлы чектэ, сётэ: «Уг чидаськы сылыны, / Тымыське лулы-сюлмы. / Мон нылыд тынад, Вақыт! / Вирсэрам тынад вирьид!» (5-тй б.). Люкетлэн пумаз, сое кульчоям кадь, вераськон берытске та темае ик. « – Малы кылбуръёсыд бёрдо? – тон юаськод», – вазиське кылбурчи лыдзисезлы. Собере валэктэ: – «Нош мар каром, Вақыт суредъёсты / Синву пыр умойгес ке адзисько...» (30-тй б.). Та чуръёс ик шуак вутто монэ мемиелэн куке но верам «улыны кулэ» кыльёсаз. Книгаез нырысьсэ лыдзёкум, «А. Ахматова» кылбур доры вуыса, пайми вал: сйё-дано луэм кылбурась зуч кышномуртлэсь секыт адзёнъёссэ тодйськод но сое валаськод, нош кытысь-марысь та егит, таза, чебер удмурт нылкышнолэн сокем куашкам мылкыдыз: «*Инмаре, тон адзиськод: жади мон / Жутскыны но усьыны выльысь, / Алданы, куке кылыд уг мыны, / Пытсаны ымдэ, куке уг лу, / Пиштыны, сюлэм ке но бёрдэ [...]*» (17-тй б.)? Нош выль но выль кылбуръёсыз пыр потыса, валай: улонын сокем трос ваче пумит сылйсь кужымъёс, котькудиз ик кылбурчимес аслаз лэчыт сэрегъёсыныз бышке. Тани «Корос – кулон корка...» кыльёсын кутскись пичи гинэ кылбурысь чуръёс:

*Ог час чөже
лэсьто ке но,
Со –
пыраклы... (11-тй б.)*

Та выллем ваче пумит сылйсь валанъёсты радъян – быдэс книгалэн стилезлэн шёдскымон тодметэз. Уг, улонысь пöртэм учыръёсты кылбурчимы радэн-радэн уг суред. Ваньзэ со сюлэм пушказ басытэ но лулызлэсь вöсь луэмзэ гинэ черекъясь укшатонъёс пыр возыматэ.

Пыдэстэм бекчее тэтчисько:

*Лобисько,
Лобисько,
Лобисько...*

*Шöдйсько: тани-тань шуккисько,
Сингёсме кыным чоктасько, –*

гожтэ со лулызлэн курадземез сярись. Дыр орчемья та лобзон-курадзон кызьы ке но сылме, но:

*...Мон выльысь бекче тэтчисько,
Лобисько,
Лобисько,
Лобисько...(15-тй б.).*

«Бöрдэме потэ» кылбурын но сыче ик лул курадзон:

*Мон бырисько,
нош бöрдэме уг лу.
Жади нюръяськыса –
Туж капчиен ситьöл
нбылоз...
Я кин монэ кылоз?! (14-тй б.).*

Кытысь, марысь та **Куректонэн тырмем омыр**? Одыгез кылбур чапак озыы ик нимаське ук! (21-тй б.). Мар вордэ но мар сюдэ-секта сое? Удмурт шаерысьтымы (оло, быдэс Россиысь но-а?) гырон-кизён бусыослэн радтэм ожомемзы-а? Гуртьёслэн быремзы, ошмесьёслэн, шуртьёслэн, тыюслэн ялан пожаськемзы-а? Тани ук зарезен чöшатымон Оч тыметмы но куинь-нбыль гужем пыласькыны гинэ но уг ни яра – черлалод! Удмурт школаосты ворсалляса, удмурт калыклэсь улон, будон-пушьён вайёссэ кораллямзы-а? Кин тодэ?! Оло, соос ваньзы но, соос бöрсы трос мукетьёсыз но. Кытысь кужым шедьтоно сыче сюлмаськонлэсь буйгатскыны? Тае кылбурчимы уг вера. Котьмар ке но, чидан но чиге ке но (23-тй б.), нюръяськонысь ик, дыр. Но кин жутйськоз калык кулэяськонтьёслы ваче пумит сылйсь кужымтьёслы вожмин? Туала аръёсын декабристьёс сюрозы на-а?

Зэм, куддырья ачиз кылбурчимы сарказм амалэз но кивалтосэ басьтэ. «Мон шудо!» – шуэ со озыы ик нимаськись кылбураз. Инмар öз сёты лирической геройлы ас кыныз шудзэ дурыны. Но туннэ та мурт шудо: «Синвуэн вориньясь шудме / Инмарлы удо – ю, ойдо!» (31-тй б.). Верья, пе, тод ачид но, мар шöмо со, синвуэн вориньясь шуд!

Мукет дыръя книгалэн авторез лирической геройзэ ас вылтйз серекъятыса но утча, сое тӧды куакаен укшатыса:

*Мон шузи, мон шузи,
ха-ха-ха.
Мон тӧды, мон тӧды
куака.*

Но солэн та серекъянэз но синву пыртй ик воринья:

*Шузилы, дыр, капчи улыны,
Нош тӧды куакаез –
кокчаны... (16-тй б.).*

Мадись мурт адже лябжем, бездэм лулызлэсь сюрес кузя кален-каллен, нюштыр-нюштыр вамышгямзэ.

*Мынэ отчы, кытын жардэ,
Мынэ отчы, кытын шудо,
Мырдэм-мырдэм, кален-каллен,
Лябжем мынам лулы, ранзем.*

*Тодэ: уз вуы пумозяз,
Тодэ: өвӧл отын зэмлык.
Озы ке но – чытыр-чутыр
Каллен-каллен, нюштыр-нюштыр (28-тй б.).*

Улон – со Нева дурысь чебер проспектьестй калгон гинэ өвӧл. Озы ке но, нюштыр-нюштыр, кален-каллен ке но – азыланьтйське ик. Улыны кулэ. Ачиз Улон понна.

Кыче бадзым сюлмаськонэз кылбурчимы вылаз басытэм!

3.

Та книгаысь кылась но бурась улэ паськыт но мур пуш дуннеяз.

*Пичи гинэ сюлэм
Вань мугорме сюссе.*

.....

*Ой, сюлэмы мынам,
Тонтэк, дыр, капчигес (42-тй б.), –*

шуэ ке но, сюлэм косэмьёсызлэсь кылзйськытэк со уг быгаты.

Кылбур бичетлэн котькуд люкетаз мадись муртлэн пöртэм сюлэм-шугьёсыз шудо-жингырто. Кыкетй люкетаз, кылсярысь, юн шöдйсько «Мумы» повестезлэн ыр тöльёсыз. Сыче ик кужмо мылкыд – нылкышнолэсь вань улонзэ бордаз кырмись, я бурд сётыса лобзйтись, я сутись, канжаськытись, кулон калэ вуттись яратон. Куддырья шуак тыл кадь гомзись, куддырья, оло, бичетлэн нырысетй люкетысьтыз ранзем лул кадь, кален-каллен, нюштыр-нюштыр мынэмьяськись, яке нош – яратонэн шудон гинэ, исаськон...

Быгатэ кылбурчи яратонлэсь чечы кадь ческытэс но шöдыгыны. Кызы чидалод пумитаз вазытэк, «Шобрет ватэ / Нунал чоже / Люкам сёлтэтъёсме» кылёсын кутскись кылбурез лыдзйса? Шобрет уга «Шунтэ, / нуныя, / пöсятэ но – / буйга. / Небытак бинялтэ голькыме. / Со тодэ мугорлэсь / Ческытлэсь но ческыт / уй шöмзэ – / Чупыштэ гадьёсме» (37-тй б.). Мон кие сюрем книгаын та кылбур улэ кыче ке пиосмурт, дыр, мадись муртлы вазиськыса, карандашен гожтыса ик кельтэм: «Ой, кыче потэ тынад шобретэд луэме!»

Лирической герой шугьяське юанэн: мар со чылкыт яратон? Луэ-а сое утыны? (41-тй б.). Яке со одно ик куке пожаське? Кызы? Малы? Яратонэз возман нылкышноез вöсь каре. Нош макем кышкыт, вöсь солы, чылкыт яратон вуэмысь! (39-тй б.). Со куспын ик герой уг возьдаськы яратонэз капчияк эротикаен герзаны, фольклорын, уката ик сюан-бöрысь кырзаньёсын кадь ик, нылкышнолэсь но пиосмуртлэсь лужкем кусыпёссес символёс пыр усьтыны (53-тй б.). Бичетлэн та люкетаз но ваче пумит сылйсь валаньёс, огазе вуыса, шуккиськыса, дуннелэсь, мылкыд-малпаньёслэсь выль дыэт кылдытэмзэс возьмато.

Таچه малпаськон öр уката паськыта книгагэн куинетй люкетаз. Татын Адыми, Музьемен зыгыртйськыса, солэсь но, аслэсьтыз но сюлэм йыггетэмзэс оград шöдэ (63-тй б.). Со гинэ шаг? Зорон, гудыр्यान дырья палдэм инпелетэз со аслаз гадь пушказ ватэ, шунтэ ини: туалла дунне вылын ваче «пуриськись вöтлэсь» уте. Уг-а шуо: яратон утёз Дуннеез?!

«Мон – улйсько!» – вазе со, асьмемыз шумпоттыса но кылёсыз бере кеськон пус ик пуктыса. – Мон – улйсько!»

Улыны кулэ.

8. ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ОБ УДМУРТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

8.1. ПАТРИАРХ ФИННО-УГОРСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ПЕТЕРУ ДОМОКОШУ – 70 ЛЕТ

(Финно-угроведение. – 2006. – № 1. – С. 116–122)

Кажется, это был второй приезд известного венгерского финно-угроведа Петера Домокоша в Ижевск. Он тогда впервые пришел в Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, где я работаю. Мы его как человека родного, хорошо знакомого, водили по кабинетам, показывали библиотеку, лаборатории, изданные нами в последнее время книги. Он радовался каждой из них. Со многими выпущенными ранее он был знаком. Мы ему их посылали. И не только мы. Зная его огромный интерес к состоянию финно-угроведения в каждом из научных центров, спешили с ним поделиться новинками и марийцы, и мордва, и коми... Он как-то писал, что в его личной библиотеке, пожалуй, более полное, чем где бы то ни было, собрание изданий по финно-угорской культуре.

Зашел Петер и ко мне в кабинет. Я уже тогда работал над монографией о жизни и творчестве первого удмуртского ученого и писателя Григория Егоровича Верещагина. Тут же в работе находились папки с его рукописями. Я знал, с каким благоговением относится наш гость к творчеству этого великого удмурта, как, впрочем, и других наших классиков – Кузубая Герда, Ашальчи Оки, Кедр Митрея... Показал ему рукописи. Он взял их в руки как редчайшую ценность, каковыми, по сути, они и являются. Очень сожалел, что не видел их раньше. Не мог. Город был не въездной для иностранцев. «Эх, если бы я имел раньше такую возможность!» – вздыхал он, перелистывая пожелтевшие от времени листы тетрадей, сшитых, скорее всего, руками самого Верещагина.

Сожаление его было понятно. В течение ряда лет он создавал историю удмуртской литературы, даже не побывав на земле, на которой жили и творили писатели, чьи произведения он рассматривал, и люди, жизнь которых на протяжении веков изображена в романах, повестях, стихотворениях и поэмах, которые он, будучи в Ленинграде, а потом у себя, в Венгрии, с интересом читал не только в переводе на русский язык, но и в оригинале, на удмуртском, одолевая трудности постижения обоих этих иностранных для него языков.

Его «История удмуртской литературы», изданная в Будапеште на венгерском языке в 1975 году, а затем в переводе на русский – в Ижевске в 1993 году, была откровением для нас. Он значительно расширил наше представление о письменных истоках удмуртской художественной литературы, восходящих к середине XVIII века. Привлекало внимание стремление автора проследить развитие традиций литературы как процесса, где одно явление порождено другими, предшествующими, что открывало возможность смелого сопоставления творчества более поздних писателей с произведениями более ранними, с фольклором. Удмуртская литература рассматривается в ней на фоне других литератур – прежде всего литератур финно-угорских и других народов СССР, на фоне типологически сходных явлений мировой культуры. Это также было внове. Примечательна широта охвата источников, посвященных удмуртской литературе. Венгерский ученый использовал и такие статьи, книги, которые удмуртское литературоведение тогда еще не ввело в широкий научный оборот. Он с большой любовью, без заметной идеологической зашоренности, как бы со стороны, во многом по-своему оценил творчество ряда удмуртских писателей. Не случайно, в вузовском преподавании истории национальной литературы книга венгерского исследователя, написанная более тридцати лет тому назад, и сегодня используется довольно широко.

Новым словом оказалась монография и в венгерском литературоведении. «Исследование литературы финно-угорских народов – наименее разработанная отрасль финно-угорской филологии в Венгрии, – отмечало издательство Венгерской академии наук в 1975 году, которое и выпускало книгу. – Петер Домокош со всех точек зрения – пионер в венгерской научной жизни, заглянувший далеко за пределы своей страны. Он мужественно идет трудными путями исследования финно-угорских литератур [...], впервые дает основательную, подробную

и всестороннюю, почти не известную миру картину литературно-культурной жизни малого народа в ее цельности и впервые делает доступной для венгров и всей Европы духовную культуру удмуртов».

Уже в этой книге исследователь наметил для себя далеко идущие планы. Впоследствии он писал, что история отдельной финно-угорской литературы (в качестве которой оказалось словесное искусство удмуртов) должна была, по его замыслу, стать моделью рассмотрения всего корпуса молодых финно-угорских литератур. Для совершения очередного шага по этому задуманному пути следовало осмыслить огромный, казалось бы, необъятный, прямо-таки неподъемный материал литератур многих и многих финно-угорских литератур мира. Но целеустремленному исследователю это оказалось по силам. Была выбрана, по-видимому, верная исследовательская тактика. П. Домокош использовал опыт ученых других отраслей финно-угроведения – лингвистов, фольклористов, этнографов, стал сотрудничать с ними.

В 1974 году в Будапеште он выпустил сборник удмуртских сказок и преданий «Ватка и Калмез» – из разных печатных источников собрал и опубликовал в собственных переводах на свой родной язык 104 сказки и предания удмуртского народа.

В следующем, 1975 году, там же вышла своеобразная антология «Медвежья песня: Маленькое зеркало литературы восточных финно-угорских народов». П. Домокош собрал, отобрал, написал введение и поясняющие тексты и даже иллюстративные материалы представил. Книга знакомит венгерского читателя на его родном языке с обширным материалом искусства слова финно-угорских народов Советского Союза. В нее вошли произведения фольклора и профессиональной литературы манси, ханты, ненцев, саамов, коми, удмуртов, марийцев, мордвы. Кроме общего введения, к произведениям каждой национальной литературы предпослана вступительная статья.

В 1977 году П. Домокош составил и в учебно-педагогическом издательстве в Будапеште выпустил хрестоматию по уралистике.

Книга состоит из статей ученых разных стран и делится на 3 части. Первая из них названа «Древняя история – этнография», вторая – «Народная поэзия – мифология», третья – «Литература». Составитель хрестоматии П. Домокош характеризует фольклорную лирику уральских народов – саамов, ненцев, обских угров (ханты и манси), коми, удмуртов, марийцев, мордвы, финнов, эстонцев, венгров, а также представ-

ляет младописьменную литературу финно-угорских народов – мордвы, марийцев, коми, удмуртов.

В 1978 году Петер Домокош совместно с другим известным финно-угроведом Петером Хайду выпустил книгу под названием «Наши уральские родственники по языку». В предисловии к ней авторы указывают цели, которые они ставят перед собой: дать читателю представление о прошлом и настоящем народов, относящихся к уральской семье, об исследованиях по языку, о сегодняшнем состоянии всей уралоистики, познакомить с точкой зрения различных ученых на происхождение уральских языков. Структура книги подчинена этим целям. Главы ее имеют такие названия: «История и современное состояние науки об уральских народах»; «Исследования по типологии уральских языков и ареала»; «Уральские народы»; «Обозначение звуков»; «Литература». Книга обращена к венгерскому читателю и издана на венгерском языке.

В том же 1978 году Венгерская академия наук выпустила книгу П. Домокоша «Исследования по уралоистике и изучение литератур на уральских языках». Цели автора близки к тем, какие он ставит в хрестоматии по уралоистике, однако здесь он обращается не к широкому кругу читателей, а к исследователям. Книга издана на английском языке, резюме – на русском.

И наконец, в 1980 году в Будапеште вышла «Антология уральской народной поэзии». Составитель Петер Домокош. Книга издана на французском языке. Фольклорные произведения перевел Жан-Люк Моро. Вошли народные песни манси, хантов, ненцев, селькупов, камасинцев, саамов, коми, коми-пермяков, удмуртов, марийцев, мордвы, эстонцев, ливов, вепсов, води, ингерманландцев, карелов, финнов, венгров. Кроме общего вводного слова П. Домокоша, подборке каждого национального фольклора предпосланы небольшие статьи.

Вот та небольшая видимая часть громадного айсберга, сотворенного П. Домокошем на пути к его следующей монографии «Формирование литератур малых уральских народов», изданной им на родном языке в Будапеште в 1985 году и увидевшей свет в переводе на русский язык в 1993 году в Йошкар-Оле, окруженная целым созвездием статей о финно-угорских литературах, напечатанных в журналах «Тисатай», «Надьвилаг», «Советь иродалом», «Филологияи кёзлонь», «Алфёльд» и некоторых коллективных сборниках. Она представляет собой сравнительно-типологическое изучение литератур финно-угорских и самодийских народов.

В основе отбора исследуемых литератур во второй монографии П. Домокоша – генетическое родство народов, их культур. Автор выделяет семь типологических групп, при этом сознательно отказываясь от подробного рассмотрения в этой книге таких литератур, как венгерская (первая группа), финская и эстонская (вторая группа), имея в виду, что они наиболее изучены. Пристальное внимание уделяет ученый третьей (мордовская, марийская, удмуртская, коми, коми-пермяцкая литературы), четвертой (мансийская, хантыйская, ненецкая, селькупская литературы), пятой (карельская), шестой (саамская), седьмой (ижорская, водская и ливская) группам литератур, считая, что каждая из них заслуживает такого же внимательного изучения, как и венгерская, финская и эстонская.

Создав стройную систему сравнительного изучения языковой культуры уральских народов, П. Домокош внес свой вклад в мировое литературоведение, открыв для него новую область исследования – проблемы развития уральских литератур, заложил основы уралистского литературоведения. С другой стороны, изучение истории каждой национальной литературы в таком широком диапазоне типологических связей является новым словом в науке о каждой из них. Монография побуждает пересмотреть ряд положений по истории отдельных национальных литератур, а также учебные программы по литературе для университетов и других учебных заведений, усиливая в них моменты сравнительно-типологического рассмотрения генетически родственных литератур.

О чем бы ни писал П. Домокош, в его исследованиях, как ориентировочная звезда, всегда просвечивает его основная гражданская позиция – мысль о вкладе финно-угорских народов в мировую культуру, а через это – и решение вопроса о самой выживаемости их. Международный комитет финно-угроведов, в руководство которого он входил в течение ряда лет, а теперь и Международная ассоциация финно-угорских литератур, у истоков которой он стоял, являются теми организационными формами, которые способствуют решению этих поистине глобальных проблем.

Теперь Домокош довольно часто бывает в Ижевске, и он всегда желаемый гость. Профессор Будапештского университета, он часто читает лекции для студентов в Удмуртском государственном университете, избран почетным профессором УдГУ. Он награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета УАССР, ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Удмуртской Республики». К его

словам прислушиваются в решении важных вопросов в области национальной культуры. Его статьи, полные не только научных поисков, но и беспокойных мыслей по поводу недостатков в национальной политике, часто печатаются в удмуртских журналах. В Удмуртии с благодарностью встретили выпущенные им в Будапеште в 2004 году двуязычные (на удмуртском и в переводах на венгерский) сборники стихов Ашальчи Оки и Кузубая Герда.

Осенью прошлого года состоялась научно-теоретическая конференция, посвященная столетию со дня рождения классика удмуртской литературы Михаила Петрова. Второй день заседания проходил в селе Короленко, в местах, где в конце XIX века разворачивались печально-знаменитые события Мултанского дела. П. Домокош выступил с докладом о творчестве юбиляра, автора романа «Старый Мултан», и о трудных путях развития удмуртской литературы. Вечером долго возвращались в Ижевск. Автобусы тянули плохо. И мне представлялось, что в такт им, неторопливо тянулись мысли и нашего дорогого гостя из Венгрии: хорошо, что он, наконец, побывал в этом селе, жизнь которого в прошлом воспринимал по описаниям Петрова; хорошо, что он побывал уже и в Вавожском районе, в родных местах Кузубая Герда, и в Алнашах, где творила Ашальчи Оки, и в северных районах Удмуртии, где родился Флор Васильев, который свою деревню Бердыши называл столицей мира.

П. Домокош неоднократно сетовал на то, что многие его труды, как и труды других коллег из Венгрии, написанные на родном языке и выпущенные у них на родине, остаются не затребованными и не вовлеченными в научный и общекультурный оборот в России, хотя эти работы, как правило, касаются российских финно-угров и их литератур. Теперь положение дел, кажется, меняется. Однако можем ли мы быть вполне удовлетворенными? Должны признать, что сравнительно-типологическое изучение уральских литератур, их взаимных связей, взаимного обогащения, начатое П. Домокошем, развивается крайне слабо. А ведь это, как справедливо указывает наш юбиляр, связано с вопросами выживания самих народов.

Все финно-угорское сообщество сердечно поздравляет юбиляра Петера Домокоша с важной вехой в жизни и желает крепкого здоровья, благополучия, осуществления всех творческих замыслов, научных достижений.

8.2. ПАХАРЬ НАЗАД НЕ ОГЛЯДЫВАЕТСЯ...

(Многоязычие в образовательном пространстве. Том 5: К 75-летию Жан-Люка Моро, французского финно-угроведа, переводчика, поэта. (Фр. и рус. яз.). Сб. науч. тр. / Сост. Т. И. Зеленина. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2014. – С. 256–262)

Из зарубежных финно-угроведов наиболее известными для читающей публики Удмуртии, вслед за венгерским академиком Бернатом Мункачи (1860–1937), стали, пожалуй, Петер Домокош (1936), тоже из Венгрии, и профессор Жан-Люк Моро (1937) из Франции. О них немало писалось и в периодике, и в книгах, в том числе и автором данных строк. Знакомили мы земляков с научными трудами иноязычных учёных об удмуртах. Порой вступали в полемику. Зарубежные авторы поднимали животрепещущие для нас вопросы, задевали за живое. Не потому ли и запомнились читателям?

Эта публикация носит скорее характер беглых воспоминаний о наших немногих, но памятных встречах с Жан-Люком Моро.

Жан-Люку Моро исполнилось семьдесят пять лет. Около трёх четвертей из них мы с ним знакомы. Во второй половине 1950-х гг. ваш покорный слуга, дорогие читатели, был студентом факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Курсом раньше меня здесь же учился другой удмуртский паренёк – Пётр Чернов, впоследствии ставший народным писателем Удмуртии. Пришёл как-то Петя ко мне в комнату в общежитии в главном корпусе МГУ на Ленинских горах и говорит, что к нему подходили студенты из Венгрии (в те годы в МГУ учился весь «социалистический лагерь» и Европы, и Азии) и попросили разрешения привести к нему француза, приехавшего в наше учебное заведение с целью совершенствования своих знаний по русскому языку. «Узнал, что в МГУ учатся и удмурты, и очень заинтересовался, – сказали венгры. – Хочет изучать удмуртский язык». Мы с Петей обрадовались такому известию. Решили, как можем, помочь любознательному французу.

Оказалось, что интерес Жан-Люка к финно-угорским народам весьма устойчивый. Стажировался уже в Финляндии, изучал финский язык. Знает венгерский. Довольно хорошо говорит по-русски, что облегчало нашу задачу в качестве учителей, ведь этим языком владеем и мы.

Окончив университет, по государственному распределению Пётр уехал в Ижевск для работы в редакции республиканской газеты, Жан-Люк, завершив стажировку, вернулся к себе на родину, во Францию. И каково было моё удивление, когда Петя показал мне, приехавшему на следующий год по распределению в Ижевск для работы в другой республиканской газете, довольно длинные письма Жан-Люка на удмуртском языке, присланные моему другу из Парижа. Радовали в них не только тепло человеческих отношений, дышавшее в каждой строке, но и неподдельный интерес к нашему родному, удмуртскому языку, а через него и к самому народу, носителю его, проявленный иноязычным человеком, живущим совсем не близко от нас, в самом центре Европы.

Переписка Петра Чернова и Жан-Люка Моро на удмуртском языке то прерывалась, то снова возобновлялась. Она закончилась лишь в 2000 г. с уходом первого из жизни. А встречались они вновь лишь в 1998 г., когда уже довольно известный в культурной среде нашей республики французский поэт и учёный Жан-Люк Моро приехал в Удмуртию по приглашению Удмуртского университета. Пётр Константинович и его жена Валентина Николаевна Черновы были так рады заграничному гостю, что казалось, будто он приехал лично к ним как близким и родным людям.

Во время его пребывания организовывались встречи французского поэта и учёного со студентами и преподавателями Удмуртского университета, с научными сотрудниками Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. Гостя свозили в Большеучинскую сельскую школу Можгинского района, где дети изучали французский язык. Он пожелал посетить могилу первой удмуртской поэтессы Ашалычи Оки, творчество которой высоко оценивает. И мы с Петром Константиновичем вместе с гостем побывали на кладбище и почтили память Акилины Григорьевны Векшиной.

Были, конечно, и другие встречи французского гостя в Удмуртии. Обо всех я уже и не помню. Уехал он, как мне показалось, довольный. Лишь одно обстоятельство явно удручало его: французский язык в Удмуртии изучали только в нескольких школах.

Но вернёмся к первому дню пребывания Ж.-Л. Моро в Ижевске. Мы с Петром Константиновичем, как самые «древние» знакомые гостя, так распределили свои функции на этот день: он встречает Жан-Люка на вокзале (до Москвы тот летел на самолёте, а оттуда в Ижевск приехал на поезде), а я сопровождаю его на намеченных встречах с коллективами.

Я издалека увидел приближающегося гостя. С протянутой для приветствия рукой, с дружелюбной улыбкой, быстрыми шагами подошёл он ко мне с такими словами на удмуртском языке: «Гырьсь берзэ уг учкы», что на русском языке означает «Пахарь назад не оглядывается». Слова эти имели для меня особое значение. Во-первых, это великолепная удмуртская поговорка. Где-то ведь он услышал её! Я до этого нигде не встречал. Во вторых, этой первой репликой нашей очередной встречи он снял какие бы то ни было напряженные недомолвки, которые могли возникнуть в ходе наших прежних общений, главным образом заочных.

Дело в том, что, вернувшись домой после московской стажировки и уроков П. К. Чернова по удмуртскому языку, Ж.-Л. Моро решил, оказывается, углубить свои знания по словесной культуре удмуртов. Взялся за изучение истории удмуртской литературы. Написал и в научном журнале «Финно-угорские этюды», выходящем на французском языке в Париже, 1967 г. опубликовал статью «Панорама удмуртской литературы». Известие об этом заинтересовало литературную общественность нашей республики: об удмуртских писателях и их произведениях теперь будут знать и во Франции! Раздобыли журнал. Молодой журналист Феликс Симаков, по-видимому, изучавший французский язык в свои студенческие годы, перевёл статью на русский язык. Перевод пошёл по рукам. Тогда-то многие узнали, что в Париже живёт человек, занимающийся историей удмуртской литературы.

На эту статью Жан-Люка Моро я обратил серьёзное внимание, когда в 1970 г. поступил в аспирантуру в Академии общественных наук при ЦК КПСС в Москве и начал работать над диссертацией о типологии соотношения национального и интернационального в удмуртской и других литературах народов Урало-Поволжья, которая, дополненная и несколько переработанная, в 1980 г. вышла в Ижевске в виде монографии «Расцвет и сближение». В те годы по всей стране, во многих научных, литературно-художественных журналах, в средствах массовой информации шли ожесточенные споры по вопросам национального и интернационального в духовной культуре народов. По какому пути идти дальше? Что культивировать, в частности в литературе и других видах искусства? Что наследовать из прошлой истории народов? Были, с одной стороны, ратующие только за «национальный дух», этнический колорит, не признающие никакой необходимости соблюдать критерии интернационализма. С другой стороны, свою точку

зрения отстаивали «чистые» интернационалисты, которые дошли даже до восхваления «языкового интернационализма». Истинный интернационализм, говорили они, это и есть языковой интернационализм, т. е. ради консолидации носителей многих языков вокруг одного из них (имея в виду, конечно, что в рамках Советского Союза им должен быть русский) отказ человека, народа от национальной окрашенности своей культуры, в том числе и от своего родного языка. Так смыкались крайности – с одной стороны, сторонники так называемого «безнационального интернационализма», с другой – так называемые «русопеты», «патриоты-националисты». Были, конечно, и центристы, критиковавшие и тех, и других. Они исходили из так называемой «ленинской теории о двух культурах». Известно, что ещё в 1913 г. в статье «Критические заметки по национальному вопросу» Ленин писал, что в каждой национальной культуре антагонистического общества есть две культуры – одна демократическая, прогрессивная, другая реакционная, культура господствующих классов. При этом он подчеркивал, что социалистическая культура берет и осваивает далеко не всё из старого наследия: «...мы из каждой национальной культуры берём только ее демократические и её социалистические элементы, берём их *только* и *безусловно* в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму *каждой* нации» (Полн. собр. соч., т. 24, с. 121) Таким образом, позиция «центристов», защищавших по сути официальную идеологию по национальному вопросу в СССР, основывалась на классовом подходе к главному аспекту дискуссии – к трактовке таких коренных понятий, как интернационализм (международная солидарность рабочего класса, коммунистов всех стран в борьбе за общие цели) и национализм (трактовка нации как высшей внеисторической и надклассовой формы общности). Исходя из этих позиций, грубо говоря, и трактовались понятия национальное и интернациональное (или общечеловеческое, как мы теперь понимаем) в духовной культуре народов.

В силу теоретического составляющего диссертационного исследования невольным участником дискуссии по вопросам национального и интернационального в литературе стал и автор данных строк. Монография «Расцвет и сближение», опубликованная в Ижевске, была замечена, в качестве одного из достойных примеров тогдашней советской литературной критики и литературоведения была отмечена в «Литературной газете», а также и на российском, и на всесоюзном съездах писателей СССР.

Дискуссия о соотношении национального и интернационального в духовной культуре народов СССР не замыкалась в рамках страны. Многие участники её, особенно те, кого мы назвали «центристами», довольно активно оппонировали зарубежным авторам, с полемической остротой критиковавшим национальную политику советского государства. На работы одного из них, американского советолога Вальтера Коларза, обратил своё внимание и автор данных строк. Дело в том, что в монографиях этого публициста «Россия и её колонии», «Коммунизм и колониализм», выпущенных в Лондоне и Нью-Йорке, немало говорилось о явлениях удмуртской литературы первых двух послереволюционных десятилетий, в частности, о враждебных взаимоотношениях талантливейшего поэта Кузубая Герда, с одной стороны, и властных структур, с другой. При этом многие аргументирующие факты, скорее всего, для усиления эффекта целенаправленно коверкались, не соответствовали действительности. Такая «правда», по-видимому, исподволь пропагандировалась на Западе, идеологически противостоявшем коммунистическому СССР.

Ж.-Л. Моро, будучи молодым финно-угроведом, довольно смело предпринявшем работу об удмуртской словесной культуре, конечно же, не обладал собственными изысканиями в достаточной мере. Он опирался на доступные данные, взятые из работ удмуртских литературоведов, довольно часто – и из книг Вальтера Коларза. Так вслед за ним французский исследователь почти дословно повторяет: «Дело обстояло не так уж просто, если вспомнить сопротивление местных националистов московским властям, когда в 1921 г. было постановлено, что главным городом автономной области будет не маленький город Глазов, а Ижевск, бастион русской индустрии, пролетариат которого мог стать оплотом деятельности Коммунистической партии. «Нужно ненавидеть Ижевск, – открыто заявил Кузубай Герд». Войдя в полемический задор с Вальтером Коларзом, а вслед за ним и с Ж.-Л. Моро, автор данных строк тогда также довольно наступательно писал: «Однако удмуртским исследователям, не в пример американскому советологу, так и не удастся обнаружить, где и когда К. Герд проповедовал открытую ненависть к Ижевску, тогда как не одному поколению удмуртских читателей хорошо известны многочисленные произведения К. Герда, в которых он с большой любовью говорит об Ижевске, о его заводах, о заводском труде».

Такая была у нас вторая, заочная «встреча» с Ж.-Л. Моро, состоявшаяся на страницах моей кандидатской диссертации, впоследствии обнаруженной в виде монографии «Расцвет и сближение».

Третья, очная встреча состоялась в 1975 г. в Будапеште, на IV международном конгрессе финно-угроведов. Я впервые участвовал в работе этого регулярно (через каждые пять лет) организуемого форума учёных, занимающихся не только финно-угроведением, но и шире – уралистикой. Со своими впечатлениями от жарких споров времен моей аспирантуры подготовил сообщение. По пути в Венгрию, в Москве, нас познакомили с основным содержанием всех будущих пленарных докладов. Среди них с заметным волнением прочитал и основные мысли доклада профессора Парижского университета Сорбонна Ж.-Л. Моро. Он уже стал профессором?! И не где-нибудь, а в прославленной Сорбонне! Прочитав, с облегчением вздохнул: никакой антисоветской критики! Значит, ничего дополнять в мой доклад необходимости не будет.

Прибыли в Будапешт. И вот собираются учёные разных стран – не только из тех, в которых компактно проживают финно-угорские народы. Есть из США, из Южной Америки и даже из Японии. Мои земляки, делегаты из Удмуртии, то и дело подходят ко мне и спрашивают: «Где же твой Жан-Люк Моро?» Я и сам в недоумении. Не видно моего московского знакомца. Узнал я его только тогда, когда, начиная работу конгресса, для оглашения какого-то документа предоставили слово профессору Сорбонны. Жан-Люк, оказывается, отпустил бороду, и до этого я просто его не узнал.

В первый же перерыв я решил объявиться своему заочному оппоненту. Со мной пошел и директор научного института, где я работал, Василий Григорьевич Гусев.

– Жан-Люк, о чем ты будешь говорить в своём докладе? – спросил мой директор, когда я их познакомил.

Обаятельный француз охотно изложил некоторые положения своего будущего выступления о фольклоре финно-угорских народов.

– Надеюсь, по удмуртскому фольклору всё верно? – спросил он, закончив.

– А на каком языке ты будешь говорить? – не унимался Василий Григорьевич.

– На французском, – очень просто ответил Жан-Люк.

– Говори по-русски! Не то ведь мы не поймём! – совсем уж простецки обратился мой директор.

Жан-Люк отнёсся к просьбе вполне серьёзно:

– Ну как же? – сказал он. – Доклад ведь большой. Он подготовлен на французском языке, как же я могу так сходу – по-русски? – И тут же обратился ко мне: – А ты о чём будешь говорить?

– Жан-Люк, я собираюсь с тобой дискутировать, – на прямой вопрос и ответ был такой же.

– О чём? – удивился Жан-Люк.

Я ответил, что по поводу его статьи «Панорама удмуртской литературы». Жан-Люк лишь махнул рукой: теперь он думает иначе.

Наступила очередь озадачиться мне. Как теперь быть? Выходить со своим докладом или нет? Некоторые мои земляки решительно отговаривали меня: «Он ведь теперь думает иначе!». Но как? Порассуждав, я решил всё же озвучить свой доклад.

– Профессор Моро в нашей личной беседе заявил, что он по данному вопросу придерживается уже иных взглядов, но, поскольку спорные положения своей статьи он не снял ни в сегодняшнем докладе, ни в предыдущих публикациях, я нахожу необходимым изложить свою точку зрения, – сказал автор данных строк, выйдя за трибуну.

Закончив свое выступление, я с некоторым волнением ждал перерыва: как отнесётся к сказанному Жан-Люк? Он же очень просто подошёл ко мне и предложил:

– Пойдём фотографироваться!

Мы выходили из помещения, по пути приглашая с собой всех, кого заметим из удмуртской делегации. Был тёплый, солнечный сентябрьский день. Тут и там группами, парами фотографировались на память об этой встрече люди, приехавшие с разных сторон, знавшие друг друга до этого, может быть, только по печатным трудам, или, быть может, только что познакомившиеся. Выстроились и мы, несколько человек из удмуртской делегации – во главе со знатным французом, профессором Сорбонны Жан-Люком Моро. Эту фотографию я поныне бережно храню. Она в каких-то изданиях уже и публиковалась.

С тех пор мое представление о Франции связано, прежде всего, с этим человеком. Долгие годы мы с ним поддерживаем связи – хотя бы через короткие поздравления с Новым годом через Интернет. «Смотрите, мне пишут из Парижа на удмуртском языке!» – хваюсь я своим

детям. Они тут же урезонивают меня: «А тебе из Ижевска на французском языке слабо?» Да, французского, к сожалению, я не знаю, но имя Жан-Люка Моро помогает мне налаживать добрые отношения с другими исследователями из этой страны.

1985 год. Очередной конгресс финно-угроведов, в Сыктывкаре. Подхожу к театру, в котором намечены заседания, – меня встречает девушка, жгучая брюнетка, с длинными, красивыми волосами:

– Ева Тулуз, из Франции. Вам привет от Жан-Люка Моро!

Оказалось, ученица моего хорошего знакомого. Мне было очень приятно, будто я встретил его самого. Теперь Ева Тулуз сама является известным и весьма авторитетным человеком в финно-угорском мире. Написала, в частности, и выпустила отдельной книгой диссертацию на докторскую степень. В ней содержится немало добрых слов об удмуртской литературе. Кстати сказать, Ева Тулуз теперь возглавляет работу редакции журнала «Финно-угорские этюды», того самого, через который прокладывал путь исследователя к словесной культуре удмуртов и Жан-Люк Моро.

Летом 2010 г. в городе Оулу (Финляндия), где проходил очередной конгресс Ассоциации финно-угорских литератур, невольно привлёк к себе моё внимание молодой, очень непосредственный и шустрый мужчина. Познакомились. Оказался из Франции, Себастьян Каньоли. Я похвалился, что в Париже живёт мой хороший знакомый, Жан-Люк Моро.

– Мой учитель, – уважительно произнёс тут же мой новый знакомый.

Узнав, что он занимается коми драматургией, я стал говорить с ним по-удмуртски, а он – отвечать мне на коми языке. На этих двух родственных финно-угорских языках, оказывается, возможно объясняться не только коренным представителям этносов, но и осуществлять более широкие интернациональные связи.

Конгрессы Ассоциация финно-угорских литератур, организующиеся, как правило, один раз в два года, – это ещё одна форма общения и совместного обсуждения состояния культуры родственных народов, нацеленная, прежде всего, на развитие взаимного сотрудничества писателей, творящих на разных языках. В последние годы реальные результаты Ассоциации обнаружились во взаимных переводах разноязычных писателей. На Десятом конгрессе, который проходил в Оулу, была солидная выставка с переведёнными произведениями. Больше всего, оказалось, переведено на эстонский язык. За последние пять лет только с удмуртского языка переведены и изданы в Эстонии книги более десяти

авторов. Начиная со стихотворений и поэм таких классиков национальной литературы, как Кузубай Герд, Флор Васильев, заканчивая поэзией и прозой молодых авторов, только сейчас утверждающих стиль своего письма. По количеству переведенного и изданного вслед за эстонцами оказались венгры, за ними финны и... французы. Эти многоточия в нашем тексте – знак неожиданности. Откуда появились вдруг французы? Они тоже финно-угры, что ли? Нет, конечно, но проявляют заметный интерес к культуре финно-угорских народов. И тут приходим мы к истокам этого явления. Конечно же, это кипучая деятельность Жан-Люка Моро, а также результаты учебной, просветительской и научной работы кафедры финно-угорских языков в парижском университете. Вот почему, оказывается, каждый француз, проходящий в финно-угорский мир, благоговейно называет имя своего Учителя – Жан-Люк Моро.

«Жан-Люк Моро не враг удмуртской литературы», – говорил мне впоследствии Петер Домокош, защищая французского финно-угроведа от моей острой полемики 1970 г. Я никогда не думал, что Жан-Люк наш враг. Но наши взгляды не во всём совпадали. Со временем мы меняемся, и хочется верить, что к лучшему. Прошлые разногласия остались позади. И теперь я особенно ощущаю, насколько кстати была удмуртская народная поговорка о пахаре, произнесённая Жан-Люком во время нашей четвёртой встречи. Пахарь назад не оглядывается. Он занят своим полем, которое пашет сегодня¹.

---

¹ Свидетельством этому является и обращение французского ученого и поэта к удмуртским читателям, с которым он выступил, открывая сборник, посвященный его 75-летию. «Дорогие друзья из Удмуртии!» – начинается это Слово из Парижа от 14 февраля 2014 г., в котором автор касается и той дружбы, сотрудничества, а также дискуссии между ним и удмуртскими коллегами, о чем шла речь выше. – *То, что я писал в моих различных статьях, было, конечно, найдено у других авторов. Я ничего не придумывал. Я только пытался осознать и передать. В статье 1967 года (очевидно, имеется в виду 1966 г. – В. В.) вы найдете утверждения, которые могут вам показаться искусственными, поспешными, дерзкими, я вижу в этом некоторую опрометчивость и даже бахвальство, которое вдохновляло маленького молодого человека, каким я был тогда. Будьте к нему снисходительны. И если некоторые слова стали предметом недоумений, знайте, что я об этом сожалею. Для настоящего издания, между прочим, ничего не изменил в тексте. Статья вас ничему не научит, но вы ее получите как свидетельство, иллюстрацию того, как мог интерпретировать вашу литературу молодой француз с добрыми намерениями в трудные времена»* (с. 13. Перевела Тамара Зеленина). – Ред.

9. КЫЛБУРАН – ПОЭЗИЯ

9.1. ИНМАРЕ – КЫЛЧИНЭ...

Куриьскон

*(Евгения Копысова. Молитва [Ноты] // Кырза «Удмуртия»
радиокомпанилэн хорез. – [Ижевск], 1994. – 6–12-тӱ б.)*

Инмаре-Кылчинэ,
Эн кушты милемыз,
Тыр медло котьку воршуд кудымы!
Шуд сйзём дыдылы,
Тау каром дядилы –
Вань выжымес йырсазын возёмы.

Инмаре-Кылчинэ,
Эн кушты милемыз,
Быдты лексэ калыклэн сюлмысьтыз!
Лек ваньмес пожалоз,
Ож сюлме пычалоз.
Шедьты визьмась, югдытйсь кыльёсты!

Инмаре-Кылчинэ,
Эн кушты милемыз,
Сёт милемлы ёрмытэк, зеч улон.
Ин медло чагыр-лыз,
Му узыр тысеныз,
Шур кадь ик мед улонмы пачылмоз!

Инмаре-Кылчинэ,
Эн кушты милемыз!..

9.2. КАК БУДТО КНИГА БЫТИЯ (На Иднакаре)

Поэма

(Ванюшев В. М. Удмурт Выжы Книга (Иднакарын) = Le livre des rasines Oudmourtes (Sur Idnakar) = Как будто Книга бытия (На Иднакаре). – Ижевск: Удмуртский университет, 2013. – 101 с. – На удм. – оригинал, франц. – пер. Н. Долгиной, рус. яз. – пер. А Демьянова)

Древлеотчие сказы, легенды и книги,
Пыль архивов и пыль неторенных дорог –
Это наши оброки и наши вериги,
Неустанного поиска
Твердый урок.
В многоцветных пространствах
Подлунного мира,
В многогласом собратстве народов Земли
Пробуждаем века,
Чтобы немо и мимо
Мы и сами сквозь время
В века не ушли.

М. Г. Ивановой

Удмуртская земля –
Огромный том...
Века в себя
Впитала эта книга,
И нету в тех столетиях
Ни мига
Без горя,
Одоленного потом.

И нет побед,
Что выдались легко...
Труды и дни,
Страница за страницей,
Проходят
Перед взором вереницей,
И корни их
Уходят глубоко.

И потаенна
Сила родника –
Наш чистый символ
Племени и рода...
История
Удмуртского народа,
Светла
Твоя предвечная строка!

Прими же мудрость,
Новый человек,
Из Книги книг,
Из тайны древних строчек!
Звонящий,
Как удмуртский колокольчик,
В трудах и днях
Восходит новый век.

Отраден звон
Серебряного сна,
Где черпает рожденье
Мать-природа...
История
Удмуртского народа
Златым росткам грядущим –
Как весна.

Жил да был батыр Донды. Было у него четверо сыновей: Идна, Гурья, Весея и Зуй. Осталась в памяти народа и Эбга, сноха батыра. У каждого из них были свои крепости-кары. На севере Удмуртии поныне не забыты местечки Дондыкар, Иднакар, Гурьякар, Зуйкар, Эбгакар...

Самым крупным из них был Иднакар. Передаваемые из поколения в поколение легенды говорят, что здесь жили удмурты в IX–XIII века. Археологи, руководимые Маргаритой Григорьевной Ивановой, кому посвящена данная поэма, год за годом бережно открывают эту мудрую книгу земли, овеивая легенды, делая их осязаемой явью. По преданиям стариков, на склоне горы Солдырь, сбегавшей к реке, есть потайная железная дверь. Говорят, она открывается раз в году, выявляя богатства Иднакара. Говорят также, что драгоценный клад давно хочет отдаться

*в руки счастливого, да не находится человека, знающего слово заклатья.
Не явилась ли ныне Маргарита Григорьевна Иванова тем человеком?*

*Открылся и мне этот легендарный мир, когда поднялся я на
вершину холма у самого слияния Чепцы и Пызепы всего лишь в двух
с половиной километрах от города Глазова.*

Мой Иднакар!
Нас двое: ты да я,
Что шел на высь
Твоей стезей прямою...
Пызеп-река
Объемлет крутояр,
Твой склон другой
Чупчи, лаская, моет.

Ан – трое нас:
Когда-то эту высь
Попрал ногой
Идна с орлиным взором.
Внизу
Чупчи с Пызепом обнялись,
Любовь и жизнь
Сплели одним узором.

Батыр с вершины,
Рубежи храня,
За род и племя
Бился неустанно –
Гудя,
Бульги с голову коня
Гвоздили
По далеким вражьи́м станам.

О, сказки детства!
Звонкий ваш полет
Веками оведал сердца и мысли.
И верю я,
Что первый звездолет,
Взметнувшись растопить вселенский лед,

И вас возьмет
В немеряные выси!

Мы тянемся
Рассудком и душой
В седое время
Отчичей и дедов...

Но вот он – кар!
Примолк раскоп большой,
Земле
Былые тайны заповедав.

Мой Иднакар!
Батыр!
Прими поклон,
Гнезду богатырей
Творец и зодчий!
Меня судьба
Вела на этот склон –
Не приравняй меня
К иным и прочим.

Я сын тебе.
Я не помечен злом.

Богатства Иднакара, говорят, показываются людям то в виде бочки, то в виде иной домашней утвари. Однажды здесь видели и человека, одетого во всё белое, сидевшего на коне верхом. Выехав из горы Иднакар, как называют в народе Солдырь, он направился на кладбище деревни Адам и там растворился. Не был ли тот всадник самим Идной-батыром?

Прости, батыр!
В твой терем дорогой,
В твой город-кар,
Надеждами согреты,
Явились мы
С докукой непростой –
Познать его заветы и секреты.

Вручи ключи
К познанию начал,
Без коих был бы мир
Необитаем.
Ты тьму веков
Зевак не привечал –
Сжигал мосты
К своим высоким тайнам.
Но мы
Не от лукавой суеты
Пришли к тебе,
Настырные потомки.
Так отвори уста
Пред нами ты,
Молчавший,
Как молчат века-потемки.
Наш слух прилежен –
Говори, Идна,
О мирных днях творения,
О бое...
И снова станет
Стать твоя сильна,
И станем мы сильны –
Тобою!

Спасибо батыру! Он молча открыл потаенную дверь перед нами, читатель. Чем потешат нас сокровища древнего клада? Не откроет ли град загадок седого своего бытия?

Веками поджидавшие нас, не поддаваясь тлению в этой удивительно-сказочной земле, обретают сегодня живой голос свидетели былого. Рассказывают о своих хозяевах творения и поделки из камня и глины. Не одолело время, к нашему счастью, и старинных изделий из кости животных и птиц.

С утра в работе жернов Иднакара...
И ложка ждет, с резьбою по кости,
И черепки горшков исходят паром.
Обед?
Обедать некому идти...

С утра в работе жернов Иднакара.
Хозяев ждет несокрушимый круг,
И черепки горшков исходят паром...
Недвижно в граде.
Ни души вокруг...

С утра в работе жернов Иднакара,
Бессонна и тверда его стезя.
Он крутится.
И честь его (иль кара?) –
Хозяев ждать.
Ждать...
И ждать...
Хозя...

Костяные изделия попадают среди захоронок, пожалуй, чаще всего. Древние иднакарцы украсили их «чертами и резами» своего мировоззрения, своего отношения к природе, ее обитателям.

Прилежный, на две стати, гребешок...
Содружник лаптю, кочедык из кости...
В узорах тонких, с дорогой душой
Из тьмы времен они явились в гости.
Олень...
И абрис конской головы...
В упряжке лось...
Сидит, нахохлясь, голубь...
С глубин земли,
Из камня и травы
Пришла их речь,
Где дорог каждый голос.

О чем их глас?
«Творцы грядущих лет –
Мы корни вам,
Предтечи общей крови.
Мы сбережем вас
От прорух и бед,
Простим вам всё –
Беспамятности кроме!»

Ну как забыть их!
Оттого нельзя,
Что память нам
Верстала мать-природа.
Коньбы, род Белки,
Цапли род, Какся –
Мы чтим
Заветы племени и рода!

Что мастерили иднакарцы из дерева? Теперь и не скажешь. Дерево стало землёю. Остались только узоры столбов и плашмя упавших когда-то досок. А были, видно, одухотворенные вещи. О том говорят изделия из других материалов и инструменты по дереву: разных форм и назначений ножи, гыркыйсыконы, курьеты... В их числе – и топор-самоточка.

Слышал я немало сказок о скатерти-самобранке. О лаптях-самоходах слышал. О топоре-самоточке слышать не приходилось. Но вот держу его в своих руках, и он рассказывает сам о себе. Ковали его из трёх слоёв: по краям накладывали мягкое железо, а в середину, где лезвие, вваривали твёрдую сталь. Чем больше работаешь, тем сильнее изнашивается железо, обнажается сталь, острее рубит топор. По уровню металлургии, обработки меди, серебра, стали мастера Иднакара не отставали от европейцев. Так говорят всезнающие кандидаты, доктора и ... обильное разнообразие кузнечных инструментов: тиски, льячки, дувала, наковальни, молоты, формы для отливки украшений.... И вот теперь, увидев нас, все они зашевелились, задвигались, зашумели, загремели, выдавая на-гора стрелы и копыя, крючки и трезубцы для рыбы, для зверья...

Удмурты не раз поднимались против угнетения царизма. В XVII веке в «наказах», подписанных императором, им запрещалось держать кузницы, заниматься кузнечным ремеслом. Народ одолел и эти унижения. Кузнецы и кузницы не исчезали никогда. И мой предок четвертого поколения Обраська с берегов лесной речушки Ворьявай, что ныне в Кизнерском районе, был кузнецом. Следы кузнечного дела еще долго обозначались на пашне нашего приусадебного огорода. Оружие для битвы врагов готовили удмурты и для Пугачёва, и для Великой Отечественной. Огонь и железо вливали в них силу, уверенность в себе, веру в доброе будущее. Иднакар, видно, – славная, знаковая частица всего удмуртского края.

Человек и пламя...
Люди и металл...
Станьте рядом с нами,
Кто во тьме плутал!

Нору кинь, болезный,
Долю волей тронь!
Силу даст железо,
Силу даст огонь.

Скуй железный лемех,
Встань пред лик зари –
Близ Чупчи без лени
Пашенку взбодри!

Враг ли двинет рати,
Дай ему отпор –
Пусть в руках играет
Боевой топор!

Ляжет недруг в яму,
Битый в прах и пух.
Пугачев с Гаяном
Оселят твой дух.

Дуй, кузнец, мехами,
Не жалея сил, –
Будни не похают
Жар твоих горнил!

Солдырь-гора резко тянется ввысь при слиянии Чепцы и Пызена. Склоны ее такими крутыми сделали иднакарцы. Не одолеть сходу эту крутизну врагу! С двух сторон кара такая крутизна. С двух других сторон – гладко да покато. И потому, как и другие средневековые крепости, Иднакар пришлось огородить заострёнными кверху брёвнами, то есть палей. За оградой – три ряда ровов, залитых водой, и три земляных вала. Удавалось ли какому-либо завоевателю пройти через эти преграды и проникнуть во внутрь крепости? История на этот счет молчит. Однако Иднакар сам рассказывает, что вокруг городища бушевали сражения. В ожидании на-

шего открытия веками дремали металлические наконечники стрел, вонзившиеся некогда в земляные валы. Археологи собирают их, считают, сопоставляют... Новые знания просеивают. Чего только не встретишь среди находок на засыпанном веками дне некогда заполнявшихся водою рвов?!

Трудягою-лопатою вырыт череп,
Близ темени стрелою прободен.
Как в ночь, костяк в погибель уведен...
Трудягою-лопатою вырыт череп.
Сплясал со смертью тот, кто жить рожден.

Когда кипели тут котлы сражений?
И чей иноязычный клич звучал?
Кто первым пил из чаши поражений?
Когда кипели тут котлы сражений,
Чьи слезы были в радость, чьи – печаль?

И помянул ли «Осто!» имя Бога
Вот этот павший, меченый стрелой?
Вослед Идне лежит его дорога?
Он помянул ли «Осто!» имя Бога –
Отдавший Богу душу в сече злой?

Трудягою-лопатою вырыт череп,
Близ темени стрелою прободен...

Идна-батыр на коня не садился. Стоя на седле бросался на врагов. Те в ужасе разбежались. Оберегал батыр свой род от всей души. Но и своим доставалось, провинившимся. За что и чтили, и чтим мы его до сих пор.

Иднакар в почете,
И почтен Идна.
Эту б Селтакару
Славу-честь до дна!

Злой сосед оружных
На коней грузит.
Горе Иднакару –
Тамаша грозит.

Завистью и спесью
Мечется Селта.
Будет иднакарцам
Горе-маета!

Подступило время
Напоить палаш.
Ваш сегодня город,
А назавтра – наш.

Ах, Селта-воитель,
Голова без дна, –
Все твои затеи
Ведает Идна!

Эк, соседа тянет
Из грязи в князи!..
Возникает за ночь
Иднакар Дъеззы!

Иднакар-Ворота...
Словно в горле кость,
Близко к Селтакару
Высится форпост.

Иднакар-Ворота
Дуром взять нельзя.
И Селта потупил
Жадные глаза.

Не по чину грёза,
Не по силам лук...
Копья с острым жалом
Побросал на луг.

Храбрый, сильный и мудрый был Идна. Умные, талантливые были у него мастера.

Река Вала (по-удмуртски «Вало», что означает «С лошадьми») не близко протекает от Иднакара. Однако и ей дали такое название не калмезы ли (одна из ветвей северных удмуртов, наравне с ватка), при-

бывшие со сторон Иднакара? Давно заметили они плавающих коней в Чепце и Пызене. Заметили и признали их за души реки, воды. Их образы воссоздали в своих оберегах, носили с собой, на груди. В земле Иднакара до сих пор немало лежит их, отлитых из бронзы, вырезанных из костей. Величавую, спокойную жизнь обозначают и оберегают они.

Утка ли плещется,
Конь ли стремится
Сладить с волной – водокрутам назло?
Это и конь,
И плавучая птица:
Реку не зря называют «Вало».

Эту реку
«С лошадьми» именуют,
Помним и утицу
Не без причин:
Землю бесценную,
Почву родную
Нам добыла из бездонных пучин.

Воды журчат
И струятся лугами –
Вольно Вале
И дышать, и бежать
Между
                  недвижимыми берегами:
Лошадь бежит,
А оглобли лежат!¹

А о чем говорят нам вздыбившиеся в поединке жеребцы на вырезанных из костей головных гребнях? И эти образы лежали тысяча лет в земле Иднакара в ожидании нас? По волнообразным хвостам, свисающим вниз, так и видишь – вода торопливо струится в реку.

Оштолэзь –
Половодие, Месяц Быка.

---

¹ Лошадь бежит, а оглобли остаются – удмуртская народная загадка. Ответ: река. – В. В.

По-апрельски вспенены, бешены реки,
Как понесшие кони в стремительном беге,
Растерявшие упряжь, седло, седока.

Позабыла степенность, взыграла, шая,
И Чупчи-синеглазка с соседом Пызепом.
Знать, их манит в просторы, вольготно и слепо,
Пробужденно стяхнувшая одурь земля.

Что же тянет их?
Что возбужденно волнует
Потаенное, ровное сердце воды?

Разрушая препоны, и мощью горды,
Жеребцами стремятся на долю иную.
Не помилуют волны, во прах разнесут
И плотину, и мост, и бобровую хатку.

У апрельской стихии жестокая хватка –
Не перечь!
А противишься – не обессудь!

Мчатся полые воды, надеждами маясь
Досконально изведать начала-концы.

Вот тогда-то, в стреже, на дыбы поднимаясь,
И зовут кобылиц на турнир жеребцы.

И грызутся, и бьются, пока не исходит
Оштолэзь, упоительный Месяц Быка.
Совы ухают за полночь.
Зори восходят.
Соловьи заливаются.
Длятся века.

Таким же внешним поводом страстей кипело, видно, и сердце мастеров Иднакара. Много уходило времени у наших пращуров для создания самого сущего: пищи, одежды, жилья... Тем удивительнее их тяга непременно украсить всё, что добывали, что создавали их руки. Попадают в раскопе, к примеру, множество копоушек, – и они, мел-

кие предметы самого прозаического бытового назначения, изукрашены узорами! Сколько браслетов, поясов, серёжек, бус накопилось в находках ученых! Серебро, бронза, медь – всё с выдумкой, всё эстетично.

Однажды участники экспедиции вернулись в Ижевск с целой связкой украшений. Все они лежали в одном захоронении. Погребенная та женщина была увешана с головы до ног серебряными и медными чингыли – колокольчиками. Колокольчики-чузырет украшали ее виски, колокольчики-бусы висели на шее, покрупнее – на груди, на пояском ремне, помельче – на запястьях, на коленях и даже на запятках... Легко представить, как переливалось искрами, какой мелодичный звон издавало всё это богатство при каждом шаге обладательницы музыки и блеска! Не от древнего ли такого убранства женщины исходит и прославленный ныне «Танец с колокольчиками» из репертуара национального ансамбля «Италмас»?

Их достают теперь из-под земли,
Из пепелищ, слежавшихся веками,
Отлитые из солнца чингыли,
Звенящие весенними ручьями,
Горящие осеннею листвою
На пламени осеннего заката,
Овеянные древнею молвой,
Носимые невестами когда-то.
Но чингыли не сгинули в огне,
Не потускнели в копоти и дыме
И делятся мечтами по весне
С братьями своими полевыми.
И девушка, красивая собой,
Поющие сережки примеряет –
Она ли в этот полдень голубой
Во времени былом не побывает?
Я слышу перезвоны сквозь века,
Я вижу, как браслетам и дэморам,
Наперекор пожарам и раздорам,
Бессмертье дарит вещая рука.

(Пер. В. Бояринова).

В качестве украшений-оберегов иднакарцы носили на груди и изображение птицы. Вот одно из них, отлитое из бронзы. Между широко

развернувшимися крыльями – голова человека, смотрящего нам прямо в глаза. С какой потаенной мыслью творил мастер это произведение искусства? Верил ли он и сам, что внутри птицы таится человеческая душа? А может быть, и он, как и я, и вы, мой читатель, ощущал себя летящим – хотя бы во сне? Древний мастер! Может быть, я – много лет позже порожденная частица тебя? Ведь и я, с малого отрочества и до седых вот волос, вижу сны, где я летаю, вместо крыльев – распростертые руки, и ноги – как двигатель-ласты. Просыпаюсь я счастливым после таких снов, но всё-таки бескрылым и совсем летать не умеющим. Нет у меня ни перьев, ни крыльев, и моему телу не суждено летать. Ведь «тылобурдо», птица по-удмуртски, означает в буквальном переводе – «с перьями и крыльями».

И крыльев лишен я, и перьев лишен,
И грёзами, верно, немножко смешон:
Летать бы мне филином в поле большом,
Иль – уткую плавать, шурша камышом...
В мечтаньях бескрайних, в пленительных снах
Купаюсь, как лебедь, в небесных волнах,
Лечу журавлем на высоких крылах,
Сную, как синичка, в пичужьих делах.
И крыльев лишен я, и перьев лишен,
Но в небе летучее братство нашёл...

В кусту над рекою, бескрылый душой,
Скрипит коростель, словно жмот над грошом.

Идна-батыр... Да уж не зазвал ли, не переманил ли ты меня волшебством каким туда, в твой Иднакар, в свое время великих загадок? Потерял я счет времени. Нахожусь будто в вечности.

И месяц восходит, и солнце садится,
Сове-полуночнице время трудиться.

Завидуешь мне, потаенная птица,
Что доле твоей – не под солнцем светиться?

Да, долей своей я под солнцем доволен,
И в лес спозаранку отправиться волен.

Сычи оставляют разбой и раздолье,
Поют снегири на репейниках в поле.

А после, насытившись предчувствием лета,
В еловую крепь улетают от света.

И там красногрудым уныния нету –
Племянникам солнца, приметам рассвета.

И я тосковать не имею причины –
Убога тоска, словно свет от лучины...

Сова хоронится, не кажет личины,
Копя обитателям света кручины.

Уж месяц заходит, а солнце восходит –
Сова-полуночица криком исходит.

Свой путь поднебесием месяц проходит.
И солнце восходит.
И солнце восходит!

*Не заповедная ли дверь Иднакара дала мне возможность глянуть
и на исток моей светлой печали?*

«Когда помру –
Вселюсь душою в утку,
Душой на черный омут опущусь.
Ты по воду пойдешь погожим утром –
Я там с тобой,
Родимый сын, прощусь...»
Так пела мама, саван дошивая.
И с той поры молчит мое ружье:
Душа среди уток
Мамина, живая,
Другое воплощение ее.
Когда же утки
Осенью решатся
На древний путь в погожий край Земли,
Я буду тосковать и сокрушаться:

Как мама?
Ладно ль крылья донесли?
Засвиристит пурга
В шубейке утлой,
И вступит стужа в полные права,
Пронзит тревогой:
Как там мама-утка
По-за морем, жива ли, здорова?

Потаенными тропами мифов и легенд, сквозь дебри времени пробиваемся мы к тебе, Иднакар!

По смерти Донды душа его, обернувшись лебедем, отлетала в заоблачную высь, чтоб впоследствии, уже в облике Энергии Молитвы, воротиться в молельный шалаш рода Донды. Весною же, как только наступал Месяц Зеленых Листьев, то есть май, отыскивала она отверстие дымохода и, снова превратившись в лебедя, сорок дней и сорок ночей летала над цветущими лугами, одевающимися в зелень лесами, набираясь новых Сил, питающих Энергию Молитвы.

В сказании другом те же действия претерпевала и душа отошедшего в иной мир Идны-батыра.

Высокой мыслью грезил Иднакар:
Высоко в небе место человеку!
Средь мириадов, чаящих об этом,
Был некогда прославленный Икар.

Дедал-отец Икару смастерил
Упругие омашистые крылья.
Рванулся ввысь Икар,
Но так случилось –
Осталась там душа, а тело стало пылью.

Да, был низвергнут
Гордый сын мечты.
В его орлиной тяге в поднебесье,
Но стал его порыв
В людской молве
Возвышенным преданием и песней.

Сквозь голод, смуту,
Брань кровавых лет,
В стремленье с неизведанным обняться,
В пространстве грёз и гроз,
В предвечный свет
Вступили мы. Пришла пора подняться!

И крылья наши
Птичьим не чета,
Они быстрее и выше в хмари зыбкой –
Но души тех,
Кто взял обличье птиц,
Следят за нами с ласковой улыбкой.

Пусть, успокоясь,
Кто-то стал орлом,
А кто-то соловью доверил душу.
Прочь, ворон черный!
Я родством с тобой
Старинной чести рода не нарушу!

Да, человек полету обречен...
Я не Идна по жизни, извините,
Но мне бы так же
Кончить путь земной –
Он стал по смерти лебедем в зените.

Не было сердцу иднакарцев птицы дорожке, чем лебедь. Никогда не считали они лебедя за дичь. Не употребляли в пищу. Жалобы лебеда, говорили, доходят до слуха Бога.

Чей там в небе страдающий возглас?
Это лебедь беду протрубил:
Скуки ради охотник безмозглый,
Ухмыляясь, лебедку убил!
Тучи солнце угрюмо закрыли.
Бьется лебедь и кличет в тоске.
А лебедка раскинула крылья
На холодном горячем песке.

Белый лебедь, страдания носитель,
Богу ль жалобу гвно несет,
Сам ли Бог он – каратель и мститель
За беду, где никто не спасет?
А надежда уже никакая.
Тает солнце во мгле, как во зле.
Птица мощные крылья смыкает
И летит, словно камень, к земле.
В кружевном оперенье, как леди,
Спит голубка, сраженная влет.
Рядом с нею покоится лебедь –
Он окончил последний полет.
Этим судьбам уже не разбиться...

Вдруг, довольный потехою злой,
Рухнул наземь безмозглый убийца,
Пораженный стрелой громовой!

Три божества носили у иднакарцев имя «Мумы»: Шунды-Мумы – Мать-Солнце, Гудыри-Мумы – Мать-Гроза, Музьем-Мумы – Мать-Земля. Каждый из этих высочайших духов имел свои заботы. Мать-Солнце опекала деяния своего сына – Солнца. Свидетельствуют об этом через многие века дошедшие до нас женские украшения – сережки. Они отлиты из серебра и бронзы в форме женщины с воздетыми вверх руками, на которых, исполняющих роль застежек, покоится солнечный диск, испускающий лучи, сын Матери-Солнца – дарующее жизнь Светило. Мироздание, и в это свято верили иднакарцы, держится на руках Женщины.

Легенду эту пращур породил:
Мать-Солнце
Воздымает купол неба.
Исходит Солнце из ее груди –
Податель жизни
И податель хлеба.
Молва о том
Идет из века в век –
Так озимь зелена весной любовью.
Какой же облик

На себя кладет
Мать Солнца, какова она собою?

Она, в своем сиянии добра, –
Вочеловечна иль богоподобна?
То ведали
Одни лишь мастера,
Творя ей облик –
Так, как им удобно.

Их не туманил
Выучки дурман.
Воистину высокому служили
Их ибырвеси –
Древний талисман
И оберег на трудный случай жизни.

Мать-Солнышко,
Яви свое лицо,
Сними, как прах, с него печать земную!
...Раскопы Иднакара налицо
Величие бывшего знаменуют.

Мать-Солнце
Держит небо на руках,
Для нас усталых рук не опустила,
И, радуясь, играет в облаках
В ее груди рожденное Светило.

Живи, Мать-Солнце!
Следуй впереди,
Стань нам опорой в этом мире углом!
Я вместе с Солнцем
Из твоей груди
Рождаюсь жить –
Рождаюсь что ни утро!

Мама... Мемми... Есть ли в удмуртском языке слово дороже этого, короткого и емкого, как все главные в мире слова? Жизнь. Солнце. Хлеб. Родник. Они стоят рядом со словом Мемми.

Мать-Солнце всех обогревает и кормит. А Мать-Гроза? Правда ли Гроза тоже является матерью? Что она дает людям? На склоне горы Иднакара, на зеленой лужайке белеют грибы-дождевики, поудмуртски – гудьрипузьёс, яички грозы. Кто же их снёс, если не Мать их, если не сама Гроза?

Не куриный клад,
Нет, не кладка птиц –
Это Мать-Гроза
Нанесла яиц.
Все рядом они,
Как жемчужины,
Солнцем-Матерью
Не остужены.

Наливаются,
Силой крепятся,
В них Гроза еще
Только теплится,
Сила копится,
Сила прочится.
Хорошо громам
Зарокочется!

И о чем они
В блеске молнии,
И о ком они
Перемолвятся?
И на чью судьбу
Горе ринется,
Ливнем бешеным
Опрокинется?

Но ни молнией,
Ни лавиною
Не сразит Гроза
Неповинного!

Туча грозная
Тяжко двинулась –

На тебя, Шайтан,
Опрокинулась!
Поразит тебя
Темным хохотом,
Огненным мечом,
Тяжким грохотом.

Бьется Мать-Гроза
Буераками
С лиходеями,
С вурдалаками.
Не проймут слова
Покаянные –
Срубят головы
Окаянные.

Злоба нечисти
Не прощается –
Божий мир Грозой
Очищается.

Кладка Мать-Грозы
Сердце радует:
Будет дождь хлебам,
Будет радуга...

Кто не видел радугу, этот цветик-семицветик, порожденный Матерью-Грозой! Я и сам не раз проходил сквозь грозу, и врачевал мою душу ее очистительный воздух. Обновленная душа распускалась аленьким цветком на лугу, совсем таким, который расцвел рядом с дождевиками на траве Иднакара. Но радость вдруг сменилась печалью. Вслед за июльским солнцем, не Гроза ли возбудила в моем сознании память о невиданных трагедиях моего народа, утерявшего некогда Священную Книгу, и не эта ли трагедия щемит сегодня сердце мое?

Донды-батыр воздвигнул Утэмкар
Там, где Чупчи намыла остров дикий.
Быдзьым Вэсясь, Великий Жрец, искал
Там ухорона для Великой Книги:
Грозил с Заката вражеский оскал.

Свирепых иноверцев рой осиный
Бахвалился, глумясь над Кылдысином,
Слепым оставить весь удмуртский род,
Лишить священной памяти народ.

И в Куале Великой, мудр и стар,
Жрец Книгу скрыл – храни ее Инмар!

К Быдзьым Вэсясю – зван и прошен был –
Идна пришел с тревожной головой,
И Жрец, что Книгу перед ним раскрыл,
Обдал батыра силой родовой.
Звучал Молитвы неустанный пыл
В священных знаках-пусах со страниц:
Инмара, Кылдысина, Куазя властью
Народу Уд она давала счастье.

И пал батыр пред Словом света ниц,
И Книге поклониться не забыл,
Чтоб род его терпенья не избыл.

Уж знал Идна: всё ближе воронье,
Несет оно с Заката солнца горе,
Сталь топоров чужих звенит в мудоре –
Святое древо гибнет, как древьё...

Святая Книга предана огню...
Молитвы-Куриськоны отзвучали...
Без Кылдысина множатся печали
И жито иссыхает на корню...

Явись, о Кылдысин, яви лицо
Народу своему, земле удмуртов!
И с Книгой, обретенной в изначалье,
Сомкнется нерушимое кольцо.

На Иднакаре, как и в других поселениях удмуртов, были строения, носившие имя «куала», – там обитали духи, родовые боги, там люди совершали обряды поклонения им. Теперь на Иднакаре таких святилищ нет. Лишь их следы узорами остались в пластах земли. А как жить

Иднакару без куалы? И я решил за добро, принесенное нам Иднакаром святой по себе памятью, построить для него куалу.

Уж нет на Иднакаре куалы.
Таят следы столбов гнилых углы.
Таит седой очаг следы золы.
Следы огня в тени столетий тонут.
Уж нет на Иднакаре куалы,
Знать, оттого умерших души стонут.

Мне сил добавят сосны на бору.
Срублю я сруб, молельню соберу –
Пусть куала вздымает ввечеру
Хвалу добру торжественней и выше:
Мне сил добавят сосны на юру,
И новое святилище задышит.

Едва рассвет взыграет на земле –
Добром согрет, не виноват во зле –
В смолой пропахшей новой куале
Возьму я скатерть белого белее.
Едва рассвет взыграет на земле,
Уйду в луга, где жар-цветок алеет.

Тут лебедь небо крыльями обнял,
В Молитве Силы – силу восполнял
И этой Силой землю одеял,
В сегодня, в наше возвращал былое.
Тут лебедь небо крыльями обнял –
И в том моя удача с куалою.

Молитве Силы – новая пора:
Я зачерпну ее в тиши утра
И в скатерть цвета света и добра
Я заверну ее, Молитву Силы,
И нового властителя воспримет
Построенная мною куала.

И все удмурты, сколько их ни есть,
Храня заветы прошлого, как честь,

Воспримут, словно дар, благую весть:
Вернулась, вновь Молитва Силы с нами!
Покуда мы сплетаемся корнями –
Нас не склонить в ярмо и не извести!

9.3. МАМИНО ПИСЬМО

Поэма

*(Ванюшев В. М. Мами гождэт = Мамино письмо: поэма / пер.с удм.
А. Демьянова. – М.: Литфонд России, 2005. – 85 с. – Удм., рус. яз.)*

Часть первая

1

Умолкла прялка.
Сникла нить крутая.
В печной трубе
Ненастье воеет всласть.
Негромко
По атаю причитая,
Несвычным делом
Мама занялась.

«...Война лиха.
И нету мне покою,
Я думой –
Дома,
бой или привал.
Хоть строчку напиши
Своей рукою...», –
Отец с позиций
Весточку прислал.

В душе слова
Гудят пчелиным роєм,
С отрадою
И горечью впотай:

«Еще судьба
Не супит на нас брови –
Он любит, помнит,
Он живой, атай!»..

Умолкла прялка
В передышке краткой.
В загнётке воеет
Словно волк какой.
Уютно примостившись
Над тетрадкой,
Меми склоняет
Думы над строкой.

2

Примета есть:
Поднявшись часом ранним,
В горячий зев
Растопленной печи –
Душевное,
Заветное желанье
С надеждою и верой
Прокричи.

Огонь
Желанье это возвеличит,
И дым воздымет
Выше птичьих стай.
Не зря ребята Марьи
Утром кличут
В чело печное:
– Воротись, атай! –

Вот так, с огнём и дымом,
По-ребячьи
И ей бы выслать
Весточку свою:
Мол, ждём, родимый,
Крепимся, не плачем,
Не оплошай,
Пожалуйста, в бою.

Чернильный карандаш
Тяжёл, как гиря,
Нейдут слова
С души и языка,
И зябко ей,
Как будто в целом мире –
Тоска да горе,
Горе да тоска.

Лишь каганец
Свой слабый свет колышет.
Ах, огонёк,
Виновный без вины!
Ты помоги –
Пускай атай услышит
Мои слова
В большом огне войны!

3

Не баловницей выросла,
Не букой
Меми в семье,
В усилях не скорбя.
Она успела,
Выучила буквы,
А дальше:
– Будет, доченька, с тебя! –

Ей сделалось
И школою, и прочим –
Корпеть
Над колыбелькой лубяной.
Всё скрип-поскрип сюры –
По-русски очеп –
Вослед нехитрой
Песенке ночной:

– Мама полет огород
И морковку принесёт,
Папа в городе, на рынке,

Он конфетку купит сынке.
Баю-бай, усни, звоночек,
Золотистый наш клубочек.–

«Достатки бедных –
Меж землёй и небом», –
Велась такая
Шутка в стариках.
Сосёт малыш кушам –
Тряпицу с хлебом –
У малолетней
Няньки на руках.

Мурлычет рядом
Кошка-недоеда
И просит
Хоть немного молочка.
Точней часов
Укажет час обеда
Горошинка
Кошачьего зрачка.

Как щель
Зрачок кошачий в эту пору.
Дыды не гонит
Кошку под шесток:
Вдвоём теплой,
Обед ещё не скоро,
А голод
Одинаково жесток.

Качала люльку –
А куда же деться?! –
Когда сестрицу
Мама родила.
К чужим ходила нянчить.
Так что детство
Дыды
У колыбели провела.

Своим над люлькой
Тоже перепето –
За Дашей
Витю, Лиду принесла,
А младшего, Ванюшку,
Уж в то лето,
Когда беда
Военная пришла.

Видать, помог
Воршуд – хранитель рода,
Сын вышел,
Как горох в стручке, литым,
Здоровеньким –
Отцовская порода,
Обрушил печку
Бабьей тяготы.

К окну роддома –
Пуговки светились! –
Отец явился
В справе боевой.
Вот так они
И встретились-простились,
Дитя с отцом,
Пред бездной фронтовой.

Что понял он,
Новорождённый крошка?
Детей войны –
На муки их родим?
И долго мать
Махала из окошка
Вослед отцу:
– Останься... невредим!

Отцу, наверно,
Грезится о чадах,
Коль час затишный
Выдастся порой.

Он, уезжая,
В память их впечатал –
Весь табор на полатах,
Целый строй!

Носишками
Посапывают мирно,
Взбрыкнут ножонкой –
Прыток детский сон!
Ах, как же было б
Дорого да мило,
Когда с семейством
Вместе был и он.

Да, целый строй...
Любого вспомнит кроху,
И дрогнет сердце
Отзвуком живым:
Сынок старшой...
Он оседлал лутоху
И резво мчится
С кличем боевым:

– Возьмём винтовки новые,
На штык – флажки,
И с песнею в стрелковые
Пойдём кружки! –

Уж этот старший...
Меньшим сладко спится,
А этот на полатах –
Гамаюн,
Всё ворохтится,
Как спросонья птица,
Опять, наверно, снится,
Что – в бою.

Отцова стать
И в норове, и в прочем...
Поднять бы всех
Да вырастить людьми...

Пропел петух
Бессонный стражник ночи,
Склонилась
Над тетрадкою меми...

4

Огыр-бугыр –
Сумятица да смута
Деревню грызли
В тот далёкий год.
«Колхоз» какой-то...
Всё ломалось круто,
И всё менялось
До наоборот.

В тревогах
Заходился ум за разум.
Явился и колхоз
Своей порой.
Как сокол, быстр,
Красавец темноглазый
Микаль был назван
Набольшим – тэро.

Что тут мудрить?
Мосты назад сожжены.
К лаптям – оборы,
К хомуту – дуга!
Она к нему пойдёт
Не только в жёны,
Она за ним –
Хоть к чёрту на рога!

Теплом души
Глаза не оскудели.
Легко девичьи косы
Сплесть в одну.
Ну, что, тэро,
Давай судьбу разделим,
Микаль да Марья –
Привечай жену!

Кипел Большой,
На перегибы лишек,
А шишки на Микаля:
Голова!
– Согнул вконец!
– Читай, что «Правда» пишет! –
Ловил спиной
Свинцовые слова.

Ходил Микаль,
Как лук тугой, напряжен.
Вокруг что свора –
Все на одного.
Голубила, жалела
Марья мужа,
Пока район
Тягал и мял его.

Извечный сельский лад
Рвало на части,
Манило время
В стрежень, на струю.
Вполне возможно,
Ветер тех злосчастий
Раздул искру –
Уладил их семью.

Минулись страсти
В «будущее», в «прежде»,
Пришло понятие:
Вместе? – Не вопрос!
И лебедями,
В праздничной одежде
Деревней вместе
Шли на сенокос.

Тем более,
Обычай это древний –
Вселюдно славить

Первый взмах косы,
И песни петь,
Опять же всей деревней,
Во славу жизни,
Для её красоты:

– Что из дудника, из дягиля,
Из меди чипчирган –
Погуляй, свирель удмуртов,
Вместе с нами по лугам!
Если «Ялыке», подружки,
Лихо спляшете, легки –
Будут вам серёжки в ушки,
Будут красны сапожки! –

Не спрячешь от людей –
Крылато счастье!
Крылата
И счастливая семья.
И, думами
Отринув все напасти,
Летит она
В далёкие края.

Уже дочурка
Радует сноровкой
Из буквиц в книжке
Составлять слова.
Меми сквозь слёзы
Рада: вон как ловко!
Самой-то буквы
Памятны едва...

5

«Черкни хоть пару строк
Своей рукою», –
Задача мужем
Сложная дана.
Забыл, видать, Микаль

В горниле боя:
Почти что ведь
Неграмотна она.

Она со слуха
Знает письма мужа,
И дочка ей,
Не в Марьину вину,
Как в старину,
Читает, как он служит
И где ведёт
Проклятую войну.

И, слушая,
Меми стыдливо прячет
Глаза свои,
Как прячет свет агат,
И только по ночам
Украдкой плачет
Да весточки
Теребит наугад.

А на току ли,
Иль у магазина
В молве меж баб
Такой слушок звучит:
– У Марьи Дуська –
Нюготок с мизинца –
Решила маму
Грамоте учить. –

И впрямь, спешит
Учитель-малолетка
Наполнить светом
Мамины глаза.
Сумела раздобыть
Тетрадку в клетку,
Домой приносит книжки,
Егоза.

Война...
И на колхозной пожне – битва.
Где немощи и хвори
Не в зачёт.
Меми приходит с поля,
Как избита,
А дома ждёт её
Такой отчёт:

– Сходили на родник.
Дрова готовы.
Крупы в чугуничик –
И поспеет варь.
Вот только, мама,
Подую корову –
И мы опять
Засядем за букварь. –

Ах, азбука,
Магическая книжка...
Какие держат
Возжи и гужи?
Хоть у чужих людей
Занять умишка...
И карандаш –
Хоть пятернёй держи!

Совсем, Микаль,
Жене твоей несладко.
Письмо к тебе придёт
Нескоро, знать.
Права ты,
О неграмотном загадка:
И лёгок плуг –
Да тяжело пахать.

6

Уходит время,
Как вода речная,
И днём ему,
И ночью не до сна.

На жерновах его,
Как пыль мучная –
Зима и лето,
Осень и весна.

Над книжкой дочь
Щебечет канарейкой,
А в мыслях Марья –
Поле да серпы;
Микаль пшеницу
Валит навзничь жнейкой,
А Марья вяжет
Пухлые снопы.

Жара и овод –
Хоть бы ветер дунул.
Растут сулоны
В поле и в судьбе...

Вздыхает дочка:
Мать увязла в думах,
Как муравей в смоле –
Меж «А» и «Б»!

Не буквы,
А картофелины, право –
Сажай лопатой
В грядку по весне...
У всякой красоты
Своя оправа,
А нынче –
На войне, как на войне...

Сурова дочка,
Наставляет строго.
Ах, дочь, дыды,
Зазря не упрекай:
Кто знал,
Насколько дальняя дорога
Промеж словами
«Марья» и «Микаль»?

7

Ну, Осто Инмаре,
Урок окончен!
Сидит меми
За прялкой у окна.
Умаялось,
Сомкнуло детство очи
И видит сны
Под гул веретена...

8

Исполнилась
Задумка дорогая.
Гудит в трубе,
И вьюга порошит.
Отцу детей
На фронт письмо слагая,
Затею мать,
Похоже, завершит.

– Пишу сама,
Своей рукою.
Здравствуй, Микаль, родимый!
Как твои дела?
Учились детки наши
Не напрасно:
Я грамоту
От них переняла... –

Рука споткнулась...
Полно, то ли пишет
Туда, где путь
Меж пламени лежит?
Всё понимает Марья,
Видит, слышит –
Но как всё это
В буквах изложить?

Да что уж там,
Авось, не отругает,

А отругает –
Всё не здесь, вдали.
– Сынки и дочь,
Спасибо, помогают,
Чем могут, как умеют:
Подросли!

Готовить лес
На месяц посылали.
Работа, сам ты ведаешь,
Не клад,
А пуще о родных одолевали
Тревоги.
Воротилась –
Дома лад!

Теперь в запряжке
Все, кто есть живые,
От старика
До малого дитя.
Зато на диво
Были яровые –
И ты отведай
Нашего ломтя! –

Вновь передышка,
Видно, дань сомнению.
В глазах улыбка –
И рука бодрей:
– Еще весною, в марте,
По раненью
Был на побывке дома
Сват Ондрей.

И вот уже намедни,
Слава Богу,
Ему дочурку
Сватья родила...
А нам-то, нам-то
Повезло с Безрогой:

Вчера бычка касатка
Принесла!

Не зря ребята наши,
Понарошку,
Едва сождав
С отёла молочка,
Смеясь, друг другу в лоб
Стучали ложкой
С присловьем – помнишь? –
«Тёлки аль бычка?»

Чернёнек мастью.
Мать телёнка холит.
Он встал на ножки
Крепко, хорошо...
Молозивом
Полакомились вволю,
Телёночка
Назвали Чернышом.

Ещё в хлеву
Удача учинилась:
Проснулась рано поутру,
Гляжу –
Овца-белянка
Двойней объягнилась...
Тебе в окопы
Варежки свяжу.

Война какие
Стужи завернула!
Хоть чуть прибудет
Из дому тепла... –

Опять споткнулась Марья,
Привздохнула –
И весточку
С начала перечла.

9

Уже рассвет
Восславил третий кочет.
Коптит, мигает
Слабый каганец.
И вроде невелик
Пробел меж строчек,
Но это – долгий путь
Меж двух сердец.

Что – буквы?
В них –
Ни радости, ни боли.
Но их
Печали Марьины свели:
И буквами
Засеянное поле
Сожнут совсем в ином
Краю земли.

И там, в ответ,
Посеют буквы-жито,
И в наш черёд
Мы тут его сожнём...
Грядущему о том,
Что пережито,
Вестит письмо –
Такая сила в нём.

10

Лишь разомкнув глаза,
Хлопочет Марья.
В скатёрке белой
Стол престолом стал.
Светило,
Словно в Пасху,
Из-а хмари
Взошло,
И свод небес –
Кроваво ал.

Трещат в печи дрова.
Проснулись дети.
И радость в доме –
В пору заплясать.
Всё в гомоне ребячьем,
Счастьем светит:
– Меми!
Письмо сумела написать?!

Да, так.
Сумела! Написала!!
Плясала печь –
Большая голова,
Плясали лавки,
Вся изба плясала,
Звенели песни
Давние слова:

– Загопила в доме печь меми, наверно,
Дым, наверно, из трубы идёт прямой.
Белой скатертью застлала стол, наверно, –
То, наверно, едет папка наш домой!.. –

Спекла меми
Крахмальные лепёшки,
Опресновки удмуртов, табани –
Еда войны,
Из выжимок картошки,
Весною в поле
Собранной, они.

На аппетит сегодня
Нет запрета:
– Питайтесь,
Сколько примут животы!
Я вволю
Наготовила зырета,
Зырет да табани –
И день сыты! –

Трепещется огонь
Под сводом печи.
– Атай в боях.
А там – огонь-обстрел.
Пусть сдохнет Гитлер!
Вот его бы, нечисть,
Спровадить в ад,
Чтоб не сгорал-горел. –

Огонь в печи
Бездымен и неистов,
Стреляет, как снарядом,
Головнёй,
И мечутся,
И копят силу искры,
Как алый рой планет
Ночной порой.

Он вздымется,
Уйдёт высоко в небо
И, может,
Доведёт отцу в ночи:
В тепле родные дома,
Не без хлеба:
Мать табани семье
Печёт в печи.

– Оте-ец!
– Ата-ай наш! –
В зев печи ребята
Кричат, зовут
И добрых ждут вестей.
– Верни-ись!
– Живо-ой!
– Пусть гибнет
Враг проклятый! –

...Солдат, ты слышишь
Зов твоих детей?

Часть вторая

1

Зовут мальцы...
С родимого порога
Лети, письмо, –
Крылато, не свернуть!
Недаром
Как Гусиная Дорога
Удмуртами означен
Млечный путь.

Дорогой этой
Ветер вдаль уносит
Гусей кочевных
В тёплые края.
Не оплошай,
Военный письмоносец!
Меми, дойдёт ли
Весточка твоя?

У почты полевой
Судьба такая,
Её дороги
Вовсе не легки –
Снесёт письмо
И передаст Микалю,
В местечко незнакомое –
«Квитки».

Вернутся гуси,
И весёлый гогот
Погонит вдаль
По рекам талый лёд.
Какой, меми,
В ответ услышишь голос,
Какие вести
Почта принесёт?

2

Квитки – цветки...
Пожар расставил вешки
Чернее горя,
Боли горячей.
И сеет мелкий дождь
На головёшки,
Руины хат
И остовы печей.

Деревья
Почернелыми рядами
Застыли,
Как могильные кресты...
Какие звери
Тут собирали дани
С былых довольства,
Счастья, красоты?

Квитки – цветки...
У каждой хаты садик
Тут до войны
Свой распускал наряд.
Кион сюан лишь дома –
Месяц волчьих свадеб –
Здесь под ногами
Зайчики горят.

Уже весна
Над опалённым кровом
Гуляет тут
На полный свой размах.
И надо ж:
Ходят
Пёстрые коровы
По склонам;
То –
Протайки на холмах!

Грачей назад
Отчизна поманила.

Они пером
Трагичней, чем всегда.
И этих птиц,
Наверно, зачернила
Бездонная
Народная беда.

В короткой передышке
Меж боями
Передний край,
Насупившись, застыл.
Что там – противник?
И Микаль с друзьями
В потёмках проникай
Во вражий тыл!

Черны и кони,
Как ночные тени,
Один
В чулочки белые обут.
Таких коней
Удмурты любят, ценят
И «падышами»
Издавна зовут.

Микаль с мальчишек
Полон к коням страсти.
Бывало,
Дотемна не отдыхал,
Когда на мерине
Соловой масти
Суглинок
По-над речкою пахал.

Журчала мирно
Речка Шалашинка,
Шёл в борозде
Прилежен старый конь –
В колхозе у тэро
Круги большие:

Резвился под Микалем
Конь-огонь.

Не о тебе ль,
Стремительная лошадь,
В началах дней
Уж слава родилась:
Всего четыре
Хлопают в ладоши –
А тысяча
Пустилась в перепляс?!..

Родимый дом –
О нём немые выси
Солдатских дум
В далёкой стороне.
И боль разлуки
Лечат только письма –
Без писем
Нестерпимо на войне.

Кион сюан там, дома –
Месяц волчьих свадеб.
Пути-дороги
Вьюга замела...

Квитки-цветки,
У каждой хаты – садик,
Пожарище,
Куда весна пришла...

3

В былые посиделки
Память движет:
Гармонь, девчата...
Всё им зубы скаль!
– Коня повыше,
Петуха понижее.
Ну?
Что такое?
Отвечай, Микаль! –

Вот это да!
Отгадка непомерна.
Ответить наобум –
Куда ни шло:
– А?
Что такое?
Курица, наверно.
– Слабо, Микаль!
Не курица – седло! –

Седло, узда,
И удила, и пряжки –
Всё вовремя проверь
И всё отладь.
Коль путы сбруи
Для коня не тяжки –
Пустяк ему ездук,
Легка и кладь.

Солдат при конях.
Хлопоты знакомы.
Они идут
Привычной чередой.
А мысли-помышленья –
Дома, дома,
В прощальных днях,
Всполохнутых бедой.

Удмурты встародавнем
Месяц август
Порой Ухода Грома
Нарекли.
Кончался август
Без привычных песен:
Жнецы
На боевую жатву шли.

Прощался август
С грозами плаксиво,
Когда повестка

Рекруту пришла,
Как мама,
Расставаясь, голосила.
И в зиму первую же
Померла.

Тащились
По распутице обозы,
И в слякоть он
Ютился на возу.
Кончался август.
Не кончались грозы.
Он сам вступал
В военную грозу.

Так тягостно
Окинуть взглядом трезвым
Начала –
Окруженья, тупики...
Фашист давил –
Числом, огнём, железом,
Реляциям
Победным вопреки...

Смотрал он вожжи.
Думы сбил упрямо
В один комок,
Колючий, точно ёж.

– Не плакал, уходя.
Прости мне, мама!
Гроза моя!
Ты где, подлюга, ждёшь?

4

Зажглась в ночи
Гусиная Дорога –
Вдоль фронта в небе
Перекинут мост.
Безлунный мрак

Молчит темно и строго,
Лишь бархат неба
Убран в бисер звёзд.

– Отперта дверь,
На минном поле чисто, –
Шепнул сапёр, –
Счастливый путь, братки!
С удачей воротиться от фашиста! –
И снова тьма,
За ней – враги, враги...

И даже кони,
Племя вороное,
Сторожко
Приравливают шаг,
И булькает
Болото торфяное,
Как грязью
Переполненный ушат.

Чу!
Вздогнул конь
И ухом запрядал –
И свой испуг
Дозорным передал.

Тпру, вороной!
Остойся, не спеши!!
То утка
Ворохнула камыши!..

Исчезла топь.
Понурый лес нагой
И твёрдая
Опора под ногой.

Почти на месте.
Дальше не идти.
Означилась
Примета на пути.

Надёжный страж
Средь поросли застыл –
Могучий дуб,
Как дерево-батыр...

Разведчики вдвоем
Уходят в ночь –
Опасность
Между делом превозмочь.

Микалю –
В коноводах ожидать,
Терзаньем
Ожидания страдать...

Но всё ж дела –
Своею чередою,
Микаль лежать без дела
Не мастак.
Вот он шлепком
По голени ладонью
Привычно уложил
Коней в кустах.

Не рано...
Вот Медведица Большая
Уже висит
Серебряным Ковшом,
Крутенько накренилась,
Орошая
Вселенским молоком
Небесный шёлк.

Разведка... Поиск...
Тяжкая работа!
Но и Микалю
Не за что пенять,
И у него
Несладкая забота –
Надсадней нет,
Чем ждать да догонять....

Вано – грузин,
И с ним война лихая
Давно связала
Братством навсегда...
Филипп – из русских,
Тоже не похаешь,
А то, что первогодок –
Не беда...

Застыло время...
Тянется живицей,
Сосновою липучею смолой.
Пора б востоку
Синью оживиться...
Деревня недалече –
Дух жилой.

Не слышно кочетов –
Сожрали фрицы...
Вот дома,
Где рассветы столь тихи,
Сейчас ликуют
Утренние птицы,
Глашатаи рассвета,
Петухи!

Всё круче Ковш,
И тьма смежила веки.
Тревогою
Заходится душа –
Как будто струйка
Тоненькой надежды
Впустую
Излиётся из Ковша.

И всё ж петух –
Едино уцелелый –
Воздал восходу
Славу и хвалу...
И в тот же миг

Внезапной вспышкой белой
И эхом взрыва
Всколыхнуло мглу.

Вот автомат
Разбуженной сорокой
Застрекотал...
Да целый взвод палит!
Проснулся враг
До времени, до срока –
Всполох в деревне...
Там Ваню, Филипп!

И там, в деревне,
Зарево взметнулось –
Знать, «красный петушок»
Гуляет в ней,
Такой, что мгла
В испуге отшатнулась...

Микаль вздымает
На ноги коней.

Вот-вот должна
Разведка возвратиться,
Коль выпал ей,
На счастье, добрый фарт...

Как будто утка,
Сметливая птица,
Из-за кустов явила голос:
– Карт!

Микаль ответно
Дважды крякнул уткой...

Пришли, на этот раз –
Без «языка»,
Филипп к тому ж
Подранен не на шутку –

Висит
Кровоточащая рука.

Скорее – бинт,
Тампон из санпакета,
Доштопает, как надо,
Медсанбат...
Уже и у коней
Терпенья нету,
Светает, и давно
Пора назад.

Гусиная Дорога,
Как пометка
Небесной карты,
Путь отметит им...

Окончена
Глубокая разведка.
Бойцы уходят –
Через фронт, к своим...

Часть третья

1

Подошва из дощечки –
Катерма –
У Катерны пришпилена
На лапти:
Почтарствует
Молодка Катерна, –
Путь дальний,
А за лапти ей не платят.

По улице почтарка
Цок да цок –
У «кованых» лаптей
Певучий голос.
Почтарку
Привечают без затей,

На весточки с войны
Великий голод.

Не радостно
Набрякший снег месить
С почтовой ношей
По весенней хмари.
Так тягостно
Одно письмо носить
Средь многих в сумке –
Мимо дома Марьи.

Оно –
Не треугольник фронтовой,
Оно – конверт
С казённой печатью.
Такие письма –
Скорбный вдовый вой,
Такие письма – вестники
Печали.

Уже неделя страшному
Письму,
Где на конверте –
Словно смерти абрис...
Но вот вчера –
Как бы вослед ему –
Ещё одно
Пришло на Марьин адрес.

Привычный
Треугольничек войны,
Из тех, чья суть
Бедою не чревата...
Странна пометка
С левой стороны:
«Вернуть
По неизыску адресата»...

«По неизыску...».
Не нашли, видать,

Но это всё же
Не могильный камень!
Его и надо
Марье передать,
А то, в конверте, –
Полежи покамест!

Давно руки
Мужицкой, настоящей
Не видел дом –
И тут, и там изъян.
И Марьин взгляд,
Пронзительный, сверлящий:
– Катюша? Проходи,
Снимай азам.

Ты что-то нынче
Улицей да полем
Обходишь нас
Тропинкою кривой... –
Трепещет голос Марьи,
Словно молит,
А взгляд прикован
К сумке почтовой.

Тоскливый голос,
Взгляд подбитой птицы...
Вручила
Треугольник Катерна –
И скрипнула прощально
Половица,
И цокнули по сенцам
Катерма...

Недвижна мать.
Молчат ее ребята.
Пред ними пышет,
Как костёр во тьме:
«Вернуть
По неизыску адресата...», –

Мучительная
Надпись на письме.

Трясутся руки.
Шелестит бумага...
Ребята гомонят,
К посланью льнут...
– Так это ж ты
Его писала, мама,
Сама писала
К папке на войну! –

Ну да, оно –
Каракульки, пометки...
На фронте, видно,
С папой разошлось...
И белый свет
Померк в глазах у Марьи,
Слезой горючей
Горе полилось.

Её письмо,
Знакомое до боли,
Недавний
Полуночный непокой...
И буквы, словно зёрна
В чистом поле,
Посеяны
Неопытной рукой.

Что ж – не взошло
Засеянное ими:
Повыжгло солнце
И повыбил град?..
Над весточкой
Шептала Марья имя –
Желанней жизни,
Слаще всех отрад.

Слова ее
Надежду заклинали,

Как над весенним полем
Журавли –
Но не нашли заветные
Микаля,
Хоть в поисках
Полсвета обошли.

Ужель ее журавушка –
Средь павших?
Ужели канул,
Словно ветра шум?
Кто принесёт ей
Первоцветы с пашни,
С делянки
По-над речкою Куашур?

– Уладится! –
Соседи утешали, –
Ну, не дошло...
Известные дела:
Дороги ли,
Бои ли помешали...
Не похоронка ж
Всё-таки пришла! –

Внимала Марья.
Слушала, молчала –
Теперь, как жить да быть,
Сама смекай...
Ей память,
Словно эхо, отвечала
Из давнего, заветного:
«Ми-ика-а-аль!...»

Её утешить –
Предки посещали
Во сне –
Как угольки в седой золе.
И токи сердца женского
Вещали:

Её Микаль
Уже лежит в земле...

2

...Рванул снаряд
И смёл накат блиндажный...
Вминая в землю
Всё, что есть на ней,
Скрежещут, надвигаясь,
Танки вражки...
В конюшне кони...
Вывести коней!

Второй снаряд...
Прощайте, вороны!
Пришла и вам
Погибели пора...
Негаданно
Чудовища стальные
На батарею
Двинулись с утра.

Уже полно
Работы санитарам.
Гвоздит огонь,
Разят свинец и сталь...
Чтоб жизнь отдать
Солдатскую не даром –
Скорее на позицию,
Микаль!

Спеши, солдат,
Твоё у пушек место...
Передохнуть
«Пантеры» не дают!
И в лоб, и с флангов
Давят строем тесным,
Как по мишеням –
По расчётам бьют.

Солдат – солдату,
А не Бог в подмогу...
Слабюет руки,
Душат гарь и пот...
Вдруг словно кто
Слегой ударил в ногу –
И тёплой кровью
Хлюпает сапог.

Лицо печёт,
И губы сводит жаждой.
Всё ближе
Вражьих танков лязг и гул...
И вот один,
Громоздкой пёстрой жабой,
Лоб-в-лоб
На их орудие свернул.

Ударил взрыв,
На землю небо руша,
Земля к лицу
Рванулась тяжело...

Микаль очнулся...
Только он да пушка –
Как будто вихрем
Весь расчёт смело.

Но ждёт снаряд
В казённом у пушки,
Прицел живой –
И в перекрестье том
Зелёная,
Чудовищная туша
С дегтярно-чёрным
Башенным крестом.

Что ж, крест на крест –
Вдвоём на свете тесно...
Не подведи, удача,
Вывози!..

Убойное снаряд
Нащупал место –
Ударил по мотору,
В жалюзи.

И вспыхнула
Фашистская машина,
И долго
Этот факел не потух...
Бойца ж
Вторым разрывом сокрушило
И для Микаля
Белый свет потух.

Подбитому орудию,
В изножье
Приник солдат –
До Вечного суда...
И мир уже
Ничем не потревожил
Его очей,
Отверстых в никуда...

3

Угаснет тело,
А душе – светиться,
Её, по смерти,
Примут лес, трава...
Побыв природой,
Снова воплотится
В младенца,
Нарождённого едва.

Живую душу,
Мудрости источник,
Живую душу,
Кладезь общих дел –
Забвеньё минет,
Зависть не источит,
Неправда не поставит
Ей предел...

Так верят люди
Издревле, с истоков,
Так полагают
Люди о душе
И берегут
Сильней зеницы ока
Её на самом
Трудном рубеже...

У тех, чьё сердце
Перестало биться
В бою за всех –
И взрослых и детей –
Душа, наверно,
Станет голубицей, –
Так Марья
Помышляла в простоте.

То горем,
То надеждою палима,
Она клонилась
Ивой на ветру...
Но как-то клин
Весенний журавлиный
Приметила
Деревня поутру.

Прокурлыкала
Радостная стая
И канула
В туман голубизны...
Остался лишь
Один журавль отсталый:
Подранок, может,
Крылья ли грузны?

Он стаи зов
Оставил без ответа –
Что снизу вдруг
Окликнуло его?

Наверно, вспомнил
Верные приметы
Гнездовья молодого
Своего.

Остался не на отдых,
Не для пищи...
Над речкою Куашур
Простёр крыла.
Журавушку
Потерянную ищет,
Которую
Недоля отняла?

И на юру весеннем
Встала Марья,
Взволнованно,
Прерывисто дыша,
Таинственному поклику
Внимая:
Микаль, Микаль...
Твоя ль зовёт душа?!

Сюда ль она
Летела дни и ночи,
Проведывала
Вышние пути,
Чтоб женщине,
Чтоб горькой одиночке
Сказать своё
Последнее «Прости»?

Родимый край,
Когда-то долей сужен,
Любимый всякий день
И всякий час...
С высокого холма
Навстречу мужу
Подняться б ей
Над речкою сейчас!

Лететь бы ей
С журавликом своим,
Крылами рассекая
Добрый ветер,
И неотрывно
Любоваться им...
Но плачет сердце:
Дети!..
Как же дети?!

Что малые дома –
Ребятчи души:
Их надо возводить
И сохранять.
Их, в одиночку,
Слабый ветер рушит,
Им – не добыть,
Не сделать, не понять...

Она их путь
Согреет и осветит,
Она им станет
Крыльями, меми...
Она вдова –
Но рядом будут дети,
Не сироты
Меж добрыми людьми.

Мать не оставит их
Ни на мгновенье,
Любую с ними
Меру разделя...
И тут же разом,
Как по мановенью –
Умолкли в небе
Крики журавля.

И полетела птица
Воль теченья,
В глухие луговины

По реке...
И словно меркло
Некое свеченье
Над нею,
Угасая вдалеке.

4

Веретеном Земля
Во мгле кружится.
Восходит, золотея,
Новый день,
Чтоб всё могло
Как следует сложиться
И без обид
Сравняться меж людей.

Природа правит
Умственно и зрело.
Туда проложен
Ход ее весла,
Где б старость,
Как положено, старела,
А молодость,
Как водится, росла.

Куда бы нас
Пути ни увлекали –
Мы все во власти
Этого весла...

Однажды
Похоронку на Микаля
Почтарка Марье
Всё же принесла.

Вдова пережила
Известье просто,
Рыдания
Сумела заглушить:
Домой не носят

Мёртвого с погоста,
Отплакан с честью...
А живому – жить!

А день,
Как лист осенний, отлетая,
Покаялся,
Коль в чем его вина.
Не молкнет прялка,
Льется нить крутая,
И ребятне
Тепло в объятьях сна.

9.4. ВОЙНА ДЫР НЫЛПИОС

Кырҙан

*(Василий Ванюшев. Яратісько адямиез яратыны: Кылбуръёс. –
Ижевск: Удмуртия, 2015. – 86-тй б.)*

Атаймы ож лудын,
Анаймы уж дурын,
Ми, векчи нылпиос, ёрмемын.
Уй палась кезьыт төл-а,
Лымшорысь шуныт зор-а,
Мар ивор вуттозы дорамы?

Бусые но потйм гырыны ми,
Заводэ но пырим дурыны.
Синазькыль фашистэз вормытэк-а
Шуд но бур бертозы дорамы?

Атаймы ож лудын,
Анаймы уж дурын,
Ми, векчи нылпиос, ёрмемын.
Уй палась кезьыт төл-а,

Лымшорысь шуныт зор-а,
Мар ивор вуттозы дорамы?

Война дыр нылпиос ми өвөл-а?
Война төл бурд улын будэмъёс.
Ожгарчи атаймес малпаса ик,
Ожгарчи кадь тыршим асьмеос.

Атаймы ож лудын,
Анаймы уж дурын,
Ми, векчи нылпиос, ёрмемын.
Уй палась кезыт төл-а,
Лымшорысь шуныт зор-а,
Мар ивор вуттозы дорамы?

Синазькыль фашистэз вормимы ми,
Шуд но бур бергйзы дорамы.
Сьёд кырныж кадь шимес нунальёс нош
Али ке но уло тодамы.

Атаймы ож лудын,
Анаймы уж дурын,
Ми, векчи нылпиос, ёрмемын.
Уй палась кезыт төл-а,
Лымшорысь шуныт зор-а,
Мар ивор вуттозы дорамы?

9.5. ЭШЕЛЫ

**Удмуртиысь калык писателез,
П. К. Черновез буре вайыса**

Тямыстон ни шуккиз Васялы но,
Петялы но тани, тямыстон.
Кошкыны тон дыртїд марлы ке но –
Пёламы туж шаплы вал ук тон.

Москвае но вуид азьлогес ик,
Ижкаре но бертїд азьлогес,
Ним но, дан но басьтїд азьлогес ик,
Кыл-куара но кылїд азьлогес.
Ермолаевмы вал на, эшмы ик –
Визьмолэсь но визьмо, Бадзым Йыр!
Тодматїз асьмемыз Мусо Куа ик,
Пычатїз пушкамы зырдыт вир.
«Куинь эшгёс» шуыса тышксько вал,
Куинь эшгёс, пе, Ижез зырдато.
Зырымзэс чүшыны вунэто но
Асьмелэсь зырыммес утчало.
Пёрмылїз но, лэся, куддыръя нош?
Ог-огмес-а янгыш валамы?
Куспамы, вадьсамы гудыръя ни!
Чилектоз-а тани выламы?
Но уйшор сильзoren гудыртэ но,
Вазь чукна нош шунды вореkjя.
Мыдланьскем сюлэмы берытске но,
Малпанэ нош бызе ни тонъя.

Тямыстон, тодїськод ни, мыным но,
Я, тыныд но, Петя, тямыстон.
Кыл коскы нуллїсьёс вань али но,
Соосты эн ик кылзылы тон!

Ворьявай Василей,
Удмуртигьсь калык писатель.
Алнаш черкогурт.
13.07.2016.

10. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

10.1. О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ УДМУРТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ИЛИ СВОБОДНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗЛОБУ ДНЯ

(Доклад на заседании Союза научных и общественных организаций Удмуртской Республики по случаю Дня науки 10 февраля 2016 г.)

Как известно, по инициативе Президента России 2015 год был объявлен годом литературы. Осознание роли художественного слова в состоянии духовного здоровья нации – важный шаг в укреплении самосознания народов страны. Оно поощряет стремление людей вернуться к тому состоянию, когда СССР справедливо считался самой читающей страной в мире.

Наметившийся лед равнодушия к пробуждающей силе чтения тронулся и в нашей республике. И официальными органами, и общественностью сделано немало в этом направлении. Три года назад была учреждена ежегодная литературная премия Правительства Удмуртии по четырем номинациям. Ежегодной премией Министерства культуры УР поддержана такая важная часть литературы, как литературная критика. Ряд товарищей уже получил такие премии¹, что, несомненно, побужда-

---

¹ Премий удостоены следующие писатели. **В 2013 г.** – **Егор Загребин**, автор книги «Гомась шунды» («Пылающее солнце») в номинации «Лучшее литературно-художественное произведение»; **Пётр Захаров**, автор пьесы «Как Лопшо Педунь рыжим стал» в номинации «Лучшее драматическое произведение»; **Сергей Матвеев**, автор сборника стихов «Инсьор пёртмаськонъёс» («Космические мистерии») в номинации «Лучшее поэтическое произведение»; **Римма Лаптева (Игнатъева)**, автор повести «Оксилэн сюлмаськонъёсыз» («Ксюшины заботы») в номинации «Лучшее литературное произведение для детей и юношества». **В 2014 г.** – **Василий Ванюшев**, автор поэмы «Удмурт Выжы Книга» («Как будто Книга бытия») в номинации «Лучшее поэтическое произведение»; **Анатолий Григорьев**, автор пьесы «Эмезь кисьмаку» («Малиновая пора») в номинации «Лучшее драматическое произведение»; **Вениамин Ившин**, автор кни-

ет и других к активизации творчества, поскольку и писатели, и критики увидели, что их труд затребован. Библиотеки республики организовали и провели немало встреч писателей и критиков с детьми, особенно – во время летних школьных лагерей.

Литература, как известно, один из видов искусства. А искусство, как и наука, один из способов познания действительности. Это – общее между ними. Особенное – в средствах познания. Наука не терпит субъективности. Искусство насковзь субъективно. И музыка, и живопись, и танец, и, конечно, словесное искусство отображают мир в этическом, эстетическом, философском преломлении создателей.

Поскольку сам предмет анализа (произведения литературы и других видов искусства) – явление субъективного характера, то и трактовка их допускает элементы субъективного взгляда на него со стороны критиков, литературоведов, искусствоведов. Элементы своего, личного подхода к явлениям удмуртской литературы, по всей вероятности, проявятся и в данном сообщении.

История удмуртской литературы обнаруживает в себе волнообразные скачки развития. Вслед за первыми оригинальными стихотворными строками на удмуртском языке, появившимися в печати в 1769 г. в Санкт-Петербурге и в 1789 г. в Москве¹, первая, довольно заметная волна проявила себя в конце XIX в. на первых порах в жанрово нерасчлененных, синкретических произведениях удмуртского Краевода с большой буквы, первого удмуртского ученого и писателя Григория Егоровича Верещагина.

ги «Пуньы буясь коньы» («Белка, раскрашивающая ложечки») в номинации «Лучшее литературное произведение для детей и юношества»; **Галина Пронина**, автор повести «Самоволка» в номинации «Лучшее литературно-художественное произведение». **В 2015 г.** – **Василий Ушаков**, автор пьесы «Нюлэс ныл» («Лесная девушка») в номинации «Лучшее драматическое произведение»; **Галина Романова**, автор книги «Шунды-мумы» («Гора моя великая») в номинации «Лучшее литературно-художественное произведение»; **Алексей Арзамазов**, автор книги «Быдэс» («Совершенный») в номинации «Лучшее поэтическое произведение»; **Алексей Ельцов**, автор поэтического сборника «Лобаса ми будйськом» («Летаем и растем») в номинации «Лучшее литературное произведение для детей и юношества». Премия им. З. А. Богомоловой в области литературной критики **за 2015 г.** присуждена также **Алексее Арзамазову**.

¹ См.: *Ванюшев В. М.* Пуцек-Григорович, Екатерина Вторая и первые стихотворные публикации на удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. – Ижевск, 2010. Вып. 1. С. 32–39.

Словно в первом крике только что родившегося ребенка, еще под видом народного творчества, заявила она о себе в 1889 г. в виде колыбельной песни «Чагыр, чагыр дыдыке...» = «Сизый, сизый голубочек...»¹. Впоследствии, в след за первыми произведениями Г. Е. Верещагина, в удмуртской литературе задышала и поэзия, и проза, и драматургия.

В соответствии со своим историческим временем новые волны идейно-эстетического, эмоционального осмысления происходивших изменений в обществе, наряду с другими деятелями литературы, творили такие выдающиеся удмуртские писателя, как Кузубай Герд, Кедр Митрей, Ашалчи Оки, Михаил Коновалов, Игнатий Гаврилов, Пётр Блинов, Михаил Петров, Николай Байтеряков, Флор Васильев, Михаил Федотов, и многие другие прозаики, поэты, драматурги, за каждым именем которых скрываются огромные пласты отображенной жизни и переживаний. Раскрытие не только исторических фактов их жизни и творчества, но и внутренних, структурных изменений, эстетического обогащения возможностей самого художественного творчества – задача науки о литературе. Нас же сегодня как критиков волнуют прежде всего вопросы о некотором кризисе в удмуртской литературе, наступившем в так называемый перестроечный и постперестроечный периоды современной истории, и попытки выйти из этого кризиса.

Помню, как-то в конце 1980-х годов я встретил Михаила Федотова и по-дружески спросил: «О чем пишешь?». Он прямо-таки развел руками и растерянно сказал: «Не знаю, о чем и писать!». Вскоре, в 1991 г., он выпустил свой последний прижизненный сборник стихов «Вось», название которого возможно перевести и как «Боль», и как «Моление».

В растерянности оказались, на мой взгляд, и многие другие писатели. Им, по-видимому, казалось: поскольку жизнь настолько туманна, непрозрачна, то и форма изображения ее должна быть такой же запутанной, туманной. Это, опять же на мой взгляд², особенно ярко проявилось в романе Сергея Матвеева «Чорыглэсь лушкам кылбуранъёс»

---

¹ Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Зап. Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. – СПб., 1889. Т. 14. Вып. 3. С. 44–45.

² См.: *Ванюшев В. М.* Яратисько, пе, адыамиез серем карыны... // Кенеш, 2008. № 3. – 93–99-тй б.; *Ванюшев В. М.* Вторсырьё с Запада как «абсолютно новое» для Удмуртии: (роман-бред Сергея Матвеева «Повествования, украденные у рыбы») // Литература Урала: история и современность: сб. ст. – Екатеринбург, 2008. С. 355–359.

(«Повествования, украденные от рыбы»), в котором, как автор теперь объясняет, использовал он запутанные эпизоды своих сновидений. Раздвоенность самосознания повествователя обнаруживается и в двух других (с явными намеками на автобиографичность) романах данного автора – «Шузи» («Дурачок») и «Эмезь гурезь» («Малиновая гора»).

Более диалектичным выглядит лирический герой поэтических произведений этого талантливого человека, тонко чувствующего многозначную весомость художественного слова в стихотворениях, созданных с несколько необычной строфичностью формы и поистине с космической философичностью мышления¹, в чем некоторые критики видят и новаторскую силу, и неустановившуюся зрелость поэзии данного автора. Радует то, что период эгоистического самолюбования лирического героя, обнаруживавшийся в ряде стихотворений прошлых лет, кажется, уже позади.

Заметна трансформация и в поэзии Петра Захарова, преодолевшего свои «визуальные» упражнения в стихотворениях, построенных в виде линейных лабиринтов, создающих возможность вариативного прочтения строк, включая порою неприличные для общественного звучания или оскорбительные для национального чувства коренного населения республики. Последний по счету его сборник стихов «Кыр муш» («Дикая пчела»), дошедший до читателей лишь в начале этого года, наполнен социальными мотивами побуждающего страдания по поводу вымывания из самосознания народа глубоких национально детерминированных фактов и понятий из исторического прошлого. Дикая пчела – это образ, символизирующий удмуртский народ со своим прошлым и настоящим. Характерная черта его – трудолюбие, скромность, стремление все трудности преодолеть самому, а очень часто – и лишь приспособившись к ним. Эти переживания прямо-таки кричат болью при виде того, например, как нынешние читатели рукоплещут молодому стихотворцу-удмурту, из-за незнания материнского языка творящему полязычную мешанину с претензией на выражение мирового охвата реалий культуры и будто бы любви к удмуртскому языку.

---

¹ Не вдаваясь в подробности, в рамках обзорного стиля нашего текста представим лишь такие сборники этого автора: *Сергей Матвеев*. Чурьт пус: кылбурьёс. – Ижевск, 1999; *Сергей Матвеев*. Фиолет: стихи / пер с удм. В. Емельянов. – Ижевск, 2002; *Сергей Матвеев*. Инсьёр пöртмаськоньёс: кылбурьёс. – Ижевск, 2011.

*Кин аслэсьтыз кылзэ вузаз,
пыдъёс улэ кушитіз, лёгаз?
Кин кудыяз табре нуза,
мукет кылын гагектыса?
Кин аслэсьтыз тютюоссэ
нуэ табре пеймыт бусэ?
Кин вунэтіз выжыоссэ,
анай-атай майыгъёссэ? –*

пишет поэт. В нашем подстрочном переводе эти строки звучат следующим образом:

*Кто продал свой язык,
под ноги бросил, стоптал?
Кто в своем гнезде теперь
несет яйца, гогоча на другом языке?
Кто своих птенцов
ведет теперь в темные туманы?
Кто забыл свои корни,
вешки своих родителей?*

Автор упрекает тех, кто стыдливо молчит при виде того, как родную речь подменяют иноязычной, кто вместо грудного, материнского молока подсовывает ребенку совсем не подходящее. «Скажите мне?! – вопрошает он. – Почему молчите? Почему рта не открывают? Почему прячете глаза? Кто продал? Кто стоптал? Кто бросил под ноги?».

По-своему среагировал на кризис литературы другой яркий современный удмуртский поэт, литературовед и литературный критик – Виктор Шибанов. Его знаковые образы дерева, растущего корнями вверх, или часов, стрелки которых вращаются не слева направо, как обычно, а наоборот, справа налево, тоже, по-видимому, должны были показывать, что теперь жизнь стала совсем иная и рисовать ее следует наоборот. Анатолий Перевозчиков в те же годы выпустил сборник стихов под названием «Йырчукин» («Вниз головой» или «Вверх тормашками»). «Наоборотчики» обрадовались: «В нашем полку прибыло!» Но это был голос не поддержки их, а сопротивления им, к которому те не очень-то спешили прислушиваться. С подачи прибалтийских финно-

угроведов Виктор Леонидович разрабатывал новый художественный метод в удмуртской литературе – этнофутуризм. Под его руководством студенты писали об этом явлении курсовые и дипломные работы, отдельные выдержки из которых в виде статей даже публиковали. В статьях назывались и некоторые произведения удмуртских авторов. Однако, на мой взгляд, до сих пор остаются непроясненными вопросы литературно-теоретического характера. Что идет в этих произведениях от «этно», а что от «футуризма»? Какие характерные черты присущи этому новому литературному течению, стилю? Выделяются ли этнофутуристические произведения какими-то особенностями в своей художественной речи? В идейно-эмоциональной направленности? Имеют ли они какие-то благодатные корни в истории национальной литературы? Что привнесено извне? На пользу ли? Как принимались и принимаются такие произведения читателями? Некоторые утверждают, что пора этнофутуризма прошла. Возможно, это и так. Тем не менее, эти вопросы не лишни по сей день. Увлечение этнофутуризмом, в частности В. Л. Шибановым и идущими вслед за ним, налицо. Оно должно быть изучено, осмыслено. Хотя, по мнению многих литературоведов, он так и не смог убедительно связать свою теорию с современной литературно-творческой практикой. Его собственные сборники стихотворений «Бертйсько Уйшоре» («В полночь домой возвращаюсь»), «Õс» («Дверь»), увидевшие свет в перестроечные и постперестроечные годы, заметно отличались от творчества прежних авторов, «соцреалистически ослеплявших» читателя, но вряд ли тоже могли служить подтверждением «полноводного» развития этнофутуризма. Автор данных строк склонен согласиться с мнением критика Александра Шкляева, утверждающего, что этнофутуризм в том проявлении, как его толковали теоретики, дал заметные плоды в изобразительном искусстве, в частности, в создании государственной символики – Герба и Флага Удмуртской Республики Ю. Н. Лобановым и в его перформансе. В литературе, возможно, он нашел частичное воплощение в пробудившемся в последние годы в удмуртском «эпосостроении»¹. Может быть, не все потенции его еще

---

¹ В начале нашего тысячелетия до удмуртского читателя дошел ряд авторских сочинений, построенных по типу «Калевалы» Э. Лённрота, на материалах национальных эпических сказаний: Худяков М. Г. Дорвыжы: удмурт батырлыко эпос / зуч кылысь

исчерпаны? Или даже проявившиеся еще не все увидены? С этой точки зрения автор данных строк обратил бы особое внимание на названный уже сборник П. Захарова «Кыр муш» и, конечно, сборники стихов самого В. Шибанова.

В преодолении жанрово-тематического кризиса заметное место заняли произведения, основанные на реальных человеческих судьбах. Таковы повесть Генриха Перевощикова «Узы сяськаяськон вакытэ» («В пору цветения земляники»), созданная на примере борьбы за жизнь собственной дочери автора, и повесть Егора Загребина «Яратонэ мынам, вожанэ» («Любовь моя, ревность моя»), основанная на истории жизни и трагической гибели талантливой удмуртской артистки Анны Колесниковой и искусно выстроенная в русле детективного сюжета.

Современный читатель тянется к произведениям, написанным на основе реальных событий, взвешивая в них документальную основу и философское осмысление фактов. К таковым я бы отнес, например, научно-документальный очерк «Трофим Борисов» доктора исторических наук Н. П. Павлова, насыщенный богатым ссылочным аппаратом на архивные источники, но, благодаря неожиданным жизненным перипетиям в нелегкой судьбе предельно честного перед собой и перед своим народом главного героя сочинения и неотступной установке отображения жизненной правды его автором, читающийся почти как детектив. О Трофиме Кузьмиче Борисове в последние годы написано немало. Но равного труду Н. П. Павлова пока нет. По нему возможно выверять всё остальное.

Ваш покорный слуга, уважаемые коллеги, с истинным наслаждением читал и совсем еще недавно изданную книгу «Монолог в диалоге» члена Союза писателей РФ, доктора исторических наук, профессора В. Е. Владыкина, созданную совместно с молодым ученым и писателем Алексеем Арзамазовым при участии третьего научного работника – автора многочисленных фольклористических изданий, доктора филологических наук, профессора Т. Г. Владыкиной. В книге упоминается

эркын берыктӱз Воръявай Василей (В. М. Ванюшев). – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004; *Перевозчиков А. К.* Донды батыр, солэн пиосыз но Уйпери сярсы кузьмадӱс-кырзан: – Ижевск: Удмуртия, 2006; *Эграпи Гавир Микаль (Атаманов М. Г.)*. Тангыра: кузьмадӱс. Ижевск: Удмуртия, 2008.

знаменитое произведение мировой классики – «Разговор Эккермана с Гёте». Названный выше труд удмуртских интеллектуалов и сам по стилю, философской манерой рассуждений напоминает то великое сочинение. В нем немало точных наблюдений и обобщающих мыслей по поводу традиций, обрядов, жизнеповедения удмуртов, изложенных, казалось бы, очень просто, в форме разговора, а также небольших историй, случившихся с первым из авторов и изложенных им лапидарным словом доброго юмора.

В этом ряду допускаю возможным назвать и книгу воспоминаний о деятелях литературы и других видов искусства Удмуртии, рецензий и обзоров «Арысь аре» («Из года в год») писателя и журналиста, кандидата филологических наук А. Г. Шкляева, а также поэму «Удмурт Выжы Книга. Иднакарын» (в переводе на русский язык Анатолием Демьяновым – «Как будто Книга бытия. На Иднакаре») автора данных строк, созданную на основе художественной интерпретации удмуртской мифологии, увязывая ее с образным миром богатой коллекции археологической экспедиций, собранной во время многочисленных раскопок на прославленном древне-удмуртском городище под руководством доктора исторических наук, профессора М. Г. Ивановой. Так что можем смело утверждать: в созидании и обогащении удмуртской художественной словесности активно участвуют и наши ученые – историки и филологи. Оба типа познания действительности, и наука, и искусство, следовательно, могут работать и рука об руку.

Среди волнующих сегодня проблем невозможно обойти отсутствие квалифицированных переводчиков с удмуртского языка на русский. Многие даже из названных выше произведений удмуртских авторов не доступны для большей части жителей Удмуртии из-за языковых барьеров. Следовательно, поэзия и проза многих писателей Удмуртии, являющиеся поистине достоянием республики, для этих читателей как будто и не существует. В нашей республике давно уже нет людей, способных переводить с удмуртского оригинала на русский язык. С ностальгией вспоминаешь теперь прекрасные переводы поэзии Степана Широбокова, Михаила Петрова, выполненные с оригинала русским поэтом, уроженцем Ижевска Владимиром Семакиным. Писателям, желающим сделать общедоступными свои произведения даже в пределах республики, приходится затрачивать особые усилия для создания подстрочников. Не помогает теперь и это. В качестве активного пере-

водчика поэзии с удмуртского на русский нынче приходится называть лишь Анатолия Демьянова. В советские времена обходились и без своих переводчиков. Помогал Литературный фонд страны, поддерживаемый государственной политикой. Благодаря этому поэзия Флора Васильева, например, в полный голос зазвучала на всю страну. Геннадий Красильников, писавший на удмуртском языке, в прозе добился такого же успеха благодаря тому, что сам равнозначно переводил свои произведения на русский язык.

Радостно: руководящие органы обратили свои взоры в сторону словесной культуры Удмуртии. Для улучшения состояния дел, возможно, стоит учредить ежегодную премию и в области художественного перевода?

Шансы на генерацию новой плодотворной волны развития удмуртской литературы вполне реальные. Сейчас много молодых авторов пробует свой голос в художественном осмыслении происходящего. Наш жанр беглого обзора не позволяет подробно анализировать состояние дел в этой очень важной сфере культуры республики. Она заслуживает особого исследовательского интереса. Однако не могу, уважаемые коллеги, не обратить ваше внимание на совсем недавний факт презентации первой поэтической книги юной Анастасии Шумиловой «Дыр-эктон», название которой звучит амбивалентно – и как «Пляска времени», и как «Вздрагивание». Автор видит современный мир исключительно метафорически, в ожидании доброты в рамках тревожных переживаний.

Необходима поддержка и помощь молодым авторам в виде их публикаций, школ и семинаров, обсуждений, в том числе и печатных. Заслуживает одобрения практика редакции газеты «Удмурт дунне» в плане культивирования домашнего чтения путем републикаций произведений, созданных в прошлые годы и оставшихся в доброй памяти старших поколений. Редакцией той же газеты учреждены специальные литературные выпуски «ИнГОЖ». Недавно она объявила, что создала литературную студию под таким же названием. Пожелаем ей удачи! Литературная студия, имеющая собственную площадку для публикаций, обречена на успех. В составе редакции уже сейчас немало готовых квалифицированных писателей. Это также является определенной гарантией успешной работы по подготовке новых литературных кадров.

* * *

Наша книга была уже сверстана, когда, будто вдогонку представленному в ней материалу, произошло приятное событие: под названием «Ингож» вышел сборник произведений более двадцати молодых удмуртских авторов (Ингож. Егит авторъёслэн произведениосынызы бичет / дасязы М. Векшина, З. Рябинина, Л. Малых. – Ижкар, 2016. – 112 б.), привлёкший наше заинтересованное внимание. Вот как она открывается.

Вместо предисловия

В наших руках весьма своеобразная книга – работы современных молодых удмуртских авторов. Подобных альманахов не выходило уже давно. Да и вся художественная литература в 1990-е годы впала в ступор – людям было не до чтения.

Удмуртская газета с момента создания уделяла литературе большое внимание. В 1919 году редактор газеты «Гудыри» Трокай Борисов и Кузебай Герд создали первую литературную студию в Сарапуле. Далее работой литературного объединения в разное время руководили Кедр Митрей, М. Петров, А. Лужанин, Т. Шмаков, В. Ширококов, Ф. Васильев, С. Самсонов... Через газету прошли все известные удмуртские писатели. Литобъединение особенно активно работало в 1950-е годы. Его занятия посещали и студенты пединститута, и труженики заводов. И в 1970–1980-е годы литобъединение притягивало много молодежи. Кто-то здесь написал свои первые строки, кто-то окреп творчески. С началом перестройки эта работа поутихла. Однако газета всегда выпускала литературные страницы, обсуждались проблемы развития литературы и культуры, публиковались стихотворения, рассказы, отрывки из романов и повестей. Но этого было недостаточно для читателей.

В 2012 году создан ежемесячный выпуск «Ингож». Газета заметно обогатилась новыми авторами. Они чаще стали заходить в редакцию. Так возникла мысль о воссоздании объединения. Теперь при редакции газеты «Удмурт дунне» работает литературная студия «Ингож». Во время встреч начинающие писатели читают свои произведения, обсуждают работы коллег. На встречи приглашаются писатели и литературоведы. В этом году оттачивать свои умения студийцы смогли во время семинара, проведенного редакцией газеты «Удмурт дунне» и молодежным объединением «Шунды» при поддержке Министерства национальной политики. Большинство опубликованных в альманахе произведений созданы во время работы семинара.

Альманах состоит из четырех разделов: поэзия, проза, драматургия и критика. Имена некоторых авторов уже известны удмуртскому читателю (например, Дарали Лели, Богдан Анфиногенов, Анастасия Шумилова уже имеют отдельные сборники), другие делают еще только первые шаги. Альманах тем и интересен. Сейчас никто не скажет, сколько из них станут настоящими поэтами-писателями. Известно одно: в литературу приходит новая волна – уверенная, умная, умеющая ценить себя и такая же любящая: человека, свой народ, свой край, мироздание...

Зинаида Рябинина,
главный редактор газеты «Удмурт дунне»

Итак, значит, продолжение следует.

11. ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

Аверин И.	228, 231
Айтматов Ч.	218
Айтуганова Л.	318
Акмулла М.	62
Алатырев В.	15, 37
Алашеев В.	305
Алёшкин А.	56
Андрюша (Чайников А.)	237, 319
Анненский Н.	173, 192
Анфиногенов Б.	450
Арзамазов А.	441, 446,
Атаманов М. (Эграпи Гавир Микаль)	6, 17, 22, 23, 24, 37, 446
Афанасьев А.	108, 109, 125
Ахматова А.	335, 354
Ашалъчи О. <i>Ashalchi O.</i>	37, 60, 207, 208, 210, 211, 212, 213, 215, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 261, 312, 338, 342, 351, 358, 363, 365, 442
Бадретдинова Л.	344, 348
Байтерьяков Н.	217, 261, 279, 280, 287, 290, 291, 442
Балашов Э.	248, 261, 266, 271, 273, 277, 294, 296
Баранов А.	162, 163, 164, 165, 168, 169, 171, 172, 173, 174, 175, 180, 183, 184, 187, 190, 196, 199
Бассель Н.	54, 57
Батуев Э.	341
Белоногов А.	261, 346, 351
Белых С.	6, 37
Беляев В.	56
Беренгартен М.	137
Бикмухаметов Р.	200, 213, 221
Бичурин И.	21
Блажес В.	6, 39
Блинов Н.	172, 174, 175
Блинов П.	215, 442
Богомолова З.	200, 220, 224, 248, 441
Бойкова Е.	10, 37

¹ Латиницей и курсивом набраны имена персон, встречающиеся в текстах на англ. яз.

- Борисов Т. 10, 37, 146, 149, 211, 244, 446, 450
Бор-Раменский Д. 220
Бояринов В. 386
Брюсов В. 234, 335
Буня М. 169, 176, 193, 196
Буслаев Ф. 50
Ваганьян В. 213
Валишин Р. 218, 332, 333
Ванюшев (Ворьявай) В. *Vanyushev V.* 5, 20, 23, 28, 34, 36, 37, 39, 48, 55, 56, 57, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 100, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 125, 132, 158, 160, 161, 168, 169, 196, 197, 221, 227, 279, 306, 374, 397, 437, 439, 440, 441, 442, 446
Васин К. 54
Васюкин Т. 170, 171
Вахитов Л. 197
Векшина М. 449
Верещагин Г. *Vereschagin G.* 10, 34, 36, 37, 38, 61, 62, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 119, 120, 122, 123, 124, 125, 126, 132, 133, 134, 136, 137, 138, 139, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 167, 168, 169, 171, 184, 187, 189, 190, 194, 197, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 222, 358, 441, 442
Верещагин И. *Vereschagin I.* 137, 140
Верещагин М. 137
Верещагин Н. *Vereschaagin N.* 137, 138, 140
Верещагина Е. 141
Верещагина В. 141
Верещагина М. 139, 140, 142
Верещагины 151
Веселовский А. 50
Виноградов В. 335, 336, 337, 351
Винокур Б. О. 336
Владимиров Е. 54
Владыкин В. *Vladykin V.* 6, 17, 38, 84, 93, 96, 107, 203, 446
Владыкина (Перевозчикова) Т. *Vladykina T.* 6, 8, 9, 10, 11, 14, 15, 37, 38, 39, 97, 154, 155, 159, 161, 446,
Власенко А. 200
Волков А. 222
Вотяков И. 19
Вяземский А. 29
Гаврилов И. 193, 215, 261, 280, 303, 442

Гей Н.	338, 351
Георги И.	17, 38, 39
Герд К. <i>Gerd K.</i>	37, 60, 63, 64, 65, 68, 78, 81, 82, 83, 132, 133, 146, 147, 154, 202, 203, 205, 206, 207, 208, 210, 211, 212, 215, 217, 227, 229, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 261, 303, 309, 337, 338, 351, 358, 363, 368, 372, 442, 450
Гёте И.	48, 49, 55, 447
Гидаш А.	83
Гинзбург Л.	336, 339, 351
Гиппиус Е., Эвальд З.	236, 279
Глезденёв П.	59
Гмелин И.	22
Гоголь Н.	136
Голдина Р.	39, 41, 42
Голубков Д.	67, 78
Голубкова А.	224
Горький А.	37, 55, 56, 94, 213, 214, 234, 257
Григорьев А.	440
Гримм В., Я. (братья)	109, 110, 111, 112, 116, 117, 120, 126
Гришкина М.	6, 7, 17, 19, 20, 21, 23, 37, 38
Гумеров М.	20
Гусев В.	369
Гусейнов Ч.	200
Даль В.	149
Дарали Л.	450
Даулей Р.	59
Дементьев В.	200
Дёмин В.	54, 56
Демьянов А.	220, 224, 373, 397, 447, 448
Джусойты Н.	202
Дмитриев В.	21, 22, 39
Дмитриева А.	203
Долганова Л.	37, 39, 42
Долгина Н.	373
Домокош П. <i>Domokos P.</i>	52, 53, 54, 56, 63, 92, 94, 155, 156, 157, 159, 161, 244, 246, 262, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 372
Дорофеев З.	59, 63, 65, 68, 78, 81, 82
Дрыжакова Е.	338, 351
Дрягин М.	163, 164, 171, 174, 183, 184, 189, 190, 194
Дюришин Д.	57, 60, 61
Дядюков И.	207
Евсевьев М.	61, 62
Екатерина Вторая	22, 24, 25, 26, 27, 29, 33, 37, 39, 42, 43, 85, 92, 441

Ёлкин П.	197
Ельцов А.	441,
Емельянов В.	220, 224, 286, 443
Емельянов Л.	50, 55
Ерёмин В.	247, 253, 259
Ермаков Ф.	54, 55, 56, 180, 181, 200, 239, 246
Ермокина Н.	185
Ермолаев А.	200, 242, 244, 245, 246, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 306, 336, 348, 351, 439
Жаков К.	61
Желанский А.	109, 120, 126
Жигулин А.	261
Жирмунский В.	335, 336
Жирнов О.	163, 171, 184
Загребин А. <i>Zagrebina A.</i>	17, 39, 84, 93, 96, 107, 186, 279
Загребин Е.	309, 310, 440, 446
Зайцева И. <i>Zajtseva I.</i>	94, 98, 108
Зайцева Т.	318
Захаров П.	344, 346, 351, 440, 443, 446
Зеленина Т.	364, 372
Зорин Д.	181
Зуева (Измайлова) А. <i>Izmailova A.</i>	56, 92, 94, 104, 105, 200, 214, 221
Зыкина Т.	94, 132
Ибнеева Г.	24, 25, 26, 27, 33, 35, 39
Иванов Б.	20, 21
Иванов Д.	20
Иванов Константин	58, 62, 63, 65, 67, 81, 82
Иванов Козьма	20
Иванов Н.	26, 28
Иванов С.	20
Иванова М.	37, 39, 41, 42, 374, 375, 376, 447
Иванцов Г.	220, 289
Ившин В.	440
Ильин М.	37
Ильминский Н.	26, 27, 39, 58, 59, 60, 144
Ипатов С.	60
Каньоли С.	371
Карабчевский Н.	174, 184, 193, 194, 199
Карамзин Н.	7, 40
Карим М.	261, 276
Карпов А.	10, 40
Кедра Митрей (Корепанов Д.)	37, 59, 132, 133, 202, 205, 208, 215, 221, 303, 358, 442, 450
Кедров Ф.	215, 280, 284, 285, 286

Кельдебин (свящ.)	142
Кельмаков В.	6, 40
Кёпеци Б.	52
Климов К.	263, 264, 279
Кожевникова В.	346, 351
Кокорин М.	223
Коларз В.	368
Колесникова Л.	337, 351
Кольцов А.	206
Конешин Я.	170, 171
Кони А.	174, 180
Коновалов М.	214, 215, 442
Копысова Е.	224, 373
Короленко В. <i>Korolenko V.</i>	89, 94, 162, 163, 164, 165, 168, 169, 171, 172, 143, 174, 175, 176, 177, 178, 180, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 223
Короленко Е.	168
Короленко И.	194
Корсаков Д.	42
Космина А.	86
Кралина Н.	220, 224, 245, 246
Красильников А.	17, 40
Красильников Г.	132, 203, 217, 218, 247, 248, 249, 250, 251, 253, 256, 257, 258, 259, 260, 307, 333, 448
Красников П.	184
Краснов А.	83
Краснова Т.	28, 40
Кротов З.	17, 40
Крупская Н.	213
Кувшинова Р.	235, 237
Кузнецов В.	181
Кузнецов С.	168, 174, 180, 192, 193
Кузнецова А.	341
Кузовлева Т.	261, 292
Куклина Е. <i>Kuklina E.</i>	88, 94, 100, 105, 158, 161
Кулиев К.	261
Куликов К.	38, 40, 41, 203
Куратов И.	60, 61, 62, 63, 64, 65, 67, 72, 78, 81, 82
Лаптева (Игнатьева) Р.	440
Ларин Б.	336
Лебедев-Кумач В.	280
Левик В.	65, 67, 71
Ленин В.	208, 209, 221, 367

Лённрот Э.	445
Лихова Н.	265
Лобанов Ю.	445
Ломидзе Г.	200
Ломоносов М.	18, 35, 36, 39, 60, 84, 305, 364
Лотман Ю.	336, 337, 351
Лошкарева М.	194
Лужанин А.	450
Луппов П.	175
Майер В.	15, 40
Майоров Д.	207
Макарова Е.	334
Малых Л.	449
Мамаев (свящ.)	142, 143
Мандельштам О.	335
Мария Прокопьевна	353
Маркс К.	49, 55, 197
Маргынов Л.	64, 66, 72, 74, 75, 76, 77, 80
Маргынова Р.	236
Матвеев С.	341, 440, 442, 443
Матюнин К.	170, 172, 182, 184, 187, 188, 189
Медведев Г.	214, 215
Мельникова О.	39, 41, 42
Мессершмидт Д.	6, 17, 41
Миллер Г.	17, 22, 39, 40, 41
Миллер О.	50
Миримский И.	75
Михайлов С.	61, 131
Михеев И.	37, 59, 60, 62, 202, 203, 204, 205, 206
Могилин М.	18, 41
Можгин М.	37, 202, 206
Моро Ж.-Л.	53, 361, 364, 365, 366, 368, 369, 370, 371, 372
Мункачи Б. <i>Munkáchi B.</i>	87, 92, 94, 104, 105, 203, 221, 364
Мустаев А.	199
Мышкин М.	18
Наговицын И.	146, 211, 236, 237
Надежда Антоновна	235, 237
Назарова А.	232
Напольских В.	6, 17, 37, 41
Насибуллин Р.	153
Недзвецкая В.	237
Нуриева И.	10, 41
Оскоцкий В.	200

Останина Т.	41
Павлов Н.	446
Паллас П.	17
Пантелеева В.	301, 337, 351
Панфилова (Миннигараева) Е.	351, 353
Пархоменко М.	200
Пастернак Б.	66, 78
Патенко Ф.	168, 174
Пахомов Ю.	195, 196
Пахомова М.	54
Пахорукова В.	54
Первухин Н.	193
Перевозчиков А.	444
Петефи Ш.	62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83
Петров М. <i>Petrov M.</i>	169, 175, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 197, 203, 212, 213, 216, 261, 279, 280, 281, 283, 284, 285, 286, 287, 325, 326, 363, 442, 447, 450
Поздеев П.	20, 28, 34, 37, 55, 57, 126, 245
Покчи-Петров М. <i>Pokchi-Petrov M.</i>	216, 303
Поппе И.	144
Поскрёбышев О.	219, 220, 261, 277, 280, 290
Пошатаева А.	54
Пригодий М.	221
Приказчикова Ю.	11
Прокопович Ф.	35, 36
Прокопьев Максим	59, 202, 206
Прокопьев Михаил	202, 206
Пронина Г.	441
Пугачев Е.	20, 34, 35, 214, 381
Пузанов В.	279
Пуцек-Григорович В.	17, 22, 23, 24, 26, 28, 29, 33, 36, 37, 40, 43, 58, 60, 92, 201, 441
Пушкин А.	85, 88, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 116, 117, 120, 122, 123, 124, 125, 126, 136, 158, 160, 205, 206
Пчеловодова И.	11, 41
Радищев А.	19, 41
Раевский Н.	164, 170, 171, 174, 175, 181, 194, 198, 199
Роднянская И.	348, 351
Рожанский Е.	36
Романов В.	324, 333
Романова Е.	198
Рунге Ф.	109
Рычков Н.	17, 42

Рябинина Э.	449, 450
Сабитов Г. <i>Sabitov G.</i>	303, 313
Савельев В.	220, 272, 274, 293
Салтыков-Щедрин М.	205
Самсонов К.	181
Самсонов С.	217, 307, 333, 450
Сандырев С.	19, 20
Сахарных Д.	152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161
Семакин В.	220, 281, 282, 284, 447
Семёнов И.	310
Семёнов-Руднев (Дамаскин) Д.	36
Сенилов А.	197
Сергеев В.	318, 319, 321, 323, 324, 333
Серпин Я.	261, 268
Симонов К.	216, 287
Смирнов И.	89, 163, 164, 165, 168, 174, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196
Смольников А.	64, 65, 68, 78
Соболевский В.	173
Созина Е.	6, 39
Солодянкин М.	198, 199
Стародубцева С.	42
Страленберг Ф.	17
Сулейманов А.	20
Сурков А.	216
Суровцев Ю.	200
Суходоев В.	162, 164, 169, 173, 174, 180, 184, 187, 190, 196
Татищев В.	21
Тепляшина Т.	27, 28, 31, 32, 34, 40, 41, 42, 43
Тишков С.	227
Толстой Л.	90, 136, 137, 206, 338
Томашевский В.	335
Тукаев И.	126, 158, 161
Тукай Г.	62
Тулуз Е.	371
Тынянов Ю.	336, 348, 351
Уваров А. <i>Uvarov A.</i>	20, 28, 34, 37, 55, 57, 92, 94, 104, 105, 106, 133, 200, 221
Укачин Б.	261
Уланд Л.	64
Ухсай Я.	261
Ушинский К.	206
Фёдоров М.	58
Фёдорова Л.	246

Федотов М.	336, 351, 442
Хайду П.	53, 361
Ходырева М.	10, 42
Храмов Е.	261, 295
Храпченко М.	336
Христоробова Л.	6, 17, 38
Чавайн С.	59, 60, 62, 63, 68, 79, 81, 82, 83, 238
Черапкин Н.	54
Чернов П.	304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 364, 365, 366, 438, 439
Чернова В.	264, 310, 365
Чернова Т.	339, 340, 341, 344, 351
Черных Е.	42
Чуковский Н.	69, 73, 74, 256
Чуракова Р.	10, 11, 42
Шевяков Ф.	198
Шибанов В.	333, 341, 444, 445, 446
Широбоков В.	450
Широбоков С.	216, 280, 284, 287, 447
Широбокова И.	198
Шкляев А.	28, 40, 56, 153, 200, 445, 447
Шкляев Г.	200
Шкляев И.	202, 206
Шмаков Т.	216, 450
Шумилов Е. <i>Shumilov E.</i>	84, 94, 95, 96, 105, 106, 160, 176
Шумилова А.	448, 450
Щерба Л.	336
Эккерман И.	48, 55, 447
Энгельс Ф.	49, 55
Юсуфов Р. <i>Jusufov R.</i>	36, 42, 57, 92, 94, 317
Якименко Л.	249
Якобсон Р.	335
Яковлев И. Я. <i>Yakovlev I.</i>	60, 62, 195, 206
Яковлев И. В.	37, 59, 60, 202, 204, 206
Яшин Д.	14
<i>Akmulla M.</i>	95
<i>Atnabaeva N.</i>	312, 317
<i>Kuratov I.</i>	83, 312
<i>Lytkin G.</i>	95
<i>Nasyri Q.</i>	95
<i>Peganova T.</i>	98, 105
<i>Tamarchenko N.</i>	313, 317
<i>Vaisanen A.</i>	10
<i>Vikulova V.</i>	316, 317

Научное и литературно-художественное издание

Василий Михайлович Ванюшев

ВЯЗЬ ИДЕЙ, ВРЕМЁН, СОБЫТИЙ

избранные труды

Печатается по решению ученого совета
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН

Оригинал-макет и дизайн обложки И. В. Широковой

В авторской редакции

Подписано в печать 11.10.2016.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 26,73. Уч.-изд. л. 24,76.
Тираж 300 экз. **Заказ № .....**

Штрих-код

Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук
426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4.
Тел. (3412) 68-52-94 Факс (3412) 68-39-94 <http://udnii.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АНО «Ижевский институт компьютерных исследований»
426034, г. Ижевск, ул. Кооперативная, д. 5.
E-mail: mail@ics.org.ru Тел./факс: +7 (3412) 50-02-95

